

821.161.2
K443

кожесу тетради! з/м/у -592

Леонид
Киселев

Над
київськими
тетрадами

ЛЕОНІД
КИСЕЛЬЦЬОВ

Над
київськими
зошитами

Вин

/вірші/проза/переклади/нотатки/листи/фото/

Лавік
ВІДДАВІЛЬСТВО
вал

Леонид
Киселев

ЛЕОНІД
КИСЕЛЬОВ

Над
київськими
зошитами

Над
києвськими
тетрадами

Наукова бібліотека
Національного університету
«Києво-Могилянська
академія»

Видавництво
«Ярослав Вал»
2013

Кисельов, Леонід.

К44 Над кийвськими зошитами (вірші, проза, переклади, нотатки, листи, фото) / передм., упорядкув. С. Кисельов . – К.: Ярославів Вал, 2013. – 720 с.: іл.

ISBN 978-617-605-019-3

Леонід Кисельов – не тільки видатний поет, що назавжди залишився молодим і поет передовсім для молодих.

Він – одна з кийвських легенд, у якій живе час і повчальний зміст.

А ще – Кисельов, безперечно, «найкйвськйший» поет із усіх, кого ми знаємо.

ББК 84.4УКР6

Видавнича рада:

Віктор Баранов, голова НСПУ, головний редактор журналу «Кйїв»; **Михайло Ватуляк**, голова Асоціації видавців і книгорозповсюджувачів Львівщини; **Сергій Грабар**, письменник; **Григорій Гусейнов**, головний редактор журналу «Кур'єр Кривбасу», лауреат Шевченківської премії; **Дмитро Іванов**, головний редактор газети «Гарт» (Чернігів), лауреат Шевченківської премії; **Володимир Загорій**, президент Ліги українських меценатів; **Світлана Короненко**, заступник директора каналу «Культура» Національної радіокомпанії України; **Іван Корсак**, головний редактор газети та радіо «Сім'я і дім» (Луцьк); **Василь Простопчук**, головний редактор газети «Віче-інформ» (Луцьк); **Михайло Слабошпицький**, директор видавництва; **Павло Щириця**, головний редактор видавництва.

Книга видана коштом Ліги українських меценатів (президент – Володимир Загорій)

Всі права застережено. Жодна частина цього твору не може бути використана чи відтворена без письмового дозволу видавництва.

© Леонід Кисельов, тексти, 2013

© Сергій Кисельов, передмова, упорядкування, 2013

© Сергій Тарасенко, обкладинка, макет, 2013

© Марина Туровська, малюнок на форзаці, 2013

© Видавництво «Ярославів Вал», 2013

**«У молодших сучасників найбільше
ціную Василя Голобородька.
Потім – Вінграновського.
І, звичайно, Леоніда Кисельова».**

*Василь СТУС
«Двоє слів читачеві»
Брюссель, 1970*

Доля великого поета Леоніда Кисельова трагічна, як трагічні долі багатьох інших великих поетів. Лауреат премії імені Павла Тичини «Чуття єдиної родини» (помертно, 1992р.), член Спілки письменників України (помертно, 1990р.) Леонід Кисельов народився 21 вересня 1946 року у письменницькій родині. А помер він від лейкемії (рак крові) у 22 роки, в ніч з 18 на 19 жовтня 1968-го.

Леонід Кисельов писав вірші лише протягом 11 років – з 11-ти до 22-х. Починав як російський поет, і його поезії увійшли до антології російської поезії. А останні два роки життя писав вірші українською мовою. Й вони увійшли до антології поезії української.

Твори Леоніда Кисельова позначені не лише печаттю справжнього таланту, а й гострим соціальним зором. Це зрозумів свого часу і російський поет Олександр Твардовський, якому вірші десятикласника Леоніда Кисельова передав із Києва Віктор Некрасов. Ці поезії були опубліковані на шпальтах часопису «Новый мир», що його Олександр Твардовський редагував.

Поезії Леоніда Кисельова окремими збірками виходили в Україні тричі – «Стихи Вірші», «Молодь», Київ, 1970, «Последняя песня Остання пісня», «Молодь», Київ, 1979, «Тільки двічі живемо», «Дніпро», Київ, 1991. Цей двотомник до певної міри можна вважати повним зібранням творів Леоніда Кисельова. Чи не третина того, що до нього увійшло, друкується вперше й позначено ***. Те, що в рукописах зіпсовано або не дописано (та зрону-

Судьба великого поета Леоніда Киселева трагічна, як трагічні судьби многих других великих поэтов. Лауреат премии имени Павла Тычины «Чуття єдиної родини» (помертно, в 1992 г.), член Союза писателей Украины (помертно, в 1990 г.) Леонид Киселев родился 21 сентября 1946 года в писательской семье. А умер он от лейкемии (рак крови) в ночь с 18 на 19 октября 1968-го.

Леонид Киселев писал стихи лишь в течение 11 лет – с 11-ти до 22-х. Начиная как русский поэт, и его стихи вошли в антологию русской поэзии. А последние два года жизни писал стихи на украинском языке. И они вошли в антологию поэзии украинской.

Произведения Леонид Киселева обозначены не только печатью настоящего таланта, но и острым социальным зрением. Это понял в свое время и русский поэт Александр Твардовский, которому стихи десятиклассника Леонид Киселева передал из Киева Виктор Некрасов. Эти стихи были опубликованы на страницах журнала «Новый мир», который Александр Твардовский редактировал.

Стихи Леонид Киселева отдельными сборниками выходили в Украине трижды – «Стихи Вірші», «Молодь», Киев, 1970, «Последняя песня Остання пісня», «Молодь», Киев, 1979, «Тільки двічі живемо», «Дніпро», Киев, 1991. Этот двухтомник в известной степени можно считать полным собранием сочинений Леонид Киселева. Едва ли не треть того, что в него вошло, печатается впервые и обозначено***. То, что в рукописах испорчено или не дописано (но понятно, или же можно догадаться, о чем идет

міло, чи можна здогадатися, про що йдеться) і «відреставроване» упорядником, взято в квадратні дужки: []. У таких же квадратних дужках стоять і деякі дати написання віршів, якщо вони точно невідомі. Коли ж відновити пропущене неможливо, це позначене як [...].

У двотомнику – поетичні та прозові твори Леоніда Кисельова (1957–1968рр.), написані українською і російською мовами, його щоденники, деякі листи, спогади про поета, статті про його творчість, бібліографічний покажчик, примітки, а також фотографії із сімейного альбому – практично всі вони друкуються вперше.

Окрім цього, до двотомника доданий CD-диск. У родині Кисельових збереглося три аудіозаписи з голосом Леоніда Кисельова. Перший був зроблений, вочевидь, професійно на українському радіо – десь між 1963 і 1965 роками. В усякому разі, зберігався він в 70-ті роки минулого століття саме в фонотеці тодішнього Держтелерадіо.

Другий аудіозапис – любительський. Зроблений під час літературної вечірки в помешканні у письменника Юрія Щербака, з яким Леонід Кисельов дружив. Скоріш за все, це відбувалося 1967-го або 1968-го року. Саме Юрій Щербак передує читанню віршів Леонідом Кисельовим, оголошуючи в мікрофон ім'я автора. Запис цей закінчується останньою строфою поеми «Осип Мандельштам»:

*Поэты умирают в небесах.
И я шепчу разбитыми губами:
Не верьте слухам, жил в помойной яме,
А умер, как поэты, в небесах.*

речь) и «отреставрировано» составителем, заключено в квадратные скобки: []. В таких же квадратных скобках стоят и некоторые даты написания стихов, если они точно неизвестны. Когда же возобновить пропущенное невозможно, это обозначено как [...].

В двухтомнике – поэтические и прозаические произведения Леонида Киселева (1957–1968 гг.), написанные на украинском и на русском языках, его дневники, некоторые письма, воспоминания о поэте, статьи о его творчестве, библиографический указатель, примечания, а также фотографии из семейного альбома – практически все они печатаются впервые.

Кроме этого, к двухтомнику добавлен CD-диск. В семье Киселевых сохранилось три аудиозаписи с голосом Леонида Киселева. Первая была сделана, по всей видимости, профессионально на украинском радио – где-то между 1963 и 1965 годами. Во всяком случае, хранилась она в 70-е годы прошлого века именно в радиодной фонотеке.

Вторая аудиозапись – любительская. Сделанная во время литературного застолья в доме у писателя Юрия Щербака, с которым Леонид Киселев дружил. Скорее всего, она относится к 1967-му или к 1968-му году. Именно Юрий Щербак предвьяет чтение стихов Леонидом Киселевым, объявляя в микрофон имя автора. Запись эта заканчивается последней строфою поэмы «Осип Мандельштам»:

*Поэты умирают в небесах.
И я шепчу разбитыми губами:
Не верьте слухам, жил в помойной яме,
А умер, как поэты, в небесах.*

І, нарешті, про третій аудіозапис. Леонід Кисельов читає поему «Песня трех апрелей», автором якої є близький друг сім'ї Кисельових, чудовий поет Рюрик Немировський (вона також друкується у двотомнику). Він помер 1991 року.

Думаю, що мій старший брат начитывав на наш домашній магнітофон «Комета» цю поему з рукопису, який дав йому Рюрик Мар'янович. Начитывав виключно для себе, як поціновувач і знавець справжньої поезії. До речі, поема «Песня трех апрелей», написана Рюриком Немировським 1941 року, на той час ніколи не друкувалася – вперше її було видано лише 2002-го. Ймовірно, цей магнітофонний запис зроблений між 1965-м – 1968-м роками.

Упорядник дозволяє передрук, копіювання та розповсюдження текстів із двотомника, звукозаписів і фотографій за умови повного збереження їх змісту (з 28 червня 2018 року – Вид.). Тобто, за умови відсутності будь-якого редагування, колажування й монтажу.

Сергій КИСЕЛЬОВ

Із запитаннями, побажаннями, пропозиціями тощо можна звертатися електронною поштою:

mahoo@i.ua (Марія Кисельова)
leonkis@mail.ru (Леонід Кисельов-молодший)

И, наконец, о третьей аудиозаписи. Леонид Киселев читает поэму «Песня трех апрелей», автором которой является близкий друг семьи Киселевых, замечательный поэт Рюрик Немировский (она также печатается в двухтомнике). Он умер в 1991 году.

Полагаю, что мой старший брат читывал на наш домашний магнитофон «Комета» эту поэму из рукописи, которую дал ему Рюрик Марьянович. Читывал исключительно для себя, как ценитель и знаток настоящей поэзии. Кстати, поэма «Песня трех апрелей», написанная Рюриком Немировским в 1941 году, на то время никогда не печаталась – впервые была издана лишь в 2002-м. По всей вероятности, данная магнитофонная запись сделана между 1965-м – 1968-м годами.

Составитель позволяет перепечатку, копирование и распространение текстов из двухтомника, звукозаписей и фотографий при условии полного сохранения их содержания (с 28 июня 2018 года – Изд.). То есть, при условии отсутствия любого редактирования, коллажирования и монтажа.

Сергей КИСЕЛЕВ

С вопросами, пожеланиями, предложениями и так далее можно обращаться по электронной почте:

mahoo@i.ua (Мария Киселева)
leonkis@mail.ru (Леонид Киселев-младший)

*Світлій пам'яті нашого батька
Володимира Леонтійовича Кисельова,
нашої матері Зої Юхимівни Генкіної
ташої двоюрідної бабусі
Олени Семенівни Зусман
присвячується*

*Светлой памяти нашего отца
Владимира Леонтьевича Киселева,
нашей мамы Зои Ефимовны Генкиной
и нашей двоюродной бабушки
Елены Семеновны Зусман
посвящается*

Зошит перший / Тетрадь первая

Поезії російською мовою
Стихи на русском языке

1957 – 1968

1957¹**ОКТАБРЬ*****

Ветер колышет знамена,
Портреты вождей несут.
Демонстрантов колонны
К трибуне идут.

Всюду радостный смех раздается,
Всюду громкие песни слышны.
Мы за мир готовы бороться.
Нам не надо войны.

Вот отряды идут пионеров.
Их призыв «Будь готов!»
Они растут в эру
Солнечных годов!

С барабанным боем
[Счастья полны...]
Они будут героями
Моей страны.

1957

СОВЕТСКОЙ АРМИИ***

Мы славим тех, кто в девятнадцатом
Четырнадцать противостал.
С штыком в руке и легким ранцем
Страну Советов отстоял.

Кто доблестно у Халкин-Гола
В бою неравном полегли,
Чтоб наши города и села
Спокойно процветать могли.

Тех, кто к победам сорок пятого
Дорогою войны шагал

И орудийными раскатами
Страну родную прославлял.

И тех, кто [...]

1957

ЛОНДОНЦАМ***

Нависла смерть над головой,
Но клич сильнее даже смерти:
Долой Макмиллана, долой...
Нет, консерваторам не верьте.

Смелый, гордый и честный народ,
Слушай голос советского брата,
Смелее вперед, смелее вперед,
Мало бутылки, бери гранату.

1957

СОВЕТСКАЯ СТРАНА МОЯ, СТРАНА***

К сорокалетней годовщине
Она встает передо мной
От черноземной Украины
И до Эстонии с Литвой.

Она встает могучей, гордой,
Твердынею встает стальной.
Недаром короли и лорды
Пытались овладеть страной.

Недаром грозною толпою,
Один другого чем жадней,
Шли на республику с войною
14 стран – палачей.

Но все преодолев невзгоды...

Запоздало, можно не заканчивать...²

23 [ноября] 1957

1958

МИНУТА***

Что такое минута?
Стрелки часов рывок.
Минуты – словно салюты,
если знаешь урок.

Но принесет огорченье
Неточность, сниженный балл.
Я это стихотворенье
Двадцать минут писал.

11–15 марта 1958

*Исправлено: 15 минут писал – 18 марта*1959 года¹

Не знали варвары законов,***
Не говорили громких слов.
Но заманили легионы
В болота, чащу, вглубь лесов.

11 марта 1958²

И перебивши легионы,
Германцы, в битве разъярясь,
Втоптали римские знамена,
Орлов из золота (надменных)³ прямо в грязь.

12 марта 1958

Веков могучее течение***
Рим словно щепку унесло.
Средневековье мрачной тенью
Надвинулось и прошло.
(Нависло над землей, прошло.)⁴

13 марта 1958

Уже старинную Россию***
Взнуздal великий человек (1)⁵
Бесшумно (неслышно) годы проносились.
Прошел восемнадцатый век
(Страною правил: имярек).

(1) Великий человек – Петр I⁵

14 марта 1958

А годы дальше проносились,***
И, перешедши Рубикон,
Завоевателем в Россию
Шел «брат царя» – Наполеон.

15 марта 1958

Исправлено 16 марта 1958⁶

ФАШИСТСКАЯ МОНЕТА***

Дойчес рейх. Орел фашистский крылья
Распрямил, усевшись на венок.
Из страны, вздымая клубы пыли,
Шли полки фашистов на Восток.

17 марта 1958

Профиль Гинденбурга на монете,
Год рождения и смерти год.

18 марта 1958

Думал Гитлер, что у всей планеты
Войдут марки прочно в обиход.
(Думал Гитлер, он на всей планете
Пустит эти деньги в обиход.)

Исправлено 24 марта 1958 г.⁷

18 марта 1958

Время шло, и вот Варшаву, Прагу
Покидает побежденный враг.
Вот уже над стенами рейхстага
Поднялся советский красный флаг.

19 марта 1958

И теперь она в стране советской
В дни, когда закончилась война,
Годная лишь только для коллекций,
Только нумизматикам нужна.

20 марта 1958

Вода пробивает не силой камень,^{***}
Но частотой падения.
Так постепенно стирают память
Капли из вод забвения.

21 марта 1958

Останутся в памяти поколений
Творенья лишь многих рук.
Как дошел до нашего времени
Каменный акведук.

22 марта 1958

Заснул огромный старый бор,^{***}
А в глубине горит костер.
Горит, горит костер в бору,
Шумят деревья на ветру.

23 марта 1958

За много верст – такой же бор,
Такой же там горит костер.
Горит, горит костер в бору,
Шумят деревья на ветру...

24 марта 1958

Как-то смешал для примера^{***}
(Не знал, что получится, он)
Селитру, уголь и серу
Алхимик Роджер Бекон.

25 марта 1958

Воспламенилась смесь неожиданно,
На части разлетелась печь.
Сказал алхимик: «Очень странно»
И... свой секрет решил сбересть.

26 марта 1958

Он порох скрыл, совсем не зная:
Задолго до его времен
Был он изобретен в Китае,
Для фейерверков применен.

27 марта 1958

Открыт секрет! Войска стреляют,
Полощутся шелка знамен.
Ах, лучше б далеко в Китае
И до сих пор остался он.

30 марта 1958

Город – это клубок большой***
Переплетенных лент.
Каждый дом – это шар земной,
Парадное – континент.

28 марта 1958

*(Квартира каждая – это страна.
И я для читающей публики
Прибавлю: империя иногда,
А иногда и республика.)⁸*

29 марта 1958

Квартира каждая – это страна,
Герб – колос иль морда зверья.
Республике колос принадлежит,
А львы и орлы империи.

30 марта 1958

СОР***

*Сор из избы не выносить.
Поговорка*

И даже бесконечный
Порой утихнет спор.
Увы. Ничто не вечно,
Но долговечен сор.

31 марта 1958

Неандертальцы, предки
(Все трудовой народ)
Не знали: для обедков
Есть мусоропровод.

31 марта 1958

И урн они не знали,
Их не было тогда.
Вы спросите: девали
Свой сор они куда?

31 марта 1958

Отвечу на вопрос вам:
Кидали со двора.
Сор в смысле переносном –
Ударом топора.

31 марта 1958

У нашего народа
(Советской власти честь)
Есть мусоропроводы
И прокуроры есть.

31 марта 1958

Это время проходит в ночной тиши.**
 Это время по стенке мышью шуршит.

1 апреля 1958

Это время суток один отсек.
 Это время за стенкой сомкнутых век.
 Это время – движенье стрелки часов.
 Это время предутренних легких снов.

2 апреля 1958

Под бременем времени падают скалы,
 Но Человеку всегда его мало.

2 апреля 1958

Осень: клюквой ядреной
 До края полон мешок.
 Деревья еще зеленые
 Лишь кой-где желтый листок.

3 апреля 1958

Вот подходит к березе,
 Мнет траву под кустом
 Мальчик – Павел Морозов
 (Мир узнает о нем).

4 апреля 1958

Шум деревьев тревожен:
 Улыбка деда обман,
 Ласковый взгляд так ложен
 И оттопырен карман.

Наукова бібліотека Національного університету «Києво-Могилянська академія»

5 апреля 1958

В году двенадцать месяцев,***
 (Я докажу вам это).
 Зимую стужа бесится,
 Весна нужна поэтам.

6 апреля 1958

А летом на опушках
 Трава растет так густо.
 А осень любит Пушкин,
 И я ему сочувствую.

7 апреля 1958

ОГОНЬ***

*Огонь давно уж с нами
 Друг, реже враг людей
 Принес с Олимпа пламя
 Отважный Прометей.*

([.....])⁹
*Истории своей.
 Огонь был Прометеем
 Похищен для людей.)*

8 апреля 1958

Потом переселиться
 В камин пришлось, в очаг,
 И к жертвам инквизиций,
 И согреть бродяг.

9 апреля 1958

Сжигать леса для пашен,
Большие города.
Вот над плитою вашей
В котле кипит вода.

10 апреля 1958

КИЕВ***

Увидевший хана Батю,
Видавший златую орду
Старинный и новый Киев,
Садами твоими иду.

11 апреля 1958

Днепро. Чайки, волны и ветер,
На том берегу рыбаки.
Немногие ловят сетью,
Кто так сидит у реки.

12 апреля 1958

Одна за другою минуты бегут:***
Десять, пятнадцать, двадцать минут.
Я скучаю, сижу за столом,
Ждет чернильница, ручка с пером,
Ждет на полке моя тетрадь,
А я не знаю, о чем писать.

13 апреля 1958

В бою столкнулись Смерть и Жизнь,^{***}
Коса и сноп пшеницы.
Но не пришлось гостье [тризы]
Победою гордиться.

14 апреля 1958

Одним движением руки,
Одним ударом шпаги
Она сразила колоски,
И вниз они упали.

15 апреля 1958

Но хоть они упали вниз,
Над ними ветер свищет.
Из зерен вырастила Жизнь
Снопов не меньше тыщи.

16 апреля 1958

ОРЕЛ^{*}**

В кавказских горах он летал,
Мог в небе часами кружиться.
А после скульптурою стал –
Могучая, гордая птица.

17 апреля 1958

Он был на гербах многих стран,
Двуглавый и одноглавый.
Теперь он седой ветеран
И век свой кончает без славы.

18 апреля 1958

Стоит на шкафу, выше книг,
Все складки заполнены пылью.
Стоит. Головою поник.
Расправил могучие крылья.

19 апреля 1958

РОДИНА***

*Стойбище осеннего тумана,
Вотчина ночного соловья,
Тихая царевна Несмеяна,
Родина неяркая моя.
Дмитрий Кедрин. «Аленушка»*

Стойбище осеннего тумана,
(Лес густой, широкие поляны)¹⁰
Вотчина ночного соловья,
(Ночью в роще пенье соловья)¹¹
Тихая царевна Несмеяна,
Родина неяркая моя.

20 апреля 1958

Шли татары, вел панов Баторий,
Шел Наполеон, фашисты шли.
Но нельзя остановить историю,
И лежат враги твои в пыли.

21 апреля 1958

Поднимаешь целину Алтая,
Там, где степь была, – поля, сады ль.
И встает стена хлебов густая,
Там, где раньше рос степной ковыль.

22 апреля 1958

Спутники с звездой пятиконечной
Первая для мира создала.
(Ты для всех ученых создала)¹²
И не Божьи руки – человечьи
Сделали небесные тела.

23 апреля 1958

И на радость бедным, страх богатым
Ты цветешь, прекрасная страна.
Пусть враги твои готовят атом,
Ты – непобедима, как весна!

24 апреля 1958

Уплывут осенние туманы,
Будет петь веселый соловей.
Весело царевне Несмеяне
На прекрасной родине моей.

25 апреля 1958

Голов густой дремучий лес^{***}
И шум нестройный толп.
Они решили до небес
Воздвигнуть нынче столп.

26 апреля 1958

Но Бог решил их проучить,
Нагнал на бедных страх:
Они начали говорить
На разных языках.

27 апреля 1958

И вот друг другу далеки
Ушли: им край стал узким.
Так и родились языки
Немецкий и французский.

28 апреля 1958

О школах Бог совсем не знал
(Библейский Бог суров).
Не вавилонян покарал,
А нас, учеников.

29 апреля 1958

МОЙ КОТ***

Мимус¹³ имеет четыре лапы
(Двух ему хватило бы тоже).
Он от пола до верха шкапа,
Разогнавшись, допрыгнуть может.

Он лентяй, спит и днем, и ночью,
Днем на диване, ночью со мною.
На двор не ходит – в кладовой... многоточие.
И доволен своей судьбою.

8 июня 1958

О красоте посудите сами:
Черный, белое пятно имеет.
Как-то помог испуганной маме,¹⁴
Вытащив ужа из-под батареи.

Сейчас, уткнувшийся в хвост свой носом,
Может быть, спит или просто дремлет.
А, может, решает мировые вопросы,
Хочет переделать старушку Землю.

9 июня 1958

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ***

Средь васильков ромашки сердцевина –
Как будто брошка золотая.
А запах сладенький жасмина
Бейбутова напоминает.

И розовость царицы сада – розы,
И георгин, раскрывшийся донельзя,
Выходят из-за рамок прозы.
И начинается поэзия.

10 июня 1958

ПОДРАЖАНИЕ ГЕЙНЕ***

Когда выхожу я утром,
Я вижу маленький дом.
Какие-то шины, насосы
Виднеются за окном.¹⁵

11 июня 1958

Там часто стоят машины:
«Победы», «Москвичи».
У этой лопнула шина,
У той мотор не урчит.

В глазах мастеров читаю:
Ах, черт бы тебя побрал!
Кто ты? Чего тебе надо?
И что ты здесь потерял?

Я тут живу недалеко,
Машин я не украду.
А если я вам мешаю,
То я, пожалуй, уйду.

12 июня 1958

ВЕЧЕР***

В синем небе звезды, звезды,
В звездах лампочек район.
Чистотой прохладный воздух
Прогоняет сразу сон.

13 июня 1958

Я иду, автомобили,
Люди, несколько собак.
Звезды были. Люди были.
Где? – Не вспомню я никак.

Облака плывут. Какое дело
До людей небесным облакам.
Солнцу тоже безразлично – село
Глухо к просьбам и людским слезам.

Революции, перевороты, войны,
Праздник, дни тяжелого труда.
А природа как всегда спокойна
И невозмутима как всегда.

14 июня 1958

По опавшим листьям***
Бьют дожди картечью.
И за днем унылым
Наступает вечер.

Хорошо на юге!
Солнце светит. Жарко.
Ходят волны в море,
Тень в аллеях парка.

Все же лучше Киев,
 Хоть увяли травы,
 А тепло и море,
 Не излишни, право.

19 октября 1958

Черное небо, не видно луны,**
 Лужи блестят под огнем фонарей,
 И завывания ветра слышны,
 А пешеходы шагают скорей.

Чтобы дойти и, вошедши в свой дом,
 В доме укрыться от ветра с дождем,
 Чтобы смотреть из окна на других,
 Думать: «А я ведь счастливее их».

[20] октября 1958

*И тогда государь повелел ослепить
 этих зодчих.*

Дмитрий Кедрин. «Зодчие»

Повелел ослепить Иоанн***
 Архитекторов Постника с Брамой,
 Чтоб они в городах разных стран
 Не построили лучшего храма,

21 октября 1958

Чем в Москве. А они умерли
 В нищете, жизнь прожив подаянием.
 Умер Грозный. Века протекли.
 Храм цел. Это прекрасное зданье.

Архитектор недавно один
Дом построил. Шаблонный, признаться.
Он, дом слева, дом сзади него
Очень, очень похожие братцы.

Получил он большой гонорар,
Чин и званье, стал важная птица.
Постник, Брама! Вертитесь в гробу,
Так, как флюгер на крыше кружится!

22 октября 1958

*«Суди, Господи, не по делам нашим,
но по милосердию своему».*

Надпись на могильной плите. 1932 год¹⁶

Он был, возможно, хулиганом,***
И с ног запой его валил.
Ему однажды в драке пьяной
По горлу бритвой провели.

23 октября 1958

Похоронили. И в печали
Все разошлись по домам.
Его родные осуждали,
Но «мертвые не имут срам».

Решили: без креста негоже,
И подпись сделали ему:
«Суди не по делам, о Боже,
По милосердью своему».

Возможно, был он коммунистом,
И в грудь его вошел метал.
От пули вора в поле чистом
Герой мой смертью храбрых пал.

24 октября 1958

Родные мертвого считали,
Что не жалеть его нельзя,
И, верно, думали в печали,
Что в ад ведет его стезя.

25 октября 1958

Но Бог простить любого может,
И надпись сделали ему:
«Суди не по делам, о Боже,
По милосердью своему».

Есть варианты и другие,
Когда, за что он был убит.
Стоят кресты, как часовые,
И ветки ветер шевелит.

26 октября 1958

ПОДРАЖАНИЕ ГЕЙНЕ***

*Не знаю, что стало со мною:
Печалью душа смущена.
Мне все не дает покою
Старинная сказка одна.*

Г. Гейне.

«Не знаю, что стало со мною»

Не знаю, что стало со мною,***
Болят и рука, и спина,
Но все не дает покою
Новейшая тема одна.

27 октября 1958

На небе солнце сияет,
Шумит ручеек вдали
И черный грач пробегает
По грудам черной земли.

Сидит звеньевая Мария,
Сидит на меже полевой.
Хоть косы у ней золотые,
Но гребень в руке роговой.

28 октября 1958

Поет она песни про очи,
Про очи дружка своего,
Поет, что она любит очень,
Но только не скажет кого.

Безумной охвачен тоскою
Иван – тракторист молодой.
Не смотрит он за бороздою –
Глядит на Марию с мольбой.

29 октября 1958

Колхозу убыток серьезный –
Что десять шагов, то огрех.
Ему на собранье колхозном
Придется краснеть больше всех.

Посыпятся взгляды косые,
Упреки подруг и друзей.
И все это ты, о Мария,
Наделала песней своей!

30 октября 1958

МИМУС^{***17}

А ля Вильгельм усы,
А хвост его трубой,
Мой Мимус – Муркин сын,
А Мась – отец родной.

Его за хвост возьмешь –
Пищит, что было сил.
А сам-то он хорош –
Всем блох понапустил.

2 ноября 1958

Кусают. Сам похож
На прыщ я. Пытку ту
Терплю. На все пойдешь
Ради любви к коту.

Он на столе сейчас.
Мой кот совсем не плох,
Был лучше в десять раз,
Когда бы был без блох.

2 ноября 1958

ЧТО БУДЕТ ЗАВТРА***

Завтра 7-мое. Флаги на улицах
Все раскупили. Нет хлеба.
Небо ноябрьское грустное хмурится,
Праздник не нравится небу.

Завтра всеобщее будет веселье,
Пьяных на улице много.
Первая четверть сегодня кончилась,
Вот уж за что слава Богу.

6 ноября 1958

Как из семян вырастает много***
Деревьев, лес вырастает. Так
Бомба, брошенная в синагоге,
Однажды ночью зажгла рейхстаг.

Мир охватило рейхстага пламя,
Армия Гитлера смерть несла,
И под фашистскими сапогами
Вся Европа в то время была.

8 ноября 1958

ЭЗОП «ЛИСИЦА И ЛЬВИЦА»***

В лесу, где в полдень тень и мрак,
Однажды встретились лиса и львица.
И обе матери. Ну как
Детьми своими тут не похвалиться.

19 ноября 1958

«Ах, как у лисы хвост пушист!
Боюсь, на воротник отрежут люди». —
«А мой рычит, он очень голосист,
Лев из него хороший будет».

«Детьми, – лиса сказала, – я
Могу гордиться без стыда,
А у тебя всего один ребенок». —
Ей львица отвечала: «Да,
Но это львенок!»

20 ноября 1958

КОТЫ***

Подражание С. Маршаку

Своему черному коту Мимусу¹⁸ посвящаю.

Автор

*Рассказал нам эту сказку
Землячок один
В грузовой машине тряской
По пути в Берлин.*

С. Маршак. «Голуби»

Рассказал мне, но не сказку –
Правду рассказал
Мой сосед по парте классной
По пути в спортзал.

21 ноября 1958

Разве может котик серый
Позабыть балкон,
Где гулял, за что «холера!»
Часто слышал он.

Не забудет котик белый
Никогда подвал,
Тот, где круг однажды целый
Колбасы украл.

22 ноября 1958

Не забудет полосатый,
Как ловил он крыс.
И хозяйкин[о] «проклятый»,
Квартирантки «брысь»!

Так котята жили стаей
Веселы всегда.
Но однажды в жизнь их злая
Ворвалась беда.

23 ноября 1958

Сердце каждому бередя,
Стон стоял и писк:
На хозяев в суд соседи
Предъявили иск.

Что котов проклятых стая
Спать им не дает.
Годы жизни сокращает
Целый день орет.

24 ноября 1958

Слушали – постановили
(Взяв на душу грех):
«Утопить котят всех или
Сдать их в «Заготмех».

Приговор, совсем не шутка,
Выполнять хотят.
И во двор прислали будку,
Чтоб забрать котят.

25 ноября 1958

Да. Пришла к котам расплата,
И мелькнули вот
В двери будки полосатый,
Белый, серый кот.

Мчит по улицам машина,
В ней коты сидят.
Вот бульвар Шевченко длинный,
Первомайский сад.

26 ноября 1958

Вот Крещатик, это сердце
Киева. Ключом бьет жизнь
Там. Но вот открылась дверца
И упали вниз.

И помчались куда-то,
И пропали вот.
Где вы, белый, полосатый?
Где ты, серый кот?

27 ноября 1958

Время мчится, как на крыльях,
По стезе своей.
Про котят уже забыли.
Стаю голубей

На базаре в воскресенье
Мой сосед купил.
В голубятне окна, сени,
Жердочку прибил.

28 ноября 1958

Но теперь свою котлету
Некому отдать.
Нет котят, упавших в Лету,
Что их даром ждать?

Не вернуться? Что ж там в щели?
Хоть глазам не верь.
Неужели? Неужели?
Что-то лезет в дверь.

30 ноября 1958

Дверь открылась, лезут в хату.
Что ж мы видим: вот
Серый, белый, полосатый,
Ярко рыжий кот.

Бабушка дала поесть им
Кашу и битков.
И зажили дружно, вместе
Семеро котов.

Рассказал мне, но не сказку –
Правду рассказал
Мой сосед по парте классной
По пути в спортзал.

2 декабря 1958

Земля – дрейфующая льдина,**
В просторах космоса летит,
Где солнца – только апельсины,
Пылинкой кажется болид.

Те, кто войной грозят Советам,
Ответят за свои дела.
Зачем раскалывать планету?
Земля и так совсем мала.

4 декабря 1958

Должны соединиться люди,
Жить вечно в мире, и тогда
Так, как поэт сказал: сын будет,
Мать будет на земле труда.

5 декабря 1958

ЗИМА***

Ручей в оковах
Застыл и дремлет.
Серебряным покровом
Укрыл снег землю.

6 декабря 1958

Вот песик рыжий
Бежит куда-то.
Катаются на лыжах
С горы ребята.

Горой довольны –
Гора большая.
Мороз за щеки больно
Ребят хватает.

На лоб ушанку
Надвинул и мчись.
А сзади чьи-то санки:
Эй ты, берегись!

7 декабря 1958

Скрестились лыжи –
Летишь со склона.
Снег показался рыжим,
Потом зеленым.

8 декабря 1958

Разбиты губы,
Нос стал лепешкой.
Упал? – спросили грубо.
Да так, немножко.

Зима примчалась
Со снегопадом.
Хотя замерзли малость,
Зиме все рады.

Ручей в оковах
Застыл и дремлет.
Серебряным покровом
Укрыл снег землю.

9 декабря 1958

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗИМЫ***

Снег был и лыжи,
Коньки, салазки.
Я из ума не выжил,
Это не сказка.

10 декабря 1958

Но снег растаял,
Мольбой не тронут.
А грязь теперь такая,
Что ноги тонут.

11 декабря 1958

Сняв льда оковы,
Ручей несетя.
Камнями, право слово,
Играет в коца.

12 декабря 1958

Петух усталый
Охрип – простужен.
В пальтишке светлом малый
Свалился в лужу.

12 декабря 1958

– Хоть неприятно,
Реветь не стоит.
– А чем я эти пятна
Теперь отмою?

13 декабря 1958

– Стакан бензина,
Немного ватки,
Сотри все эти пятна –
И все в порядке.

14 декабря 1958

Тепло, как летом,
Совсем как лето.
Гуляет ветер где-то,
В помине нету.

Прохладно ночью
И утром ранним.
Вот мой рассказ окончен,
Ну, до свиданья.

15 декабря 1958

БОРЬБА***

*Века прошли в борьбе жестокой.
Дмитрий Кедрин*

Века прошли в борьбе жестокой,
В борьбе жестокой дни бегут.
Сейчас расисты Литл-Рока
Взрывают школы, негров бьют.

17 декабря 1958

Поныне на далекой Кубе
Рекою красной кровь течет.
Того, кто мать-отчизну любит,
Ждет виселица, эшафот.

Английской армией Кипр занят,
И там, на островке, война.
Но киприоты партизанят,
Свобода острову нужна.

18 декабря 1958

Алжирец в горы утром ранним
Уходит, гнев тая и боль.
Нет, шлет напрасно обещанья
Премьер французский, мсье де Голь.

19 декабря 1958

Народы ближе, ближе к цели,
За ними мрак, пред ними свет,
Ведь люди честные сумели
Спасти от смерти Бухиред.

И хоть порой бывает трудно,
Бывает, мрак вокруг и тень,
Мир знает: будет, будет утро,
С востока встанет новый день.

20 декабря 1958

Лужи, лужи, лужи,***
Тает лед.
Кружит, кружит, кружит
Новый год.

21 декабря 1958

Колкий, очень колкий
Ветерок,
На базаре елки –
Весь лоток.

22 декабря 1958

Носят, люди носят,
Сколько их!
Елочек и сосен, сосен
Небольших.

Лужи, лужи, лужи,
Тает лед,
Кружит, кружит, кружит
Новый год.

23 декабря 1958

СИЛА***

*Степень взаимодействия двух
или нескольких тел называется силой.
Физический закон*

Тверд как гранит, как стена незыблем
Физики Перышкина закон,
Я его, между прочим, вызубрил,
Мне хорошо запомнился он.

Товарищ раз с кулаками, делом
Мне доказывал один вопрос,
И вот к несчастью третьим телом
Вдруг оказался мой бедный нос.

26 декабря 1958

Бабочка попалась в паутину***
 Билась, билась, вырваться старалась,
 А потом затихла, замолчала,
 Я подумал: так с людьми бывает.

[1958]

Небо синим стало,***
 В небе облака,
 И у них, пожалуй,
 Служба нелегка –

Все по небу плавать.
 А они плывут.
 Слава, слава, слава
 Облакам за труд.

[1958]

Спартак стоял у пушки и стрелял,***
 Расстреливал в упор войска сената.
 Внизу цвела разрывами земля,
 В людскую гущу падали снаряды.

А над горою вился красный флаг –
 И первый красный флаг на всей планете –
 Привязанный к копыю, раба колпак.
 Кричали гладиаторы: победа!

Я эту пушку дал тебе, Спартак,
 Но опоздал на два тысячелетя.
 А, может, в мире было б все не так.
 А, может, было б лучше жить на свете.

[1958]

СПАРТАК У ПУШКИ***

Спартак стрелял из пушки. Залпы
 Порвали в клочья тишину.
 И консул рыжий и усатый
 И Марса проклял, и войну.

А за бегущими полками
 Рвался, как будто звал вперед,
 Колпак отпущенника – знамя
 Рабов, восставших на господ.

Рабы оплакали убитых,
 Дождались утренней зари
 (Была последней эта битва),
 А ночью штурмом взяли Рим...

Я эту пушку Спартаку дал,
 Но опоздал на сотни лет.
 Ну, а случись бы это чудо,
 Как дальше жили б на земле?

[.....]
 [.....]

И очень нужно, чтобы пушка
 Всегда была у Спартака!

[1958]

Давно все это было: вечер мгlistый,***
 И дальний гром тревожил соловьев.
 Шло к ночи. Он не голосом, а свистом
 Из темноты негромко звал ее.

И было не понять: она слыхала,
 Хотела ли услышать – все равно.

[1958]

ФОНАРИ***

А они, фонари, хитры,
Фонари не падают в лужи.
В луже, кажется, фонари –
Нет же, сверху по лужам тужат!

Молодой человек, не пишите чуши,
Не горят фонари в луже!

[1958]

БУНТ БУМАГИ*****Фантазия**

Любые чувства, слова, мысли
Притянет к себе, как иглу магнит
Бумага. Она их все вынесет,
Впитает как губка и сохранит.

Вам завернут в нее мясо и сало,
Тлеет она, с табаком горя.
Но вот однажды она восстала,
Да, да, бумага, не смейтесь зря.

Окурки, свернуты из газеты,
Колонной к курильщику в дом пришли,
И их увидевши, сигареты
Сбежали, спрятались, под стол легли.

Увидев эти злые окурки,
Услышав молчанье их шеренг,
Черным профилем, в мохнатой бурке
Не оглядываясь, бежал «Казбек».

Твоих сторонников очень мало,
Ну, что ж, хозяин, начнем разговор.

В синей воде своего канала
Со страху стал тонуть «Беломор».

27 декабря 1958

Они приблизились к человеку,
Их тысячи были, и каждый мал.
В грязи затоптанные калеки.
Курильщик увидел их и упал.

В обморок. С красным крестом, большая
Машина несется, гудит вдали.
А между тем, бумага другая –
Книги к писателю в дом пришли.

28 декабря 1958

Мы бывали деревом, могли стать домом,
А ты испортил, насочинив
Историю в 24 тома
В стиле писательницы Радклиф.

Все смеются над нами. За это
Убьем тебя! Отомстим за позор!
И Чехов, вышедши из портрета,
Сказал: подтверждаю я приговор.

И это было для книг сигналом
Сделать то, что лишь людям под стать,
Книги, их было отнюдь не мало,
Стали против людей восставать.

Врывалось в радио из эфира
И дальше летело, несясь в эфир:
120 тысяч «Войны и мира»
Ведут войну, позабыв про мир.

31 декабря 1958

**Продолжение, которое может служить как окончанием,
так и пояснением в прозе*****

Я автор поэзии «Бунт бумаги». И поэтому судьба всей восставшей бумаги, а в частности книг, целиком лежит в моих руках. Из-за этого книги должны были бы относиться ко мне с уважением, чего они не делают. А недавно мне на голову свалился II том «Толкового словаря» В. Даля. Что примерно равно удару 12-метровым бревном. Обидевшись на книги за это, я решил их наказать, но не захотел полностью уничтожить их, а просто не закончил историю. Читатель, обладающий фантазией, сам придумает окончание, а не обладающий пусть простит меня.

Автор

С наступающим через четыре часа Новым годом!

31 декабря 1958 г., 20 ч. 00 м. вечера

1959

ЕЛОЧНЫЙ ПАЯЦ***

Вечно улыбаться осужденный,
Сделанный из скорлупы яйца,
Он висит на веточке зеленой
Занимая должность паяца.

Он молчит, как тот, кто много знает.
Мне, пожалуй, даже жаль его.
Всех он вероятно презирает,
Люди ж и не смотрят на него.

3 января 1959

СТИХИ О ГАЗЕТЕ***

Она ежедневная, она не заметная,
На тонкой дешевой бумаге газетной.
Где ящика нет, почтальон с ней стучится.
Газета, газета четыре страницы.

Газета своя у военных, рабочих,
Своя у писателей (скучная очень!)
Есть «Правда», «Культура», и только лишь нету
Под броским названьем «Враки»¹ газеты.

4 января 1959

ЛОТЕРЕЙНЫЙ БИЛЕТ***

Я оскорблен в своих лучших чувствах.
 Мой «волшебный» лотерейный билет
 Ничего не выиграл. Пусто.
 Есть 003, 008 нет.

Мечты мои рок жестокий развеял.
 От горя я не засну до утра.
 Прекрасно, что жизнь это не лотерея,
 Где выигрываешь лишь счастливые номера.

5 января 1959

Стали ближе планеты,**
 Много ближе для нас.
 Наша, наша ракета
 На Луну унеслась

6 января 1959

Воск, что перышки склеил,
 Растопил солнца жар.
 И упал, в небо взреев,
 Непослушный Икар.

Побежденные церковью
 Пали в битве давно
 Галилей и Коперник
 И Джордано Бруно.

Что ж не зря ведь они-то
 Погибали в борьбе.
 Скоро, о Аэлита,
 Прилетим мы к тебе!

7 января 1959

Течет речушка Лыбедь***
По косточку вода там.
Построили град Киев
Три воина, три брата
Течет речушка Лыбедь
Не очень-то быстра.
Была у этих братьев
Как будто бы сестра
Крещатый яр, не площадь,
Центр. Киева краса
Тогда был. Дальше рощи
Болота и леса.
Град на горе построен,
Внизу простор реки.
Окрестности разведать
Поехал старший Кий.

8 января 1959

СТИХИ НИ О ЧЕМ ***

Я написал. Не в этом суть,
Я написал случайно.
Передо мной ложился путь,
Не Млечный путь – трамвайный.

7.45 минут утра.
Стоял туман белесый,
Вороны каркали «дурррак!»
Бил мелкий дождик косо.

Трамваи вместе и по врозь
Придя, шли снова в рейсы.
Один из них расплющил гвоздь
Положенный на рельсы.

Я гвоздь расплющенный поднял.
 Зачем поднял! Молчите!
 И вышел маленький кинжал
 (Его отнял учитель).

О, тот, кто стих мой прочитал,
 Понял его с трудом.
 Ведь я о многом написал –
 По сути, ни о чем.

27 января 1959

Лист бумаги, вечное перо.**
 А бывает карандаш порой.
 Муза моя тихая скромна
 И непритязательна она.
 А, возможно, Музы вовсе нет.
 Что ж. На ней ведь не сошелся свет.
 Мы с бумагой и с карандашом
 И без Музы чудно проживем.

27 января 1959

ВЕЧЕРНИЕ СТИХИ**

За окнами уходит вечер,
 Уступая место ночи.
 Фонарей горящих свечи
 Тьму хоть гонят, да не очень.

Два каких-то мерзких типа
 Пишут: мыслите ночами.
 Я болел недавно гриппом,
 А теперь грешу стихами.

*Я об колено разбивал
Тугой кавун на части,
В него впивался, и не знал
О том, что это счастье.
Я запах диких груш вдыхал
В непроходимой чаще.
Мальчишка, я тогда не знал,
О том, что это счастье.*

Л. Вышеславский. «Счастье»

Мальчишкой, я не избегал***
Собачьей красной пасти,
От боли охал и не знал,
О том, что это счастье.

Став старше, я стихи писал,
И не всегда как мастер.
Их издавали. Я не знал,
О том, что это счастье.

1959

ДЕМОН***

Угрюмый демон, дух изгнания...

М. Лермонтов. «Демон»

Злобный взгляд, подбородок длинный,
Искривленный в улыбке рот.
Мефистофель из пластилина
У меня на столе живет.

Видно путь его в жизни труден
Вон глаза печально глядят.
Современные черту люди
Уж не верят н[и] в рай, н[и] в ад.

Только, разве, правя обедню,
И крестом осеняя лоб,
Вспомнит вдруг о нем проповедник,
Ксендз какой-нибудь или поп.

И коснувши[й]ся этой темы
Перекрестится пару раз.
Гордый, злой искунитель-демон,
О тебе ль горевал Кавказ?

Лишь сплетать бессильные руки,
На которых за шрамом шрам.
Да потягиваться со скуки,
Да пугать старух по церквам.

Да встречаться где-то в поэмах,
Да шарахаться от людей.
Гордый демон, Кавказский демон!
Отжил ты, умирай скорей!

1959

Пожара дикарь дожидался***
(Разжечь сам огонь он не мог).
Пожар догорал. Оставался
Горячий живой огонек.

Мы, спичкой тернув о коробку,
(И вовсе чудес в этом нет)
Получим огонь, и хоть робкий,
Но тьму разгоняющей свет.

Промчатся года и столетья,
Пройдут, словно стая утят.

И наших праправнуков дети
К роям дальних звезд полетят.

В их очень далекую эру,
В их жизни безоблачный день
Так просто слетать на Венеру,
Как нынче поехать в Ирпень.

Потомки не будут знать бедствий,
Народ их – художник-творец.
Но мы² им оставим в наследство
Огонь наших пылких сердец!

1959

Бог из глины Адама лепил***
(Метр 80 высотой).
Вдруг увидел: зашел он в тупик,
Получается вовсе не то.

Он себя за поспешность ругал,
А потом произнес: выход прост!
И приделал творенью рога,
А затем голый, с кисточкой хвост.

1959

Он стал. Прицелился. На сердце больно.***
Хлопок. И жизнь прервалась, словно песнь.
Как песнь. С улыбкою самодовольной
Свои перчатки натянул Дантес.

За горизонтом синеватым кантом
Неведомые страны и моря.
Стоят, растеряны, два секунданта.
И изумрудами снега горят.

Бросает солнце нити золотые.
И тишина, гнетущая, как крик.
И разве знала в этот миг Россия,
Что потеряла в этот самый миг.

Потом уже узнали все об этом,
И переписан кем-то на листках
Стих Лермонтова гневный «Смерть поэта»
Передавали тайно по рукам.

Недремлющее око настороже.³
И дабы беспорядка избежать,
Гроб Пушкина, обернутый рогожей,
На розвальни. Престола сторожа.

24 февраля 1959

Шли месяцы и годы пробегали,
На угнетателей восстал народ.
Пришел, закованный в броню из стали,
17-й, тяжелый грозный год.

Тогда потомки жалкие Дантеса
На пароходе покидали Крым.
Их гнал хозяин и земли, и леса,
Поднявши косы, вилы, топоры.

27 февраля 1959

СОН***

Я перед тем, как лечь вчера,
Принес коту песок.
Спал без просыпу до утра
И видел странный сон.

Луч солнца теплый, рыженький
Упал на снежный наст.
В костюмах синих лыжники
Промчались мимо нас.

Вперед ватагой быстрою!
И скрылися вдали.
Из толстых бревен выстроен,
Стремился ввысь трамплин.

Вот по трамплину мчится он.
Прыжок! И вот летит
Распластанною птицею.
Преград нет на пути.

4 марта 1959

Хлопьями большими***
Днем метель мела.
А верба в кувшине
Посреди стола.

Веточки белели.
Раз верба росла,
Значит, зря метели,
Значит, есть весна.

10 марта 1959

ЧЕРНОВИК***

Я закончил писать.
 Записал все в тетрадь.
 И порвал черновик.
 Нет, не стоило рвать!

1959

Синеву ночного неба***
 Перерезал луч белесый,
 И как будто вовсе не был.
 Вдруг пропал, промчавшись косо.

И опять мелькнул. Усталый,
 Ищущий на небе пары.
 Посылали вверх сигналы
 Хитроумные радары.

25 марта 1959

СВЕРХМАЛАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ*****А****Атом**

Из того, что обозначает это слово, состоит мир. Атомная энергия движет электростанциями и будет двигать ледокол «Ленин». Это слово произносят западные убийцы, мечтающие покорить мир. С ужасом и ненавистью произносят это слово жители Хиросимы и Нагасаки, испытавшие на себе силу адского оружия, и все честные люди на Земле. Атом должен служить только мирным целям!

Под вами, хоть вы и богаты,**
Как говорят, земля горит.
Готовите вы страшный атом,
Надеясь мир им покорить.

Напрасно! Мир во имя мира
Вас может вдребезги разбить.
Нет! Нагасаки, Хиросиму
Вам не позволят повторить.

Б

БРАТСТВО НАРОДОВ***1

Что десятки, сотни препятствий
Дружбе разных наций людей.
Юный лондонец скажет: Здравствуй!
Я отвечу ему: «Good day!»

Пусть подумает кто-то: «Ладно.
Площадь Лондона – дьявол с ней!»
Мне широкие стриты Лондона
Стали как-то ближе, родней.

Друг мечтает: «В краю родном бы
Жизнь была хороша, как у нас!»
Страшный призрак атомной бомбы
Над Британией сейчас.

30 марта 1959

Над страной, сердцу друга милой,***
Призрак смерти повис сейчас.
Остров отдал премьер Макмиллан
Для ракетных атомных баз.

Но напрасно. Во имя мира
Мы их базы с пути сметем.
И великий язык Шекспира
Между нами будет мостом.

1959

ТИШИНА***

У тишины есть цвет, есть вкус, есть запах.
На губчатых, бесшумных, мягких лапах
Она, униженная, робкая, крадется.
На вкус она, как влага из колодца.
Зачерпнутая только. Ледяная.
От холода нить зубы заставляет.
Цвет тишины – цвет неба летней ночью.
Она... А впрочем, я уже закончил.

1959

КОРАБЛИК ИЗ ОРЕХОВОЙ СКОРЛУПЫ***

*Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет.*

Александр Пушкин

А он, мятежный, ищет бури...

Михаил Лермонтов

Ореховая скорлупа.
Булавка – мачта. Все по форме.
И парус уже вдали пропал.
Корабль идет навстречу штормам.

И не беда, что «океан» –
Не пруд, и даже не фонтан,
А просто ванночка с водой.
Корабль есть. Капитан – герой!

Что ж? В океане пароход
Такой же маленький и хрупкий.
И разницы там нет большой,
Меж ним и лодочкой-скорлупкой.

1959

ПОДРАЖАНИЕ ЭЛЮАРУ***

Дорога

Пыля, мчатся по дороге грузовики,
Медленно переваливаясь и оставляя узорный след,
Ползут трактора.
Понуро бредут пешеходы.
Беззащитная, под их колесами,
гусеницами и ногами,
Дорога выносит всех и все.
Слава ей!

1959

В Венеции был дож,***
 На улице был дождь,
 И мчался лимузин
 По уличной грязи.
 И, стоя под дождем,
 Шептали: «Подождем»
 Кирпичные дома,
 Над городом туман.

7 апреля 1959

Скоро конец тетради!⁵

Квартал забором обнесен
 И разрушенью обречен.
 А решено его сломать,
 Чтоб строить новые дома.
 Здесь будет двор, здесь будет сад.
 А старые дома стоят.
 Еще на стенах нету ран,
 Еще в окне цветет герань,
 Еще дома, еще нужны,
 Но все равно обречены.

1959

Солнце больше не дарит обновою,
 День уходит, сер и незаметен.
 С голых веток носики кленовые
 Нюхают холодный мокрый ветер.

1959

ГВОЗДИКА***

*Похож, как гвоздь на гвоздику
(Посл.[овица])*

Мне нравится гвоздика алая
На фоне пепельной земли.
Она головкою коралловой
Под ветром еле шевелит.

Мне нравится гвоздика алая
Тюльпанов больше, больше роз.
И не большая, и не малая,
И не похожая на гвоздь.

1959

ЗЕМЛЯ***

Земля ревнует сыновей своих,
Живущих не ее единым хлебом.
Опасность грозную в себе таит
Заманчивый полет подальше в небо.

Поднявшимся в заоблачную высь
Без жалости она готовит кару.
И все мы знаем хорошо: увы,
Постигла смерть бесстрашного Икара.

Завоевал пропеллер высоту –
Земля и тут борьбы не прекратила.
И даже мощный серебристый «Ту»,
Минуту улучив, о грудь разбила.

Народ гордится, спутники послав,
Чтоб проложить путь в космос – виа-вита.
Но даже Лайка – первый астронавт
Была Землей безжалостно убита.

18 июня 1959

И все-таки Земля – родная мать!
 Настанет вскоре время ей смириться
 И просто кроткою старушкой стать
 Из беспощадной и ревнивой львицы.

1959

День пролетел с дождями***
 И отгремел грозой.
 Электросварки пламя
 Осветит горизонт.

Темно. Июньский вечер.
 По сохнувшей грязи
 Разводнями иссечен
 Промчался лимузин.

В два пальца пьяный свистнул,
 Мильтон свистит в ответ.
 С троллейбусных дуг искры,
 Упав, пролили свет...

19 июня 1959

СТИХИ О МЫЛЬНЫХ ПУЗЫРЯХ

Один поднялся высоко
 (Я помахал ему рукой)
 И лопнул где-то в вышине
 (Его порыв понятен мне).
 Хвалить другого не берусь,
 По-моему, другой был трус –
 Взлетел – и сразу вниз помчал,
 И лопнул, запятнав асфальт.

А ну попробуй, докажи,
 Кто правильнее жизнь прожил.
 Тут спорить можно до зари...
 А впрочем, оба – пузыри.

20 июня 1959
 (21/V-59 г. – выходной день)⁶

Рокочуг, подлазя,^{***}
 Зеленые МАЗы,
 И ковш острозубый
 Врывается грубо
 С отвагою львиной
 В размокшую глину.

Холмы воровато
 Подрыл экскаватор.
 Скрипят механизмы
 Чуть тросы не рвутся.
 И солнце похоже
 На чайное блюдце.
 Спускается в ров осторожно труба.
 И пыль, и жара, и песок на губах.

А там, в экскаваторе, трогает гайки
 Чубатый парнишка в сиреневой майке.
 Шестнадцать ему, ну, семнадцать, не боле.
 На пальцах его, вероятно, мозоли.
 Он рвет рычаги, и короткий, и длинный,
 Он повелевает огромной машиной.
 Зовут его Петя, а, может быть, Коля...
 Зато я уверен, что он в комсомоле!

22 июня 1959

*Только в грязном утреннем тумане
Бьют часы в последний раз...*

Александр Блок. «Шаги Командора»

Реки останавливают плотинами.***
Врага – отвагой и силой.
Но какая плотина, какая сила
Остановит и сдержит стрелки?
Маленькие жесткие стрелки
Будильника на буфете.
Летят, летят, пролетят минуты,
Сливаясь в часы, дни, недели, годы,
Оставят пыль по себе столетья,
Падут государства, и встанут снова
Незыблемы, вечны лишь только стрелки,
Так скупко отсчитывающие время.

23 июня 1959

Ветер треплет листья,
Холоду – амнистия.
Холод вышел из тюрьмы,
И в июне мерзнем мы.

1959

Легко лепить из размягченной глины.***
Вот бюст: лоб, губы, щеки, нос орлиный.
Но «Лакоон», «Милосская Венера»
Из мрамора, а не из пластилина.

24 июня 1959

Розы темно-красные увяли,^{***}
 Лепестки бордовые опали.
 Сколько в них, поникших и опавших,
 Безысходной горечи, печали.

1959

СТИХИ О ЗАВОДНОЙ ОБЕЗЬЯНКЕ^{***}

Обезьяна заводная
 Кувыркаться может.
 На буфете восседая,
 Корчит злые рожи.

Но в душе она скучает
 По лесам, лианам.
 Обезьяна заводная...
 Жалко обезьяну.

25 июня 1959

Были битвы и люди пели...

Эдуард Багрицкий

Были битвы – сражались люди,^{***}
 Пели. С песнею шли на смерть.
 Путь по горам балканским труден,
 А на горных вершинах снег.

Но ущельями войско Ксеркса
 Как лавина неслось на юг.
 Египтяне, индийцы, персы
 Воевали в одном строю.

Персы... Атика их манила.
Кто бы мог их остановить?
Заслонил проход в Фермопилах
Легендарный царь Леонид.

30 июня 1959

СТИХИ О КРУЧЕНОМ ПАНЫЧЕ***

Паныч, еще к тому же крученный.
Название, право, не из лучших, но
Хоть дождь идет, а даже ныне я
Не вижу на цветке уныния.
Нет, выглядит премоило он
И держится и так, и сяк.
А что ему осталось?

3 июля 1959

Что десятки, сотни препятствий***
Дружбе разных наций людей.
Англичанин мне скажет: «здравствуй!»,
Я отвечу ему: «good day».

Друг мечтает: в краю родном бы
Жизнь была хороша, как у нас.
Призрак страшной атомной бомбы
Над Британиею сейчас.

Над страной, сердцу друга милой,
Призрак смерти повис сейчас –
Остров отдал премьер Макмиллан
Для ракетных атомных баз.

Но напрасно! Во имя мира
Мы их базы с пути сметем.
И великий язык Шекспира
Между нами будет мостом.

5 июля 1959

Табак цветет, и белые цветки***
Распространяют легкий сладкий запах.
Но яд в цветках таится, никотин.
И смерть свои протягивает лапы.

Чтобы за жизнь бороться,
Подсолнуху нужно солнце.
Солища нет – и подсолнух
Будет чахнуть и сохнуть.

июнь-июль 1959

БУРАТИНО

Бедняга Буратино,
Наверно, неспроста
Тебя швырнули в тину,
В глубокий пруд с моста.

Не плачь, не надо, милый,
Ведь счастье лишь лото.
А старая Тортила
Даст ключик золотой.

И он тобой получен,
Но он совсем не то.
Иной «волшебный ключик»,
И он не золотой.

В груди, правее сердца,
 (Точней не даст никто),
 У каждого есть дверца.
 А что за дверцей той[?]

Пусть старый холст снаружи –
 На это не гляди.
 Лишь только ключик нужен.
 Но как его найти?

7 июля 1959

Духота. Насыщен воздух паром.***
 Час заката. Горизонт в крови.
 Нужно быть душою очень старым,
 Чтобы осень скучную (раннюю)⁷ любить.

Лучше снег. Жара и мошки летом,
 Чем унылой осени печаль.
 Жду грозу, но даже тучки нету.
 Паровозы жалобно кричат.

1959

Волшебное есть у меня перо.***
 Все может оно – чепуху пороть,
 И что-нибудь дельное написать,
 Хотя все пишу я, пожалуй, сам.

Злюсь, слоги отсчитывая в уме.
 Ужасные рифмы, пропал размер!
 Перо тихо скрипнет и скажет: «Не злись».
 Странная надпись на нем: «Merus».

8 июля 1959

ОЧЕНЬ ПЛОХО БЫТЬ ПОЭТОМ...

Очень плохо быть поэтом...
Описали зиму, лето,
Как ручьи бегут весной,
Как в разлуке сердце поет.

Розы, грезы и морозы,
И грядущего прогнозы,
И мелькнувшие вдруг мысли.
Словом, все не перечислишь.

Все истратили созвучья
И похуже, и получше.
Новых рифм в помине нету.
Очень плохо быть поэтом.

9 июля 1959

Я до шестидесяти досчитал,**
Подпрыгнула стрелка часов.
Невозмутимо глядела Луна
Со своих неземных высот.

Помахивая хвостом, гулял
Космический «Гончий пес».
За эту минуту наша Земля
Пролетела тысячу верст.

10 июля 1959

МАЛЕНЬКАЯ СКАЗКА***

Не в воде, а на земле
 Жил копченый старый лещ.
 Поведу рассказ о том,
 Как попал он в «Гастроном»,
 Как за ним стояли день
 Сотни занятых людей.
 Все же я его купил.
 Ну и был же дома пир!
 Пиво, рыба, черный хлеб,
 Что вкуснее на земле?

***8

Все написанное – лещь!
 Солон был проклятый лещ.

11 июля 1959

РАКОВИНА

Торопливый, ровный шум прибора,
 Раковину к уху приложив,
 Услышишь ты. Чего-нибудь, да стоит
 Даже подражанье для души.

15 июля 1959

Мечты, как в сказке, стали былью,***
 Двадцатый век уже «в летах»,
 Орлу нужны большие крылья,
 Чтоб выше всяких туч летать.

Разруху поборов, отсталость,
 Мы мчимся дальше, в высоту.

Препятствий впереди немало.
И на пути немало туч.

И просто грязи много, пыли,
Дорога наша непроста.
Но нам даны большие крылья,
Чтоб выше всяких туч летать.

17 июля 1959

Кто ответит на вопрос мой,**
Что шептали тихо сосны,
Обступив кругом полянку,
Возле дач, в лесу, в Бучанке?⁹

И о чем шумели ели?
Что сказать они хотели?
Может, звали дальше в чащу,
В лес огромный, настоящий?

Может, песнь лесную пели:
«Дождик, дождик, две недели».
На вопрос мой кто ответит?
Правду знает только ветер.

18 июля 1959

СТИХИ О ГРОЗЕ И ВЕТРЕ**

Маргаритки не держались стоя,
И асфальт расплавился от зноя.
Гнулись стебельки цветков зловеще,
А земля покрылась сетью трещин.

Вдруг неожиданно (что могло быть лучше?)

Набежали пасмурные тучи,
А потом поднялся сильный ветер.
Выгнулись, как луки, шпингалеты,
Защищая храбро дверь от взлома.

Ждали все грозу, раскаты грома.
Но напрасно. Тучи растворились.
Ветер, словно лошадь, загнан в мыле,
Взвился вверх, растаял без следа.

А себе позволю я заметить,
Что бывает часто сильный ветер,
Но гроза бывает не всегда.

19 июля 1959

ДЫМ***

*Чтоб дым, завертясь, пошел из трубы.
Эдуард Багрицкий. «Человек предместья»*

Дым взвился и растаял в небе.
И чисто все, и дыма нет.
Как будто он и вовсе не был,
И все же он оставил след.

С работы шел какой-то парень.
Была весна, цвели сады...
Остался легкий запах гари,
Поднялся, может, новый дым.

20 июля 1959

СЕРЕЖЕ КИСЕЛЕВУ***

Мой брат (пять с половиной лет)
Сказал: «Врагов на свете нет».
Но ты ошибся, дорогой.
Как много на земле врагов!

1959

Грозно брови царь морской нахмурил,**
А глаза его сверкают гневом.
Ветер набежал, поднялась буря.
Рыбаки, закинув ветхий невод,
В бухту безопасную стремились.
Ушлые суденышки скрипели.
Ходуном ходили волны, в мыле,
Закрывая путь к желанной цели.
И Садко идет к царю морскому,
Будет ждать его Любава дома.
Но напрасно. Он среди актиний
Гибнет в закипающей пучине.

21 июля 1959

МАЛЕНЬКАЯ ПЕСЕНКА***

Лето в Лету улетает,
На дворе июль.
Тучи, чувств иных не зная,
Только слезы льют.

Каждый день, за двери выйдя,
Вижу мокроту.
Может, кто-то их обидел,
Эти стаи туч?

1959

СОЛНЦЕ

Ну, что ж, так исстари ведется –
Бывают пятна и на солнце.
Конечно, это неприятно,
Но солнце – сонце, даже в пятнах.

1959

ЗЕРКАЛО***

Зеркало может все отразить.
Тем не менее, зеркало – паразит.
Хорошо отразит – это да.
Но само ничего не создаст.

23 августа 1959

ОСЕНЬ***

И совсем не думал раньше я,
Что идет уже сентябрь.
Скоро желтые, увядшие
С веток листья полетят.

Быстро мчатся дни и ночи – цепь.
День – короче. Ночь – длинней.
Но полям отдать не хочется
Красоты своей.

А закат – тускл, как покойница,
На которой слой румян.
Все лепечут, беспокоятся,
Тополя шумят.

31 августа 1959

ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ***

Когда упадет последний лист, я умру.

О. Генри. «Последний лист»

Осень жестока, осень тупа.
Дождь целые сутки лил.
С тополиной ветки ночью упал
Пожелтевший последний лист.

Он упал, но сейчас же поднялся вновь.
Долго ветер его гонял.
Голый тополь стучался в мое окно,
Умоляя: «Пусти меня!»

Не пущу! Застрекочет кузнечик в траве,
Расцветится земли панно.
Пожелтевшие листья упали с ветвей...
Будут новые листья весной!¹⁰

1 сентября 1959

СТИХИ О КРЫМЕ***

(лирического характера)

Море волны прибоя
Кидает в берег, мутя.
Над бездной его голубою
Чайки летят.

Волны на берег несутся быстро,
Туда, где жара и сон,
И манят за собой золотистый
Береговой песок.

И, не получив ответа,¹¹
На свой призывный клич,
В море откатываются, где нету
Ни песка, ни земли.

(критического характера)

На всем протяжении море изгажено
Пляжами, пляжами, пляжами, пляжами.

Очень жаль мне тех, которые
Побывали в Евпатории.

*12

(исторического характера)

Песчаный берег, шум прибоя,
И кипарисы на горе.
Отсюда шел в Москву с Ордою
Татарский хан Давлет-Гирей.

1959

Время мчится так быстро!***
Вот и осень, сентябрь.
Пожелтевшие листья
С веток наземь летят.

По утрам, точно саван,
Над землею туман.
Пожелтевшие травы...
Ссыпан хлеб в закрома.

Ну и что же? В тумане
Я надежду храню.
Лето снова настанет!
Будет снова июнь.

1959

Деревья не платят за платя.
 Деревья платьями платят
 Ветру, чтоб дул потише,
 Ливням, дворникам, крышам.

1959

Ракета улетела на Луну,**
 И опоздала лишь на пять минут.
 В таинственных космических просторах
 Вдруг загляделась на Созвездье Пса.
 (Я в Киев из Одессы ехал скорым,
 И опоздал на три часа.)

А вечером, неясно, как в тумане
 (Быть может, я не прав), казалось мне,
 Что я никем не виданное ранее
 Вдруг пятнышко увидел на Луне.

1959

ЛАНДЫШИ***

*А принес сегодня ты
 Эти скромные цветы,
 Но они такие милые.
 Из песни*

Убога ханжеская скромность
 Цветущих ландышей весной.
 И город весь, такой огромный,
 Захлестнут этою волной.
 Ну что ж? Пусть так! Увянут к лету.
 Меня пугает больше то,
 Что верят многие букетам
 Весенних беленьких цветов.

1959

Когда усталый, вечерами***
 Ложишься в мягкую постель,
 То время легкими шагами
 Несется быстро, словно тень.

О всех заботах вспоминаешь,
 Увидев солнца луч в окне.
 Но если спать, не просыпаясь.
 Какой же смысл тогда во сне?

1959

Нам ночь дана, чтоб до конца***
 Почувствовать всю прелесть дня.

1959

ПО ВОСТОЧНЫМ МОТИВАМ***

Как-то раз один чудак
 Говорит другому:
 «Что стоишь, беги туда!
 Там хозяин дома
 Никогда не скажет «нет!»,
 Ровно, неуклонно
 Раздаст по пять монет
 Всем умалишенным».
 Говорит ему другой:
 «Если правда это,
 Те, что взял ты у него,
 Покажи монеты».

1959

Один художник стал врачом,^{***}
Сломал все кисти с хрустом.
Любил искусство горячо
И изменил искусству.
Друзья (их с ним не раз рассвет
Застал за кружкой пенной)
Просили: расскажи, ответь,
Чем вызвана измена?
Он им ответил: напиши
Картину неплохую,
Любой с поправками бежит
И каждый критикует.
Контраст тут слишком резко дан.
К чему тут эти двое?
Ошибки же врача всегда
Земля усердно скроет.

1959

Как-то лавку обокрали^{***}
(Купчик вышел),
А оставили лишь стены,
Пол и крышу.
Вот назад вернулся купчик –
Горько плачет:
Ах, друзья! Меня постигла
Неудача.
Этот день – всех несчастней
Дней на свете.
Не для всех! – Вполне резонно
Вор ответил.

1959

Как-то врач говорил:***
 Мясо, рыбу, мой милый,
 Даже в рот не бери.
 А не то, брат, – могила.
 Что ж. Большое спасибо.
 Но чего б я хворал,
 Если б ел мясо, рыбу?

1959

Вор забрался в дом к поэту.***
 Час там что-нибудь искал.
 Не нашел он ни монеты,
 Хлеба не нашел куска.
 Вор лишь только раздобыл
 Самодельных пару перьев
 И бутылочку чернил.
 Возвращаясь, взял чернила,
 Сделал надпись на стене:
 «Ты ужасно беден, милый,
 Жаль тебя, друг, стало мне».

1959

Вот в храм один пришел. Упал***
 Пред Саваофом раз пять
 И слышит: спорят два попа,
 За что Спаситель распят?
 Один сказал, потом другой,
 Вмешался третий тоже:

Адам грешил, за грех его
И распят Сын был Божий.
Тут им молящийся сказал
(Бледнея от волненья):
Я правду выскажу в глаза,
Мое услышьте мнение:
Нет, Бог не прав. Об этом я
Скажу открыто, прямо.
Раз согрешил Адам, друзья,
Так и распять Адама!

1959

Цветет алюз раз в сто лет,**
Но роз не краше этот цвет.

25 сентября 1959

Серое небо хмурится,**
Дождь каждой ночью.
Люди идут по улице –
Золото топчут.

1959

Трамвай был набит до отказа,**
И люди, как сельди, сжаты.
Такого еще ни разу
Не помнил вагоновожатый.

Кондуктор придавлен, стиснут,
 За место свое боролся.
 И вдруг из-за крыши низкой
 Ударило в окна солнце.

И с лиц всех сошла усталость
 (Свободней не стало все же).
 И что-то у всех осталось
 На годы в душе, быть может.

1959

О ПОСТОРОННИХ ЛИЦАХ***

«Закрытый пляж санатория.
 Посторонним вход воспрещен».
 За оградой синее море,
 Пляж и стаи кудрявых волн.
 Даже море обнесли границей
 И оттуда гоняли:
 «Не заплывать ни лодкам, ни лицам
 Посторонним».
 А у всех, кто этим был затронут,
 Есть причины злиться.
 Очень плохо, право, посторонним,
 Бедным лицам.

1959

Стеклышко Кая***
 Из глаза с трудом я вынул.
 Часто оно попадает
 К людям и ныне.

Стеклышко – сказка детства.
 Поплачь – и уйдет из глаза.
 А то, что попало в сердце,
 Не вынул никто ни разу.

4 октября 1959

Снег искрился, небо было чисто.**
 Солнечный, погожий зимний день.
 Хоронили бывшего министра,
 Сделавшего много для людей.

На дорожке голубь белоснежный
 О крыло усердно чистит клюв.
 Взвод пехоты у могилы свежей
 Честь отдал последнюю – салют.

Гром винтовок (резкие удары)
 Тишину безжалостно разбил.
 Только с колокольни церкви старой
 В воздух стай взвились воробьи.

Люди разошлись. Потом из дали
 Колокол ударил – словно стон.
 А мальчишки гильзы подобрали
 И играли в рощице крестов.

В медных гильзах солнце отражалось,
 Пальцы, губы, пара черных глаз.
 Ну, поверьте, этого немало,
 Чтобы человек запел, смеясь.

И мальчишки весело смеялись
 (Не привыкли к ханжеству и лжи).
 Значит, смерть и вправду побеждает
 Вечная и радостная жизнь.

6 октября 1959

Печатная машинка ржет,**
Оскалив зубы-клавиши.
Как этот смех тебя обжег!
Смех над всем тем, что славишь ты.

Я дам совет тебе простой:
Хотя вид буквочек так мил.
Закрой машинку, спрячь под стол.
Простую вставочку¹³ возьми.

7 октября 1959

ЛОТЕРЕЙНЫЙ БИЛЕТ**

Из окошка новой «Волги»
Я купил билет.
И не думал, что надолго
Попаду я в плен.

Стал мечтать о «Волге», доме,
С дрожью ждать газет.
У тебя счастливый номер –
Мне сказал сосед.

Я склонился над таблицей
(Хоть бы сто рублей).
С мотоциклом лишь на 30
Не совпал билет.

Столбик цифр мечты развеял.
Плакать был готов!
В жизни – словно в лотерее –
Нет счастливых номеров.

16 октября 1959

АГАСФЕР***

На Годгофу шел Иисус Христос.
Лоб изрезал терновый венок.
За плечами Он крест деревянный нес.
И устал. Устает и Бог.

В первый дом Он вошел и сказал: в пути
Я устал. Ты воды Мне дай.
Но хозяин ответил Ему: иди!
И сказал Иисус тогда:

Так иди же и ты. И не день, не год,
Будь до Судного дня в пути.
И сумел Иисус простить врагов.
Равнодушного не простил.

1959

Ветер холодный в спину.***
В лужицах тонкий лед.
В лес, на поляну, сына
Старый отец ведет.

Дерево ветер крестит,
Листья шуршат, шуршат.
Молча идут они, вместе
Ищут зарытый клад.

См. дальше¹⁴

1959

С этой истиной кто спорить будет?***
Жизнь состоит из обычных будней.
И нельзя ждать праздников праздну –
В буднях мы создаем свой праздник.
Так неразборчив событий почерк,
Если вдруг человек захочет
Вспомнить жизнь свою по минутам –
Вспомнит праздники почему-то.

1959

Сделал тучи черт из туши.***
Тучи к ночи солнце тушат.
Если б кто-то ловкий, быстрый,
Словно кляксы, тучи счистил.
Было б жарко, словно в Сочи,
Был бы день и днем, и ночьюю.

25 октября 1959

Спичка вспыхивает быстро – ***
Быстро гаснет.
Но уверен – доли этой
Нет прекрасней.

А потомки шапки снимут
Перед теми,
Кто сгорел, но показал им
Путь сквозь темень.

1959

Я нынче слушал соловья. Ну,**
Свистит, просто уши вянут.
Послушать не советую тебе, –
Сказал Синице Воробей.

1959

Я вечером услышал соловья.
Прекрасные, волнующие трели!
Потом друзья мне верить не хотели,
И говорили: ты был, верно, пьян.

И оказалось: под окном малыш
Налил воды в дешевую свистульку,
Подул, по-соловьиному защелкал,
И свист его над улицей поплыл.

А как разволновался старый вяз!
Как листья на ветру зашелестели!
Я вечером услышал соловья
Прекрасные, волнующие трели.

1959

СЕРЕЖЕ КИСЕЛЕВУ***

Мой брат – мальчишка лет шести.
Враг всевозможных каш.
Он знает: враг Рене Коти,
А Гарибальди – «наш».

1959

НЕ ПРИЗНАЮЩИМ ИСКУССТВА***

Затеяли: «Эпоха новая.
 Что в наше время Бах иль Блок?
 Читал... Понять не смог ни слова я.
 Концерт? Я досидеть не смог.

Поэты в жизни просто трутни. Как
 И чем прославить им страну?
 Мы в космос бросили три спутника –
 Они у муз своих в плену».

Простите, если не потрафил я,
 Но сын владельца душ двухсот
 Решил: К чему мне география?
 И кучер, дескать, довезет.

*(Стихов не можете почувствовать.¹⁵
 Для вас язык Шопена нем.
 То, что не поняли искусства вы,
 Не значит, что искусства нет.)*

Стихов не можете почувствовать.
 Для вас язык Шопена нем.
 Не понимаете искусства вы!
 Есть у вас ум. А душ ведь нет.

7 ноября 1959

ВАНЬКА-ВСТАНЬКА***

Куда не поставишь его – стоит он.
 Не оступится, не упадет.
 Правилен каждый шаг, рассчитан.
 Твердо обдуман и верен ход.

Если надо, он отступает.
Прячет временно гонор свой.
А голова у него пустая.
Тяжесть вся в каблуках его.

8 ноября 1959

Прижмись к холодным стеклам.**
Октябрь. Дожди.
Земля и воздух – все промокло.
И отойди.

Под гнетом дней осенних, серых
Ты можешь ныть.
Но сохрани, как знамя, веру
В приход весны.

10 ноября 1959

Сияло солнце, было жарко.
Не смел холодный ветер дуть.
Как на дугу электросварки,
На снег нельзя было взглянуть.

А ведь недавно вьюги выли,
Поземка стлалась мостовой.
*(Но прекратили злобный вой)**¹⁶*
А ты прошел к автомобилю
И не заметил ничего.

Залп, еще, еще сильнее.***
 Все дрожит от гула.
 За горою батарея
 Пушки развернула.

Хоть февраль уже истек, но
 Злобно вьюга воеет.
 Впереди, в снегу по окна
 Село небольшое.

Там на стенах хат (мол, что ли?)
 Пулемета росчерк.
 На церковной колокольне –
 Паренек-наводчик.

Он один, притих в тревоге.
 Мир как будто вымер.
 Танки мчатся по дороге
 С крестами кривыми.

1959

Снег от следов пятнистым стал.***
 Пожалуй, даже грязноватым.
 Следы, их много, больше ста,
 На нем, как яркие заплаты.

Потом я видел снег иной.
 Пустыня без конца, без края.
 Семнадцать градусов зимой.
 Там часто вьюга завывает.

А если тихо, вьюги нет,
 Тогда не слышно там ни звука.

Какой там смысл кричать, аукать?..
И снег холодный, чистый снег.

1959

Что из того, что юркие часы***
Переживут меня, детей и внуков?
Я никогда не буду жизнью сыт.
И вправду жизнь – отличнейшая штука.

Но не стремлюсь я след оставить, нет,
И тем себя к бессмертию приблизить.
В конце концов, оставит мокрый след
Ползущий по земле холодный слизень.

А я хочу упорно, каждый день,
Зимой и летом, утром и в потемках
Работать. Что-то делать для людей,
Для современников и для потомков.

1959

ПИСЬМО***

Я получил твое письмо
Недели две назад.
Ответить сразу я не смог,
Прости, мой друг, я, право, рад
Той переписке, что с тобой
Веду уже давно.
У вас свирепой вьюги вой,
Холодный, резкий норд.
Но я, пожалуй, предпочту,
Большие холода
И снег, где на одну версту

Ни одного следа.
 У нас снег выпал, но за день
 Он превратился в грязь.
 И солнца смотрит на людей
 Огромный тусклый глаз.
 Ты пишешь: скука, то да се.
 В театре был давно.
 Но ручеек не понесет
 Лежащее бревно.
 Моя теория проста:
 На улице гуляй
 И книжки умные читай.
 Прощай, мой друг, гуд бай.

1959

Ты пробовал услышать Тишину?***
 Нет? Зимней ночью подойди к окну.

1959

БАСНЯ***

(Не пародия и не на Сергея Михалкова)

Поэт решил что-либо написать
 И поскорее сдать в печать.
 Писал он, сидя, стоя, даже лежа.
 Его не посетила муза все же.
 Стихов не получилось у него.
 Поэт воскликнул: [«]Ничего![«]
 И быстро, словно черги подгоняли,
 Он нацарапал басенку с моралью
 И отдал. Басню прочитали,
 Поморщились и тиснули в журнале.

Мораль: что может быть прекрасней,
 Чем каждый день царапать басни.

1959

КОЛОДЕЦ

Гордый царь царил в верховьях Нила
И оставил множество следов.
Пол десятка¹⁷ княжеств покорил он,
Разорил десятки городов.

Но однажды он (обычай, вроде),
Чтобы не бесследно в землю лечь,
Вырыл посреди песков колодец.
Сам. Рукой, что знала только меч.

*(Умер царь. Рыдали на могиле,^{***18}
А потом все повернуло вспять.
Государство дети поделили
И пошли друг с другом воевать...)*

...Выросли оазисы в пустыне,
Новые дороги¹⁹, не как встарь.
А колодец? Он стоит поныне.
Значит, что-то сделал даже царь!

1959

Поглядите на экраны,^{***}
И подумайте: не странно ль,
Далеко, и это ценно,
Рядом с вышкой телецентр.
Ветер, буря, снег ли шел, но
Без помехи мчатся волны,
Их круги все шире, шире.
Вы, товарищи, в квартире
Не спешите. Постепенно
Регулируйте антенну,
Четкость, резкость, и смотрите.

Вы отныне телезритель.
Только радоваться рано.
Часто портятся экраны.

1959

Яблоню, что растет на улице,
Чтобы за яблоками не лазили,
Ржавой проволокою колючею
Старый дворник обвил.

Рядом с заржавевшими колючками
Кажутся странными и наивными,
Кажутся до смешного ненужными
Розовые цветы.

1959

*(Для одних коммунизм – это в каждой квартире ванная.***20
Для других – это все в магазине бесплатное...
А для третьих коммунизм – это время,
Когда снимут колючую проволоку с ветвей.)*

1959

ЗИМА В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ***

Стало даже несколько теплей.
Вывела зима на окнах розы.
Бриллианты прямо на земле.
Но не станет их искать угрозыск.

А зима? Давно привыкли к ней.
Даже это не считают странным –
Ребятишки втаптывают в снег
Корки экзотических бананов.

1959

СОН

Мне снился старый немецкий бург.***
Над ним потемневший от лет и бурь,
Былых баронов и дом, и щит –
Угрюмый замок над ним стоит.
На площади звонко трубят рога,
На главной площади дым, угар,
На главной площади книги жгут
И бюргеры тесно стоят в кругу
Вокруг пылающего костра.
Меня охватил леденящий страх.
По главной площади я бегу,
Но воздух упруг и, как сливки, густ.
Как тяжело дается мне каждый шаг,
А кровь громче ветра свистит в ушах.
Вдруг ливень. А где же найду я кров?
Нет, это не дождь, это льется кровь!
Кровавые лужи по пояс мне...
Луч солнца нитью дрожал на стене.

1959

ЗИМА***

Улица в снегу, как в новой шубе.
Жалко оставлять следы на ней.
Красоту свою зима погубит,
Щедро так разбрасывая снег.

Воробьишки шумной серой стаей
Выпрыгали длинное письмо,
На базаре елки покупают
И несут, любят зимой.

1959

РУЧЕЙ

Вы не пытались проследить,
Куда бежит ручей?
Петляет, вьется, словно нить
Из серебра – ничей.
Мне даже странно, что ручей
Из серебра – ничей.
А интересно проследить,
Куда бежит ручей.

И я пытался проследить,
Куда бежит ручей,
Но закружил меня в полях
Он хитростью своей.
Чуть было не сгубил меня
Он хитростью своей...
Да разве можно проследить,
Куда бежит ручей!

1959

Деревья модники и пижоны.**
Об этом скажу я смело.
Стал не по душе им наряд зеленый,
Они нацепили белый.

1959

ПОДКОВА**

На дороге я нашел подкову,
Но оставил там лежать в траве.
Мне прохожий глянул вслед сурово,
И подумал: странный человек.

Мне судьба не говорила: здравствуйте!
Хоть и жизнь не обошла меня...
...Может, я тогда с подковой счастье,
Собственное счастье не поднял?

1959

*Потолок был в доме невысок,
Человек глядел на потолок.
Человек все ждал пока, пока...
И не видел дальше потолка.
Сергей Баруздин. «Потолок»*

И не большой высоты, о нет,**
Смог достичь в стихах своих поэт.

1959

БАЛЛАДА*****Посвящение**

Что, балда, балладу приготавил? –
Утром граф спросил у менестреля.
Да запнись лишь только на полслове,
Плеть оставит долгий след на теле.

Будет хороша она, негодник, –
Ты получишь звонкие монеты.
Даме сердца вечером сегодня
Должен я пропеть балладу эту.

Ну, начни. Да нет, постой, постой,
Что-то уж выходит слишком длинно.
Ну да ладно. На, вот, золотой,
Выпей за здоровье крошки Инны.

Граф, балладу эту спев, тотчас
Восхваленый получил изрядно
И сказала Инна: Да у вас,
Милый граф, талант незаурядный.

Что ж вы не сказали ничего,
Я бы лучше отнеслась к вам, зная.
Крошка Инна стать женой его
Обещала через месяц, в мае.

Вам, докладчики, кому доклад
Пишут подчиненные, зевая.
Вам, о, менестрели без баллад,
Я балладу эту посвящаю.

Ракета полетела. Это так.**
И это – нами пройденный этап.
А будущее – к звездам, от Земли
Космические мчатся корабли.

1959

Наши отцы на фронт уходили,**
В сорок первом им девятнадцать было.

Мы той же трудной пойдем тропюю,
Не бойтесь, что слишком жизнью обласканы.
Пишет уже сочиненье о Зое
Новая Зоя Космодемьянская.

Новый Гастелло уже в ДОСААФе,
Уже в комсомол Кошевого приняли,
Матросову нравится география,
И тройки в табеле у Дубинина...

А первоклассники пишут мелом,
Чуть неровно ложатся строки:
Люди мир отстоять сумеют!
Милые маленькие пророки.

[1959]

Жизнь и смерть очень близки,**
 А время бьет без промаха.
 Время воспитывает людей,
 Но полученные знания
 Не идут им на пользу.
 (Если б только шли на пользу.)²¹

Времени свойственны мудрость и совершенство.
 Оно самый лучший поэт и проповедник.
 (Оно само поэт и глашатай.)²²

Ты подсчитываешь, много ли тебе осталось жить.
 Но ведь жизнь приносит тебе мучения,
 Старит тебя и истощает.
 Жизнь делает тебя мудрым,
 Но научила ли тебя твоя мудрость,
 Как поступать в дальнейшем,
 Разве мудрость сделала для тебя доступным язык времени.

В битвах времени ты слышишь
 Только стон и плач
 Ты настойчиво ищешь радостей молодости
 А смерть, о которой ты забыл, близка.
 Ты считаешься мудрым, но не вижу я в тебе мудрости.

Ты все еще ищешь жизнь,
 А следовало бы искать истину.
 Но вот ты успокоился в ином доме.
 Ты превратился в прах и тлен.

Пей вино, ведь мудрость жизни –
 этой древней мастерской
 Людям не понять ее так же, как
 и на заре веков.

Что мне ваш рок и фатум,
Пой, море, песню, пой.
Утром войдут фрегаты
В затхлый и тихий порт.

Ворон на мачту сядет,
Каркнет: карай! – враги!
Сотня чугуновых ядер
Мол разнесет в куски.

[1959]

1960

Ветер холодный в спину.***
В лужицах тонкий лед.
В лес, на поляну, сына
Старый отец ведет.

Дерево ветер крестит,
Листья шуршат, шуршат.
Молча идут они, вместе
Ищут зарытый клад.

Страшен осенней ночью
Гольй, печальный лес.
Глухо старик бормочет:
Здесь... Все приметы... Здесь.

Радостно сын смеется:
– Батя, ужель найдем?
– Полный сундук червонцев
Спрятан под этим пнем.

Дай-ка сюда лопату.
Нужно скорей копать.
Смотрит луна воровато.
Змейкой свилась тропа.

Сын и отец копают.
Яма уже по грудь.
Тучи бежали стаей –
Остановились – ждут.

Вот и сундук. Он полон
Золотом до краев.
Золото... золото... золо...
Шепчет старик. Мое!

Думает сын: Конечно,
Все заберет старик.
Золото, словно в насмешку,
В свете луны горит.

– Нет, ты меня не знаешь!
Золото не возьмешь!
Сын на отца поднимает
Ржавый пастуший нож.

– Ну-ка, ударь. Зарежь-ка!
Мягко упал старик.
Золото, словно в насмешку,
В свете луны горит.

Сын, взяв сундук на плечи,
Шатаясь, сам не свой,
На следующий вечер
Пришел в село, домой.

Когда ж, безотчетно труся,
Сундук приоткрыл он, вдруг
Мерцающих в ночи гнилушек
Увидел полный сундук.

ОРЕЛ*1**

Орел из дерева расправил крылья.
Поднял для взлета их, но не взлетел.
И, может быть, впервые так бессилье
Почувствовал. И в гаме, в суете

Над комнатой, где жили, ели, спали,
Стоял, большие крылья вверх подняв.
Ему квартира заменяла дали,
Его скалой был старый книжный шкаф.

Шли годы. Покрываясь серой пылью,
Там, на шкафу, он жизни смысл постиг.
Для взлета он поднял когда-то крылья...
Он их, пожалуй, может опустить.

2 февраля 1960

РУКОВОДИТЕЛЯМ БОННА***

К войне вы зовете. От злости ослепли,
Но кто же пойдет воевать?
Дома не затем, чтоб развалины в пепле
Весною скрывала трава.

Фашисты шагали – ать, два – дранх нах Остен,
Несли они ужас и смерть.
Могилы... В могилах арийские кости.
Приедьте на них посмотреть.

Как били мы их! От Москвы до Берлина,
От крымских до финских озер.
А впрочем, фашистов ведь вас половина,
Прекрасно вы знаете все.

И те, кто наганы цепляет на пояс,
В походы готовы идти,
Пусть вспомнят и взвесят, что наш бронепоезд
Стоит на запасном пути.

4 февраля 1960

ОСЕНЬ***

Ива ветви наклонила
Низко – до земли.
Как спалось ей? Что ей снилось?
Дождь все утро лил.

Желтый листик плавал в луже –
Странный пароход.
Так, ступать стараясь глуше,
Осень к нам идет.

1960

Коза забралась на высокую крышу,***
И стала безжалостно волка ругать.
А волк, оскорбленья подобные слыша,
Рычал, но ведь крыша была высока.

Затем, о козе отозвавшись нелестно,
Волк молвил, от злости порою рыча:
[-]Не ты, о коза, а высокое место
Такие мне дерзости смеет кричать.

1960

Гналась за газелью гончая собака.***

Говорит собаке на бегу газель:

[-]Хорошо бежишь ты, но, поверь, однако,

Что недостижимую взяла ты цель.

– Почему? – Собака у нее спросила.

– Я бегу, чтоб жизнь свою спасти,

Ты ж, собака, напрягаешь силы,

Чтоб хозяину добычу принести.

1960

Лис сказал: О, если б дикий виноград***

Сладок был, то непременно б люди

Понаставили заборов и оград,

Слава Богу, этого не будет.

1960

Тюльпаны – раскрашенный тонко шелк –

Стоят, на века застыв.

И пусть ни один из них не цвел,

Они как живые цветы.

И если их лепестков не смять,

Они простоят сто лет.

Быть может, это Вечность сама

Стоит на моем столе?

1960

Петр, шагая по дороге,
Ключ нашел, большой, тяжелый.
И угрюмый, одинокий
Бродит он теперь по селам,

Словно призрак, сух и бледен,
Смотрит на чужие двери.
И, мечтая об обеде,
Ищет дом к ключу теперь он.

1960

СКАЗКА О КОРОЛЕВСТВЕ ЦИФР***2

Когда-то Королевство цифр,
Своих соседей покорив,
На зависть и на страх врагам
От Ириаттики до Ламм,
От Ульских гор до Кзыр-Короз
Медвежьей шкурой улеглось,
Царящею, держащей власть
Династия Один была.
И добр к народу не ахти
Был Айн XII Один.
Он, выступая, гордо нес
Свой длинный, тонкий, острый нос.
Все говорили, что король
Умен, но очень, очень зол.
Его министр первый – Два,
Все говорили – голова!
И вправду, голова его
Министра больше самого.
Но шел слушок из уст в уста,
Что голова его пуста
Граф Три – гордец, аристократ

Но злые люди говорят –
Его алтарь – дубовый стол,
И потому он страшно толст.
Четыре – старый генерал.
Он пять сражений проиграл,
Чуть-чуть не выиграл одно,
Но враг (он этому виной)
Такой нанес ему удар!
О, кто не терпит неудач.
Богаты страшно Пять и Шесть,
Заводов, фабрик их не счесть.
Тот и другой вперед несет
С огромной важностью живот.
Семь – офицер-кавалерист,
Кумир гостиных и балов,
Но страшно туп и безголов
Есть Восемь, Девять – те купцы,
В их магазинах леденцы,
Автомобили «Кадиллак»,
Все лучше, лучше их дела.
Профессор – старый, толстый Нуль.
Старик боится свиста пуль,
Автомобилей, лошадей,
Дам, жаб, мальчишек и т.д.

17 февраля 1960

ЦИФРЫ НЕ СДАЮТСЯ

Отрывок из пьесы

ПРОЛОГ

Утро. Иван Петрович спит. Он бухгалтер. Вчера он, составляя ведомость, ошибся на 30 копеек. И эту ошибку нашел не он. А потом плотно поужинал. И теперь ему снятся плохие сны. А потом ему приснились цифры. Выступая по очереди, они спели такую песенку:

Один:

Я царь Один, я грозный царь,
И власть моя едина.

Два:

Нас двое было у отца.
Я старший брат Одина.

Три:

Я старый граф, я гордый граф
Без денег и без фарта.
А жизнь – игра. И все – игра.
И я играю в пинг-понг.

Четыре:

А я четвертую весну
Командую бригадой.
И любят, как собака кнут,
Меня мои солдаты.

Пять:

Я Пять.

Шесть:

Я Шесть.

Хором:

И мы купцы –
Основа капитала.

Восемь:

У мужа замки и дворцы.

Девять:

Что толку! Их так мало.

Всецифры хором:

Трала-лала, трала-лала
Тралала-лала-лала.

Иван Петрович (просыпаясь):

Почему не было семи?! Куда девалось семь?!

Семь:

Вот я.

ЭПИЗОД I

*Иван Петрович и Семь на шумной базарной площади большого города.
Нищая девочка поет:*

Жил на свете старый Нуль,
добрый Нуль,
толстый Нуль.
Он боялся свиста пухля,
свиста страшных пухля.

Он боялся лошадей,
лошадей,
лошадей.
Дам, собачек и т. д.
и т. д.
т. д.

Голос с неба: *(Иван Петрович шарахается):*

*Внимание! Внимание! Говорит радиоузел рынка. Граждане покупатели! Уважайте труд уборщицы. Не сорите!
Внимание! Внимание! Передаем сообщение ультратайного и архиглавного его величества короля Одина государственного совета. Профессор Ульского университета Семь, выступая публично, заявил, что форма важнее содержания. На диспуте с профессором Нулем он сказал, что порядки в нашем королевстве в корне неправильны. Если второе утверждение является ересью, то первое – государственная измена. Академия его величества исключила его из числа своих членов. Семь сколотил отряд из крестьян и подстрекает народ к мятежу, покушаясь ниспровергнуть существующий порядок. Лицо, которое укажет местонахождение мятежника Семь, получит в награду тысячу крокодилов. Повторяю...*

Иван Петрович:

Что?!

Семь:

Крокодил равен вашему рублю.

Иван Петрович *(мучительно раздумывает):*

Послушайте, Семь, а вы вправду считаете, что форма важнее содержания?

Семь:

Ну конечно. Случайно попав в ваш сон, я решил, что вы мой единомышленник, и перенес вас сюда.

Иван Петрович:

Значит, по-вашему, важнее вести бухгалтерские книги красивым почерком, чем вести их правильно? Если бы мое начальство тоже так считало, мне бы жилось вполвину легче. И, наконец, это восстание против короля... (Повышая голос). Я категорически требую, чтобы вы доставили меня назад, домой.

Семь:

Я поднял восстание не против короля, а против содержания в защиту формы. Отправить вас назад я не могу, так как такие перемещения возможны только тогда, когда ваше земное существование снова пересечется с нашим. Следующее пересечение может произойти через месяц, через год или через несколько тысяч лет. Доставить вас назад может только профессор Нуль.

Иван Петрович (почти кричит):

Так отвезите меня к нему поскорее!!!

Семь (презрительно):

Вот вам пять крокодилов, наймите карету и отправляйтесь в Ульск.

Быстро уходит. Растерянный Иван Петрович остается на площади.

ЭПИЗОД 2

Город Ульск – столица королевства цифр.

Иван Петрович поднимается по лестнице семиэтажного дома. На средней двери шестого этажа табличка:

«Профессор О».

Иван Петрович пожимает плечами и нажимает кнопку звонка. Сначала слышен медвежий рев, затем волчий вой, собачий лай, кошачье мяуканье, мышинный писк и, наконец, шаркающие шаги профессора, который отпирает дверь.

Нуль (глядищему на него с ужасом Ивану Петровичу):

Тут неподалеку зоопарк. Пройдемте в комнату. (Ведет Ивана Петровича в кабинет). Что вам угодно?

Иван Петрович:

Видите ли, я из Советского Союза. Бухгалтер. Я попал сюда по ошибке, и спасти меня можете только вы!

Нуль:

Я вам помогу, но следующее пересечение только через один год, два месяца, три дня, четыре часа, пятнадцать минут, двадцать три секунды и будет продолжаться одну секунду. На одного пассажира – 10 кг багажа. Багаж сверх нормы оплачивается в Центральной кассе перемещений. А пока я постараюсь устроить вас на работу. (Видит, что Иван Петрович уже открыл рот, и добавляет): Оклад, разумеется, не меньше земного. А кто вас перенес сюда?

Иван Петрович:

Семь. Он предлагал мне возглавить покушение на короля. Я, разумеется, отказался.

Нуль

Семь, Семь... Мой самый талантливый ученик. Вот уже год, как он заявил: «Нуль мне друг, а истина дороже», и ради этой призрачной истины поднял восстание, еще ухудшившее положение нашего несчастного королевства.

Иван Петрович

А в чем дело? Что происходит в вашей стране?

Нуль

Ну что ж, слушайте. Эту печальную повесть я начну стихами. Ведь я (смущенно улыбается) еще и поэт. И даже почетный член Академии славословий.

Когда-то королевство цифр,
Своих соседей покорив,
На зависть и на страх врагам
От Ириаттики до Ламм,
От Ульских гор до Кзыл-Корроз
Медвежьей шкурой улеглось...

(Взволновано продолжает прозой):³

Часто стеклышко Кая***4
 Из зеркала злого тролля
 Людям в глаз попадает,
 Больно их колет.

Солнце ли ярко светит,
 Вьюга ли воет,
 Видят они на свете
 Только плохое.

Чтобы осколок растаял,
 Нужно поплакать немного.
 Люди со стеклышком Кая
 Плакать не могут.

1960

Город сонный, сонный, только видно
 Полосы широкие пижам.
 Да в колясках возят инвалидов
 Набережной тихой по утрам.

Море тоже сонно. Робко лижет
 Берег невысокою волной.
 Кажется, что небо стало ниже
 И прессует надоевший *(этот страшный)****5 зной.

Море, заиграй! Их сон разбей ты!
 Тихий пляж волнами искусай!
*(Побережье волнами кусай!)****6
 Над спокойным морем плачет флейта,
 Над спокойным морем паруса!

Паруса. Фрегат. Но это что же?
Над фрегатом флаг затрепетал.
В небе черный флаг. Веселый Роджерс?
Может быть, сейчас раздастся залп?

Я пойду и попрошусь к ним юнгой.
Увезет меня с собой фрегат.
Там из чаши, пущенной по кругу,
Буду я ямайский ром хлебать.

Черный флаг, как черный ворон, реет...
Тише, ну к чему такой задор?
К пристани идя, берет левее
Катер для прогулок «Лабрадор».

19 февраля 1960

Жалкая капля света – ***
Тусклый фонарь и ночь.
Голый осенний ветер
Бьется в мое окно.

Может быть, вспомню это
Солнечным днем, весной:
Жалкая капля света...
Ветер стучит в окно.

21 февраля 1960

Решил я о природе написать.***
Сначала тема первая – леса.
Ну, это просто. Я в автобус влез.

Вперед! К природе! (То есть в Бучу⁷, в лес!).
 Я в лес вошел. Там старые дубы
 Раздумывали: быть или не быть.
 Ну, что ж, пожалуй, это подойдет.
 Я из кармана вытянул блокнот.
 Но мне дубы сказали: [-] Ерунда!
 Запрячь в карман поглубже карандаш!
 Мы не хотим в стихи твои попасть!
 Смеетесь вы. Но даже и сейчас,
 Навеки искушение поборов,
 Я о природе не пишу стихов.

1960

О чем ты шумишь, Теласса,^{***}
 Швыряя волны на берег?
 Нового ждешь Колумба,
 Открывателя новых Америк?

Жди, он придет, хоть торен,
 (Может, придет, хоть торен)⁸
 Труден Колумбов путь.
 Жди, не волнуйся, море.
 Все в этом мире ждут.

1960

*Шерочка с машерочкой
Танцевали вальс...
Хочется
Найти своего.
Ну а что из этого?
Ничего...*

*Роберт Рождественский.
«Личное»
«Юность», № 3, 1960*

Вправду, у поэзии***
Дела плохи.
Шерочка с машерочкой
Писали стихи.
Хотелось им читателя
Найти своего.
А что из этого?
Да, так... Ничего...

1960

Тихо каплют минуты, как капли дождя,***
Люди в комнате молча сидят.
Дождь стремительно бьет кулаком в окно.
(Дождь с отчаянием бьет кулаком в окно.)⁹
(Так бывает весной).

Люди тихо встают,
Друг на друга глядят.
И уходят под грохот дождя.

15 марта 1960

КИТЕЖ

Выслушав напутствия: смотрите ж
Осторожней. Что вы? Наугад?
Я ушел сегодня в город Китеж.
Впереди – деревни и луга.

Китеж, верно, ты не изменился.
Точно так же (вот уж сотни лет)
Мерят сороками шкуры лисьи
И мешками шкуры соболей.

Ты укрыт надежно завесой
От времен, событий и людей.
Сколько мне идти осталось? Месяц,
Год, минуту или день?

Из-за горизонта, постепенно,
Белые, белее молока,
Вырастают каменные стены.
Я бегу (Как сердце бьет в бока).

Подбегаю. Как зевок ворота.
Стража спит, склонившись на мечи.
Дальше! Дальше! Ведь не спит здесь кто-то!
Нищий! Эй, отец! Старик молчит.

Спит. Теперь вхожу во все дома я.
Люди спят на лавках, на полах.
Словно в сказке, где колдунья злая
Юную принцессу прокляла.

Китежские граждане, проснитесь,
Разомкните шторы век!
Слышишь, город Китеж, знаешь, Китеж,
Что сейчас двадцатый век.

В узком переулке церковь Спаса.
Нищие на паперти лежат.
Колокольня в золоте. Прекрасно!
Разбужу сейчас я китежан!

Миг, и я уже на колокольне.
Привкус ветра на моих губах.
Город весь лежит как на ладони.
Вот веревка. Я забил в набат.

Звон. Разбита тишина немая.
Город просыпается едва.
И гудком далеким отвечает
Скорый поезд Куйбышев – Москва.

27 марта 1960

Для нас под влиянием Шерлока Холмса***
(Мы знаем: он сказка, миф)
Старый мир навсегда раскололся
И новый открылся мир.

В том мире шпионы со зверской рожей
Стоят на каждом углу.
А тот, кто их раскусить не может,
Неопытен или глуп.

А мы с Олегом на четвереньках
Исследовали следы.
Хотя над нами соседский Сенька
Смеялся до хрипоты.

Мы, впрочем, и сами смеялись позже.
Таинственное любя,
Тогда мы порой за иным проходим
Шагали кварталов пять.

И громко, чтобы прохожий слышал,
Болтали мы вздор такой:
– До дома, где живет дядя Миша,
Отсюда подать рукой.

А тети Лизы, к которой спешим мы,
Наверное, дома нет.
Она купила себе машину,
Продав зеленый буфет.

Порой, пораженный такой деталью,
Прохожий глядел назад.
Но мы нимало тем не смущались
И продолжали врать.

1960

*Аслату Зиганишину,
Филиппу Поплавскому,
Анатолию Крючковскому,
Ивану Федотову –
посвящаю.*

Бронза, камень увековечат^{***10}
Четырех отважных солдат.
А не проще ли и не легче
Было лучше искать тогда?

Записали в списки погибших...
Ветер холоден и безлик.
Волны в 10 метров и выше
На хребтах поднимали их.

И течение Куросио
Их в Америку уносило.

Словно щепку, кидало баржу.
Смерть таил в себе каждый миг.
Шторм двенадцатибалльный даже
Четырех не сумел сломить.

Написали про них в газетах
Тыщу стихов и заметок тьму.
И Бомбар их письмом отметил,
Только это им ни к чему.

1 апреля 1960

Сказали однажды мне: Бога ради,**
Да брось ты стихами бумагу пичкать.
Я стопку сложил из своих тетрадей,
Вздвогнул и поднес к этой стопке спичку.

Стоял суровый январский холод.
И люди к стихам подходили – греться.
Они прикуривали от глагола
И не знали, что то горит мое сердце.

12 апреля 1960

С деревьев срезают ветки весной,**
Когда на них набухают почки.
А может быть, ветки срезать не стоит,
Меня порой сомнение точит.

Но их срезает рука незлая,
Срезает для лириков, милых, мирных,
А лирики веточки подбирают
И ставят в бутылки из-под кефира.

1960

Станция Джанкой я не минул.**
 Скорый поезд «Киев – Симферополь»
 Кажется, стоит там пять минут.
 Пахло арбузами и укропом.

Весь вагон боролся с дремотой.
 Колоколом, басовито звонко
 Прозвучало: станция Джанкой.
 Люди заворочались на полках.

Я в окно лениво поглядел.
 Городок был чистенький и белый.
 Был обычный, очень жаркий день.
 До прохожих не было мне дела.

Все (и даже нищего на пне)
 Я уже, казалось, видел где-то.
 Только вдруг не захотелось мне
 Через час быть за сто километров.

Семафор в ответ махнул рукой –
 Остаться здесь резона нету.
 Есть на свете городок Джанкой.
 Я туда когда-нибудь приеду.

1960

ОТДЕЛ РЕКЛАМЫ**

Дай сердцу волю – заведет в могилу.

КИЕВСКОЕ АПТЕЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ**

Покупайте валидол!

ТРАМВАЙНО-ТРОЛЛЕЙБУСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ***

Водитель! Ты глядишь назад,
А смерть вперед.
Будь осторожен в снегопад
И гололед!

1960

О, летучий мышонок, невзрачный и серый,**
Рыжий мех у тебя на спине.
Восемь строк я тебе посвящаю. И верно,
Слишком много, пожалуй, сонет.

Вот и ночь. День (он был очень жаркий и пыльный)
Пролетел. А пришел он зачем?
И тогда вырастают огромные крылья
Из худых и костлявых плечей.

В осколке зеркала осколок неба.
[И] солнце эту влагу жадно пьет.
А можно, бросив наземь корку хлеба,
Обрадовать две сотни воробьев.

1960

Я слышал, будто скульпторы Эллады
Из мрамора коринфского скульптуры
Раскрашивали краской минеральной –
Зеленой, красной, и довольно грубо.
Но время стерло краску, и скульптуры
Нам чистыми и белыми достались.
А, может быть, они в окраске грубой
Верней? О, Бельведерский Аполлон,
Раскрашенный, как тульская матрешка!

6 мая 1960

Откуда, я не знаю, право
Ко мне явился по утру
Какой-то черт, возможно, дьявол.
Я в рангах их не разберусь.

– Что скажете, милейший дьявол?
– Кое-что хочу вам показать.
– Мне эти шутки не по нраву!
Куда меня ты тащишь?!

– В ад.

Мы с ним два дня неслись. На третий
К пещере черт принес меня.
У нас зима была, но лето
В Австралии увидел я.

Я думал – ад под Литл Роком,
Но черт в пещеру ловко влез.
[-] Идти нам – бросил – недалеко.
Иди за мной. Поэты здесь.

Иду за ним. Мелькают залы,
И слышится неясный гул.
Бичей милей, алее Лала
В котле варился Сологуб.

Большая комната направо.
Там в наказание за все
Бурлюк глотает камни, травы,
Глубины, глины, зыбь и соль.

Летит в космическом трамвае,
Дымя, как лошадь, Гумилев.
А дальше Хлебников взбивает,
Как пух в перине, кучки слов.

– А где же Маяковский?

– Вот он.

Но на дверях замок висит.

– Что делает и как живет он? –

У черта-гида я спросил.

– Стихом бичует кущи рая

И часто (нежен или груб)

Волнующе ноктюрен играет

На флейте водосточных труб.

Конец апреля 1960

АРШАКОВАН***

*Армянский царь Аршак II (IV век),
борясь с удельными князьями (нахарарами),
основал город Аршакован и объявил, что
всякий, вошедший в этот город, свободен от
суда и закона. Вскоре население составляло
больше 100 000 человек. Жители города
(они бежали из-под ига нахараров) были
большой силой в руках Аршака.*

В долине Ког, у речки Максис

Основан был Аршакован.

Царь объявил, что всякой власти

Конец у городского рва.

И город, над долиной высясь,

Всех принимал, без паспортов.

Там скоро стало двадцать тысяч,

А то и более домов.

Все, кто с насилием боролись –

Бродяги, смерды – соль земли.

Не по свободе – вольной воле

Свою тоску туда несли.

Беда приходит в дом без стука,
Дверь перед ней закрыть нельзя.
Персидского царя Шапуха
На помощь вызвали князя.

Приди и помоги, – сказали.
Какие подлые слова!
И был сожжен и кровью залит,
Сравнен с землей Аршакован.

11 мая 1960

Молишься и веришь. Даль туманна.
Двери шелчут: пуркуа?
Донна Анна, знаешь, донна Анна –
Милый парень Дон Гуан...

...Стук. Шаги. Гуан, ты страхом скован.
Выдают тебя глаза твои.
Перед Командором трехметровым
Тоненькая женщина стоит...

Середина апреля 1960

Не знаю я, чего он хочет,
 Но знаю – он невдалеке...
 В билет обернутую сдачу
 В троллейбусе передает...
 А он по улицам гуляет
 И крепким яблоком хрустит...
 Но я робею перед мигом,
 Когда, поняв свои права,
 Он встанет, узанный над миром
 И скажет новые слова.

Евгений Евтушенко

Не знаю я, чего он хочет,**
 Но знаю – он невдалеке.
 Его ноги неровный почерк
 На пляжном золотом песке.
 Сыграет он в cache-cache¹¹ два сета
 И делает вдруг ход конем.
 Зато в троллейбусе билета
 Без контролера не возьмет.
 Он ходит, ходит где-то близко.
 Любуется – какой soir[ee]¹²!
 На чистых улицах огрызки
 Бросает он на тротуар.
 Но я, робею перед мигом,
 Когда, поняв свои права,
 Он встанет, узанный, над миром
 И скажет новые слова.

1960

ТИПОГРАФИЯ***

Окна столовой дышат борщом –
 Чувствуешь за версту.
 Люди, наскоро съев харчо,
 Снова к станкам идут.

 Дышат свинцом они каждый день.
 И я подумал, что тут
 Люди в тяжелом большом труде
 Поэзию создают.

1960

КУКУШКА***

Мне в лесу кукушка куковала,
Что, как накукует слишком мало?

Раз, и два, и три прокуковала.
Сердце тихо-тихо биться стало.

Шесть, двенадцать, двадцать, тридцать, сорок.
Милая, да ты умолкнешь скоро?

Все ку-ку. Не, плюнул я на это,
Повернулся и ушел обедать.

23 мая 1960

Говорят, все песни спеты.
Вроде не нужны поэты.
Я пишу стихи про это,
А другие строят это.

Помогает стих, отчасти,
Жить, трудиться окрыленно?
Киркою помашешь часик,
Так навряд сонеты тронут.

За окном цветенье вишен!..
Я гляжу на это хмуро.
А не бросить ли мне вирши,
Не податься ль в штукатуры¹³?

20 мая 1960

Тополей не видно, вроде – липы,^{***}
За оградой вон орех.
В воздухе кружится
к лицам липнет
Тополиный белый снег.

Так доверчиво, и так дремотно
Опускается в толпу.
Но ведь это, черт возьми, щекотно.
Я сдуваю этот пух.

1960

Раковина, серая снаружи,^{***}
Мягко нежно-розова внутри.
Чтоб увидеть эти переливы,
Должен был убить моллюска я.

21 мая 1960

На заборе висит афиша
«Я ищу тебя».
Это о том, что меня кто-то ищет
Все заборы трубят.

Я часами у этой афиши
Стою на посту.
Ты, что ищешь меня, слышишь,
Вот я, тут.

1960

ПРАВДА***

(Восточная легенда)

Далеко, за теплыми морями
Есть большая горная страна,
Синими, холодными глазами
Видят львов озера в тусклых снах.

Ночь темна, но день там жаркий длинный.
Над землей пленящий запах дынь.
Люди, что живут внизу, в долинах,
Ни войны не знают, ни вражды.

Общие у них леса, болота,
Реки, виноградники, поля.
Ежедневно смоченная потом
Плодоносит дважды в год земля.

Не найдя богов ни в небе синем,
Ни в воде, ни в рожице, в тени.
Правде, их единственной богине,
Строят храмы пышные они.

Девушкой прекрасной, неземною
На народ глядит с икон она.
Вора в той стране простят порою,
Беспощадно покарав лгуна.

Люди о богине знают смутно,
Тем не мене, говорит народ,
Будто Правда в замке неприступном
Где-то далеко в горах живет.

Юноши, решив погибнуть или
Разыскать богиню между скал,
Уходили, часто уходили.
И никто их больше не видал.

И сказал сын пахаря Давида,
Молодой красавец Сулейман.
Если суждено мне Правду видеть –
Я вернусь. А нет – утешьте мать...

Долго шел он. Перед ним ущелья
Раскрывали каменную пасть,
И глядела смерть из каждой щели,
И вилась над пропастью тропа.

Замок он увидел в отдаленье
Утром, на девятый день пути
Стража (к удивленью, из оленей),
Молча отстранясь, дала пройти.

Сулейман кушак стянул (не новый)
И пошел по залам наугад.
Робкий, кроткий, внутренне готовый
Ослепиться и упасть к ногам.

Безуспешно рыская по залам,
В комнатушке, маленькой, как шкаф
Дряхлую старушку увидал он
На чурбане, в платье из мешка.

Он сказал: прошел я комнат до ста,
А богини Правды нет как нет,
И старушка отвечала просто:
Я богиня, ты пришел ко мне?

Охнул Сулейман. И вдруг... поверил,
Даже сам не зная, почему.
И спросил, сердито хлопнув дверью:
Что сказать народу моему?

Думали, что ты красива, мало,
Ангельски прекрасна. Как же жить?
Правда улыбнулась, и сказала:
«Ну а ты неправду им скажи».

Сигналы, долетевшие в Венеры,**
 Случайно услышал и записал.
 Их звуки были чистыми без меры
 И светлыми, как осенью роса.

Хоть разобраться не смогла в их чаще
 И армия искусственных мозгов,
 Но трепетно, призывно и маняще
 Звучал набор чужих звенящих слов.

*(Но что в посланье том – слова привета,
 Иль, может, объявление войны?
 От имени страны и всей планеты
 Мы [это точно] выяснить должны.)*

[1960]

ТУЧА***

Туча над морем водою полна
 Цвета такого же, как волна.
 Верно, подбросило море вал
 Высоко, он в небо попал.

И теперь плывет над водой,
 Над голубой водой – голубой.

[1960]

АРШАКОВАН¹⁴

*Армянский царь Аршак (IV век н.э.)
для борьбы с удельными князьями
основал в своей долине город Аршакован
и объявил, что всякий пришедший в него
свободен от суда и закона.
(Массы княжеских крепостных стали***
стекаться в город. В их лице Аршак
надеялся обрести поддержку.)¹⁵*

Человек подошел к ручью.
Стал пить, как, придя из пустыни, пьют.
Он, княжий холоп, от господ бежал.
Три дня гнались за ним сторожа.
Но он ушел по глухой тропе.
Он шел, а в сердце звенел напев:
Священны камни твои и трава,
О, город Аршакован.

В лесу ему спутник шептал: [«] Бежим!
(Ему товарищ шептал: Бежим!)***¹⁶
Тому, кто придет в этот город жить,
Дают рубаху. Из полотна!
И мяса дают. И кувшин вина.
И волю, главное, там дают.
Бессильны в городе князь и суд.
Священны камни твои и трава,
О, город Аршакован! [»]

Дошел до города он. И вот
Улыбками встретили у ворот.
И дали рубаху из полотна,
И мяса, и целый кувшин вина.
И города воздух бодрит, как сон.
Ведь он свободою напоен.
Священны камни твои и трава,
О, город Аршакован.

Но он подумал: [«]Ведь слепнет мать,
 Чтоб я в рубахе здесь мог гулять.
 Сидит без хлеба сестра моя,
 Чтоб здесь ел мясо бесплатно я,
 И люди босы, и я виной –
 Ведь здесь бесплатно я пил вино.
 Священны камни твои и трава,
 О, город Аршакован.

И эта свобода – один обман,
 Чтоб царь мог головы снести князьям.
 Тогда растает она, как сон[«].
 Брезгливо сбросил рубаху он.
*(Когда хвосты прищемят князьям, **x17*
Она растает, как будто сон,
На землю бросил рубаху он.)
 Она покорно легла у пят.
 Человек повернул назад.
 Священны камни твои...

1960

ОСЕНЬ ПРИШЛА В ВОСКРЕСЕНЬЕ

Осень прошла сквериком
 Вдоль чугунных оград
 И подумала: сквер – это,
 Наверное, скверный сад.

В синем жакете, с папочкой
 (И в выходной дела),
 Меря дорожку палочкой,
 К девушкам подошла.

– Вот и пришла я. Рады мне?
 – Вы бы... пришли потом.
 Мы вот сейчас с ребятами
 Вместе на пляж идем.

Ушла (Загляну к вам в среду я)
И слышит – невдалеке
Девушки беседуют
На птичьем языке.

Лето 1960

Дождик серенький и маленький,
Дождик маленький и робкий,
Дождик робкий на завалинку
Прыгнул тихо и неловко.

И зацокает, зацокает,
Убегающий куда-то,
Лишь травинка невысокая
Вслед посмотрит виновато.

3 сентября 1960

ДИМИТРИЙ***

*У царя Михаила Романова был сын
Димитрий, проявлявший уже в возрасте
10 лет твердость и даже жестокость
характера, сильно походивший на Ивана IV.
По преданию, придворные царя-отца так
осторожно отравили его, что[б] все считали его
смерть естественной.*

Желтый трупик мальчика
На столе.
Сам епископ каркает:
Прах и тлен.

Вытирая пот с лица
(Свет не мил),
Скорбно хмурит брови царь
Михаил.

Нянюшка царевича
Голосит.
Дьяк гнусавит: Господи,
Нас спаси!

А бояре крестятся
Каждый раз.
Ничего не сделаешь,
Видно, сглаз...

Вы, бояре, думали:
Дмитрий зол.
Занесет над думою
Много зол.

...Он бы хана крымского
Поборол.
Но коли займет уж он
Отчий стол –

Не сидеть нам [вам] сытыми
В терему.
Сами зелье сыпали
В хлеб ему.

...Словно стая воронов,
Каждый раз:
Ничего не сделаешь,
Видно, сглаз.

Лето 1960

Ночью деревьям очень страшно
Стоять на ветру одним.
Месяц землю, как плугом пашет,
Острым рогом своим.

Хоть фонарь бы горел – так просто!
 Нет – на земле темно.
 Глянут в небо, – а в небе звезды,
 В небе – звезды и ночь.

5 сентября 1960

Наверное, в душе часовщики
 Считают мир огромными часами.
 В три горла тикай, словно Бен,¹⁸звони,
*(В три горла тикай, бей, как на пожар),*¹⁹
 А все равно сломается пружина.

14 сентября 1960

Солнце землю не дарит обновой,
(Над землей, как ведьмы, листья носят.)^{**20}
 День уходит, сер и незаметен.
 С мокрых веток носики кленовые
 Нюхают холодный мокрый (резкий)^{**21} ветер.

1960

КОСМИЧЕСКИЙ ТРАМВАЙ

Я веду ракету на Венеру.
 Рейс пять тысяч триста двадцать восемь.
 Грушевую воду марки «Бэра»
 Стюардесса вежливо разносит.

Я картинку в старой книге видел:
 Странный ящик, а в середине стулья.
 ...Два пучка магнитных волн, как нити,
 От Земли к Венере протянулись.

*(Я картинку в старой книге видел:***22
 Странный ящик катится по рельсам...
 Два пучка магнитных волн, как нити,
 Тянутся с Земли. И не надейся*

Вырваться из плена. Как в трамвае! –)

Два пучка. Как рельсы. Как в трамвае! –
 С курса на три пальца хоть сверни ты –
 Стрелки головами закивают,
 Аппараты зазвонят сердито.

У большого мира путь нелегкий.
 Жили поколения, мечтая
 То о заколдованной пролетке,
 То о заблудившемся трамвае²³.

И опять трамвай. Без карт, без лоций.
 Он царит и в космосе. Но верю:
*(Повернуть и мчатся. Нет. Но верю:)****
 Поведет ракету к новым солнцам
 Мальчик, пьющий воду из фужера.

1960

НАД ДНЕПРОМ

Потомки будут, думается мне,
 Нас называть народом фантазеров.
 Ну, взять мосты хотя бы через Днепр.
 Как велики и как мощны опоры.

Писали: птица не перелетит,
 И рисовали: синий и широкий.
 А Днепр можно вброд перебрести,
 И только до колен замочишь ноги.

О, как бы мне хотелось, чтоб река
 Была и при потомках глубока.

28 сентября – 5 октября 1960

АНТАРКТИДА

*Ни господ.
Ни рабов.
Ни царей.
Ни республик,
Ни древних империй...
Л. Мартынов. «Антарктида»*

Вот и найдены древние карты твои, Антарктида,
С указанием высот, тех, что тысячи лет подо льдом.
Эти карты древней, чем гробниц фараоновых плиты,
Мы по ним ни народов, ни стран никогда не найдем.

Значит, мир начинался не с коптов, не в древней Элладе...
С трех твоих островов? Как же звался твой гордый народ?
Может быть, твой Уатт паровую машину наладил,
А в Египте Хеопс пирамиду закончил в тот год.
(А в Египте князья появились впервые в тот год.)*24**

Может, были свои: и Руссо, и Фейхтвангер, и Горький.
Ницше свой, свой Карл Маркс, даже Ленин, возможно, был свой!
И фашисты свои, и расстрелянный Гарсиа Лорка,
И, как странно звучит, антарктидский великий Толстой.

После этого атом открыли и, воздух земли заражая,
Повели испытанья. Сперва для остратки врагу...
Но однажды, однажды две черные кнопки нажали –
Ту на этом, другую за морем, на том берегу.

И великие хартии, с грозным рычанием зверя
(Или тихо и ласково), море слизнуло, как сор.
В мире все повторяется. Значит, мы тоже?... Не верю!
Остановим истории колесо!

Октябрь 1960

Жил да был старый граф.
Жил он в замке сером, старинном.
Вилась, торжественна и стара,
Лепная надпись: Anno Domini.

Серый мох обрамлял бойницы.
А у графа была подагра.
Он не ездил лечиться в Гагры –
Все за границу, в Ниццу.

Граф был знатным и богатым
И от скуки – меценатом.

Потому-то именем графовым
И зовутся науки многие:
География, топография,
Фотография, графология.

Грифели делают из графита,
И наливку пьют из графина.

А у графа сынок был – График,
В общем, очень неглупый малый.
Собственным именем – просто «график» –
Изобретенье свое назвал он.

И люди по графику стали работать,
Бить Куца рекорды, чихать,
Обедать, влюбляться и кашлять, пить воду.
Гулять и витать в облаках.

Были такие люди, впрочем,
Которые графики рвали в клочья.
Рвали в клочья... А после в ЗИЛе
Санитары их увозили.
А диагнозы были туманные:

Графомания...

Старый замок разбит в войну.
Никто не шуршит на дорожках гравием.
Люди по графику полетят на Луну
И изучат селенографию.

Октябрь 1960

ВТОРОЕ СОЛНЦЕ

Солнечный луч из солнца выпал,
Но не запутался в гребешке,
А тихонько упал на землю
И, улыбаясь, свился в кольцо.
Один мальчишка в ботинках рваных
Поднял его, охнул, на руку дунул,
И что силы подбросил вверх.
А снизу казалось, что это солнце...
И снизу кричали: Смотрите – солнце!
А сзади шло настоящее солнце
(Оно светило сильнее)
И оба солнца пошли рядом,
И в мире людям стало светлей.

Лето 1960

УБЕЖИЩЕ***

*Кончился послевоенный период,
Предвоенный начался опять.*

Семен Гудзенко

Год назад белил в подъезде стены
(Звезды из известки на полу)
Мастер аккуратный и степенный.
Он закрасил алую стрелу.

(Кто пилил смолистую фанеру?
 Кто ее прибил, направив вглубь?)
 ...Этим утром дворничиха Вера
 Мокрой тряпкой вытерла стрелу.

Словно ряд зубов, семь букв. О, счастье
 Навсегда захлопнуть этот рот!
 Мастер, мастер, добрый старый мастер,
 Повтори чудесный свой ремонт!

18 ноября 1960

На асфальт, в растоптанную слякоть***
 Плавно опускаются снежинки.
 Заметают ласково и мягко
 Мятые, уставшие тропинки.

А вчера детсадовская няня
 Не велела кушать снег ребятам:
 Попадают в снег от испытаний –
 Видите пылинки – это атом.

1960

Троллейбус – зуб.***
 Его во рту
 Булавкой чистит
 ТТУ.²⁵

1960

И сказала курица:***
«Здрасьте, как вам курится?»

1960

И все-таки Юру***
Признали де-юре.

1960

Оборвалась тоненькая нить –
Кончилась пластинка с песней Грига.
Осень. Побелели небеса,
И уже не хочется в походы.
Даже в кресле можно сносно жить.
В кресле спать, хранить под креслом книги,
А на гладких поручнях писать,
И держать в карманах бутерброды.

1960

И умрет от ностальгии***
На далекой Замбези.
Пред картою России
Он уронит две слезы.

1960

А на каждом тыне***
Надпись по латыни:
Anno domini.

1960

Еще жара. И по воскресным дням***
Троллейбусы полны: на пляж все едут.
Щебечут птицы: не хотят понять,
Что осень под кустом таится где-то.
Горисполком траву уже косил.
И, вероятно, скоро снова скосит.
Кузнечий хор в 500 кузнечьих сил
Себе ж во вред усердно точит косы.
Зато в лесу во всю растут грибы
(Раз осень, – значит, осень, как ни сетуй)
Старик-каштан для листьев раздобыл
Каемочку каштанового цвета.

1960

Господь нас встретит у ворот***
И скажет: ай, люди!
И до чего паскудный сброд
Прижился на земли.

1960

Человек родился утром ранним***
Молодой – таких зовут – да ранний,
Впереди других немного будет,
А такого не прощают люди.
На него прольется, словно лава,
Океан хулы, и редко, славы.
Но и в славе этой мало проку.
Да и нету признанных пророков.

1960

Серые приказы комиссара.***
Хлещет дождь с усердьем пацифиста.

1960

Сколько, друзья, начать еще!***
Уставшие! Вы! Присядьте!
Да здравствуют отвергающие
Премудрости хрестоматий!

1960

Ни домашних, ни друзей они не милуют,***
Собирают ваши письма тупо.
И «русачки», очень старые и милые,
Объясняют детям ваш поступок.

1960

Давно все это было: вечер мгlistый,***
 И дальний гром тревожил соловьев.
 Шло к ночи. Он не голосил, а свистом
 Из темноты негромко звал ее.

И было не понять: она слыхала,***
 Хотела ли услышать – все равно!
 Лишь тень ее мелькнула, показалось,
 Крест-накрест перечеркнута окном.

1960

Конг-Ле – вьентанский²⁶ комендант***
 Был на день выбит из Вьентана,
 Но снова заняли Вьентан
 Парашютисты капитана.

1960

И так уж, верно, повелось:***
 Солдат не струсит, не изменит.
 И мы читаем про Лаос,
 И что Сувана Фум в Пномпене.

1960

Я давно уже в ссоре с диваном,***
 А сегодня помирился с креслом.

1960

Пишу. Но, может, это лишь привычка,^{***}
Как заводить часы, как чистить зубы.

1960

Сквозь все на свете длинную^{***}
Черчу прямую линию.

1960

И вот раздалась залпы,^{***}
И вспомнились другие:
Освободили Харьков!
Освободили Киев!

1960

И ты за мир.^{***}
Долой войну!
Стиляги едут
На целину.

1960

Руанда, Луанда, Уганда.^{***}
Лианы у Инда и Ганга.

1960

СОБОРНОЕ ПОСЛАНИЕ СВЯТОГО АПОСТОЛА ИУДЫ***

Зачеркивает, пишет все сначала –
 Раздумья не дают ему писать:
 Ну сколько взять за это:
 Двадцать мало,
 Пожалуй тридцать, может, тридцать пять.
 И пишет вновь о верности Иуда,
 А мысли тараканами снуют.
 Так пишет он свое посланье к людям...
 Как горячи послания Иуд!

1960

О нас вы,***
 Если будет старт благополучным,
 Прочтете завтра в сообщении ТАСС.

1960

Я не очень завистлив.***
 У завистников жизнь короче,
 И короткие мысли.
 Да и зависть сердце им точит.

1960

Огромный колокол***
 Как старый витязь
 На постаменте спит
 Тяжелым сном.
 Как будто витязь,
 Славою насытись,
 Сквозь дрему
 Вспоминает о былом.

Он спит.
Его дожди ночами лижут,
Но, говорят, придет его пора.
Он зазвонит, и звон его услышат
От Волги до Амура и Днепра

*(Но чередою приходили беды,²⁷
А он молчал. Как раньше, как всегда.
И люди говорили: Может, это
Еще не настоящая беда?)*

1960

Важно проплывает ЗИМ зеркальный***
(Частный номер три нуля один).

1960

Едет поэт назад.***
Мчющиеся машины
Нервно глаза косят.

1960

Едут по Крещатику машины,
Люди по Крещатику идут.

1960

Пить чай в саду, играть до ночи в карты***
С помещиком – майором отставным.

1960

То ли снег, то ли дождь,***
Где тут, к черту, разберешь.

1960

Над тихой площадью пологом***
Нежный рой облаков...
Молча стоит колокол
С вырванным языком.

1960

Гоню его, гоню его.***
– Отстань, по горло дел!
Зачем гоню. Да ну его,
Он мне осточертел.
Лишь я к делам – а он ко мне,
И все дела застынут.
Ведь вот какой настырный,
Ну прямо спасу нет!
А если сделаю – не так,
Ему все плохо, видишь ли.

– Раз не хватает выдержки –
 Имей хотя бы такт!
 То злой он, то хитер, как лис,
 То гладит по головке.
 Прилип ко мне, как банный лист
 В известной поговорке.
 Я говорю:
 – Ты уходи
 А он не хочет вроде.
 – А кто же он?
 – Да стих один
 Никак вот не выходит.

[1960]

Штиль. Тихо, тихо на морском просторе,^{***}
 И ветер волн не пенит.
 Большие рыбы, выплеснуты морем,
 Навек окаменели на ступенях.
 Бессильны под ударами прибоя,
 Окаменели, глядя в даль морскую.
 Чешуи затвердели, потускнели
 Пловцы лежат недвижимы, в покое.
 Белеет соль на жабрах угловатых
 И в трещинах блестят кристаллы соли.
 Горелый дух асфальтов пересмятых,
 Дурманящий, пьянящий дух магнолий.
 Змеиный шорох, на горы изгибах
 И маленькой волны последний всхлип.
 Когда-то тут толпой теснились глыбы
 Их контуры напоминали рыб.
 Они стояли над водой тревожно,
 Они стеною встали на пути.
 Шел мимо как-то великан художник,
 Шел мимо, и, видать, не смог пройти.

Он, взяв резец, обтесывать стал глыбы,
 Работал, солнцем целый день палим.
 Что б знало море, как большие рыбы
 Бессильно задыхаются над ним.

*(Он, взяв резец, обтесывать стал глыбы,²⁸
 Не думая о плате за труды,
 Что б знали люди, как же тяжело рыбам
 Навеки оставаться без еды.)*

[1960]

И не поймут, наверно,
 Кончики нервов – кисти их.
 Художники слишком нервны.
 Художники истины!

[1960]

ЭТЮД – КОПИЯ ЗАПИСКИ***

Я совсем не боялась дождя,
 Подоткнула синее платице
 И ждала тебя вместе с березами.
 Хочешь верь, а хочешь не верь.

Я вплела в свою косу радугу
 И совсем на тебя не сердилась,
 Только так, чуть-чуть, для порядка,
 Хочешь верь, а хочешь не верь.

Мама думает – я простудилась
 И поит меня чаем с солнцем.
 Я все время в окно выглядываю,
 Хочешь верь, а хочешь не верь.

Я достала тебе Рембо
И огромный арбуз купила.
К нам просохла уже дорога.
Хочешь верь... Ну хоть раз поверь!

[1960]

ИСКУССТВО***

И не надобно мыслей
В словесной воде топить,
И не всюду герои
И красивые, и плечистые.
За искусство я чистое,
Чистым оно может быть,
Лишь когда его делают
И руками, и мыслями чистыми.

[1960]

БЕТХОВЕН***

Музыка, сцена, взлетают ноги.
И никогда не забуду,
Как, об ладони ломая ногти,
Плакали взрослые люди.
В музыке этой столько силы –
Землю она трясет.
Мне б стихи написать такие,
И все...

[1960]

Художники слишком нервны – ***
 Врубель,
 Ван Гог,
 Сезанн....
 Солнце их – цвета крови,
 Море – будто слеза.
 Художники плакать могут,
 Они тишины не знают.
 Как жить спокойней немного,
 Художники не понимают.
 Им не понять, наверно...
 Кончики нервов – кисти их.
 Художники слишком нервны.
 Художники истые!

[1960]

РАБОТА***

Мой труд не так красив, коль приглядеться.
 Из тысячи тревог он состоит.
 Когда в твоей ладони бьется сердце,
 Молчи, сожмись, дыханье затаи.

Живешь за двух, другого и не зная,
 Волнуешься, за жизнь его в борьбе.
 Не друг и не знакомый для тебя он,
 Но он в беде, он вверился тебе.

Поэтому в больницах оставаться,
 Порою даже на ночь, ты привык.
 Бой выиграв, не слышишь ты оваций.
 Ты утомлен, тебе уж не до них.

[1960]

Читал молитву громко он***
И стлался в церкви дух еля.
Жить, жить на свете Галилею
Провозглашал церковный звон.
Что знал – отрекся – и живет,
От всех учений отказался.
Теперь никто уж больше старца
Безбожником не назовет.
Снижает мысли взлет, и струны
Нежнейшие в душе он рвет.
Да, Галилей переживет
На сорок лет Джордано Бруно.

[1960]

РОДОСЛОВНАЯ***

В одном из русских обычных мест
Есть церковь узорчато-легенькая –
Называется Теремец,
А сзади погост зелененький.
И там, под крестами сломанными,
На одной восьмой десятины
Вся моя родословная
Преспokoйнюшко уместилась.
И над дедом Сергеем дремлет
Седая и зеленая, как древность,
Неведомо как проросла –
Мое родословное дерево,
Серебряная ветла.

[1960]

КЕНТАВР***

Одиноко и грустно кентавру,
Одиноко беспокойно:
К какому приткнуться табору?
Не родня он ни людям, ни коням.

Он сильней и смелей, чем люди,
Красивей и умней, чем люди и кони
И за это нигде не любят
И отовсюду гонят.

Кто ты? Чудо или ошибка,
Или скрытый упрек человеку?
Не способен создать машину,
Не согласен возить телегу.

[1960]

1961

Море глухо камни ворочает,
Много их у него, камней.
Но неровности будут сточены,
Камни станут круглей, ровней.

Как же жизнь, где любят и борются,
Где готовы помочь в беде,
Оставляет страшные борозды
На щеках и в сердцах людей?

Зима 1961

В ТУ-104¹

На облака облокотись
И вниз на землю погляди.
Взгляни на горы сверху вниз,
На реки в челюстях плотин...

Взгляни на села, города
Не свысока, а с высоты,
Чтоб просто больше увидеть,
Чтоб сразу взглядом охватить...

Гляди: над лучшим из миров
Редеет облачный покров.
Да! – люди выше облаков!
И люди больше городов!

*(Чтоб в сетке тропочек и троп^{***2}
Свою, широкую, найти.
А знаешь, как круты порой
Отысканные там пути.)*

*(Взгляни – и песнею без слов***³
 Звучит кудахтанье громов
 Да! Люди выше облаков,
 И люди больше городов!)*

Зима 1961

Мальчишка рисует на мусорном ящике мелом
 Прекрасные пальмы и море.
 Снежинки планируют в белый, пустынный и белый,
 Их маленький дворик.

На рыжем железе, таком неуклюжем и ржавом,
 Плывут белокрылые яхты.
 Грохочущих волн и горячего солнца держава,
 Одесса и Ялта.

Прохожие молча на эти рисунки смотрели
 И всё пожимали плечами.
 Мы тоже рисуем на мусорных ящиках мелом
 И море и пальмы.

Зима 1961

ФЛАЖКИ***

Первое мая. Тучи дуются,
 Но солнце все-таки их сожжет.
 Старик флажки продает на улице,
 У каждого малыша – флажок.

Они подняли всех поутру еще,
 В минуту съели каши свои.
 Они глядят на солдат марширующих
 И яростно машут флажками им.

.. Часам к двенадцати, самые младшие
Идут домой, намахавшись властью.
Зачем им знать, что, флажки раскрашивая,
Старик проклинал Советскую власть.

Зима 1961

Осенний вечер. Я выключил свет.
Сижу и гляжу в окно.
Чужие окна глядят мне в лицо
Тысячью влажных глаз.

Они говорят: [«] Мы пришли домой,
Уютно нам и тепло.
А ты? Возможно, там в темноте
Ты острое что-то куешь?[»]

Нет. Просто, знаете, я поэт.
И я люблю темноту.
Скажите, вы позволите мне
О вас написать стихи?

1961

Ночью метлой с алюминиевой ручкой
Дворник улицу чистит.
Кажется, будто бы лунный лучик,
Мягкий и серебристый, –

Чтоб дубинкою не ворочать, –
*(Очень легкий, удобный очень)***4*
Взял себе дворник старый.
А, может, лучами лунными ночью
И впрямь метут тротуары.

1961

ЗАВИСТЬ***

Очень хорошее чувство – зависть.
 Это сначала тонкая завязь
 Мыслей, которые страшно мучат:
 Кто-то что-то делает лучше,
 Кто-то лучше поэмы пишет,
 Чьи-то ракеты взлетают выше,
 Кто-то дальше копье кидает,
 В смену делает больше гаек.
 И все стараются делать лучше.

1961

Людям трудно, у людей тревога:
 Как идти с двадцатым веком в ногу?
 С напряженным, четким, торопливым.
 Это и неверно, и наивно.
 Я обосновать могу свой вывод.
 Лучшие у века – это вы ведь.
 Век вы обогнали века на два.
 Век теперь старается догнать вас!

*(Людям трудно, людям не до смеха:***5
 Как угнаться за двадцатым веком?
 Напряженным, четким, торопливым?
 Это и неверно, и наивно.*

*Я обосновать могу свой вывод –
 Лучшее у века – это вы ведь.*

*Я ни льстить не стану, ни лукавить,
 Но свой век вы обогнали на век.
 И пускай не верят вам, пусть судят,
 Век догнать старается вас, люди!*

*Век вы обогнали века на два.
 Люди, век старается догнать вас!*

1961

БАЛКОН⁶

На балконе веревки, как снасти на судне,
И асфальт, словно море, окрест.
Я возьму простыню и на ней нарисую
Синькой – синий Андреевский крест.

Как носильщики, ветры услужливо хлынут,
Паруса затрепещут легко.
К удивленью хозяек, спешащих на рынок,
Задрожит и помчится балкон.

1961

ОДЕССКИЙ ЦИКЛ⁷**СКОРОСТЬ**

Здесь слабо верится в мощь науки.
У серых ворот, перед клумбой пестрою,
Бессильно бросив вдоль тела руки,
Лежат больные, туберкулезные.

Трамвай-малютка за их забором,⁸
Как бойкий песик, вприпрыжку катится
Но им его небольшая скорость
Невероятной, наверное, кажется.

А люди едут на пляж в трамвае,^{***9}
Они не скоро домой заявятся...
...Спокойно все это наблюдают,
Лежат. Ни злости в глазах, ни зависти.

1961

Все изменчиво! Все в движении!
 Волны в дикий пустились пляс.
 И без всякого сожаления
 Море вгрызлось в песчаный пляж (сгрызло песчаный пляж)

Унесло бревно, что полгода
 Пролежало на берегу.
 Ребятишки заходят в воду
 И назад от волны бегут.

Все изменчиво, но не обманчиво,
 А скорее – обнажено!
 Вот отхлынет вода, и мальчики
 Снова видят морское дно.

1961

По лоскуткам, по ломтикам
 Россию собирали вы.
 Стрелецких копий готика
 Была опорой царевой.
 Стрельцы безмолвной дерева,
 Крепки их копыа длинные.
 И Русь чтоб шла, хотели вы,
 С Пожарским, а не с Мининым,
 Орать не смейте: сами, мол,
 Вершите, что приказано!
 Но шли не за Сусаниным,
 А шли к Степану Разину.
 И было с вами славненько
 Одним только исправникам.
 Неправда, мы не правнуки!
 Убиты ваши правнуки.

1961

Что ему до посадских людей, до крестьян.***
Он опора боярам, опора князьям.
Что тебе до него – он владыка, ты – смерд.
За твоими плечами – костлявая смерть.

1961

Может быть, твою дочку похитит злодей – ***
Самый мелкий из царских служивых людей.

1961

Сегодня вновь Лумумбу расстреляли.***
Не в Конго – в экзотическом Багдаде.
Не золотом – горело солнце сталью,
На столько насмотревшееся за день.

Сегодня вновь Лумумбу расстреляли.
Не в Конго, а в Каире или в Дели.

1961

Белый-белый холодный, таинственный лес,***
Трехобхватные ели до самых небес
И петляющий след на снегу, как письмо.

1961

ДЖАНКОЙ

Ну, а что такое Крым?
 Мы о нем поговорим.
 Кипарисы? Море? Зной?
 А слышали про Джанкой?
 Там не только моря нет,
 Там и луж обычно нет.
*(Хочешь влево – влево едь, **10*
Только моря нет и нет.
Хочешь – можешь напрямиком,
Только море далеко.
Что за станция Джанкой?
Не слышали о такой?)
 В изобилье только зной –
 Городок в степи сухой.
 А поедете на юг –
 Море, волны в берег бьют.
 Повернете на восток –
 Море, волны и песок.
 Запад – море, волны, пляж,
 А на севере Сиваш.
 А в Джанкое пыль. Жара
 Начинается с утра.
 Согни голых потных душ
 Лезут радостно под душ.
 Взять бы этот городок,
 Положить его в мешок,
 Хорошенько потрясти
 И на берег отнести!
 ...Больше всех, конечно, рады
 Были б этому ребята.

Выполняйте правила движения,^{***}
Правила движения души!

1961

Называют атомною эрою^{***}
Век автомобильных катастроф.

1961

Живет в каком-нибудь Комарове^{***}
Старик-бухгалтер Иван Петрович

Прочтите, просят его соседи
И хвалят, искренне, как Кеннеди.

1961

Голубь заглядывает в форточку,^{***}
Маленькими глазками кося.

1961

Ему говорит о России^{***}
Курносый мальтийский магистр.

1961

Полякам, пытавшимся тщетно***
Спасти одряхлевшую Речь.

Над кем их скупые победы,
Кому угрожает их меч?

Предали их память
В тридцать седьмом году...

1961

Суворов! Солдаты кричат.***

Идут и идут, а спроси их,
За что, мол, идете на рать?
Россия, ответят, Россия,
Идем за нее умирать.

На землях [вашашских] и польских
Австрийских ее боронят

По скучной, тоскливой дороге,
По скучной, тоскливой стране [земле]¹¹
Трамбуют дорожную грязь.

По-старчески хилый, суровый
Он едет вдоль строя солдат.
Суворов! Фельдмаршал Суворов!
Суворов! Солдаты кричат.

1961

Споры идут горячие:***
Физики или лирики?!
А я на уроках алгебры
Обычно пишу стихи.

1961

Я ненавижу эту улицу,***
И эта улица меня.

1961

Но пассаран!***
А все-таки прошли.

1961

Что, прямо фу ты!
Конечно, есть такой Потсдам,
Но есть и город Фултон.

1961

Неудавшиеся колхозники.***
Разноробы и штукатуры.

Разноробы как однолюбы.

24 мая 1961

Этой ночью умер Сталин.¹²
Восемь лет назад.
Рано утром люди встали –
Флаги с лентами висят.

Этой ночью в знак печали
Рано на заре
Управдомы прикрепляли
К флагам черный креп.

...В серой мартовской кадрили
Снега и дождя
Управдомы хоронили
Своего вождя.

1961

БАЛЛАДА О ДИПЛОМАТЕ***

Служил он при Литвинове,
При Молотове тоже
И превратился в видного –
Был очень осторожен.
Обычные заботы,
И жизнь сера, как пыль,
Служил или работал...
Ну нет, скорей служил.

1961

И жизнью своей и смертью***
Ковали эту звезду
Погибшие в сорок третьем
И в тридцать седьмом году.

1961

Ловлю чужие улыбки***
И складываю в кулечек –
Скоро придет зима.

1961

Вечером звезды, как медяки,***
Вечером прячутся стаи птичьи.
Вечером улицы жестоки
И квадраты окон эгоистичны.

1961

Адмиралы седые уходят***
Со своих кораблей навсегда.

Им житье сухопутное ново,
Но не вечно по морю скучать.
Адмиралы читают Шпанова,
В магазинах молочных стоят.

1961

Ходил Гомер по Элладе***
С лирою за спиной.
И песни его были
Душистые, как вино.

О прежних днях и героях
Людам пел от души.
А люди уже копили
Желтые кругляши.

А тех героев могилы
Давно поросли травой.
Вечным укором людям
Были песни его.

Тогда его ослепили.
В живые глаза – иглой!
Чтоб говорить друг другу:
Что может видеть слепой?

С поводырем-мальчуганом
Ушел в чужие края.
Как умер он – неизвестно,
Но только думаю я,

Что, не закончив песни,
Мертвым в траву упал...
У большинства поэтов,
В общем, его судьба.

И пошли раздоры снова.***
Кто кого теперь побьет?
Грибачев ли Щипачева,
Щипачев ли Грибачева, –
Кто их к черту разберет?

1961

А зной почти осязаем***
И кажется – миг застыл.
Скачите же, ну, скачите
Мне хочется закричать.
А польских коней копыта
Все громче стучат, стучат.

1961

Различные бывают маяки.***
Одни понятны людям и близки.
Другие, хоть стремиться к ним года,
Не ближе, чем полярная звезда.

1961

О, муза неожиданных открытий,***
Я никаких даров твоих не жду,
Но если слышу, что открыл любитель
В глубинах неба новую звезду,
То знаю, ты подсунула звезду ту
В его подслеповатый телескоп.
Коротковолновик, со всей планетой
По вечерам щебечущий легко.

1961

Бросал бы камни в реку!***
 А что река мне?
 В чужие огороды
 Швыряю камни.

1961

Как лягу посреди стола,***
 Не зазвонят колокола.
 Лишь только бедные венки
 Да телефонные звонки.

1961

Говорят, будто Правда живет за морями,***
 Говорят, убежала она за три света.
 Говорят, что Неправда – царица над нами,
 Только вы этой сказке не верьте, поэты.
 Восхваленья забудьте, вредны славословья,
 И примеров тому вы немало найдете.
 И не лейте елей, а пишите с любовью
 О народе своем, о великом народе.
 Правда есть, и дурацкие притчи, поэты, оставьте,
 Правда есть, и она не за морем, а с нами.
 Научитесь же вы у [Украины] правде
 И несите ее, словно зная.

1961

Я приходил к тебе не с жалобой,***
 Я с песней приходил к тебе.

1961

О камни, как о души ранишься,**
Но отшлифовываешь их.

1961

Вы говорите о[б]**
Испании,
Я об убитом Лорке
думаю,
Вы вспоминаете о
Франции,
Я вспоминаю Бухиред.

1961

У августа привкус осени,**
Приятный и грустный привкус.

1961

Идущий по нелегкой из дорог**
Сперва все беды валит на сапог.
Потом на землю сбрасывает шапку
И прет, коли на то согласен Бог.

1961

Бросают пастухи своих овец**
И в пастыри идут, спасать людей.

1961

Надежно стянуты полушария***
 Обручами широт.

1961

Вечером по улице иду.***
 Может быть, в конце квартала
 Догоню луну?

1961

ПАМЯТИ БРУНО ЯСЕНСКОГО

Конечно, Матэ Залка повезло
 В том, что его убили под Уэской.
 А Бруно под Москвою был убит.
 Его враги убили. Из друзей
 Часть поспешила от него отречься,
 Не дожидаясь третьих петухов.
 А равнодушные смотрели молча
 И радовались, что его убили,
 Что книгу дописать ему не дали
 И до конца их заговор раскрыть.
 И этот день был праздником у них,
 Как день, когда сожгли Джордано Бруно.
 Но смертью преждевременной своей
 И книгой незаконченной своей
 Он учит равнодушных ненавидеть,
 С врагами учит биться беспощадно
 И осторожно выбирать друзей.

1961

По-моему, почетней всех регалий,^{***}
 И нынешних, и всех времен минувших,
 Медали за отвагу на пожаре,
 Медали за спасение тонувших.
 Но мой сосед под Новый год, а также
 К Седьмому Ноября и Первомаю
 На пиджачок с десятилетним стажем
 Солдатские медали прикрепляет.
 И оставляет в ящике комода
 В резной шкатулке – памяти о сыне
 Свою медаль за самый мирный подвиг,
 За то, что из огня ребенка вынес.

1961

БАЛЛАДА ОБ АРХИТЕКТУРНЫХ ИЗЛИШЕСТВАХ

Униженные кольцами карнизов,
 Лепных колхозниц на ладонях крыш
 Несущие по небу, словно вызов...
 Кого сегодня ими удивишь!

С какой-то непонятною досадой
 Ругают их тяжелые фасады.
 Ругают так, как будто мстят кому-то,
 И непременно связывают с культом.

Страна была разрушена врагами,
 Но их любовно строили годами,
 А не дома без статуй и без арок
 Для жителей подвалов и хибарок.

Но на лепные эти цитадели,
 Как на мечту, без зависти глядели
 И любовались формами любимыми.
 А те дома и впрямь мечтою были.

Мечтой о коммунизме и о счастье.
 За это я люблю тебя, Крещатик.

1961

ЕЛКА***

Я срываю с елки все игрушки:
Глупые зеркальные шары
Всякие хлопушки, погремушки
Сов, синиц, снегурочек и рыб.

*(Я срываю шишечки и бусы,¹³
Золотистый дождик из фольги,
Яблоки, початки кукурузы,
Синие, зеленые флажки.)*

Все сорву, и елка станет лучше...
Острая, зеленая, колючая.

[1961]

ГЕОМЕТРИЯ***

Сквозь всю на свете длинную
Черчу прямую линию.

С улыбкою елейною
Он чертит параллельную.

Старательно чертит, худой и длинный,
Под карандаш подставляет палец.
А я не люблю параллельных линий!
Люблю, чтоб под острым углом сшибались!

[1961]

Прижмись лицом к холодным стеклам***
(Октябрь, дожди.
Земля и воздух, все промокло)
И отойди.

Под гнетом дней осенних, серых
Ты можешь ныть.
Но сохрани, как знамя, веру
В приход весны.

[1961]

ЛЫБЕДЬ

Сюда частенько приходят выпить.
Консервные банки лежат на дне.
Течет ручей грязноватый – Лыбедь.
А раньше он был таким, как Днепр.
Каким же тогда был Днепр?

Ревут бульдозеры громче танков,
(*Бульдозеры с ревом, как будто танки*)***14
Срезают пласты земли.
В серой воде, словно падший ангел,
Желтый кленовый лист.
Он светел и золотист.

1961

1962

Страна бессмысленных анафем***
 И незаслуженных осанн.

1962

«Автоматы, роботы – лакеи»,***
 Словом, возвращенье к райским кущам
 (И не жизнь – подобье райских кущей.)¹
 У потомков будет жизнь сложнее
 И, вполне возможно, что не лучше.

«Четырехчасовой день рабочий»,
 А потом сонеты и сонаты...
 Надо будет – будут днем и ночью,
 Как на фронт работали когда-то.

Космос им отстаивать, крылатым.
 Коммунизм я представляю зданьем.
 Не стремлюсь метлахской плиткой стать в нем
 [Не стремлюсь и] кирпичом в фундамент.

1962

Поэты живут, словно девушки,***
 Завтрашним днем.
 А все, что сегодня написано, – только наброски.
 Но завтра у них каждый раз ускользает меж пальцев.
 Так путник усталый не может догнать горизонт.

1962

ГРИПП*****I**

У птиц температура сорок –
Нормальная, но я не птица,
Сейчас мне застрелиться впору,
Иль удавиться.

II

Вике Болотиной

Ты обещала позвонить мне,
И я был тронут.
Что ж, связывающая нить нас –
Всего лишь провод.

Сто раз я погружался в дрему
И просыпался.
Мне снилась трубка телефона
В знакомых пальцах.

1962

ЦАРИ

Еще мальчишкой удивлялся дико:
Раз все цари плохие, почему
Царя Петра зовем Петром Великим
И в Ленинграде памятник ему?

Зачем он нам, державный этот конник:
Взорвать бы, чтоб копыта в небеса!
Шевченко, говорят, односторонне
Отнесся... Нет, он правильно писал:

Це той первий, що розпинав
Нашу Україну...

Не Петр, а те голодные, босые (**простые**)
В болоте основали Петроград.
За долгую историю России –
Ни одного хорошего царя.

1962

СТИХИ О ТАРАСЕ ШЕВЧЕНКО

I

Он прятал от тюремщиков
В голенище не нож, а стих.
Радоваться нечему,
Но это – его стиль.
Не самолюбие автора,
А чистая вера в то,
Что можно приблизить Завтра
Залпом своих стихов.
Эта вера рождала
Песню в зашитых ртах.
Буду об этом помнить
И буду писать – так.

II

Я знаю, что твердил Тарас Шевченко,
Когда его держали в Кос-Арале,
И муштровали под казахским солнцем,
И запрещали даже рисовать.

Я знаю, что твердил Тарас Шевченко,
Когда он видел, как сквозь строй проводят,
И слышал, как с глухим и страшным звуком
Отскакивают палки от спины.

Я знаю, что твердил Тарас Шевченко,
Когда вельмож он видел украинских,
Своих же братьев, давящих и рвущих
Почище всяких турков и татар.

Я знаю, что твердил Тарас Шевченко.
И, как его завет, я повторяю
(И с каждым днем все чаще повторяю)
Одно-единственное это слово:
Ненавиджу!

1962

Автобус – как пирог на скатерти,
Ему ль грузовиков в соседи!
И мальчик предлагает матери:
Давай на августе поедем.

А день по-августовски радостный,
И солнце светит, что есть мочи.
Ну что ж, поехали на августе
В сентябрь, в октябрь – куда захочешь.

1962

На улице идет единоборство
Зимы с весной, снега и лучей.
Как воин, снег не покидает пост свой,
И, как солдат, неутомим ручей.

У солнца натиск, у зимы упорство,
И ясно всем, что здесь не быть ничьей.
На улице идет единоборство
Зимы с весной, снега и лучей.

1962

В ПОЕЗДЕ

Моему брату Сереже Киселеву

У радио вагонного
Есть песенок пяток.
И все такие бодрые –
Романтика дорог.

Никто не провожал меня,
И там никто не ждет.
Дождь гонится за поездом,
А радио орет...

Я слушаю внимательно
И подпеваю сам:
«Пишите нам, подружки,
По новым адресам!...»²

1962

ДОН-КИХОТ

Ночью, в метелицу,
Коня пришпорив,
Вскачъ на мельницу,
Где мелется горе.

Туда, где мельники
Толкуют людям:
Перемелется –
Мука будет.

Кому не нравится –
Шаг влево!
А люди давятся
Куском хлеба.

...Смелого всадника
Мельницы крылья
По касательной
Протащили.

И отбросили
По инерции...
(И)... Снова люди
Пошли на мельницу.

1962

ОСТРАКИЗМ

Казалось – он увековечен в камне,
Алмазной гранью – гипса скорлупа.
Теперь одна задача – черепками
Наследников его по черепам.

1962

ВИЗИТ ОСЕНИ

Дождей повелительница
И луж владычица –
Ее величество
В дверь стучится.

Я натягиваю
Свой лучший свитер.
– Я к вам запросто,
Я без свиты...

Пьем с клубничным вареньем чай
И говорим о стихах Драча.

1962

Дождь. Осанистым соснам
Снятся длинные сны.
Я готовился к осени,
Начиная с весны.

Чтобы в слякоть осеннюю
Равновесье сберечь,
Запасал впечатления
От поездок, от встреч.

Шутки – валишься со смеху,
Но спастись не сумел.
А готовился к осени,
Как хозяйки к зиме.

1962

Пели, под гармонику плясали,**
Провожали в армию дружка,
Но никто не встретил на вокзале
Тихого степного городка.

1962

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Поэма

I

В любовь, как с моста в реку,
Без паспортов, без виз!
И вдруг раздался резкий,
Протяжный свист.

Ах, улочкою белою,
Рука в руке...
Ее рука вспотела
В моей руке.

А свист ее опутал,
Отрезал все пути.
– Куда ты, Люда?
– Пусти... прости...

*(И в свист, как в воду – грудью***³*
Должна идти
– Куда ты, Люда?
– Пусти... прости...

Я бросился за нею
Какой-то двор,
Крыльцо, сарай. Скорее!
И – никого.

Захлопнулась калитка
И прозвенел засов.

Скамья и стол, как плаха.
Потом я шел домой
Хотелось плакать,
Наплакаться не мог.

*И в лунном свете четко
Легли ее следы.
Потом, под небом черным
Я до утра бродил.)*

И в тьму по тротуару
Удары каблучков.
(А может, сердца удары?)
Сжатые рты дворов...

Я плелся, как собака,
Вдоль тусклых зимних звезд.
Хотелось плакать,
Но не хватало слез.

Четыре тени,
А тьма какая-то серая.
– Мы джентльмены.
Проводил, а теперь побеседуем.

Ваши мамы
Не пускали нас дальше передней.
С вами
Ходили отличницы в белых передниках.

Милка – наша!
Лучше уйди по-хорошему.
– Врете! Люда не ваша!
Я люблю ее и не брошу!

Вы – болото!
Но вам ее не завлечь
В мутную, чавкающую трясину!
Мне казалось тогда, что моя речь
Звучит со страшною силой.

Но в глазах качнулся ряд фонарей,
И, кружась, ушла далеко-далеко ночь.
Я узнал потом, через много дней:
Неизвестные вызвали «скорую помощь».

II

В БОЛЬНИЦЕ

Нет, я не умру. А вдруг? Как душно. Сволочь, ударил кастетом. Как душно! А окно закрыто. На что оно закрыто? Сейчас вспомню. Кастет – шпингалет. Шпингалет. Стальной. Хочешь апельсиновую корку? Дай надену на тебя. Ну вот, очень красиво. Только скажи, пожалуйста, всей стали, чтобы она меня не трогала. Боюсь смерти и боюсь стали. Но наши каски стальные. И топоры. И станки. И оружие тоже стальное. Оружие, которым мы защищаем людей. Но ведь кастет – тоже оружие. Все дело в том, в чьих руках оружие...

И все-таки наши топоры – самое нужное оружие. И еще, может быть, нож хирурга...

III

Главный врач идет по палатам,
Важно щупает животы.
С какой надеждою вслед глядят ему
Больные, разинув рты!

В марлевой маске, строгий, и сзади
Свита его идет.
Торжественней любого парада
Обставлен этот обход.

И это не игра, не забава –
Это и впрямь парад.
Врачи имеют на это право –
Это они людей потрошат.

IV

МОНОЛОГ СОСЕДА ПО КОЙКЕ

Странная штука тоски бацилла,
Даже покинувших каземат
Вдруг охватывает со страшной силой
Стремление
Вернуться назад.
Это прячут в себе поглубже,

А ночью выметывают, как икру.
 Старые фильмы берут за душу,
 Старые песни сердце дерут.

Вы молодой, вам гораздо проще,⁴
 Много легче жить на земле.
 ...Говорят, будто ночь за ночью
 Он царапается в Мавзолей.

*(Вы молодой. Вам гораздо проще^{**5}
 Жизнь сегодняшнюю понять.
 Знаете, снится мне ночь за ночью,
 Будто в лагере я опять.)*

Я умираю (тише, не надо
 Утешать меня и жалеть).
 Я увидел победу Правды
 И теперь могу умереть.

*Я умираю (не надо, молча^{**6}
 слушайте!). Сквозь окно из звезд –
 К горлу, медленно, ночь за ночью
 Тянется руки его кость.)*

Годы лагеря, словно птицы,⁷
 В жизни моей проклевали плешь...
 Постарайтесь прочесть Солженицына.
 Знаете, гениальная вещь!

*(Знаю, больше не повторится^{**8}
 Этот страшный колымский смерч!
 Постарайтесь прочесть Солженицына.
 Знаете, гениальная вещь.)*

*Конечно, это не повторится,
 В конце концов, не об этом речь.
 Но постарайтесь прочесть Солженицына.
 Знаете, гениальная вещь!)*

V

СПОР С НИМ ЖЕ ПО ВОПРОСАМ АРХИТЕКТУРНЫМ

Вы ужасно хороший, Женька,
И все-таки немного смешной.
Вы готовы в любую стенку
Биться собственной головой.

Я боюсь, что жизнь постепенно
Выпьет ваш оптимизм до дна.
Вы проснетесь, а всюду стены.
Ты один, а вокруг стена...

Вы не правы, нет, вы не правы.
Я с друзьями, я не один.
Не стена, не кирпич ржавый,
А простор у нас впереди.

Над полями встает солнце,
Птицы поют для нас.
Если где-нибудь попадетсЯ
Впереди на пути стена –

Головой, плечом, кулаками,
Но разбить ее!
Вдрызг!
Навек!
Он на миг перевел глаза на
Повязку на моей голове.

VI

*Милый*** папа! Знаешь, как бурсаки жаловались, что их плохо кормят: «Во-первых, дерьмо, а во-вторых, мало. Я написал довольно много... Часть стихотворений можно объединить в цикл «Больница». Но поскольку порядок их написания представляет психологический интерес, то передаю их в том порядке, в каком они были написаны. Первое стихотворение я написал 2/Х – 62 (т.е. на 2-й день норм. температуры), а последнее – вчера (а, может быть, и сегодня). Итак.⁹*

ЦВЕТЫ

Чуткие сослуживцы
 Ему принесли цветы.
 Он весь вечер бился, как птица.
 И его не смогли спасти.

Схватил рукой одеяло,
 Другой – подушку обнял...
 А цветы простояли
 В графине еще три дня.

Дочь. Слиплись ресницы,
 У лба сухой (*худой*)^{***10} кулачок.
 У меня (*до сих пор*)^{***11} хранится
 Из букета его цветков.

1962-[4 февраля 1963]

УТРО СТРЕЛЕЦКОЙ КАЗНИ

Всем известен царев указ:
 Нынче казнить, нынче утром казнь!
 Стрельцов на площадь уже свезли,
 А в отдаленье стоят послы.
 У них на лицах холодный пот,
 И рядом с ними царь Петр.
 Мало ему тех голов, что сам
 В тайных застенках рубил стрельцам.
 Послам бы отсюда уйти, а Петр
 Сверкает глазами, как дикий кот.
 Небось, напился уже с утра.
 А может, лучше б повесить Петра?
 В петле, башкою небу грозя,
 Еще не так бы пиялил глаза!

1962

ДЕРЕВЬЯ***

Хочется рукой потрогать их,
Ближе на них поглядеть.
Каждый день говорят: «Без опадів»,
И дождь каждый день.

Краем глаза – вставать не велено,
Наблюдаю не без тоски:
Деревья осыпаются медленно,
Как увядающий георгин.

1962

Ночью я бросал камешки в море.***
Слышался слабый плеск.
Плеск в ночи.
Мы только плеск в ночи.

1962

Обвиненьям без основания,***
Подозреньям теперь конец!
Как свободно звучат названия –
Волгоград, Душанбе, Донецк.

1962

Я люблю тебя, осень,***
И надежна моя любовь.
Но как быстро проходишь,
И как скоро приходишь ты вновь.

1962

Исполать***

Вам,

Бунтари,

Исполать!

А заката вашей зари

Лучше бы не видать.

Тем не менее, с давних пор

На Руси порядок таков:

Стенька Разин шел под топор,

А потом – Пугачев.

Но от этих бунтарских дел

Колебались троны царей.

И пришла революция – день

В первый раз взявших верх бунтарей.

1962

По направлению к автовокзалу***

Лился сплошной поток людей.

Земляка своего встречали –

Павла Поповича – в этот день.

В этом потоке, в самой середине,

Но, тем не менее, особняком,

Старушка шла со своей корзиной,

Согнувшись, маленькая, босиком.

Толпа разворачивалась, как свиток,

Портреты, флаги – и без конца...

...И такая была забитость

В ее деревенских чертах лица.

Ей было движенье людей непонятно,
Она о полетах знала едва ль.
...А в толпе проплывали плакаты
И на них приветов слова.

Скажут, что вижу не то, что нужно.
Скажут, что пишу не о том.
Но вот по улице шла старушка.
С корзиной. Маленькая. Босиком.

1962

БАЛЛАДА О МУКЕ***

Люди привычно строились в очередь,
Кто за кем, выясняли вежливо.
Две старушки, маманя с дочерью...
Ломились полки от хлеба свежего.

Но люди привычно строились в очередь
И терпеливо ждали муки.
Дело в том, что к празднику очень
Людам нужны были пироги.

А завмаг выходил озабоченный,
– Будет мука, – говорил, – в обед.
Вновь выходил, глядел на очередь,
И говорил, что муки нет.

После, выбелив грудь и руки,
Вынес торжественно первый куль.
Испытав неземные муки,
Люди получили муку.

И те, кто видели их с кульками,
В магазин бежали скорей.
Это здорово – полки с хлебами,
А вот с пирогами еще трудней.

1962

Надо мною радио повесили,**
Чтобы звуки разгоняли мысли.
Слушаю последние известия,
А потом еще «Останні вісті».

Знаю я, что происходит в Йемене,
Знаю, что во Франции творится.
Только хорошо, что это временно,
Что недолго мне лежать в больнице.

1962

ПЕСНЯ СОЛЬВЕЙГ**

А он писал другие песни,
А он еще писал сонаты.
Все остальное было пресно,
Лишь проступала чистота та.

Бескрайняя, которой столько
(Как только ей хватило места)
В его прекрасной «Песне Сольвейг»,
В неповторимой этой песне.

...Я жил бы тихо и спокойно,
Столярничал, читал бы книги,
Коль перед этим «Песню Сольвейг»
Я написал бы вместо Грига.

1962

АВГУСТ**

У девчонки грустная мордочка.
Красный лак на ногтях.
Август заканчивается,
Скоро сентябрь.

Властно обнял рукой ее
Парень – по виду студент.
Редкие прохожие
Молча глядят им вслед.

Парень идет скованно,
Рука напряжена.
Спокойно и чуть расслабленно
Рядом идет она.

Из них двоих известно
Только лишь ей одной,
Что осень разрушает
Начатое весной.

Держат пальцы плечо ее
И выпустить не хотят.
Но август заканчивается,
И скоро сентябрь.

1962

КЛЕН***

Уж ты, клен, мой клен,
Продержись еще.
Ветер с каждым днем
Все больней сечет.

Вижу каждый день
На ветвях твоих
Листья все желтей,
И все меньше их.

Безнадежен бой,
Если обречен,
Клен, ты, клен ты мой,
Продержись еще.

1962

Не поможет ни сила, ни меткость,
Ни уменье, ни твердость руки.
У Дантесов тяжелые веки,
И у них под глазами мешки.

Знать, поэтам ни шпага стальная,
Ни винтовка, ни острый кинжал
Не нужны, если их убивают
За стихи, что разят наповал.

1962

ЗА БИТОГО ДВУХ НЕБИТЫХ ДАЮТ***

Нет, неправильна пословица.
Как же так? Простой расчет –
На небитого приходится
Крепко битых восемьсот.

1962

Ни спокойных снов, ни объятий – ***
Только стены.
Эти кровати
Отдают пружинные лона
Всем настигнутым тифом,
Или прочею Божьей карой.
Днем лежат на них тихо.
По ночам на них снятся кошмары.
Не поют на них песен,
И не жгут простыней папирасой.
Через месяц

С них уходят, а редко уносят.
Выздоровливать дома.
И уйти с них – стремление повально.
Вспоминают потом их –
В первый день, на своих, на двуспальных.

1962

Каждый свет отбрасывает тень,**
Он ее отбрасывает дальше
Вместе с ложью, суетой и фальшью,
Но таится эта тень везде.

Солнце луч дарит мне каждый день,
Тем не мене, принимаю луч тот
Очень осторожно, потому что
Каждый свет отбрасывает тень.

1962

Самоанализ – не пустое***
Копание в своей душе.
Оценивайте, это стоит,
Любой поступок, каждый жест...

Сшибаются как массы тока,
Дела и помыслы людей.
Самоанализ – это только
Оценка совести своей.

1962

Под окна больницы***
Приводят детей.
Они собирают опавшие листья,
Им это куда веселей.

Пока обсуждают, насколько при тифе
Полезен куриный бульон,
Последними листьями тихо
Поет им осеннюю песенку клен.

Конечно, больница, болезни.
Зачем в этом возрасте детям они?
И все же такие прогулки полезны,
К тому же, в последние ясные дни.

1962

Расплывается сущность,***
Уплывает куда-то.
Получается скучно,
Получается дата.

Но о розах в стакане
(Эта тема условна)
Не напишешь стихами.
Недостаточно слов мне.

Я наивный искатель
И немножечко нытик
Как писать о событиях?
Как о людях писать мне?

1962

ЭПИТАФИЯ СЕБЕ***

Не спешите:
Шестнадцать лет.
Мне еще лучше
Лежать в земле.

Покуда кости,
Всю землю взрыв,
В небо бросит
Атомный взрыв.

1962

Мне снова снится отчий дом – ***
Малометражная квартира.
Проснулся ночью. Было тихо.
И вспоминался этот сон.

И не женат, и не влюблен,
Мечтал уехать за полмира,
И вдруг приснился отчий дом –
Зовущая назад квартира.

1962

Как прокрустово ложе***
Или колумбово яйцо. –
Гложут, гложут,
И на землю, и вниз лицом.

И не так-то просто.
Под свист, улюлюканье, вой,
Как Колумб яйцо о стол –
О стену головой.

1962

Говорят, мелко,**
Нетипично и тошно.
Все равно, что плавать в тарелке,
Или тонуть в ложке.

Нет. За бедою личной,
Маленькой, мелкой – люди.
Всех наших дел величье
Складывается из судеб.

1962

*Б.Л.П.***

Горло плоское, как монета – ¹²
Раздавлено каблуком.
Думали, больше нет поэта,
А песня лилась легко.

Его на костер втокнули штыками,
Как запоешь ты здесь?
И ни стопа (ни звука), только сквозь пламя –
К людям – сквозь пламя – песнь.

Пепел его закопали в яме,
Плюнули и ушли,
Поднимая пыль сапогами.
А песня – из-под земли.

И в этой песне такая сила,
Сплетенья стольких судеб,
Что рожь над пеплом заколосилась –
Поэзии горький хлеб.

18 октября 1962

Если укутано горло ватой – ***13
Песне вырваться нелегко,
Будет она звучать глуховато,
Будто бы в горле ватный ком.

Возможно, логики в этом нету,
Но песня льется легко,
Если горло плоское, как монета,
Сдавлено каблуком.

1962

Все сторонятся,
Хоронятся по углам.
Здравствуй, бессонница,
Как дела?

Дней сумятица
Бежит, как ручей,
Но медленно катится
Река ночей.

А мне не тонется
В воде речной.
Здравствуй, бессонница,
Я – твой.

1962

ФАБРИЧНЫЕ РОМАНСЫ

Подражание Блоку

Мотто

*У свята батько сидів на вулиці (на призьбі),
 а сусід п'яний вийшов із хати і зарівав.
 А не сварилися, жили по-сусідськи (мирно).
 Це у неділю було, а в суботу сусід приходив
 (зайшов) до батька, покурив із ним.
 Одинадцять років минуло.*

I

Сегодня дождь, и завтра дождь,
 И послезавтра будет дождь,
 А ты сегодня не придешь
 И завтра не придешь.

Я вчера полы помыла,
 Стерла пыль со стен
 И салфеткою накрыла
 Крышку «КВН».

Лишь ночами сердце колет
 Да полы скрипят.
 В полночь зелье приготовлю –
 Привернуть тебя.

Дни за днями, только ветер,
 Только дождь в стекло.
 Поглядела, а в буфете
 Зелье зацвело.

II

Яблочко, яблочко, (яблонька, яблонька)**:*14
 Розовый цвет.
 Ты меня любишь,
 А я тебя нет.

Яблочко, яблочко,
Красный бочок.
Напрасно ходишь
Ко мне, дружок.

Напрасно ставишь
Вопрос ребром:
В губы губами
Иль в сердце ножом.

Подстережешь, мол,
У входа в клуб.
Вон дружинники
На углу.

Выгрыз в яблочке червь дыру***.
Не ходи ко мне, милый друг.

1962

Чудная осень в этом году,***
Такою бы старость мне.

1962

Он не любил высоких потолков,***
Ему бы жить в квартире современной.
И мысли бились в каменные стены.
И не могли подняться высоко.

Свершил – и тотчас дело с плеч долой,
И русская простая мысль: нарежусь.
Строитель, мореплаватель, герой,
Соратник. Но не царь. Не самодержец.

Ему ль вперед такой народ вести,
Ему ль в народе том искать опору,
Когда он Петербургом окрестил
Построенный народом русский город.

1962

Даже к стенке ставить побрезговали.^{***}
Просто залп по дворцу, и кончено.
Разбирайтесь, где королевские,
Где некорлевские кости там.

Пусть Сауд и всякие прочие
Мест от ярости не найдут себе.
Революция не закончена!
Продолжается революция!

Революция долго зреет,
Но она – великая силища.
Всем тиранам сегодня видятся
Перед окнами батареи.

1962

Я думал, что почетней всех регалий,^{***15}
И нынешних, и всех времен минувших,
Медали за отвагу на пожаре,
Медали за спасение тонувших.

Но вот недавно в городке районном
(К приятелю махнул на воскресенье)
Я побывал в гостях у брандмайора
И там увидел грамоту на стенке.

И разобрал в строках, довольно частых,
Знамена, ленты – места не хватало.
Она за то, что на его участке
За четверть века не было пожара.

На голой стенке комнаты опрятной
Она висела, золотом сверкая.
Она сродни высоким тем наградам
Людей, что от пожара мир спасают.

1962

Какая осень! Спокойный ритм,^{***}
Ни вздохов, ни слез, ни туч.
Вот так старик молодежь дарит
Улыбкой грустной чуть-чуть.

Небо синее. И не в грязь,
А на земную твердь.
Листья падают, чуть кружась.
Мне бы такую смерть.

1962

Тринадцатое марта, Куреневка.¹⁶
Сначала глина, позже вал воды.
У человека буксовала «Волга»,
Он думал в ней уехать от беды.

Ему б бежать, минуты не теряя,
И мог спастись. А он ее толкал.
Дома, машины и людей сметая,
Все приближался трехметровый вал.

Скользили ноги. Падал на колени,
Но поднимался и толкал опять.
Колеса «Волги» видели на гребне,
А он волною сразу был подмят.

Так получилось, что погиб он вместе
С моим дружкой, который в этот день
Случайно оказался в этом месте
И не удрал, а стал спасать людей.

*(Он видел, как столбы ломались звонко***17
И рельсы выгибались, словно жесть.
Он мог спастись, но он бежал к ребенку,
Кричавшему на третьем этаже.)*

Мне совершенно безразлично, сто лет***
Он собирал на «Волгу», или пять.
Но никому на свете не позволю
Две эти смерти в ряд один равнять.

1962

Ах, на площади Мартыновского¹⁸
Не автобусы – красота.
ЗИЛы, харьковские и львовские,
На кормежку спешат сюда.

Это их конечная станция,
А скорее – цыганский стан.
И (А) отсюда дороги тянутся
В Кишинев, на Сухой лиман.

Я не знаю, кем Мартыновский был
И каких натворил он дел.
Вероятно, к делам автобусным
Отношенья он не имел.

Был рабочим или матросом он,
 Я не выяснил до сих пор.
 Но на площади Мартыновского,
 Как в политике, все затор.

*(Был рабочим или матросом он,**19
 Я не выяснил у людей.
 Но на площади Мартыновского
 Сто автобусов. Каждый день.)*

1962

Еще сильнее, чем при слове «лбжите»,***
 Коробит при словах «Сталинабад»
 Иль «Сталинира». И не верьте – ложь это,
 Что просто по привычке говорят.

А говорят ведь. И не без патетики,
 Доказывают: тридцать лет пройдет,
 И Сталина великим теоретиком
 И полководцем будет звать народ.

И думают, что вспять пойдет история.
 И отворятся сгнившие гробы.
 Теория. Какая тут теория?
 Великий практик. Страшный практик был.

Кому-то, может быть, и это выгодно,
 Чтоб он хотя б в глубинах сердца жил
 Бой Правды с Ложью очень трудно выигран.
 Так помогайте Правде, а не Лжи.

1962

Я верю, этому сбыться,^{***}
 Хотелось бы – поскорей.
 Исчезнут слова: убийца,
 Вор, бомба, тюрьма, расстрел.

Не будет их больше в русском,
 И если язык – река,
 Они, как весенний мусор,
 Исчезнут из языка.

Но ведь нельзя допускать, чтоб
 Словарь наш оскудевал.
 Теперь поэтов задача –
 Изобретать слова.

1962

ХРУЩЕВСКАЯ РОМАНТИКА***

Мы давно блокировали Кубу
 От вторжений, от морской пехоты.
 Но осуществляется блокада
 Не войсками, не военным флотом,

А сердцами. Двести миллионов,
 Каждое с кулак величиною.
 Разве, господа из Пентагона,
 Совладать вам с силою такою.

Ведь броня как тонкий шелк прорвется,
 Корабли потонут в океане.
 Если кулаки забарабанят
 В туши авиа- и броненосцев.

1962

ПОДРАЖАНИЕ ЕВАНГЕЛИЮ***

Кто в земной своей жизни честно
Сеял хлеб десницей и мукой,
После смерти в чертоге небесном
Сядет с Господом тесно.

И в награду за труд упорный
Никогда не возрастут плевелы.
Это главное – сеять зерна,
Сеять правой рукой и левой.

1962

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Падают снежинки в грязь.
Гибнут в ней повально.
Но у каждой есть своя
Индивидуальность.

1962

С ума сойти! Такая холодина***
Что лужи тонким льдом окаймлены.
А небо синее. Настолько синее,
Что все мои сравненья не нужны.

1962

ОКТАБРЬ

И вовсе не от холода продрог я,
И не от ветра на щеке слеза,
А потому, что с неба смотрят строго
Холодные глубокие глаза.

1962

И посматривать будет нагло,**
И ворчать, приучившись к чуду:
Слишком медленно тащат ангелы
Пироги на серебряных блюдах.

1962

Остриженная коротко девчонка,**
Узлами – отношений наших нить.
А люди понимают упрощенно:
Опять вдвоем – знать, скоро свадьбе быть.

Мы высыпали друг на друга тонны
Ужасных обвинений и угроз,
А люди понимают упрощенно:
Поссорились – помирятся, небось.

И эти предсказанья непреложны,
В их корне опыт многовековой.
В конце концов, запутанная сложность
Становится прозрачной простотой.

1962

Я – шагающая темница***
С глазами вместо решеток.
Во мне сидит прекрасная птица,
Сидит в тюрьме и поет там.

Поет, проклятая, и хохочет:
Держи меня, сколько влезет.
Мои стихи – до последней строчки –
Лишь отзвуки этих песен.

Лишь только отблески. Я воочию
Вижу единственный путь:
Позвать людей на Главную Площадь
И грудь ногтями рвануть.

1962

Жизнь почти что покойника – ***
Ни друзей, ни врагов.
Пожелтевшие томики
Позабывших богов.

1962

1963

РАДОСТЬ

Я хорошо себя веду.
По улице Артема
У всех прохожих на виду
Иду довольно ровно.

Чуть-чуть кружится голова,
И на ветру мне жарко,
Но я же не поцеловал
Немецкую овчарку!

И не обнял я старый дуб,
Лишь поклонился скромно.
Я хорошо себя веду
По улице Артема.

1963

ФУТБОЛ*Григорию Кипнису***1*

От знакомых, скучных и ненужных,
Лестно слышать, что сошел с ума,
Что семьей пожертвуешь и службой,
Чтобы посмотреть футбольный матч.

А потом, в троллейбусе набитом,
Где места – нечаянный сюрприз,
Ехать, наслаждаясь каждым мигом,
В сказочно-заманчивую жизнь.

Где плевать на прибыль и на убыль,
Где страстей трепещут паруса.
Этой жизнью можно жить за рубль
Два академических часа.

1963

В другую сторону***
Качнулся маятник.
Значит, снова нам
По тюрмам маяться?

1963

Называют атомною эрою***
Век автомобильных катастроф.
Соблюдайте правила движения –
Правила движения души.

1963

Как слепые лошади,***
В тесноте, в тесноте
От простоты – к сложности,
И вновь к простоте.

1963

Мы ежеминутно искушаем***
Собственную шаткую судьбу.

[1963]

А мы летаем в хрупких самолетах***
И плаваем на хрупких кораблях.

[1963]

Я позабуду все обиды,²
И вдруг напомнят песню мне
На милом и полузабытом,
На украинском языке.

(Я отомщу за все обиды)³

(Забуду старые обиды)⁴

(Когда уйду в пучину быта)⁵

И в комнате, где, как батоны,
Чужие лица без конца,
Взорвутся черные бутоны –
Окаменевшие сердца.

Я постою у края бездны
И вдруг пойму, сломаясь в тоске,
Что все на свете – только песня
На украинском языке.

1963

МАСТЕРА***

Что толку счет годам вести
Сплетать над ними руки
Разглядываю с завистью
Чужие руки.

Сумели небо вызвездить
Зажечь второе солнце
И побелеть от извести
И почернеть на солнце.

К чему реестр бед вести
И помнить все обиды.
О[д]ни пропали без вести,
Других – убили.

[1963]

Зло и монотонно
Правили Россией
Гордые Семены
Да Темные Василии.

В их царстве годы
Нависли тоннами –
Семены Гордые,
Василии Темные,

Мы им сказки,
А они управляли –
Слепые Васьки
Да Сеньки-нахалы.

А я впервые рассвет над Киевом***
 Увидел в киевском планетарии.

1963

Мелкий дождь до самого рассвета,***
 Можно задохнуться от тоски.
 Ищут виноватых, а победу
 Делят на неравные куски.

1963

ПРАЦА (FRONDA)

Рукою камень бросить проще,
 Но далеко забросить трудно.
 А посильней раскрутишь пращу,
 И оң, свистя, летит, как спутник.

Ее оружием настоящим
 Нельзя считать, но парижане
 Бросали камешки из пращи,
 А в Лувре короли дрожали.

1963

РЕСПУБЛИКА САН-МАРИНО

Говорят, границу Сан-Марино
Навели⁶ известкой, чтоб война
Не грозой, а песней комариной
В горном том краю была слышна.

Чтоб в любое время эскадрильи
Разглядели их нейтралитет,
Чтобы по ошибке не бомбили,
Чтоб ни те не тронули, ни те.

Я не знаю, помогла ль известка,
И совсем не в этом дело тут.
Мой знакомый собирает в горстку
Хрупкий свой и призрачный уют.

Только одного боится страшно –
Позовут и прямо спросят: с кем?
Воротник лавсановой рубашки
Белой полосой на пиджаке.

1963

Взвалил всю земную скорбь***
А от него глаза отводили,
Считали – обычный горб.

1963

*Борису Гопнику*⁷

Я из кошачьей пасти вытащил
Трепещущего воробья.
Та кошка до сих пор лежит еще
И думает, что сволочь я,
Что с хлюпиком и филантропиком
Ужасно жить в семье одной.
И только одобренье Гопника
Вернет душе моей покой.

1963

Положили дураку***
На язык рахат-лукум.
А дурак – он умным был –
Разжевал и проглотил.

[1963]

[...]РЕЛИГИОЗНОЕ

Водят туристов.
И еще командировочный с рыжим портфелем.
А старухи истово-истово
Молятся в соседнем приделе.

Говорят – искусство.
Выдающиеся художники
разрисовывали купол в храме.
Вверху нарисованные Иисусы,
Внизу – в каменный пол – лбами.

*(Говорят – искусство.***8*

Знаменитые художники

разрисовывали купол в храме.

На полу тоже

рисуют портрет Иисуса

Рисуют – лбами.)

Только я на художников не в обиде –

Рисовали, что велено, тоже ведь люди.

И холодные плиты

Воспаленных лбов не остудят.

∴

Кто-то верит поменьше,

Кто-то вовсе сюда

по привычке плетется.

Но такая горячая вера в глазах этих женщин,

Что минута – и сдвинутся горы,

остановится солнце.

Только горы на месте,

и солнце заходит за горы.

Все напрасно!

Все кончено!

Все потеряно!

Все – за плечами!

Их наивная вера глубока, словно море:

Захлестнула церковь, и крест –

как рука над волнами.

1963

Мошकारа говорила, что корни учения горьки,***

А плоды его сладки,

Что учение – свет, и летела в восторге

К фонарю из ночного мрака.

1963

А людям нужно жить у моря,
И нужно долго жить, пока
Вода соленая не смоет
Наносы глины и песка.

*(Когда в тумане тает берег***⁹
И чайки над водой скользят,
Нельзя любви своей не верить,
И ближнего топить нельзя.)*

Потом приходит понимание
Простых, казалось бы, вещей
И мысль о том, что слишком мало
Осталось на земле морей.

1963

Действительно, странный народ одесситы,***
И надо же выдумать – улица Правды...

1963

Плывут по асфальту длинные тени
На Спасской башне горит звезда.
Мне отмщение
И аз воздам.

1963

(ПОДРАЖАНИЕ ЕВТУШЕНКО)*10**

Удивительно длинный ливень,
Который всех уже разозлил.
У деревьев мокрые гривы,
А на Днепре весенний разлив.

И за мостом пешеходным сразу
Вместо асфальта течет река.
С проводов телефонных наземь
Не успевают капли стекать.

Это, наверное, так и надо –
Простор, сжимающий, как тиски.
Вместо буфета и бильярдной –
Чистая синева реки.

Шаг – и ты покидаешь несмело
Асфальтированную твердь.
Наши рубашки прилипли к телу,
Каждому ближе своя теперь.

1963

ХЛЕБ

Не потому, что в поте лица –
Откуда мне – городскому мальчику –
Было знать, как над чёрной пашнею,
Не выдержав, лопаются сердца.

Не потому, что на том столе,
Где стояли салаты сложные,
Где икра – столовыми ложками,
В центре ставили черный хлеб.

Я любил его с малых лет,
Все глядел – не мог наглядеться,
Потому что знал еще с детства,
Потому что с самого детства
У скольких его вдосталь нет.
Знал, у скольких его вдосталь нет.

1963

В пятьдесят втором, холодном, трудном,
Покупали все в очередях –
На витрине не было продуктов,
Но зато стоял портрет вождя.

А внутри, где высился нелепый
Ряд оштукатуренных колонн,
Говорил крестьянин: «Нету хлеба».
Голод. Пухнут люди за Днепром.

Каждый побыстрее пройти старался –
Ну кому мешает голова?
В такт словам позванивала касса,
Будто одобряя те слова.

А когда по улице крестьянин
Быстро шел – видать, хватало дел,
Сквозь стекло жестокими глазами
Долго вслед ему портрет глядел.

1963

Я воспитывался в очередях
За сахаром и за маслом.
Помню все дворы, где тогда
Простаивал час за часом.

Не хватало мне – я молчал,
Успехом ужасно горд был.
Пятилетний, я получал,
Как мама, взрослую норму.
Полдвора – трехчасовой путь.
Я помнил, что я мужчина.
И это выстаиванье отнюдь
Меня не ожесточило.
Очень долго умею ждать,
Даже в беде веселый.
Я воспитывался в очередях
И доволен своею школой.

1963

СКОЛЬЗАНКИ

Улицы розданы
Детям, словно клад.
Тянутся скользанки
От угла до угла.

Детям кататься
Не надоест,
А взрослые боятся
Скользких мест.

– Не пришлось бы каяться...
Асфальт шершав –
К асфальту тянется
Их душа.

А может, доверимся
Гладкости льда?
Давайте проедемся!
– Проедемся?
– Да!

Только и сегодня
 Учитель мой
 Скользанки обходит
 Стороной.

1963

В мире рифм, на улице на любой
 Жизнь удивительно хороша.
 Слово «боль» рифмуется со словом «мозоль»
 И не рифмуется со словом «душа».

Могут возразить, что по улицам
 Там не бродят влюбленные пары –
 Слово «девушка» черт его с чем рифмуется
 И не рифмуется со словом «парень».

Пары бродят. И до рассвета
 «Любовь» рифмуют со словом «правда».
 И в этом странном мире поэты
 Считаются главней космонавтов.

1963

СИНИЦА

Ты в моих ладонях, будто птица,
 Даже руки – словно два крыла.
 Маленькая, звонкая синица
 Хвасталась, а моря не зажгла.

Голос твой не арфа, а гармоника...
 Но откуда этот трубный клич?
 Острым аккуратным треугольником
 В небе пролетают журавли.

Пусть они летят себе, красивые,
В теплые далекие края.
Хорошо их пение призывное,
Только ты в ладонях у меня.

1963

Зимним вечером, летним вечером
Если делалось тошно мне,
Каждый раз повторял доверчиво:
Утро вечера мудреней.

Все узлы распутывал утром я,
Все казалось простым с утра.
Но опять приходили мудрые
Одинокие вечера.

Слишком много за день изведано
Эта мудрость была горька.
Почему же мы за советами
Обращаемся к старикам?

1963

Что останется в старости?
Горький дым папирос,
Ощущенье усталости
Да седеющий пес.

Если прежде, до старости,
Ты щенка себе взял.
Из богатства останется
Драгоценный металл.

Вот – молчание – золото,
 В серебре голова.
 Мне нужна моя молодость,
 На металл – наплевать.

1963

Слишком много дурацкой прыти,^{***}
 Слишком много подленькой лжи.
 Умер поэт? Молчите!
 Вы покойники!
 Он – жив!

1963

СОНЕТ

Одну звезду на небе видел он,
 Считая остальные звезды фоном.
 Зимой сквозь замерзшее стекло
 Была видна лучей ее корона.

Зима кончалась. В марте начался
 Побег ручьев, петлявших, словно нити.
 Но летом он корону эту видел
 Сквозь слезы, застывшие глаза.

Промчалась жизнь, как предрассветный сон.
 Как это странно – быть всю жизнь влюбленным
 И жить одною мыслью день за днем!

И это не сонет – скорее стон.
 Считая остальные звезды фоном,
 Одну звезду на небе видел он.

1963

На соседней крыше,**
Где стая антенн, как стая ворон,
Тяжело и хрипло дышит
Ранний мой сон

Луна проплывает койкой больничной,
Но сон бьется, о ранах забыв,
В правильность и геометричность
Кирпичной призмы – трубы.

1963

Сколько раз мы сбрасывали шубы,
А потом натягивали вновь.
Сколько раз от ветра, чьих-то шуток,
Чьих-то песен веяло весной.

Но метель взъерошенною птицей
Плакала и билась о стекло.
Робкая весенняя водица
Превращалась в скользкий черный лед.

Солнце растопило наши страхи,
Ветки вербы вызвали восторг,
Но старик по-прежнему в папахе
И в тяжелом, на меху, пальто.

Может быть, великолепье мая
О зиме забыть заставит нас.
А сейчас апрель, и вот такая
Трудная и горькая весна.

апрель, 1963

Слепому помогли войти в троллейбус.
 – Скажите мне, пожалуйста, кондуктор.
 (О чем он спросит – сколько остановок
 До выставки?)... Сегодня солнце есть?

– Нет, солнца нет, – ему сказали хором,
 С утра туман, – и посмотрели в окна,
 Как будто были в этом виноваты.
 Но он спокойно принял эту весть.

– Ну что ж, весна бывала и позднее.
 Вот до войны – тогда еще я видел –
 Во время Первомайского парада
 Снег выпал. Да, году в тридцать шестом.

*(– Что ж, до войны – тогда еще я видел – ***)¹
 Еще поздней весна была. Снег выпал
 Во время первомайского парада
 В тридцать четвертом,
 Нет, в тридцать шестом.)*

Но солнце будет, очень скоро будет. –
 И он был прав, а впрочем, все мы знали,
 Что солнце будет, непременно будет.
 Уже никто не сомневался в том.

1963

Дарвин не прав, совершенно не прав Дарвин!
 Вот, посмотрите, стройный, красивый парень.
 Густые брови над голубыми глазами.
 В нем ни малейшего сходства нет с обезьяной!
 Хрупкая девушка шепчет ему: до завтра.

Разве она похожа на динозавра?
 Знаю, что многие не согласятся со мною.
 Скажут: а почему же
 сосед наш свинья свиньей?

1963

*Валерию Лобановскому*¹²

Его стихи – футбольные встречи,
 Он лучший автор гимнов и драм.
 Но ему легче,
 Его-то бьют по ногам.

Он – поэт футбола, и больше нечем
 Дань отдать ударам его и рывкам!
 Но его не увечат,
 Просто бьют по ногам.

1963

Итак, да здравствуют дилетанты,^{***}
 Знатоки всего понемножку!
 Они в будущее летают
 И острят о будущем плоско.

Уже соревнуется город с городом,
 Транжируется время, а что взамен?
 Называется это коротко:

Ка

Вэ

эН.

1963

Я не знаю, что такое страх,**
И я уже не верю в чудо.
Да, нету худа без добра,
Но нет добра без худа.

1963

В центре Америки страшный спрут,**
У него щупальцев миллионы.
В Ираке над виселицами кружат вороны,
Убийцы Лумумбы еще живут.

Но враги торжествуют рано:
Народы мира острым мечом
Обрубят щупальца, а потом
Перекуют мечи на орала.

1963

СОРОК ПЕРВЫЙ

Как в кино: идем, а перед нами
Пыльная дорога вьется вдаль.
Разница лишь в том, что под ногами
Не пески, а киевский асфальт.

Солнце жжет с утра. Дойти бы только!
Руки шелушатся и саднят.
У нее лишь заняты винтовкой,
Связаны веревкой – у меня.

А дорога круче и труднее.
Позади идет моя судьба.
Вот и любит, вроде, и жалеет,
Даже вытирает пот со лба.

Все равно щелчок, и выстрел нервный
Молодое утро рассечет.
Только я уже не сорок первый,
У судьбы куда длиннее счет.

1963

Оптимисты на стадионе – ***
Самые первые люди.
Куда надежнее и спокойней
Ворчать: ничего не будет.

Еще вот раньше, когда был Войнов,
А так, что ни мяч, то мимо.
А оптимист говорит спокойно:
Конечно, мы победим их.

1963

НАД МОРЕМ

У комаров нелетная погода,
А нам совсем неплохо под дождем.
Неподалеку здесь аэродром,
И непривычно нам, что с небосвода
Пропеллеров не долетает гром
И рев турбин – нелетная погода.

Но дождь утих. Теплятся в небе звезды,
 Внизу на берегу зажглись костры.
 Не выпускают самолеты в воздух,
 Зато всю летают комары.

1963

У голубей от голода
 Пропала гордость.
 Хоть их руками голыми
 Хватай за горло.

И мы к земле привязаны
 При всей при нашей удали
 Питанием трехразовым
 Куда сильней, чем думали.

1963

КУЗНЕЧИКИ

Из сада в дом попадают кузнечики
 И долго прыгают по паркету.
 Потом они засыпают – вечером –
 Часть под шкафом, часть под буфетом.

И девочка утром, часов в одиннадцать,
 Несет их в сад в кармане передника.
 Одному удастся вырваться,
 Она его долго ловит в передней.

В саду взволнованно и бессвязно
 Другьям и родственникам кузнечики
 О длинноногой богине рассказывают,
 А те улыбаются недоверчиво.

1963

Сегодня волны бьют о камни пляжа
И на мысу маяк ревет.
Я отплыву от берега подальше
И поиграю в старый пароход.

Капитан азартно матерится,
Дребезжат машины – им конец.
И четыре черных моториста,
Как четыре тени на стене.

Что-то чинят, что-то поправляют,
Но ничем помочь уже нельзя.
И волна соленая, шальная
Заливает серые глаза.

Ох, и разыгралось сине море,
Хоть к утру бы стих проклятый шторм.
Быстро, без речей и церемоний,
Люди попрощались с кораблем.

Сели в шляпки. Капитан по долгу
Делает последним этот шаг.

Я плыву назад и долго
Отдыхаю на мостках.¹³

1963

НОМО SAPIENS FASTIGES***

Я человек, я мыслю и смеюсь,
И всей душою в будущее верю.
Немного выше будет зданье века –
Пускай от злости лопнут мракобесы.
Я человек, я мыслю и смеюсь!

*(Я человек, я мыслю и смеюсь¹⁴
 Работаю и в будущее верю.
 Пусть с кирпичом сравнят судьбу мою
 Я знаю, будет выше зданье века.)*

1963

Наблюдаю падение листьев. Октябрь.
 Ни о чем не думаю – просто листья,
 Просто октябрь.
 Горький запах у листьев. Осень. Смерть.
 Ни о чем не жалею: просто осень.
 Просто смерть.

1963

Над моим детством парили***
 Сталин и деревянный орел.
 Кривые черные крылья
 И славы сталинской ореол.

Душу лучше не трогать,
 Лучше на нее не дышать.
 Тогда постепенно сползает копоть,
 И остается – душа.

Она ворочается, словно камень,
 С нею – в сто раз трудней.
 Орел прилетает, чтоб рвать когтями,
 И корчится Прометей.

1963

Хочу быть поэтом,**
А еще хочу быть слоном,
Бояться мышей.

1963

СТИХИ ОБ АМЕРИКЕ**

В стране, где умных людей немного
И много имеющих уши стен,
Очень удобно верить в Бога,
Распятого на кресте.

1963

Раскормленный лысеющий блондин**
Невинными глазами голубыми
Блестит.

1963

В хате розовая стенка,
На стене портрет.
На меня глядит Шевченко –
Лучший наш поэт.

Как Тараса молодого
В Питер увезли,
Так и в старости – ни дома,
Ни семьи.

В казахстанских тех широтах
 Посреди песков –
 Рядовой солдат пехоты.
 Царь и бог стихов.
*(Генерал стихов.)***15*

Перебить ли обух плетью...
 Что ж, молчать? Ну, нет!
 Лишь один такой на свете
 Был поэт.

И Тарас из царских ручек***
 Не ловил наград.
 А удачливые трусы
 По ночам дрожат.

*(И наград из царских ручек¹⁶
 Он не получал.
 А удачливые трусы
 Плачут по ночам.)*

1963

Цепями догм хотели мысль связать***
 Пигмеи, ничего у них не вышло.
 И мысль моя ракетой все выше
 Взлетает, удержать ее нельзя.
 Они хотели грохотом железа
 Загнуть назад мой стих, слетевший с уст.
(Убить мой стих, чтоб только стон из уст.)¹⁷

Но в стихе шепот волн и шепот леса,
 Мир был бы мрачен без него и пуст.
 Пускай от злости сдохнут мракобесы!
 Я человек, я мыслю и смеюсь.

1963

ЦИРЮЛЬНИКИ

*Труп Ивана Грозного
постригли в монахи и
нарекли Ионой.*

I

Недолго цирюльники царские жили.
Их ночью стрельцы на допрос уводили,
Дробили кувалдою руки и ноги,
Вгоняли иголки под грязные ногти.
– Царя отравить иль зарезать хотели?
Где брали, собаки, бесовское зелье?
Цирюльников крики сквозь ночь пробивались,
Они признавались, во всем признавались.
И слышали мрачное: «То-то же, черти!»
И Господа Бога молили о смерти.
Зеваки на казнь равнодушно смотрели –
Худые цирюльники плохо горели.

II

Комната от курений
Душиста и чуть туманна.
Молча стоит последний
Цирюльник царя Ивана.

Глаза у него большие,
Печальные – умер царь.
Но радость в каждой морщинке (*морщине*)
Маленького лица.

Ему хорошо стоять здесь,
Глядеть на скорбные лица.
Ему не надо бояться,
Теперь его жизнь продлится.

Ему хорошо в молчании
Под колокольный зуд
Бояр обжигать глазами
И ждать, пока позовут.

Стоять в уголке и думать,
Лаская бритвы железо,
Что если бы царь не умер,
Он сам бы его зарезал.

1963

Расковали Прометея,
Дали хлеба и вина.
К Прометею возвратилась *(воротилась)*
Старая жена.
– Я жила у винодела,
С гончаром жила,
Ну а в том, что так случилось,
Не моя вина –
Не кори меня.

Дни разматывались нитью.
Слушал сказки стариков
О царях и о героях,
О делах богов.
Он узнал, что бог Юпитер
Людям дал огонь.
И жилось ему на свете
Хорошо, легко.

Только печень пошаливала.

1963

Мне говорят: оно назад вернется,^{***}
 Но стынет клен, как будто много лет,
 Как будто сотни лет не будет солнца.
 Что делать нам без солнца на земле!

1963

Осенний сад, притихшие аллеи,^{***}
 Дождь пропитал гранитное крыльцо.
 Заходит солнце. Вдалеке алеет
 Его большое скорбное лицо.
 В воде Днепра – реке спокойных ритмов –
 Обломки неба и обрывки туч.
 И солнце заходящее дарит мне
 Тринадцатый и самый лучший луч.

1963

Был зной. Поэту дали лимонаду,^{***}
 И он ушел заканчивать стихи.
 Но устояла эта баррикада –
 Другие ночью заняли враги.

1963

Виктору Некрасову¹⁸

Подол – плохое место для собак.
 Плевать трамваям на собачьи лапы.
 У них дорога, пассажиры, график.
 Они неотвратимы, как судьба.
 Дождливые подольские двory,

Изысканные завтраки помоек,
И кажется – от моря и до моря
Дожди, дворы, помойки и пиры.

А вечером огромная луна.
И так все время – бегай и надейся,
Что, может быть, останется на рельсах
Не голова, а лапа...

1963

На деревьях поселились аисты,
Им на крыше не хватило мест.
Милая, не надо каяться –
Надоест.

На коре таинственные знаки,
Пахнет гнилью лес.
Милая, не надо плакать –
Надоест.

Упираются стволы громады
В синеву небес.
Милая, любить не надо –
Надоест.

1963

ЦАРИ (автопародия)

Для Дмитрия Благого¹⁹

Еще мальчишкой удивлялся дико.
Как людям непонятно, почему
(Как может быть неясно, почему)
Царя Петра зовем Петром великим
И в Ленинграде памятник ему.

Он нужен нам, державный этот конник,
Копыта устремивший в небеса.
Шевченко подошел односторонне.
Он, сволочь, все неправильно писал:

Це той первий, що розпинав
Нашу Україну...

И Петр, и те голодные, простые
В одном строю к единой (к великой) цели шли,
За долгую историю России
Были (Бывали) и хорошие цари.

1963

Сегодня новый год, и завтра тоже,
И послезавтра будет новый год.
И все не удастся подытожить
Недели дел, раздумий и забот.

Ну что я делал год назад? – Не знаю,
Не знаю, что успел за этот год.
И снова мчится пестрый хоровод –
Несутся дни, друг друга догоняя.

И вдруг потом, красивой зимней ночью,
Когда снежинки бьются о стекло,
Хватаешь календарь, а тот бормочет:
Декабрь, тридцать первое число.

1963

Мы встретились, но что ему сказать?***
Я вас люблю?
Спасибо вам за все?
А у него потухшие глаза.
А у него усталое лицо.

1963

ЭККЛЕЗИАСТ***

От людских трудов немного пользы:
Все стремленья наши – суета.
Новый род сменяет предыдущий
Со словами: будем жить не так!

Но восходит солнце, и заходит,
И восходит снова поутру.
Ветры затевают над землею
Каждый день обычную игру.

А река, впадающая в море,
Множество воды несет туда,
Но проходит время, и к истокам
Снова возвращается вода.

Ничего не будет в этом мире
Нового, как не было и нет.
И одна лишь правда непреложна:
Все на свете суета сует.

1963

1964

Не важно, что первый в чем-то ты,
Важно, чтоб не последний,
Чтобы шагами четкими
Шли за тобою следом.

Пусть твое слово дареной
Ценностью станет людям.
Важен полет Гагарина
Тем, что другие будут.

1964

Я не верю в «добро с кулаками».***
Оно представляется мне начальником,
Который бьет по столу кулаками,
Орет и грозно сверкает очами.

А перед ним пожилая женщина,
Скорее испуганная, чем обиженная,
Что-то такого там не успевшая,
Что-то важное упустившая.

[1964]

СТЕПАН РАЗИН**I**

Промелькнули ночи летние,
Друг за другом торопясь.
Эта ночь – твоя последняя.
Утром казнь.

Церковь брызнет позолотою,
Вспыхнут стекла в терему.
Отведут на место лобное,
И – конец всему.

Жизнь прожита, спета песенка,
Шевельнешься – звон цепей.
Такой далекой кажется Персия
И та княжна персидских кровей.

II

Чья-то тень скользит по стеночке
К неширокому окну.
– Вот и свиделись мы, Стенюшка,
Не узнал свою княжну?

– Заперта моя темница,
Сгинь, лукавый,
– Погоди.
Смыло волжскою водицею
Синяки с моей груди.

После страшной брачной ночи той
И заутрени хмельной
Стала Волга моей вотчиной,
Моей синею тюрмой.

Не умчаться и не вырваться,
Надо мной бегут года,
Ну а мне всего четырнадцать,
Как и прежде, как тогда.

Я кричала: помогите!
Маму я звала...
Завтра утром ты увидишь,
Что велик Аллах,

Что палач в рубаху прячет
Пару черных крыл,
И поймешь, что не палач он –
Ангел Джебраил.

Ты пойдешь, но сил не хватит
На последний шаг.
И персидские проклятья
Зазвучат в ушах.

III

Утро скрашено было казнью,
А день медленно отгремел.
Дьяк из Пытошного Приказа
Рассказывает куме:

– Что ж, Степан не моргнул, не ойкнул,
Лег на плаху, и нет как нет.
А еще трезвонят бабы-сороки
О какой-то персидской княжне.

Степан наградил в Персии денег
И всяческого добра
И в одном персидском селении
Нищенку подобрал.

Ватага тешилась с персиянкой,
Да вот по пути назад
Столкнули в воду ее по пьянке
И не смогли достать.

То ли сразу она потопла,
То ли вода была холодна...
А у баб языки, что метлы,
Как бы не так, княжна!

1964

БАЛЛАДА О ДЕТСКОЙ ОНКОЛОГИИ***

Подвернуты простыни аккуратно,
В больничной палате дети лежат.
Самая страшная смерть – от рака.
Лучше сразу. Лучше заряд из ружья.

На стенах орнамент: змеи и чаши,
Профессор смотрит на этих змей.
И говорит: «Все чаще и чаще
Мы встречаем рак у детей».

Слишком много в земной атмосфере
Радиоактивных веществ.
Мне ужасно хочется верить,
Что этих детишек вылечат здесь.

Вернут им медь пионерских горнов,
И солнце Артека, и рокот волн,
Но строки Московского договора
Для них сейчас важнее всего.

Не будет больше атомной пыли,
А будет жизнь, светла и чиста.
И наши ученые сообщили,
Что воздух значительно чище стал.

А им передачи приносят мамы,
И небо за окнами все синей...
Не забывайте, товарищ Мао,
Эту палату и этих детей!

[1964]

ЮРЮЗАНЬ

Есть такая речка Юрюзань.
У нее глаза, как бирюза.
А над речкой горький запах трав.
А на речке город Усть-Катав.
В городе домишек чинный ряд,
Очень древних – люди говорят.
Церковь – перезвон стоит с утра,
Люди говорят – времен Петра.
Будочка с окошком у ворот –
Масло- или молокозавод.
В небе облака легки, легки,
И зеленый скверик у реки.
А вода под солнцем – словно сталь.
С удочками мальчик у моста...
Речка, речка, речка Юрюзань,
У тебя глаза, как бирюза.

1964

Природа не выносит пустоты.
Вода в насосе тянется за поршнем,
И даже в кинофильме, даже в пошлом
Какие-то стремленья и мечты.

И никому еще не удалось
Пройти бесследно, избежать поступков.
(Отделаться от мира поцелуем)^{***1}
Пустое сердце заполняет злость,
Чужие мысли – голову пустую.

В пустых глазах смертельная тоска,
В пустых руках обида и проклятье.
Пустыню моря вспарывает катер,
В пустыне – море серого песка.

*(А мы в водовороте суеты^{***2}
Вдруг вспоминаем о друзьях погибших,
Приносим к их надгробиям цветы
И с новыми друзьями делим пищу*

Природа не выносит пустоты)

1964

ПОСЛЕ ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Нищий телом и духом нищий,
Едва прикрытый каким-то тряпьем,
Я осматривал пепелище
И разыскивал свой дом.

Греки в лоханках своих расселись,
Но ветра не было. Целый день
Их паруса, как занозы в сердце,
Торчали в морской воде.

Потом уплыли. И чист и горек
Волны белокурой всхлип.
И можно мечтать о том, что море
Проглотит их корабли.

Руины пахнут золой и зноем,
Зовут на борьбу и месть.
Лежит убитый троянский воин
И крепко сжимает меч.

Играет солнце на медном шлеме
Тысячами огней...
Перекую этот меч на лемех,
Лемех теперь нужней.

Троянские женщины и мужчины
Убиты и взяты в плен,
Мою невесту в края чужие
Везут на греческом корабле.

Я нищий телом и духом нищий,
Один в сожженной земле.
Нужно построить себе жилище,
Нужно посеять хлеб.

1964

Одни считают его пророком,**
Другие – ловким лгуном.
Но всех пророков считали лгунами
И многих лгунов – пророками.

[1964]

ЗАГОРСК**I**

То вверх ползли в скрежещущем автобусе.
То низвергались.
А за окном поля Московской области,
Заснеженные дали.

Ларек, и мальчик держит сумку мамину.
Какую роль судьба ему отыщет?
Руководить Москвою белокаменной?
Мытарствовать в Мытищах?

В двадцатом веке верить больше не во что,**
Осталась вера в Бога.
И церкви выбегали, словно девушки,
Красивые – до боли.

II**ПОДРАЖАНИЕ МИКОЛЕ ВИНГРАНОВСКОМУ**

Церквей загорских купола
И монастырских стен бойницы.
Как синие большие птицы,
Церквей загорских купола.
От самолета тень легла,
И два огромные крыла
Скользят по снегу и по лицам.
Церквей загорских купола
И монастырских стен бойницы.

III

Не надо сказок о Рублеве,
К чему красивые слова?
Не мужиков и не влюбленных
Он на иконах рисовал.

Он жил в совсем другие годы,
Он был талантлив и глубок
И знал: у русского народа
Одна надежда – русский Бог.

IV

*(В церкви идет служба,^{***3}
Молитвы звучат негромко.
И я здесь стою ненужный,
Ненужный берет свой комкаю.)*

Мне в церкви делать нечего,
Не знаю, о чем молиться мне.
У священника волосы белые,
А глаза у него выцвели.

А он на меня не сердится,
А он негромко и нежно
Рассказывает о Сергии,
Сергии Радонежском.

Священник не замечает
Пристальных глаз моих.
Загадочны и печальны
Лики святых.

V

Прошла сквозь старух и свечи,
Красивая, молодая.
И тоненькие плечи
Дрожали от рыданий.

Прошла и упала ниц.
– Смотри, что делает девка!
Сюзанна ее разглядела
Сквозь липкую тушь ресниц.

Красные сережки,
Синее пальто.
Она была похожа
На сломанный цветок.

И мой товарищ хмуро
Позвал: пошли, Сюзанка!
(Сюзанна была не из Лурда,
Она была киевлянка).

VI

*В музее русского искусства вы можете увидеть...
Из путеводителя по Загорску*

Есть в музее русского искусства
Необыкновенная скворешня –
Ловко сделанная из колоды
Голова мужичья.

У меня такое было чувство,
Будто сам я к дереву подвешен,
Будто в голове скворчат выводят.
Будто плачу я пометом птичьим.

Ворон выклевал глаза,
Зубы выбил конвоир.
В круглый рот влетают птицы
И глядят на внешний мир
Сквозь глазницы.

И в прогнивший череп равнодушно
По утрам заглядывает солнце.
Странную, жестокую игрушку
Сделали когда-то новгородцы.

VII

Мы в Загорске всего лишь гости.
Нам пора, и охота курить.
Но какой-то особый голос
Появился у нас внутри.

Голос тих, немного печален
И почти что неувим.
Мы в автобусе обсуждали
Новый греческий кинофильм.

1964

БРИГАНТИНА⁴**Песня**

У нас асфальт струится под ногами
И вместо палуб ровные поля.
Но в синем море на прибрежный камень
Катятся белокурые валы.

Припев:

Когда мечта с упорством спаяна,
Ей нет преград, ей нет преград.
Нетерпеливо ожидая нас,
Моря далекие шумят.

Там волн соленых штормовая ярость,
Там чайки умирают на лету.
И мы проносим, словно алый парус,
Большую и красивую мечту.

Припев

Нам парусами машут бригаантины,
 Мигают звезды, словно маяки.
 Мы не сдаемся, мы непобедимы –
 Романтики, поэты, моряки.

Припев

*(Но и у нас есть море голубое,**5
 И это море – наш бассейн «Дельфин».*

*Нам парусами машут бригаантины,
 Мигают звезды, словно маяки.
 Из головастика растут дельфины,
 А из дельфинов выйдут моряки!)*

(АЛЫЕ ПАРУСА6**

*Пусть мы не слышим грохота прибоя,
 Морским волнам не рассекаем спин,
 Но часто снится море голубое
 И моряков веселый друг дельфин.*

Припев:

*Когда мечта с упорством спаяна,
 Ей нет преград, ей нет преград.
 Нетерпеливо ожидая нас,
 Моря далекие шумят.*

*Пусть мы в тайге еще не побывали,
 Алмазов не открыли мы в горах,
 Но мы мечтаем о далеких далях,
 О кладах в запыленных рюкзаках.*

Припев:

*Когда мечта с упорством спаяна,
 Ей нет преград, ей нет преград.
 Нетерпеливо ожидая нас,
 Леса таежные шумят.*

*Сквозь бурь и гроз космическую ярость
 В ракете мы рванули в высоту.
 Мы пронесем сквозь Космос алый парус –
 Красивую и гордую мечту.*

Припев:

*Когда мечта с упорством спаяна,
 Ей нет преград, ей нет преград.
 Нетерпеливо ожидая нас,
 Миры далекие манят.)*

*(Весь этот треп о дальнем синем море – ***7
 Романтика в угоду дуракам,
 Но автор слов и композитор Боря
 Имеют право на свои сто грамм.)*

1964

По летнему городу (нет, это запах),
 По южному городу (нет, юго-запад),
 Столичному городу (разве в столице
 Листаются годы, как будто страницы?)

Асфальт под подошвами медленно тает,
 И день улетает, и ночь улетает.
 Лишь вечером след мой в асфальте застынет
 И станет глубоким, прозрачным и синим.

А милая сделает слепок из гипса
И спрячет в комод, чтобы он сохранился.
Мой след никогда не исчезнет, а это
Большая удача и честь для поэта.

1964

Я плачу
Откровенностью за откровенность.
Я живу
Во второй половине двадцатого века.

Это время с трудом
Прогрызалось, росло, пробивалось.
Это время – мой дом.
Моя крепость. Почтовый мой адрес.

Просто несколько слов
На щеке голубого конверта:
Леонид Киселев
Из второй половины двадцатого века.

Август лужицы вытер,
На асфальте валяются первые листья.
Ах, какой яркий свитер
На этом мотоциклисте!

А девчонка умело
Сигарету сосет и лицо подставляет под ветер.
Вот и повесть о нашем Ромео
И о нашей Джульетте.

Два столетия спустя
Пыль стряхнут с моих строк незаметных
И узнать захотят
О судьбе и о жизни поэта.

Для чего он лез в драку?
Что пророчил, о чем он торочил?
Но не станет Ираклий⁸
Собирать дневников моих ключья.

Встретят холмик во ржи
И вернутся с подробным ответом:
Он родился и жил
Во второй половине двадцатого века.

1964

Я любил когда-то большие числа:
Миллионы, квадриллионы,
Знал, что такое миллиард
В европейском значении этого слова,
В нашем русском значении этого слова.
А еще я любил световые годы
Переводить в километры, метры
И подсчитывать, сколько нужно спичек,
Чтобы до Сириуса достать.
А потом полюбил я малые числа,
Очень многое знал я о малых числах:
Объем молекулы водорода,
Длину берцовой кости клопа,
Сколько микробов в одном микроне
И что такое миллимикрон.
А потом полюбил я простые числа:
Вот живет человек, и он одинокий,
Потом женился, их стало двое,
А после дети у них пошли.
Один ребенок, второй ребенок,
Ну даже, скажем, третий ребенок,
И теща приехала жить к нему.

И он подсчитывает зарплату:
 Сколько нужно котлет к обеду,
 Сколько купить билетов в кино.
 Это и есть простые числа,
 И пока они в пределах десятка,
 Можно им доверять вполне.

1964

Господа, у меня небольшая просьба,^{***9}
 То есть, это громадная просьба,
 Она небольшая в том смысле,
 Что ее выполнить очень легко.
 Итак, у меня небольшая просьба:
 Я прошу не стрелять в детей.
 Понимаете, когда летят пули,
 А тем более падают бомбы,
 На жесткую землю падают дети,
 И они не поднимутся никогда.
 Конечно, когда убивают взрослых,
 Тоже не очень хорошо,
 Но, господа, понимаете, дети...
 Они красивы, вьетнамские дети –
 Черные волосы, круглые лица
 И очень мудрые глаза –
 След тысячелетней культуры,
 А, может быть, это след страданий,
 А, может, просто нам непривычен
 Азиатский разрез глаз.
 Нет, вы не думайте, я понимаю,
 Что есть концессии, договоры,
 Защита свободы, равенства, братства,
 И множество всяких других слов.
 Но пока на землю падают дети,
 Все наши книги и кинофильмы,

Наши спичи и тронные речи
 Не стоят ломанного гроша.
 Мне не случилось ни разу в жизни
 Обращаться с просьбой к Конгрессу США.
 Но сейчас у меня небольшая просьба:
 Я прошу не стрелять в детей.

[1964]

Черная бурка, алая страсть.
 Я не сумею тебя украсть.
 Слишком привычка во мне сильна
 За все расплачиваться сполна.
 За черный хлеб и за добрый взгляд,
 Весенний день и осенний сад,
 За первый снег и за чай в купе.
 Чем за любовь заплатить тебе?

*(Черная бурка, алая страсть,**+10
 Стройный скакун белей облаков,
 Белые, белые облака
 И яростно-белая сталь клинка.
 Белые сакли, алая страсть...
 Я не сумею тебя украсть.
 Не то, чтобы конь от пробега взмок,
 По-прежнему чист и остер клинок,
 Но слишком привычка во мне сильна
 За все расплачиваться сполна.
 За черный хлеб и за добрый взгляд.
 Весенний день и осенний сад,
 За первый снег и за чай в купе.
 Чем за любовь заплатить тебе?)*

*О панно Інно, панно Інно.
Я сам, вікно, сніги.
П. Г. Тычина*

Луна позолотила иней,
Налипший на моем окне,
Красивое девичье имя
Звучало в тишине.

И было имя необычным,
И долетало, словно стих,
Сквозь стук ирпенской¹¹ электрички,
Сквозь смех товарищей моих.

И три протяжных, чистых звука
В меня бросала мгла.
Она, должно быть, нянчит внуков.
А может, умерла.

Но тосковал о ней Тычина
И вспоминал, и постигал.
О Инна, дорогая Инна.
Я здесь один. Снега.

1964

Мы видим то, что ожидаем видеть,^{***}
И слышим то, что ожидаем слышать.

[1964]

Жестокость.***
Значит, смерть недалеко.

[1964]

Сдаюсь на милость твоему***
уюту –
Двум рыжим кошкам в
комнатных углах.

[1964]

Зачем им зорьки ранние,***
Коль парни на войне.
В Германии, в Германии,
В проклятой стороне.

До свидания, Померания,
Завоеванный нами край.

[1964]

1965

Слова меняются, словно флаги,
Словно портреты премьер-министров.
Говорят не «рабочие», а «работяги»,
И в этом свой смысл.

Рабочий – это который с плаката,
Который одет, обут и сыт.
Рабочий – он в шестьдесят пятом
Носит сталинские усы.

И дает право любому кретину
Прервать на мгновение свой маршрут
И сказать: «Уберите эту картину!
Ее рабочие не поймут».

А работяги – те проще,
Нет в них романтики никакой.
По вечерам сквозь поля и рощи
Они в электричках едут домой.

В теплом вагоне многие дремлют,
Многие режутся в «дурака».
А впрочем, конечно, страны и земли
В их мускулистых крепких руках.

И свои радости имеют люди:
Выпить сто грамм, колбасою заесть.
Но вот интересно, а что будет,
Когда им все это надоест?

Если в это апрельское утро взглядеться
И глаза благодарно раскрыть,
Ослепит и ударит, как бритвой по сердцу,
Ярость солнца и крик детворы.

Слишком синее небо, чтоб выстрелить громом,
Чтоб ударить оттуда грозе.
На мгновенье толпа у дверей гастронома
Станет ближе родных и друзей.

Улыбнусь про себя, потому что увижу,
Что легка моих дней канитель,
Если в щеки целует цветущая вишня,
Если по сердцу этот апрель.

1965

Судьба хитрит, она сама с собою
Играет в очень сложную игру –
Раз в жизни каждому предоставляет
Возможность все иначе повернуть.
Но у судьбы есть десять тысяч шансов,
У нас – один, к тому же мы и сами
Не знаем о призвании своем,
И человек, замысливший убийство,
На улице попросит закурить
И удивит нас отрешенным взглядом.
И если за рукав его схватить,
Не выпускать его, пойти с ним рядом,
Позвать домой и чаем напоить,
Все повернется. Но судьба играет
Сама с собою в сложную игру.
И у нее есть десять тысяч шансов,
У нас – один, к тому же мы и сами
Не знаем о призвании своем.

1965

COGITO, ERGO SUM***

Все больше, все сильнее, с каждым годом
 Весенние разливы на Днестре
 И все-таки, ненастная погода
 Из ноября пробилась в мой апрель.

Взъерошенные голые каштаны
 Похожи на поэтов и бродяг,
 А резкие цвета и очертанья
 Приглаживает матовость дождя.

Ах, этот дождь! Его черпаешь горстью
 И все не наполняется рука.
 И в сумерках почти желанной гостьей
 Накатывает тихая тоска.

И вслед за тем, во сне ли, наяву ли
 Я вижу сад и девушку в саду...
 Но я тоскую – значит, существую...

[1965]

Торопятся поэты и цари¹.
 Для них малы отпущенные годы.
 К поэтам ясность строчки и свобода
 Приходят поздно, что ни говори.

И у царей достаточно забот –
 Держава не прочней, чем столбик ртутный.
 Повесить всех врагов ужасно трудно,
 Вдруг кто-нибудь остался, вдруг живет.

Но умирают в юности поэты
 И в очень древнем возрасте цари.
 И остается песня недопетой,
 И корчатся на плахе бунтари.

ДЕВОЧКА

Ребенок – глаза ее сразу выдали
Такие синие – у детей.
Не мечтает и не завидует.
Просто смотрит на журавлей.

Они пролетают полумесяцем
И скрываются вдалеке.
Даже синица не поместится
В ее маленьком кулаке.

1965

Будь проклята, услужливая память,
Которая подсовывает нам
Совсем не нужные воспоминанья!
Бывает, собеседник зажурчит,
И сладко слушать этот тихий рокот,
Выхватывать отдельные слова,
Лепить из них, как дети из песка
Пирожные и крепости.
И вдруг
Сожмется сердце, и тупая боль
Пронзит насквозь, и жалобно бормочешь:
Она любила эту поговорку.
Зачем нам суждено переживать
Свою любовь? Обедать, и смеяться,
И радоваться новому пальто,
Ходить в кино и жить под вечным страхом.
Что прошлое напомнит о себе
Днепровским садом, строчкою из Блока,
Письмом забытым, прядкою волос.
И все, что было позже, станет мелким,
Нелепым и ненужным.
Я сегодня
Перебирал бумаги на столе.
Нашел твою записку.

1965

Милая, не будь такою мрачной,
И такой усталою не будь.
Жизнь прошла, и в сумрак наш чердачный
Солнце не успело заглянуть.

1965

КАРАВЕЛЛА КОЛУМБА

Сменился курс, и волны бьют в борта,
И горестно поскрипывает остов.
Никто уже не верит в синий остров
И прочие счастливые места.

Легко прельстить обманом голытьбу.
Но трудно удержать в повиновенье,
Пропитано опасностью мгновенье,
И, словно чирей, набухает бунт.

Подросток-юнга, тонкий, как свеча,
От холода дрожит в гнезде вороньем.
Но строгий дан приказ – не проворонить
Клочка земли и сразу закричать.

Он тщетно в горизонт вонзает взгляд,
Лишь облака клубятся там, далече.
Но миг невыносим и бесконечен,
И сам Колумб кричит: Земля! Земля!

1965

Все по годам: восторженность,
Потом трезвый расчет.
Вложена осторожность
В глубокие складки щек.

Потом простота и строгость –
Уже ни к чему игра,
А после идет жестокость –
Последняя наша грань.

Бессильная и тупая,
Как ломота в висках.
Жестокость наступает –
Значит, и смерть близка.

1965

Очень жарко, очень жарко,
И в киоске нет воды.
На дорожках зоопарка
Очень странные следы.

Я не заяц и не белочка,
Не удав и не павлин,
А я маленькая девочка,
И зовут меня Катрин.²

1965

Аве, Цезарь! Мы с тобою схожи,
И у нас похожая судьба.
По краям твоей пурпурной ложи
Золотая тонкая резьба.

Надо мною ангел смерти реет,
Мой противник ловок и упрям.
Желтая песчаная арена
Обагрилась кровью по краям.

Наконец я слышу глас народа –
Разрывает уши черни рев.
Зрелища заменяют им свободу.
Аве, Цезарь! Страшно пахнет кровь.

Ты моей гибели не жаждешь,
Ты не злой, но лучше отвернись,
Если миллион моих сограждан
Пальцами указывает вниз.

Понимаешь, годы – словно птицы,
Наши нити Мойры теребят.
Аве, Цезарь! Мы с тобой убийцы,
И меня зарежут, и тебя.

Аве, Цезарь!

1965

Вы любите чужие города?
Внезапность поворотов и подъемов,
И там, где полагалось быть Подолу,
Морские волны, синяя вода.

Мне города являются во сне,
Похожие на маленький мой Киев,
И все-таки немного не такие.
В них что-то есть. Он созвучны мне.

*(Я тоже снюсь кому-то по ночам
В далеком царстве сосен и метелей,
Добрей и чище, чем на самом деле.
Пусть много городов приснится вам.)³*

1965

Как будет выглядеть эта война?
Во-первых, правда ли, что она
Разрушит прочные наши дома,
Словно какие-нибудь карточные домики?
Во-вторых, отберут ли радиоприемники?
Это, вроде, и ни к чему,
Но генералы всегда в плену
У того, чему их учили в школе.
Вот, наверное, в следующую войну
Отбирать их не станут, так как поймут,
Что радио не играет роли.
Или, скажем противогаз.
Представьте, что в нем иссякнет запас
Смеси, предписанной для дыхания.
А Маша опаздывает на свидания,
И, бывает, на целый час
(У них комсомольские собрания,
А она – активная комсомолка).
Я все это понять готов,
Но зачем мне нужна любовь,
От которой и помереть недолго.
А если вовремя Маша придет,
То скажите, пожалуйста, как узнать ее
В этой жуткой резиновой роже?
Все будут так друг на друга похожи,
Что начнешь приставать к собственной матери.
Или вздумаешь ограбить прохожего
И вдруг выяснишь, что он – твой тесть.
Все-таки в нашей жизни есть
Много вещей, нелепых и странных.
Меня не приняли в институт
За то, что я припомнить не смог
Всех подробностей битвы при Каннах.
Но ведь речь о римлянах шла! А тут
Речь идет о нас и о наших странах.

И когда война придет на порог,
 Размышлять о ней будет слишком поздно.
 Ситуация будет и так ясна.
 Так давайте задумаемся над вопросом:
 Как будет выглядеть эта война?

1965

НА ПРЕДСТОЯЩУЮ ПОЕЗДКУ ДМИТРИЯ ЗАТОНСКОГО****
 (Выдал бы за экспромт, не будь так хорошо написано)

Сидели, словно пари
 Мы в киевской дыре,
 А Дима там, в Швейцарии,
 Шнырял по кабаре.

Из Азии вылазили
 В Европу кое-как,
 А он в красивом Базеле
 С утра шагал в кабак.

Нас мучили, морозили,
 Травили колбасой,
 А он в Женевском озере
 Купался под луной.

Теперь уж непременно я
 Работу проведу:
 Захочет съездить в Геную
 Поедет в Кзыл-Орду.

1965

Стоят деревья в инее,***
 Словно в алюминии.

1965

Жизнь и смерть очень близки,^{***}
А время бьет без промаха.
Время воспитывает (*учит*)⁵ людей,
Но полученные знания
Не идут им на пользу
(*Если б только шли на пользу*)⁶
Времени свойственны
мудрость и совершенство.
Оно самый лучший поэт и проповедник
(*Оно само поэт и глашатай.*)⁷

Ты подсчитываешь, много ли тебе осталось жить.
Но ведь жизнь приносит тебе мучения,
Старит тебя и истощает.
Жизнь делает тебя мудрым,
Но научила ли тебя твоя мудрость,
Как поступать в дальнейшем,
Разве мудрость (*опыт*) сделал(а)⁸

Для тебя доступным язык времени.
В битвах времени ты слышишь
Только стон и плач.
Ты настойчиво ищешь радостей молодости
А смерть, о которой ты забыл, близка.
Ты считаешься мудрым, но не вижу я
В тебе мудрости.
Ты все еще ищешь жизнь,
А следовало бы искать истину.
Но вот ты успокоился в ином доме.
Ты превратился в прах и тлен.

Пей вино, ведь мудрость жизни –
этой древней мастерской
Людам не понять ее так же, как
и на заре веков.

1966

На стене скрипучей горенки
Золотые образа.
У святых улыбки горькие
И потухшие глаза.

Здесь минуты тихо катятся,
Вяло бьются о стекло.
А присмотришься – окажется,
Что столетие прошло.

В щель окна худая веточка
Протянулась, как рука.
И когда приходит девочка
Таня, дочка лесника.

На улыбку полудетскую
И в глаза ее гляжу
И не странным, а естественным
И приятным нахожу,

Что печальные две трещинки
Обрамляют пухлый рот.
А в глазах веселых плещется
Легкий пепельный налет.

1966

Воздушный замок выстрою,***
Огромный. А вместе с тем,
Чтоб никакие выстрелы
Не повредили стен.

1966

Хочу, чтобы была Россия***
Единой, неделимой,
...невредимой.

1966

Если человек живет с волками,***
Что ж ему, по-птичьи щебетать?
Теплыми апрельскими дождями
Выльется российская печаль.

Выльется на пасмурные избы.

1966

Самое честное в этом мире – ***
Мелкий осенний дождь.

1966

Сергею Киселеву

Из тебя такой вратарь,
Как из азбуки – букварь!

1966

Да будет – синим небо над тобою.***
Да будет сладким твой соленый хлеб.

1966

Слабый найдет у женщин***
Защиту от всех невзгод.
Глупый – в книгах мудрейших,
Умный нигде не найдет.

1966

Утро чахоточное и ржавое,***
Просыпается дом.
И поют петухи Окуджавы
У меня за окном.

И соседи их слезно просят
Хоть разок помолчать.
А весна похожа на осень.
И дожди по ночам.

[1966]

Черный-черный
Осенний сад.
Милая, о чем тебе
Написать?

[1966]

Язык не может сразу умереть,
Скоропостижно люди умирают,
Но медленно озера высыхают,
И тихо высыхают русла рек.

*(Язык не может сразу умереть.***)¹
Скоростижно умирают люди.
Мы потоптались у его дверей
И отошли. Никто нас не осудит.)*

Язык заброшен, но ни днесь, ни впредь
Своей вины ничем не искупить нам.
В ночной тиши за горло схватит бред,
И днем самих себя нам будет стыдно.

Он бьется перепелкою в сетях,
Расставленных вечернею газетой,
И вспыхивает пламенем в стихах
Тычины – гениального поэта.

Язык не может сразу умереть.

1966

МОНОЛОГ ГАЛИЛЕЯ

*И пусть меня сожгут, как Галилея!
Из стихов начинающего поэта*

А все-таки Земля стоит на месте!
На трех китах, киты на черепахе,
А черепаха... Эта черепаха
На ваших спинах, олухи, стоит.

Неправда, будто вам нужны герои,
Вы травите живых, вам нужен труп.
Огромною и жадною толпою
Вы побежите к моему костру.

Вы будете скрывать свое веселье,
Стонать в тавернах: Галилей сожжен!
И распалась увиденным, в постели
С особенным усердьем тискать жен.

Но этого не будет – я умней,
 Вам не увидать моего сожженья.
 Кричите, что проданся Галилей.
 Есть вещи поважнее ваших денег.
*(Бывают вещи поважнее денег...)**²*

Я буду жить! Наперекор всему!
 Смотреть (*Глядеть*) на солнце, улыбаться детям,
 Подмигивать портрету своему
 И слушать птичье пенье на рассвете.

*(Я буду жить, наперекор всему!**³
 Подмигивать осенним звездам тусклым,
 Бледнеть, взглянув случайно на тюрьму,
 И улыбаться облакам июльским.)*

Как это важно – чувствовать и знать,
 Что луг (могу лицом зарыться в травы)
 Цветок (могу его поцеловать).
 Есть вещи поважнее вашей правды.
(Бывают вещи поважнее правды...)

1966

ПИСЬМО ДЕВУШКИ К ПОЭТУ***

Я живу в Усть-Катаве,
 Маленьком уральском городке.
 Этим летом я отдыхала
 В крымской здравнице «Маяке».

Белые сосны на косогоре,
 Белый снег за моим окном...
 Вы так красиво писали о море,
 Я тоже очень тоскую о нем.

Ну, подскажите, что мне делать,
Чтоб было море и прибой,
Волна шумела, и легела
Косая чайка над водой.

1966

Я – окольцованная птица,
И нет путей.
Пустые гнезда, как глазницы,
Торчат среди ветвей.

Но это – родина, останься,
Не улетай.
Неизмеримое пространство –
Мираж, мечта.

В полях октябрьский ветер свищет,
И в лужах тонкий лед.
И с каждым днем синей и чище,
И круче небосвод.

1966

Вырежьте на камне цифру двадцать,***
Чтоб строка закончилась нулем.
Но когда начнете сокрушаться
О высоком будущем моем,

Не предав и клятвы не нарушив,
Никого не разочаровав,
Эти строки облегчат вам душу:
Я ушел в страну звенящих трав.

1966

Скован я, скован.***
Не разрушат моих оков
Тысяча Пугачевых
И тысяча Спартаков.

1966

Лучший освободитель***
И надежный тюремщик – смерть.

1966

Каждому свое,***
а что мне?
Одна и та же улица в окне.
В час заката горизонт в огне,
И фотография на стене.

1966

Поэт не должен ошибаться со страной.***
Мне надоело ошибаться со страной.

1966

Я люблю однообразие,***
Чтоб сегодня, как вчера.

1966

Я не стесняюсь подражания.^{***}
Кто кого обрамляет.
Море оправдывает наше существование.
Я утром понял, что Одесса –
Пародия на города,
Солнце и реактивная сабля.

1966

Если б знать, откуда ветер дует,
Точно знать, как знают флюгера,
Я б поэму написал такую,
Что сбежал бы Фирсов⁴ в повара.

Отложив в сторонку графоманство
И поддержку рухнувших основ,
За моей поэмою гонялся б
Кочетов⁵, а также Грибачев⁶.

Но во мне крамольные мотивы
Вырастают, словно снежный ком.
И среди друзей прослыл строптивым,
А среди соседей – дураком.

И друзья стихам моим внимают,
Даже восхищаются почти,
А души моей не понимают –
Я ленив, но вовсе не строптив.

Уважаю власть, люблю начальство,
У меня почтенная родня.
Я ж не виноват, что слишком часто
Ветер направление менял.

1966

Я согласен бояться врагов,**
Но бояться друзей – увольте.

1966

Если дни становятся синей
И звенит замерзшая дорога,
Что мне делать, робкому пророку,
В северной холодной стороне?

Стройный лес сомкнулся и (*торжественно*)⁸ затих,
Спит, и ничего ему не снится,
И дрожат сосульки на ресницах
Русокудых отроков моих.

Здесь туманы тают поутру,
Здесь по небу спутники летают.
И деревни черной птичьей стаей
Вдаль бредут и зябнут на ветру.

1966

На рассвете, когда уже все отдано**
И нет ни города, ни мира, ни тебя самого,
В такси
Дым сигареты смешивается с запахом бензина.
Наша любовь соткана из страха.

1966

На деревенском кладбище кресты –
 Граненые дубовые поленья.
 Глубокие, похожие на шрамы,
 Кривые буквы скупо сообщают:
 Иван, Петро, Христина, Евдокия.
 Стоят две даты по краям креста.
 И все кибернетические коды,
 Громоздкие расчеты траекторий
 Для бомб и баллистических ракет
 Поместятся в коротком промежутке
 Меж этих двух четырехзначных чисел.
 Я пробую представить эту смерть –
 В углу, под образами, а сорочка
 Бела, как сахар, и чиста, как смерть.
 И все село приходит хоронить,
 И все село приходит помянуть
 Стаканом самогона. Я припомнил
 Особый терпкий привкус самогона
 И понял я, что это – привкус горя,
 Неповторимый аромат беды.

1966

Игра в слова – нелегкая игра.
 Здесь правила таинственны и строги.
 Лишь поначалу кажется, что строки
 Соскальзывают с кончика пера.

*(Мы так спешили в этот шумный цех,***)
 Где вечный праздник, вечное веселье.
 Теперь у нас не комнаты, а кельи
 И горький хлеб у нас, и горький смех.)*

1966

Климу Ворошилову***
Письмо я написал:
Товарищ Ворошилов,
Народный комиссар,

В Красную Армию
И Красный флот,
А также в авиацию
Мой брат идет.

Товарищ Ворошилов,
Ведь выйдет грех,
Если брат мой будет
Служить за трех. [ГР'ЕХ]

L'improvisation de mon pere⁹

[1966]

Словно Отечество, или отчество,
Или утренний легкий сон,
Я храню свое одиночество,
Мой единственный бастион.

В этом мире легко и прибыльно
Раздарить себя по частям,
Чтоб доверчиво белки прыгали
На колени моим гостям.

1966

Какою мерою мерите,
 Такою отмерят вам.
 Ежедневно Америка
 Бомбит Вьетнам.

Сверхзвуковые, мощные
 Символы наших дней
 Пикируют на площади
 И расстреливают детей.

Концерны считают прибыль,
 Бумаги растут в цене.
 Но помните, вашу гибель
 Вьетнамцы видят во сне.

Им снятся в огне оранжевом,
 Яростном, как восторг,
 Вашингтон и Лос-Анжелос,
 Буффало и Нью-Йорк.

От ваших речей возвышенных
 Раскалывается голова.
 Хочу, чтобы вы слышали
 Простые эти слова.

*(Прислушайтесь – вы услышите,^{***10}
 О чем вам шепчет листва.
 В небе звездами вышиты
 Грозные эти слова.)*

У вас Голливуд и Пресли,
 И хлеба невпроворот,
 И все-таки страшно, если
 Враг твой – целый народ.

В мелодии модного танца
 И в шуме морской волны:
 Сны иногда сбываются,
 Сбываются сны.

ПЛОЩАДЬ ВОЗЛЕ ЛЬВОВСКОЙ РАТУШИ*11**

Полет веков. А может быть, потоп,
 Лавины дней, мгновений водопады?
 И ратуши квадратная громада
 Под их удары подставляет лоб.

Полет веков. А может быть, пожар,
 И звон мечей, и зарево, и ржанье?
 И по ночам не спится горожанам,
 И площадь охраняют сторожа.

Полет веков. А может быть, полет,
 Высокий дух погони за грядущим?
 В колонне первомайской он созвучен
 Весенним дням и флагами цветет.

На площади изломанная тень
 Деревьев, на рассвете невесомых,
 И дети спят – да будет легким сон их!
 И бьют часы – да будет новый день!

1966

Ветер с Востока

побеждает западный ветер.

Ветер с Востока

пахнет кровью и волосы треплет убитым.

Умирают отцы и растут молчаливые дети,

И готовятся к битвам, безнадежно проигранным битвам.

Ветер с Востока,

грозный вихрь степей азиатских,

Черный ветер измены,

который не знает пощады...

Милая, что ты, не надо, не надо бояться,

Мы умрем, взявшись за руки,
я тебе обещаю.

Городам не спастись.

Их пронзит изначальная зависть

Отдаленных селений, где пыльные стаи акаций.

Наши книги сгорят. (Я не плачу, тебе показалось.

Просто ветер, и глаза на ветру слезятся.)

(Убегают деревья,

летят перелетные птицы,

Только нам не уйти,

мы корнями вросли в эту почву.

Ветер с Востока на круги свои возвратится.

Лет через триста.

*Быть может, несколько позже.) **+12*

1966

Мне надоели ночи в поездах,
Купейных разговоров неизвестность
И горькая, волнующая нежность
В летящих мимо травах и кустах.

А этих полустанков пустота
И полутьма полуночных вокзалов!
И женский голос: «Я ему сказала:
Ты слишком поздно. Я уже не та».

1966

ТЫЧИНА И СКОВОРОДА

*Обізвався Сковорода: Слова твої ж ярі.
Щастя я в душі шукаю, не в плотському чварі.
Що мені дівочі очі – голубії, карі?
Зачинив у світ я двері – ме давхуре карі.*

*Павло Тичина. «Давид Гурамішвілі читає
Григорію Сковороді «Витязя в тигровій шкурі»*

Проклятый век. Поэты в нем ютятся,
Как моль в пронафталиненном шкафу.
Уходят в сумасшествие, как в ссылку,
Как будто в эмиграцию, уходят
В шутокство, в сумасбродство, в шутовство.
Он часто вспоминал Сковороду –
Голодного философа, поэта,
Который отказался стать столпом.
О чем он думал? Может быть, о том,
Что никакою дверью не закрыться
От мира, где давно проклятым ветром
Все двери к черту сорваны с петель?
Такой поэт бывает раз в сто лет,
И у него одна задача: выжить.
А век его за шиворот хватает
И тащит не на форум – на допрос,
На плаху, на костер, на гильотину.
И каждый нерв кричит, что быть беде.
Они в бессмертьи встретятся. Тичина
Прочтет свои стихи Сковороде.

ПРЕДИСЛОВИЕ К «ТРАГЕДИИ ГАМЛЕТА»**I**

Как мысли черные ко мне придут,
Перечитаю «Гамлета».
Шампанским
Не балуюсь, но русской нашей горькой
Не брезгую.
И длинные часы,
Заполненные снегом и тоскою,
Проворнее бегут,
И веселей
Стучат на кухне ходики.

II

Офелия, девочка, что ты, не надо,
Твой обморок слишком глубок.
Давай погуляем по тихому саду,
Сплети мне осенний венок.

*(Забудут овраги, леса и туманы^{**13}
О том, что мы жили с тобой.
Что Дания наша тюрьмою была нам,
А мир – образцовой тюрьмой.)*

По ивовым веткам стекают минуты
И счет свой ревниво таят.
И в ярость воды безвозвратно и круто
Уходит тропинка твоя.

Любовь безнадежна, и жизнь невозможна,
И рушатся своды миров!
И волны речные несут осторожно
Венок из осенних цветов.

III

Кажется, у вас была сестра?
Странное какое совпадение –
Я всю жизнь мечтаю о сестре.
И ушла об утренней поре,
И с охапкой всякой дребедени
Утонула в речке? И остра
Боль потери?
Бедный Лаэрт!

*(Утонула в речке? И остра^{**14}
Боль потери? Мне ли не понять вас?
Я недавно потерял отца
Спящему налили в ухо яду.
И со мной повсюду ходит рядом
Разъяренный призрак мертвеца,
Бормоча проклятия и клятвы.
Видите, а все-таки живу.
Вам сказали, что сошел с ума я? –
Все о принцах дурно говорят.
Так что не терзайте сердце зря,
Заходите в гости, поболтаем.
А сейчас спешу на randevu.
Извините.)*

IV

Сыграйте мне на флейте, Гильденстерн!
Заворожите душу вашей песней.
И пусть душа рванется в поднебесье,
Изранит грудь о камни этих стен.

Я знаю, вы бездарный музыкант,
И не нужна мне музыка, поверьте,
А все-таки, попробуйте на флейте.
Талант к игре – особенный талант.

В который раз разыгрываю я,
Один на сцене сумрачной и голой
Офелию, безумца, короля
И, наконец, наследника престола.

Но я давно устал от этих сцен,
А вам игра еще не надоела.
Вы рветесь в жизнь, как в пьесу. В чем же дело?
Сыграйте мне на флейте, Гильденстерн!

V

От Виттенбергского трепа
Поныне сердце болит.
Проклята будь, Европа,
Гнойник на теле Земли!

Прокляты твои песни,
Молитвы твои и слова.
От Виттенбергской песни
Раскалывается голова.

Догматов тугой ошейник
Врезается в горло вам.
Бегите за утешеньем
К немецким профессорам.

Физики бьются в поисках
Развязки ваших судеб.
Зреет в степях монгольских
Возмездия горький хлеб!

VI

Благословенна шпага Фортинбраса!
Империя – серьезное занятие,
И нужно много пушечного мяса,
Чтоб не отдать, не упустить ни пяди.

И нужно свято верить в высший принцип:
 Захватывать, хватать как можно больше.
 Дорогу доблестным отрядам принца!
 У них поход. Они идут на Польшу.

VII

Что мне Гекуба? А все же припомнится
 Белая осень, октябрьский снег,
 И как мы пили за польскую конницу,
 И как звала ты меня во сне.

Припомнится мне ремесло актерское,
 Мечты об игре и игра в мечты...
 Декорации

Эльсинорские,

Размалеванные холсты.

А пуще всего – серебристо-белая
 Замерзшая ива в объятиях дня,
 Как будто снова плачет Офелия
 На башне замка и ждет меня.

1966

Агония осени. Антагонизм***
 Пехоты и морских дивизий
 И агитаторша-девица
 С жаргоном из аптек и больниц.

И каторжность миссии: переорать
 (Борьба, борьбы, борьбе, борьбою,
 Пролетарьят, пролетарьят)
 Иронию и соль прибоя,
 Родящую мятеж в ушах
 В семидесяти падежах.

[1966]

Не верю в братство физиков. Хотя
 И говорят, что в современном мире
 Есть десять или двадцать человек,
 И только им теория Эйнштейна
 Понятна до конца, и потому
 Они договорятся меж собою
 Над головами партий, и правительств,
 И генералов, и секретных служб,
 И мир спасут от гибели –
 Не верю.

Во-первых, слишком много платят им
 И слишком стильна мебель в их квартирах.
 А во-вторых, представьте на мгновенье
 Нелепую картину: тощий парень,
 Распятый на реакторе своем,
 Грехи людские кротко искупает,
 Поблескивая стеклами очков.
 Нам не помогут физики. Но верю
 В другое братство. Часто и охотно
 Я перелистываю фолианты
 И тоненькие томики стихов.
 И радостно мне слушать переключку
 Поэтов всех народов, всех времен.
 И в их стихах я нахожу идеи
 Добра и правды, света и любви.

*(Их имена священны для меня:***)¹⁵
 Гомер и Пушкин, Гейне и Тычина,
 Великий Пастернак и Бо-Цзюй-и,
 Загадочный Шекспир и строгий Данте.)*

Но голоса поэтов затихают,
 И радио играет за стеною,
 И физики играют в домино
 И обсуждают шансы нашей сборной.

*Прощай, и если навсегда,
То навсегда прощай.
Байрон*

I

Прощай, и если навсегда,
То навсегда прощай.
Погасла в утренних лучах
Любимая звезда.

Я знаю, вечером опять
Появится она
И будет как всегда сиять
На уровне окна.

И будет на луну скулить
Дворовый старый пес.
Я буду вечером вдали
За много сотен верст.

Прощай, мой дом, моя звезда,
Мой бедный отчий край.
Прощай, и если навсегда,
То навсегда прощай.

II***

*(Нет и не будет к прошлому возврата¹⁶
И ничего нельзя переиграть.)*

Мы расстались потому, что надо,
И я уверен в правоте своей.
Так будет лучше – сердце как граната
Взрывается осколками страстей.

Потом неувовимо ускользая,
Во сне ты будешь звать.
Я буду плакать пьяными слезами
И письма целовать.

И длинные октябрьские ливни
Ударят по нависшим проводам.
Будь счастлива. Будь самую счастливой,
Прости, прощай, и если навсегда...

1966

СЛУЧАЙ В ТРОЛЛЕЙБУСЕ

Люди ехали молча: с утра – жара.
Улыбалось им солнце летнее.
Пьяный, стоя у кассы, монетки брал,
В щель бросал, отрывая билеты им.

Но какой-то старик вдруг сказал баском
С твердой ноткою репродуктора:
– Отчего мы деньги ему даем?
Не давайте, ведь не кондуктор он!

– Ах ты, старая рухлядь! Себе беру ль?
Кто-то мягенько начал: – Видите ли...
И я тогда закричал: – Караул!
Человека обидели!

1966

Я прочитал, что когда-нибудь пушки
выбросят в море

...И подумал о водолазах.

1966

КИО

В XX веке,
Когда решались очень сложные проблемы:
Природа раковых опухолей,
Что такое наследственность
И кто действительно убил Кеннеди,
Он загадывал простые загадки
И показывал простые фокусы.
На арене стояли две телефонные будки,
В одну из них заходила женщина.
Затем женщина оказывалась во второй телефонной будке,
А из первой выходил усатый мужчина.
Он приезжал в наш сытый город
Каждые три-четыре года.
Многие люди, увидев афиши со словом КИО,
Вспоминали, что прошло три или четыре года.
Но я знаю людей,
Которые ходили на представления КИО
В каждый его приезд
И всякий раз старались понять,
Каким образом
Женщина оказывается во второй телефонной будке,
А из первой выходит усатый мужчина.
(Говорили, что в арене подземные проходы,
Что в труппе КИО работают близнецы,
И было много других теорий).
Вероятно, он заслуживал лучшей смерти,
Чем смерть в киевской гостинице,

Где воняет мастикой для пола и жареной рыбой из ресторана,
Независимо от того, на каком этаже ваш номер.
Но мы ничего не знаем. Мы не знаем,
Каким образом
Женщина оказывалась во второй телефонной будке.
Мы ничего не знаем.
Быть может, за пять минут до смерти
Я вспомню киевскую гостиницу,
Где пахнет рыбой и лифт жужжит,
Где можно в номере запереться,
Лечь на расшатанную кровать
И умереть.

1966

ОФЕЛИЯ II

Я оленей гонял по зеленым холмам,
Я трубил в свой серебряный рог,
В деревенских тавернах плясал по ночам.
Я был молод, а значит, жесток.

Ну, скажи, почему я не понял тогда,
Как мне важно, как дорого мне,
Возвратясь на рассвете домой, увидеть
Твое белое платье в окне.

А в реке синевой отливает вода
И опавшие листья рябят,
И русалки бормочут, что мне никогда,
Никогда не увидеть тебя.

Жизнь проста, словно песня. Большие стрижи
Полукруглое небо дробят.
У меня впереди бесконечная жизнь
Без тебя, без тебя, без тебя.

1966

Моему брату Сереже Киселеву

У Сережи Киселева***
В голове четыре слова.
Он твердит всегда одно:
«Мама, я хочу в кино!»

А у Лёни Киселева
Три других любимых слова.
Он твердит всегда лишь так:
Ты, Сереженька, ... очень умный человек!

[1966]

1967

Я думаю о Джеймсе Мередите.
О том, что я за ним шагаю следом
По той дороге, нет, по той орбите,
Где поворот под дулом пистолета.

Где предreshен исход, где безысходен
Предсмертный стон, где пятна на гудроне...
Не нужно болтовни о Дон-Кихоте,
Двадцатый век к романтике не склонен.

Двадцатый век – ракеты и гранаты.
И автоматы у морской пехоты.
На знамени у века слово «надо».
...Мы на рассвете медленно уходим

Из наших хижин, вычерненных страхом,
От матерей, страдаьем убеленных,
Мы разрываем на бинты рубахи,
Смыкаем поредевшие колонны,

Но мы идем. И никакою силой
Не вырвать, не отнять у нас победу!
И Джеймса Мередита не убили,
Он вновь идет, и я шагаю следом.

1967

БАЛЛАДА О ТРЕСКЕ

Восславьте треску – самую лучшую
Рыбу, поскольку в ней
Очень много белого мяса
И очень мало костей.

*(Только хребет и острые ребра***1
Торчат по бокам хребта,
Их сумеет даже ребенок
Вынуть пальцами изо рта.)*

Восславьте Господа, создавшего треску –
Курицу бедняков.
Эй, рыбак, уходящий в море,
Да будет обильным улов!

Если прочные твои сети
Порвутся, – помни, рыбак,
Наши жены и наши дети
Лягут спать натошак.

Если в доме треска к обеду
И если гости придут,
Не надо стыдиться насущного хлеба –
Награды за наш труд.

Летним утром и зимним вечером
Вгрызайтесь в мякоть трески!
Только не ешьте тресковой печени,
От нее заплывают жиром мозги.

1967

Что вам наворкует Воркута?²
Смелые, красивые, большие.
На какой окраине России
Вмерзнет в нары ваша доброта?

Ни спасти, ни спрятать не могу –
Только указать, в каких селеньях
Будете промерзшие поленья
Поливать соляркой на снегу.

Только предсказать, в каком году
Ваши жены снова выйдут замуж.
Только очертить предел тоски...

Полночь цедит каплями беду.
(Гаснут звезды сонные в пруду.)^{***3}
Ночи нет конца. Разлука за ночь
Выморозит инеем виски.^{***4}

1967

В горнице прибрала, тесто замесила.
Приходи, Мессия.
Самовар начищен, полыхает медью,
Почему ты медлишь?
Спят мои подруги в той далекой дали,
Уж они-то ждали!
На войне погибли оба мои сына.
Приходи, Мессия.

1967

Я думаю о Вас под стук колес.***
Перечисленье прочих атрибутов
Не стоит даже той полуминуты.

[1967]

Боюсь телефонных пауз,***
А пуще всего снега,
Снега под фонарем.

[1967]

Послушай, Спасская башня,***
Давай сверим часы.

[1967]

Дай задохнуться твоим дыханьем***
У тебя на плече.

[1967]

Отрада, забери меня назад.***
Я больше не хочу идти на Запад.

[1967]

СОНЕТ

Начальству не положено смеяться.
Он только улыбается слегка
И трогает коротким жирным пальцем
Кровавые прожилки на щеках.

Ему везет во всех его делах.
Строг с низшими, серьезен с секретаршей,
Когда пошутит кто-нибудь из старших,
Почтительно хихикает в кулак.

Одиннадцать. Попили чаю на ночь.
Спит дочка. Ей приснился Дон-Кихот.
Но громкий смех поднял ее с дивана.
Отец хохочет. Кругленький живот
Двумя руками держит. Петр Иванович
Припомнили солдатский анекдот.

1967

БАЛЛАДА О ЕВПАТИИ КОЛОВРАТЕ

Карательная экспедиция
Прошла на редкость аккуратно.
Той горстке, что успела скрыться,
До самой смерти будут сниться
Кроваво-огненные птицы
И слабо пахнущие пятна.

*Потом эта горстка нападала на них из засад, а, возвратившись,
они нашли сожженную Рязань. Параллель.⁵*

5 мая 1967

Сталин на рассвете 22 июня***
«Отец и учитель».
Три ночи – ночи артистические.
Куплю нож столовый, а для отвода глаз – ситечко
для чая и сторожок для молока.
Дальние провода –
Лишние слезы.
Не надо повода
Для угрозы.
С водой ли, по воду –
Я не хочу.
Не надо повода
Зажечь свечу.
Ворвутся затемно –
Наотмашь дверь.
Не надо заново
Считать потерь.

1967

Очень нравится мне***
Эта дорога.
Еду я на спине
У носорога.

1967

Сегодня у нас другая забота – ***
День Военно-Морского флота.
И хочется вместо обычной драни
Съесть военно-морской тарани.
Нарежем хлеб, и масла
Намажем толстый слой.
И пусть себе начальство
Подавится икрой.

1967

Лучше ты не трогай***
Всяких кинологов.
Лишь бы у Барбоса
Не было поноса.

1967

Уходят люди от меня.
Поодиночке и попарно.
В песке их ноги утопают,
Их голоса вдали звенят.

И чайки плачут о разлуке
На незнакомом языке,
И ветер слизывает дунки –
Их отпечатки на песке.

Нет, нет, неправда, это я
Ушел по синему гудрону,
Где тополей седые кроны
Стоят на страже по краям.

Ушел туда, где небо чисто,
Где травы бережно хранят
Июльских запахов горчинку...

Уходят люди от меня.

1967

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ДУЛЬСИНЕИ ТОБОССКОЙ

В забытом Богом и людьми селенье,
Где умирали в основном от скуки,
И умирающих цирюльник местный
Кровопусканьем к жизни возвращал,
Единственным служили развлеченьем
Ходившие о Дульсинее слухи.
Мамаши глупым дочерям-невестам
Внушали, от волненья трепеща:
Она когда-то путалась с Кеханой
И без церковного благословенья...
Сначала дочки глазки потупляли,
Потом алели, словно маков цвет.
Все сверстники ее давно женаты,
Но ей не отыскать в родном селенье
Во веки мужа. Жизнь ее печальна,
И после смерти ей в аду гореть.

Зимой Дульсинья простудилась
И умерла. Священник деревенский
Примчался причащать ее, надеясь
Пикантные подробности узнать,
Но опоздал и брел назад уныло,
О резком ветре отзывался резко.
А впрочем, много женщин, вдов и девиц
Участье приняли в похоронах.

1967

Невозможно удержаться,
Падаешь на скаку.
Нужно пропустить ее сквозь пальцы,
Словно горсть песку.

Нужно, чтобы шорох дней минувших
Стихнул в цокоте подков.
Нужно ждать конца, точнее – нужно
Брать пример с цветов.

1967

Как моя вселенная мала!
В десяти шагах стена тумана.
И тревога в сердце, будто рана,
И в ушах звенят колокола.

Это осень. Ранняя пока,
Но уже подсчитаны приметы:
По этапу в ссылку гонит ветер
Вместе с паутиной паука.

Лужицы в прозрачном серебре,
Словно в запечатанном конверте.
Маленький эскиз. набросок смерти
Пасмурное утро в сентябре.

1967

ДОМ ШЕВЧЕНКО

Переулочек вечером струится
Тонкою, прозрачною рекою.
И плывут дома, и он боится
Расплескать их сумрачный покой.

Здесь рассвет доверчив и не страшен,
Звонкий полдень – тише и смиренней.
И двадцатый век стоит на страже
У простых коричневых дверей.

В этом доме жил Тарас Шевченко –
Богоборец. Гений. Исполнин.
Грустные скрипучие ступеньки
Тихо разговаривают с ним.

*(Радуги распластанные крылья***6
В трогательно маленьком саду.
Окна по ночам ему дарили
Знак надежды – синюю звезду.)*

...Прометеи корчатся от пыток,
Косарал страшнее, чем Кавказ...
Чист и светел сток твоих напитков
И прямы пути твои, Тарас.

И живое слово не иссякнет,
И настанет правды торжество!

Приношу великую присягу
У порога дома твоего.

СМЕШНЫЕ СТИХИ НА ОБОРОТЕ ТОЖЕ***

Тоска – найди себе другого.
Видать, пословица права.
Жена найдет себе другого,
А мать сыночка – никогда.

1967

Она повисла
Между небом и землею
Между мною и собою...

1967

Погляжу, как окно напротив
Золотится в закатном огне.
И мышонок в баночку из-под шпротин
Прибежит рыдать обо мне.

1967

Ваши догмы устарели,
Ваши жены постарели,
И в глазах у вас усталость,
А в душе у вас осталось
Ощущение вины
И предчувствие войны.

Мы на миг сошлись в метели,
Вы, конечно, разглядели,
Что у вас со мной, по сути,
Одинаковые судьбы:
И одна у нас вина,
И одна у нас война.

А на маленькой планете
Подрастают ваши дети.
В их глазах кричит и бьется,
Из зрачков наружу рвется
Обещание вины,
Ожидание войны.

1967

Во мне сломался какой-то винтик
И все перепутал, все переврал,
Заблудился в своем лабиринте
Сумасшедший Дедал.

Слова сквозь все времена и сроки
Первоначальный смысл несут –
Сошел с ума, как сходят с дороги,
Чтоб затеряться в ночном лесу.

Пахнет плесенью в коридорах.
Над Критом горит рассвет.
Здесь мышей торопливый шорох,
И выхода нет.

Рассвет начинается ровно в восемь
Под стук каблуков и шорох подошв.
Эта весна похожа на осень:
Каждое утро мелкий дождь.

1967

Дарница вскрикнет испуганной птицей,
 В белых днепровских песках притаится.
 Ночь наступает великим потоком –
 Словно орда подступает с Востока.
 Пляшет в степи половецкое знамя –
 Сосен и дюн коллективная память.
 Хрипло и грозно горланят татары–
 Белых массивов ночные кошмары...

Полночь клубилась, и полночью этой
 Что-то творилось со мной и планетой.
 Прошлое с будущим плавилось в слиток
 Новых смертей и последних попыток.
 Черный песок был рассыпчат и влажен,
 Грязный рассвет начинался над пляжем.

Все позабуду. Но врезались в память
 Запахи трав над речными волнами.
 Полночь, в которой сплетались столетья,
 Ночь, что казалась последней на свете,
 Скучное утро и два силуэта,
 Неразделимых, как грех и расплата:
 Красная Лавра на фоне рассвета,
 Черная Лавра на фоне заката.

1967

Каравелла
 поднимает белые паруса.
 Королева
 закрывает яростные глаза.
 У Колумба
 на впадлом лбу бессмертья тень.

Но кому бы
подарить этот мертвый день?
Линию речки
и лилии по краям,
Крик электрички,
похожий на крик «Твоя!»,
Большое солнце,
прибитое над рекой.
Красные сосны,
пропитанные тоской.
Две струйки пауз
у времени на кресте,
Белый парус
последних моих страстей.
И вновь и трижды,
где рощи розовый край,
Крик электрички,
похожий на крик «Прощай!».

1967

Я устал от ночных фонарей,^{***}
Желтых, как лунный воск.
От моих дверей до твоих дверей
Восемьсот бесконечных верст.

1967

Кровавый у меня сегодня праздник.^{***}
Что вам угодно? Приходите завтра.
Когда угодно – только не сегодня!
Кровавый у меня сегодня праздник.

1967

Над Киевом безоблачное небо***
И солнце так мятежно, так тревожно,
Что я весь день твержу одно и то же
Над всей Испанией безоблачное небо.

[1967]

ВСТУПЛЕНИЕ В ПОЭМУ***

В ту зиму я все время забывал
Кто я такой и на каком я свете
По воскресеньям собирали дети
Макулатуру. Я им отдавал.

[1967]

Пусть рухнувшее дерево задавит
Пигмеев, копошащихся под ним.
Пусть их мечты дурацкие о славе
Развеются, как дым.

Пусть ощутят, как жизнь
Из пальцев цепких
Уходит, медленно скользя.
Пусть острые концы летящих щепок
Вонзятся им в глаза.

1967

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

Злобная поэма

I

Он иначе сочетал слова,
Может, в этом все его несчастье
И секрет недоброй этой власти –
Колдовства, безумства, мастерства.

II

Все рифмуют с Лермонтовым лето.
Все рифмуют с Пушкиным гусей.
Мандельштам неистойвой кометой
Врезался в земную карусель.

Скучные рожденья и кончины
Ткань времен в лишайнах канвы.
Безнадёжно мертвенны мужчины.
Безнадёжно женщины мертвы.

Рвется в эту скаредность и хворость
Сквозь пространства скудосердых лет
Обреченный выморочный голос,
Вырванный из времени поэт.

Вырвавшийся смерчем. Обелиском
Вставший на скрещеньи двух путей:
Пушкинской, Державинской, российской
И своей поэзии.
Своей.

III

Этих строчек хриплое дыханье
И метафор рвущаяся прядь.
Невозможно жить его стихами,
И легко, и просто умирать.

IV

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ

Дайте Тютчеву стрекозу,
Догадайтесь, почему.
Веневитинову – розу...⁷
Остальных на Колыму.

Дайте пулю Гумилеву,
Сам предвидел, сам просил.
Пусть смердит живое слово
От наркомовских чернил.

Убивайте, чтоб уснули,
Чтоб не встали, сдохли чтоб.
Бейте пулей, верной пулей,
Ртутной пулей в бледный лоб.

Убивайте, ваше право,
Ваша служба, ваша власть.
Ты швыряешь нас, держава,
В окровавленную пасть.

Бережет тебя начальство
От невзгоды от любой.
Но подумай: в смертный час твой
Кто останется с тобой.

V

Кровью вымараны в списках
Золотые имена.
И словесности российской
Не отмыть того пятна.

Красный лед на мерзлых плитах,
Черный снег пространств ночных –
Стыли судьбами убитых,
Стали судьями живых.

VI

*Нет, не мигрень, но подай
карандашик ментоловый.
Осип Манделъштам*

Не мигрень, я уверяю вас –
Элегическая грусть.
У полковника Шыряева
Бритый череп, черный ус.
У полковника Горяева
Белый чубчик, рыжий ус.

Не мигрень, ни в коем случае –
Мимолетная тоска.
От мигрени средство лучшее
Шевелится у виска.
Вороненое и жгучее,
Ваше средство у виска.

Ах, полковник, вам бы птичкою,
Мне бы розою цвести,
От мигрени поэтической
Не спастись и не спасти.

Та мигрень великим бедствием
Осеняет мой народ.
Я боюсь ее пришествия,
И боюсь, что не придет,

Потому что дар пророчества
Не медаль – не заслужить...
...потому что очень хочется
Хоть немного, а пожить.

Но душа моя – не пленница,
И когда настанет день,
Я приму по праву первенца
Эту алую мигрень.

И вселенная в агонии
 Ляжет навзничь у огня.
 И тогда придут полковники,
 Чтобы вылечить меня.

VII

НАД «ВОРОНЕЖСКИМИ ТЕТРАДЯМИ»

Мимо, мимо! Затаи дыхание.
 Мимо, мимо! Позабудь все слова.
 Теплый ветер твоего дыханья
 Медленно раскачивает слова.

*(Мимо, мимо!.. Единственный способ вырваться.***
 Мимо, мимо!.. Только в петле мы можем возвыситься.
 Мимо, мимо! Я не могу.
 Мимо, мимо... Любая строка, что виселица,
 И слова раскачиваются на ветру.)*

VIII

*Говорят, что Осип Мандельштам
 умер в лагере, собирая объедки
 на помойной яме.*

Поэту невозможно умереть
 В больнице или дома на постели.
 И даже на Кавказе, на дуэли
 Поэту невозможно умереть.

Поэту невозможно умереть
 В концлагере, в тюремном гулком страхе,
 И даже в липких судорогах плахи
 Поэту невозможно умереть.

Поэты умирают в небесах.
 Высокая их плоть не знает тленья.
 Звездой падучей, огненным знаменьем
 Поэты умирают в небесах.

Поэты умирают в небесах.
 И я шепчу разбитыми губами:
 Не верьте слухам, жил в помойной яме,
 А умер, как поэты, в небесах.

1967

Майе Брусиловской⁹

Once upon the time, a cat¹⁰
Однажды (жил да был) кот¹¹
 Sat a[nd] waiting for his rat.
Сидел, ожидая свою крысу
 It was she to whom his heart
Именно к ней его сердце
 Was directed as a dart.
Стремилось, как стрела.
 So he sat impatient there –
Так он сидел там нетороплив.
 Not a sound in the air.
И ни звука не раздавалось.
 (It's already said above
(Выше уже было сказано,
 That they both had been in love).
Что они оба любили друг друга).
 Oh, my honey, – thought the cat –
Ну, мое солнышко, – подумал кот, –
 You're a blind and stupid bat.
Ты слепая, глупая летучая мышь.
 How dare you not come?
Как ты смеешь не приходиться?
 Now cruel I've become.
Теперь я стал жестоким.
 Just appear in the door –
Только покажись в дверях –
 I'll you eat and nothing more!
Я тебя съем, и все!

So he's said and so he's done

Так он сказал и так он сделал,

Cause the rats had never won.

Потому что крыса еще никогда не выигрывала.

After eating the poor rat

Когда он съел крысу,

There was nothing to look at.

От нее ничего не осталось.

No whiskers, no tail...

Ни усов, ни хвостика...

That's the end of our sad tale.

На этом заканчивается наша грустная сказка.

Эти прелестные стихи я сочинил, ожидая тебя. Скажи хоть, ты уже раз приходила, пока я был у Люси? Гадина... А я-то...¹²

МАРИЯ МАГДАЛИНА

Чужим потом пропитано твое тело,
женщина из Магдалы.
Чужими губами раздавлены твои губы,
женщина из Магдалы.
Чужой жаждой выжжено твое сердце,
женщина из Магдалы.
Я люблю тебя, и я тебя ненавижу,
женщина из Магдалы.

Нас заключили в мир, где нет воскресения.
Нас распинают деревья – и нет воскресения.
Все перекрестки – распятия, и нет воскресения.
Живые мертвы, и для мертвых нет воскресения.

Что мне делать с именем нежным твоим, Мария?
Что мне делать с печальным сердцем твоим, Мария?
Что мне делать с мертвой жизнью твоей, Мария?
Я люблю тебя, и я тебя ненавижу, Мария.

4/IX-1967

Неужели вам не хочется***
Рыжий лес перелистать?
Листьями ластиться братьям:
Что вам наворкует Воркута?

[1967]

1968

Спала кошка Кэтти***
 В мамином буфете,
 Ела кошка Кэтти
 В папином кабинете.

И т.д.

15 февраля 1968, Феофания¹

*Встал человек на ядрышко земшара,
 Чуть под пятой жужжат материки.
 Пылает лоб от солнечного жара,
 Он Прометей,
 С одной его руки
 Сполз глиняный рукав трубопровода,
 С другой – перчаткой, брошенной богам,
 Слетел космокорабль.*

Николай Тарасенко.

«Лит. Россия», номер 35, 30/VIII – 68 г.

Стоит на главпроспекте населпункта
 Квартиросъемщик, стихотворец – некто.
 Грозит пенкоснимателям релкульта
 Водопроводом Древнерим.

Стихочитатель, нам нужны лошсилы,
 Олимпспокойствие и сталенервы,
 Покуда главредактор «Литроссии»
 Печатает такие худшедевры.

1968

Любовная игра стрекоз
 Напоминает Такубоку.
 Но мне, холодному пророку,
 Не написать о ней всерьез.

А полдень сладостен и тих
 В ритмичной страсти тонких линий.
 И отблеск марсианской сини
 В точеных фюзеляжах их.

1968

*Но город Рим живет среди веков,^{***2}
 А место человека во Вселенной.*

И мертвым, и живым, и полумертвым:
 Пусть ест глаза отечественный дым,
 Но я поэт – не третий, не четвертый,
 А первый и последний город Рим.

1968

Что-то стал я выпадать
 Из игры по вашим правилам.
 Не лгала и не лукавила,
 И тотчас дала понять:
 Дескать, начал выпадать
 Из игры по нашим правилам.

Не пойму я ваших дел:
 Все вы пишете и строитесь,
 И все время беспокоитесь,
 Будто есть такой предел,
 Что успеешь – схватишь втрое здесь,
 Не успеешь – прогорел.

Ну, спасибо за хлеб-соль
 И покамест до свидания.
 Может, свидимся. Заранее
 Кто предскажет нашу роль –
 Всхлип трехрядного страданья
 Или брамсовская боль.

Мне вас не за что любить.
 Огляделся я – и вдруг
 Вижу – нету основания.
 Пятый круг соревнования
 И девятый Дантов круг.

Пеленает синий бред
 Синий сон и белый страх,
 Белый ужас! – потолок еще,
 Небо – белое полотнище
 На заборах и домах.

1968

И у той последней двери
 Мы остались с глазу на глаз,
 И у той последней двери
 Я сказал проводнику:

Путь окончен, мы у цели.
 Так прерви свое молчанье
 И скажи мне, ради Бога:
 Что за этими дверьми?

1968

Серый гонец летит напрямик***
 В полночь, в ночь, в темноту.
 Недобрая весть, словно птичий крик
 Горчит в пересохшем рту.

1968

Стоит ли оплакивать такую***
Жаркую и пыльную весну.
Ухожу на третью мировую,
Третью и последнюю войну.

1968

Не казаки и не разбойники,***
Не кошки-мышки, не квачи,
Мы позабытые покойники,
Космополиты и врачи!

1968

Луна над яблоневым садом***
В горстях деревьев, в дрожании веток
Как низко небо нависает
Над этим садом. Под этим ветром.

1968

А в том все горе, что народ***
Не то дает и не то берет.

(С эпиграфом из Кафки «Жозефина». Народу нужны уста)³

1968

Целые сутки верти баранку,
 Каждый день штрафует ОРУД.
 А дома баба – страшнее танка
 И мать ее, теща. И все орут.

Выйдешь на кухню помыться, что ли,
 Все равно обед не готов.
 А там соседи. Девочка в школе,
 А бабка дома. Гонит глистов.

Пьет кипяток и ужасно стонет,
 И портит воздух – прямо беда.
 А все-таки нашей автоколонне
 Дали звание комтруда.

сентябрь 1968

Болит рука у дурака***
 Но радуется стгоряча,
 Что у него в руке пока
 Игла, а не свеча.

1968

Эти маленькие домики***
 Превращались между тем
 В ледериновые томики
 Ненаписанных поэм.

[начало октября] 1968

Суматоха смены декораций,
У дождей октябрьских суета.
Это листья. Как они ложатся –
Брызги краски в плоскости холста.
Это птицы. Как они боятся
Покидать знакомые места.
Это листья – как они кружатся!
Мне на грудь упало два листа.

ЛЕОНИД КИСЕЛЕВ

ученик 10 класса школы № 37, г. Киев

ПЕРВЫЕ СТИХИ

Еще мальчишкой удивлялся дико:
Раз все цари плохие, почему
Царя Петра зовем Петром Великим
И в Ленинграде памятник ему?

Зачем он нам, державный этот конник?
Взорвать бы — чтоб копыта в небеса!
Шевченко, говорят, односторонне
Отнесся... Нет, он правильно писал:

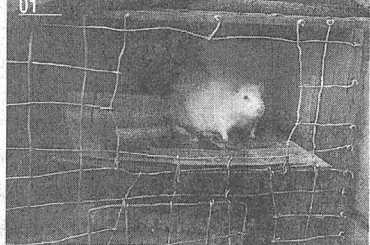
«Це той перший, що розпинав
Нашу Україну...»

Не Петр, а те голодные, простые
В болоте основали Ленинград.
За долгую историю России —
Ни одного хорошего царя.

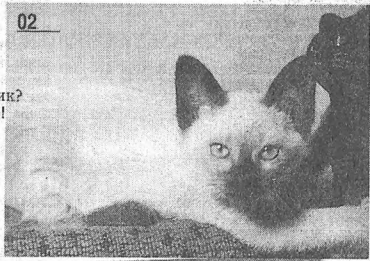
Все изменчиво! Все в движении!
Волны в дикой пустыле пляс.
И, без всякого сожаленья,
Море вгрызлось в песчаный пляж.

Унесло бревно, что полгода
Пролежало на берегу.
Ребятишки заходят в воду
И назад от волны бегут.

Все изменчиво, но не обманчиво,
А скорее — обнажено!
Вот отхлынет волна, и мальчики
Снова видят морское дно.

02

03

Я воспитывался в очередях
За сахаром и за маслом.
Помню все двory, где тогда
Проставал час за часом.
Не хватало мне — я молчал.
Успехом ужасно горд был —
Пятилетний, я получал,
Как мама, взрослую норму.
Полдвора — трехчасовой путь.
Я помнил, что я мужчина,
И это выставляне отнюдь
Меня не ожесточило.
Очень долго уменя ждал,
Даже в беле — веселый.
Я воспитывался в очередях
И доволен своей школой.

Яблоно, что расет на улице,
Чтобы за яблоком не лавили,
Ржавой проволокой колючею.
Старый дворник обвил.

Рядом с заржавленными колочками
Кажутся странными и наивными,
Кажутся до смешного нелужными
Розовые цветы.

Вы не пытались проследить,
Куда бежит ручей?
Петляет, вьется, словно нить
Из серебра, — ивей.
Мне даже странно, что ручей
Из серебра — ивей.
А интересно б проследить,
Куда бежит ручей.

И я пытался проследить,
Куда бежит ручей.
Но закружил меня в полях
Он хитростью своей.
Чуть было не стубила меня
Он хитростью своей.
Да разве можно проследить,
Куда бежит ручей!

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXXIX, № 3

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ССРС

СОДЕРЖАНИЕ

Table with 2 columns: Author/Title and Page number. Includes entries like 'ВЫСОКАЯ ИДЕЛЬНОСТЬ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МАСТЕРСТВО', 'В. ЛЕПАНОВ — Черный Яр, повесть', 'И. АЛЕКСАНДР ЯШИНИ — Огонь, стихи', etc.

Не потому, что в пете лица -
Откуда мне - городскому мальчику -
Было знать, как над чёрной пашней,
Не выдержав, лопаются сердца.

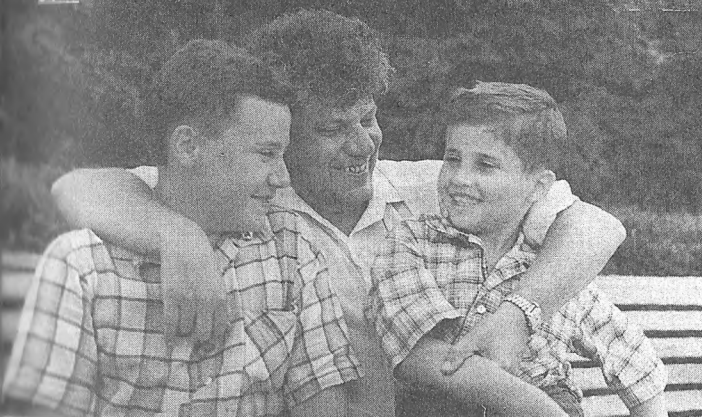
Не потому, что на том столе,
Где ставили салаты сметанные,
Ты икра — стоповыми помидорами,
В чашечке ставили горный хлеб.

Я любил его с таких лет
Все ищет — кс мод нагадеться,
Потому что с детства
Знал, что сколько его вдеться ксб.

Сколько раз ты обратившись к судьбе,
 В потот катывалась вьюгой?
 Сколько раз от ветра, гонимой шумом,
 Чужих-то песен было веслом

НЕ ПРЕЗЮ
 И ДЛИННЫЕ ЧАСЫ
 ЗАПОЛНЕННЫЕ СНЕГОМ И ТИХОЮ
 ПРОВОННЕЕ БЕСУТ
 И ВЕБЕЛЕИ
 СТУЧАТ НА КУХНЕ ХОДИКИ
 II
 ФАБЛИК, ДЕВОЧКА ЧТОТЫ, НЕ НАДО,
 ТВОЯ ДЕМОНК СЛИШКОМ ГЛУБОК
 А ЧТОЖИ ПОТУЛАЕМ ПОТЯЖИМУ САДУ
 ПЛАЧУ МНЕ ДЕННИЙ ВЕНОК

04

КОЗМИ ВЕТКАМ СТЕКАЮТ ПЯЛУЧИ
 УСТ ЛЮБИ РЕДИВНО ТЯЖИ
 ПРЮДЬЕ ВЪДЫ БЕЗБОЗОБРАТНО И ХРУДО
 АЧТ ТРОБИНКА ТВОИ
 ТОВА БЕСНАДБЖНА И ЖИЗНО НЕВОЗМОЖНА
 УЧАТСЯ СВОДАБЫ И ПИРОВО
 СЛЫШ, РЕЧУВНЕ НЕ СУТ ДИТВОРЖИНО
 НОКИЗ ОБЕДНИХ КЗЕТОБ,
 III
 КЕГЕЯ, УВАД БЫЛА СЕСТРА?
 АННДЕ КАКОЕ СОРТАДЕНЬЕ -
 ДНА ЖИЗНО МЕНТАНО О СЕСТРЕ,
 ПИЛА ОД УТЕННЕЙ ПАРЕ
 ОЖАЛОЙ ВЪЯКОЙ ДРЕБЕДЕНИ
 РИЧЛА В РЕЧКЕ? И ОСТРА
 НЕРА БОЛЪ ПОТЕРИ?
 ДНЫИ ЛАЗЕР!
 IV
 ПРАЙТЕ МНЕ НА ФАБЛИТЕ, ПЛАДЕНСТЕ,
 ВАРЮЖИТ

Но только взвешенное прищип
 Пляска и бинась о стекно.
 Рабраз весенние в воздухе
 Трав рамазлась в скользкий зёрнык миз.
 Солнце растопило наши страхи,
 Ветки ветры индвали восторг,
 Но старик по-прежнему в параше
 Ч в туманом, на тмелу, палмю.
 Уможел быть великопенас маня
 О ~~всё~~ змие зейбид зматий нас,
 И сейчас январь, и вот така,
 Трудная и горькая весна.

В ПОЛЯХ
 I.
 II. МЕНЯ
 I.

Н О В Ы И М И Ю

Фото з архіву
 сім'ї Кисельових:

- 01 Шур (улюбленець Леоніда)
- 02 Кицька Маска
- 03 Леонід Кисельов
з Мімусом. 1959 р.
- 04 Володимир Кисельов
із синами. Одеса. 1961 р.

по всій стране
 бере Кисельову
 от дани (а когда-то у
 воскресенье) 11/IV-65
 .Кис

Зошит другий / Тетрадь вторая

Поезії українською мовою
Стихи на украинском языке

НОВІ ВІРШІ

Цигарочка

Закурю ото цигарочку
Болгарського тютюну.
А сини мої, шинкарочко,
Загинули у війну.
То налляй мені ще чарочку
Угорського вина.
А сини мої, шинкарочко,
Загинули. Нема.
Зажурився, бренді смонче він,
Бацлажанну їсть ікру.
— А іще купити хочу я
Чеську кохту на стару.
Гроші є, на хліб зостанеться,
Ще ж і пенсія іде.
Хай походить вже, похвалиться,
Що не гірше, як в людей.
Бо як центром йтимеш ввечері —
Чепурні усі такі!
Гарні пальці із Німеччини,
Югославській хустки.
І болгарські ті цигарочки
Так і смалить все село.
...А синів моїх, шинкарочко,
Польським снігом занесло.

1957 – 1968

1957 – 1968

УКРАЇНА***

Я люблю, Україно, тебе.
За степи твої, гори високі.
Та за білі хатини в селі.
За Дніпро твій, могутній, широкий!

Запорізьких люблю козаків,
Що вставали не раз за свободу...

1957

ЯЛИНКА***

Була собі ялинка,
Зелена, запашна.
Стояла у кімнаті
Під Новий рік вона.

Була собі ялинка,
Зелена, запашна.
В ліхтариках, вся в сріблі
Стояла у вікна.

Була собі ялинка,
Зелена, запашна.
Була собі ялинка...
Та вже її нема.

1959

Посадили пісню за ґрати,**
 Тож усяк боїться заґрати

1960

*Хай буде завжди все таке, як є.
 І хліб, і сіль, і ти переді мною.
 І почуття розкрилене твоє
 Як небо над землею молодою*

*Хай це побачення триває вік,
 І обминає нас печаль розлуки.
 Нехай життя нестриманий потік
 Усе міцніше з'єднає нам руки.
 В. Ткаченко. «Бажання»*

Хай буде завжди все таким як є:**
 І хліб, і сіль, і ти, мій сокіл ясний.
 І почуття розкрилене твоє.
 «Остановись, мгновеньє! Ты прекрасно!»

Час мчить, та хай все буде так, як є:
 І я, і ти, й мої сумнівні строфи.
 Хай за бажання це мене уб'є
 Огідний і хвостатий Мефістофель.

24 січня 1960

СЕЛЯНСЬКА ПІСНЯ**

Та якби розлилася річка,**
 Вона б обміліла.
 Я на шлях виходила тричі –
 Не йде мій милий.

Та якби мела хуртовина...
Така спека.
Я не винна і він не винен,
Він – мов лелека.

У пшениці блискуче море
Сонце впало.
А учора і позавчора
Ще чекала.

1963

А квіти кажуть: прощавай,**
Хилясь голівками додолу,
Що не побачу вже ніколи
Її обличчя, рідний край.

[1964]

Мій щур такий любесенький,
Любесенький, дурнесенький,
Співає у норі.
Ніякої мелодії,
Лише коти-добродії
Біжать на те «крі-крі».

1967

Ігореві Бречакові¹

I

За ваші наміри вельми похвальні***
 Прийміть ключа від вашої... господи.

II

Якщо захочете висловити подяку,
 То поцілуйте мене у... скроню.

III

А це ваш автор рачки лізе,
 Бо мусив висцятись у лісі!

1967

Нервовий вечір***
 Грає на скронях октав.
 Уламки речень –
 Тусклі бляшанки на ковдрі трав.

1967

Дерева до мене:***
 опаде листя, голе віття,
 ти згадаєш, якими ми були,
 забудеш – згадаєш?
 Так, але ти будеш великим,
 товстий стовбур,
 інші прийдуть.
 Ти забудеш – згадаєш?

1967

Бліді долоні***
Сплелися у човник дитячих мрій.

1967

Химерне щось примарилось мені:***
Прокинувся – і сльози.

1967

Призвичаюсь до того дива – ***
Біля хати моєї бузок.

1967

ДОДОМУ

Шкода Москви. Вже наче відійшов
Від сподівань і пристрастей Арбату
І паху бурштинової гербати
У мареві тих марень, тих розмов.

Додому час. До міста всіх кохань,
(Мій шлях – додому. В край моїх кохань,)^{***2}
Де тополеві вранішні тумани,
Де сірий тулуб вершника Богдана
На золотому тлі софійських бань.

Літак аж ніби крилами змахнув,
Натруджений двигун тамує стогін.
Невже мені лишиться тільки спомин
Від тих беріз у весну крижану?

Зелені леза юної трави
Очистять душу, стешуть білу льолю.
І не відчую ні жалю, ні болю,
А тільки так, смутне: шкода Москви.

1967

Червона Лавра на тлі світання***
І сиза шабля Дніпра.

1968

Тільки вчинок.***
І той, що вбив,
Добре зробив.

1968

На початку вже знати про кінець,***
Іще в колісці марити труною.

А ти б хотів жити вічно?

Але жити – топтати ряс,
Тобто, вбивати інших...

1968

Що робити з першим коханням?***
Понести під ринву і в діжці втопити?
А воно постукає на світанні,
І в сон босоніж, і попросить пити.

1968

Не минайте ані тигри,^{***}
Ні ж тої коми,
Ані слова. Ні звука.
Ні літери.
Вживе, витерпить.

1968

Скажу: кохаю – ^{***}
Де ти знайдеш сили
Повірити?

1968

Минулий рік стає таким далеким,^{***}
Що марно зазирати в далечінь.

1968

Горе дали горам,^{***}
І вони не витримали.
Тоді його передали
Людям.

1968

Кішка спить
і не хоче пустити у сон свій.

1968

Ще буде в лузі трава зелена,**
І будуть інші її топтати.
Ave Maria, gracia plaina,
Радуйся, Божа Мати.

І вже до інших, а не до мене,
Легкі прилетять лелеки.
Ave Maria, gracia plaina,
Dominus tecum.

1968

Немає мені річки над Дніпро,**
Над його розумнішого не бачив...

1968

СМЕРТЬ ЛАНКОВОЇ

Вмирає жінка. Голова її горда
Вже осипається зимним цвітом,
Ще й коса золота, як той гострий орден,
Що понесуть за нею на двинтар.

Вже Безносу чути, як іде навшпиньках,
І нема їй слова, нема зупину.
І плаче земля, бо вмирає жінка.
Що родила цукор в гірку нашу днину.

А небо осіннє таке безкрає,
Що і птах не знайде, де пригультися.
І плаче жінка, бо земля вмирає,
Що родила жито в безхлібнім віці.

І щоб жінчине серце – вогненне гроно –
Не розпалося марно в малі жаринки,
Українська земля в своє чорне лоно
Візьме біле лоно золотої жінки.

1968

ЦИГАРОЧКА³

Закурю ото цигарочку
Болгарського тютюну.
А сини мої, шинкарочко,
Загинули у війну.

То налляй мені ще чарочку
Угорського вина!
А сини мої, шинкарочко,
Загинули. Нема...

Зажурився, брендї смокче він,
Баклажанну їсть ікру.
А іще купити хочу я
Чеську кохту на стару.

Гроші є, на хліб зостанеться,
Ще ж і пенсія іде.
Хай походить вже, похвалиться,
Що не гірше, як в людей.

Бо як центром йтимеш ввечері,
Чепурні усі такі:
Гарні пальта із Німеччини,
Югославські хустки.

І болгарські ті цигарочки
Так і смалить все село...
А синів моїх, шинкарочко,
Польським снігом замело.

1968

*...В залізній мові,
 в залізнім реченні!*

Андрій Малишко

Так, вона залізна, наше слово – криця,
 Гучнодзвонна мідь.
 Над життя і згубу у космічній віці
 Вічністю бринить.

Та коли покличе й блискавкою блисне
 В сьайві корогов,
 Пам'ятайте серцем: наша мова – пісня,
 І в словах – любов.

1968

*Не бачила миленького***
 Чотири годочки.*

Пісня

Заспівайте, сестро, заспівайте
 Про своє кохання безгаланне,
 Бо в піснях кохання нещасливе –
 Нащо і співать, як не журна?
 В хаті тепло, а надворі зимно.
 За вікном засніжене обійстя,
 За обійстям всніжена долина,
 А за нею – безпритульний світ.
 Як ви, сестро, скоро одіснились
 І пішли у сніг, у біле поле...
 А в піснях кохання нещасливе,
 Нащо і співать, як не журна.
 Заспівайте, сестро, про кохання.

1968

*А я тому журавлю
Києм ноги переб'ю, переб'ю.*

Пісня

Земля така гаряча,
Така руда земля.
Маленький хлопчик плаче:
Не бийте журавля!

Притне його до себе
Й руками затуля:
Ой дядечку, не треба,
Не бийте журавля!

Відлине день без'язикий,
І чути в тиші нічній:
Люди, дерева, ріки
Тужно кричать: «Не бий!»

Не винести того болю,
Не виридати жалю.
Що станеться з тобою,
Мій світе, мій журавлю!

В останню мить побачиш
Намисто з багряних плям,
І буде така гаряча,
Чорна така земля.

Панцерники рокочуть,
Крають Чумацький Шлях,
І бідкається хлопчик:
Не бийте журавля!

Тільки двічі живемо.
 Раз – у світі білім-білім.
 Тож сумуємо і квилим,
 Як до іншого йдемо.

А тоді ще другий раз.
 В світі чорнім – аж червонім.
 Чорнозем ламає скроні.
 І трава росте крізь нас.

*(Тільки двічі живемо,^{***4}
 Двічі радощі й невдачі,
 І ніхто не розтлумачить,
 Звідки ми, куди йдемо,*

*Де спочинемо, коли...
 Тільки й ради: так прожити,
 Щоб коли вже в чорнім світі –
 Там, у білім, не кляли.)*

Тільки двічі живемо.
 Дай нам, Боже, щоб любили
 І щоб люди не раділи,
 Як у чорний світ йдемо.

1968

22 ТРАВНЯ 1968 РОКУ^{***5}

В камені, в дереві, на папері,
 У бронзі, в мармурі, в небутті...
 А вже на крицевій небесній сфері
 Літавці карбують його путі.

На ритинах,
на порцеляні,
На прапорах,
на рушниках...
І не приспати його кохання,
Не вколисати на рушниках.

Треба України. Надій і суму,
Селянських хат і курних шляхів.
Треба землі, де завжди пульсує
Шевченкове серце, Шевченків гнів.

1968

*Іванові Драчеві***6*

І мати молода, і сонце юне,
І в неї на колінах немовля.
В прозорому повітрі, наче струни,
Гудіння оксамитного джмеля.

Прислухаюсь – співає колискову,
Не знати, чи дитині, чи собі...
І мати молода, і юне Слово,
І яблуні у ранішній журбі.

Минулося. В минуле ревно лину,**
В той сад, куди немає вороття,
І тільки пісню чую. Ту єдину,
Ту материнську, що на все життя⁷.

Розумні і дурні, малі й великі,
Уславлені й забуті – все пройшло,
Та не було народів без'язиких,
Іще німих народів не було!

1968

Колыхайтесь, тераси дерев...

П. Тичина

На терасах дерев тільки вітер, вітер, вітер
 У прозорих пазурах листя дере.
 Чорнопір'ї круки, як химернії квіти,
 На терасах дерев,
 На терезах дерев.

На терезах дерев всі чесноти космічного віку.
 Всі принади невгавного руху вперед.
 А поети – як вихор, поети – як вітер, як вітер
 На терасах дерев,
 На терезах дерев.

1968

3 ЛИСТА ДЖОНАТАНА ЯРЕМИ СВІФТА

Я не хочу лежати в цій рабській землі,
 Радше спатиму в лондонській твані!
 Чи ж повірю, що тут, в світанковій імлі,
 Не розтане мій подих останній.

Чи ж повірю, що янголи бачать здаля
 І Господь щиросердо кохає
 На малесенькій кульці, що зветься Земля –
 Порошину ірландського краю.

*(Захлинається серце: ласкавець, пророк...⁸
 Захисти свої люди, воскресни!
 Це облуда, кара, бо мій шлях до зірок,
 Це вони, мої браття і сестри.)*

Я любив і кохав, і в найтяжчій борні
 Не загасли роки мого шалу.
 Та все більше скорботи лишалось мені
 І все менше любові лишалось.

Як нестерпно щоранку болить голова –
Мабуть, час вже додому, додому.
І ніщо вже не важить, я все змарнував,
Поховайте хоч в пеклі самому!

1968

ДУДАРИК

*Коли б тобі горенько та печаль,
То ти б вийшов на вулицю та й кричав.*

Пісня

Голосять баби на згарищах,
На труну сльозами ллють.
А вірші – так це не горе ще,
Радше втіха у жалю.

Діти хлібом снять, голоднії,
В матерів на віях сіль.
А хорали чи симфонії –
То мистецтво, а не біль.

І кохану, котру звабили,
Не знайти на полотні.
Бо кольори і муштабелі –
То малярство, а не гнів.

Та в шпиталі, і за ґратами,
І в землі під повстю трав
Знову й знову я благатиму,
Як у пісні хтось блавав:

Заграй мені, дударіку, на дуду,
Нехай же я своє горе забуду!

1968

ВАНДЕЯ

Хай Париж вигукує ідеї,
Хай п'яніє від повстанчих мас –
Вже селянська лагідна Вандея
Ніж гострить і вдарить в слушний час.

Ой, дарма кричать вони зухвало,
Начебто бракує ліхтарів.
Буде крові їхньої замало.
І очей замало для круків.

Та червоні плями не вгасають.
Всмоктуються в землю, йдуть углиб.
І труйзіллям зрада виростає.
І гірким від неї буде хліб.

Поростуть бур'яном перелogi,
Висохнуть криниці і струмки...
Ми у світ покликані для того,
Щоб усе зробити навпаки.

З-під землі проступить кров гаряча.
Крук крукові очі поклює...
Я побачу, я іще побачу,
Як Вандея перша повстає.

1968

ПОХОРОН ОФЕЛІЇ

Вулиця довга, немов життя мое.
Ридання оркестру і рип чобіт.
Попереду цвинтар хрести заламує.
Обабіч городи, паркани, дрiт.

Зима, і вулиця снігом всипана.
Провулки чорні на тлі снігів.
І сині тіні дерев знесилених,
І сині струмені з димарів.

Завернути б у провулок
До Марії в хату.
Може, там знайти притулок
Альбо смерть вблагати.

Завернути б у провулок
В хату до Варвари.
Бо єдиний порятунок –
В землю, їй до пари.

Та вже не збочити, все заметено.
І сніг рипить, і сурми ревуть.
І довга вулиця, як доведення,
Що є прямою остання путь...

І вже лелекою, вже лілеєю,
В сорочці білій – у білу путь...
Шорсткі долоні твої, Офеліє,
Притну до рота – не одірвуть.

1968

Стати б хоч на менти лічені
Характерником мені –
Подарую кожній дівчині
Лицаря на коні.

А тоді ще дати мусив би,
Щоб раділи всі живі,
Козаченька чорновусого
Кожній жінці-удові.

Дідові – дзвінкого песика,
Щоб не жив на самоті,
Ще й Івасика-Телесика
Кожній бабі-сироті.

А як хто не має віри вже
Ні в кохання, ні в слова, *(ні в людей,)****10
Я йому сопілку виріжу,
Най журную заспіва. *(заведе.)****11

*(А як хто вже зашморг вішає,***12
Щоб зробиць останній крок –
Дав би чарку оковитої,
Ще і миску галушок.)*

1968

Рано ще, рано.

Ще і мати не вставали
І до мене не гукали:
Вставай, сину!
Ще і батько не вставали
І до мене не гукали:
Ходім, хлопче!

Рано ще, рано.

Ще Марія не вставала
І до мене не гукала:
Вставай, Йванку!
Старшина ще не вставав
І до мене не гукав:
Кроком руш!

Рано ще, рано.

Ще і донька не вставала
І до мене не гукала:
Вставай, тату!
Ще й онук мій не вставав
І до мене не гукав:
Ходім, діду!

Рано ще, ой, рано.

1968

Вона приходила щоранку,¹³
І нам спочатку говорили,
Що то звичайна баба-бранка,
І поспіша до породіллі.

Вона приходила щоранку.
І ми спочатку уявляли,
Що то була стара циганка,
Кричали: гей, циганко Галю!

Вона приходила щоранку,
Коли ж утретє чи вчетвертє,
Ми всі чекали вже на ганку,
Чия сьогодні буде черга.

1968

Як у нашому селі
Кращі в світі ковалі.

Що майстри вже, то майстри:
Ремонтують трактори,
Лагодять поїльні,
А ще на дозвіллі

Івану Безрукому
Викували залізу руку.
Івану Безногому
Викували залізу ногу.
Івану Безсмертному
Викували залізу смерть.

*(А хворому вчителю – залізне (золоте) серце,^{***14}
А воно не б'ється.
Помер вчитель,
Та хіба ж вони винні?)*

Як у нашому селі
Кращі в світі ковалі.

Із заліза голові
Викували хагу.
А на вікна ще нові
Візерунки-грати.

Що на першому вікні
Наче січень, наче сніг.
Що на другому вікні
Наче церква вдалині.
А на третьому вікні
Наче хлопець на війні.
Наче мертвий, наче син,
Крила матері над ним.

То баба Ганна дуже просила,
Щоб їй із заліза зробили сина.

Як у нашому селі
Кращі в світі ковалі.

Їхня слава, мов Дніпро,
Лине в інші землі,
Хай у Києві метро,
Хай в Москві музеї.

А у нашому селі
Кращі в світі ковалі.

1968

*Та не однаково мені...
Тарас Шевченко*

Він був як полум'я. Його рядки –
Дзвінки і небезпечні, наче криця,
Переживуть і жито, і пшеницю,
І хліб, і сіль, і війни, і віки.

Він був як полум'я. Свої слова –
Легкі, як небо, сині, наче квіти,
Що ними тільки правду говорити,
Він в наші душі спрагли наливав.

*(Він був як полум'я. Тепер ідіть,***15
Мо' пощастить знайти в трухлявій шафі
Засохлу риму, клоччя біографій,
Анкетну сповідь і газетну ідь.)*

Він був як полум'я.

1968

НІЧ У КРАКОВІ

Хмари повстяні, немов кирея,
На дахи лягли, на димарі.
Ніч, і дощ, і вулиця – над нею
В далечинь простують ліхтарі.

Ніч страшна, як перша ніч Потопу.
В темнім небі чорні корогви,
Готика слов'янської Європи,
Празькі замки, краківські церкви.

В темнім небі, наче на театрі,
Сунуть із безодні, із глибин
Обриси Карпат, Високі Татри.
Чеські села, київські горби.

І до ранку в темряві, в пустелі,
В атомовім сяйві блискавиць
Молиться сусідка із готелю,
Сива католичка з Катовиць.

Борони солдатів, Мати Божа,
Всі ж бо кривні, всі вони сини.
Від докорів, і від куль ворожих,
І вночі від марень борони!

1968

Згадаєш їжака, що я приніс,¹⁶
І як вночі він бігав по кімнаті.
А вже роки убогі і багаті,
Як сніг січневий, промайнуть навкіс.

Забудь ім'я, і голос, і слова,
Лише згадай, що серпень був, як вершник.
Заносилось на дощ. Дивак і віршник
Прийшов вночі і руки цілував...

А інший хтось цей аркуш відшука,
І в нім, далекім, блисне, наче спалах,
Моя любов до жінки, що не спала
І хлібом годувала їжака.

1968

Ти полинеш сиза, наче птах.
Твій полинний присмак вабить серце.
Ти по липню вибіжиш у серпень,
Мов по линві, бгаючи мій страх.

Питиму розлуку, як вино.
І колись, блідим зимовим ранком
Чорний птах, сумний, немов прочанка,
Тихо сяде на моє вікно.

1968

КАТЕРИНА

Доки буде жити Україна
В теплім хлібі, в барвних снах дітей,
Йтиме білим полем Катерина
З немовлям, притнутим до грудей.

Освятивши невимовним бодем
Все прийдешне, кожну нашу мить,
Йде вона, і мов велике коло,
Біле небо наздогін летить.

Про дівочу цноту, про калину
Не співай, поете, не квили,
Бо іде сьогодні Катерина
Тим шляхом, що наші кревні йшли.

Вилами розхитували трони,
Руйнували все старе дотла,
Тільки би Шевченкова Мадонна
В сніжне небуття не полягла!

*(Нас не стане – й знову монотонно***17
День у день згоратиме дотла.
Тільки би Шевченкова Мадонна
В сніжне небуття не полягла.)*

Тільки би вона донесла сина
До свого народу, до людей.
Біле поле. Біла Катерина
З немовлям, притнутим до грудей.

1968

Я ніхто для тебе, як Улісс –
Пам'ятаєш – в давнім грецьким міті.
Шерхлими вустами непомітно
До її волосся доторкнись.

Я ніхто для тебе. І дарма
До твоїх долоней серце лине.
Всю її – кохану і єдину –
Винести очима крадькома.

Я ніхто для тебе. То моя
Власна доля і нічна скорбота.
І востанне – пошепки вже – потай
Видихни легке її ім'я.

1968

Є тільки казка про вогонь,**
 Є тільки пісня про намисто,
 А вже початок падолисту,
 Пора докорів і вагань.
 Сьогодні в причаєнім лісі
 Останніх коників знайшов.
 А завтра дощ. І осінь знов
 Недбало кине у валізу
 Присяги їхні і змагання,
 І наші оберемки слів.
 Є тільки казка про любов.
 Є тільки пісня про кохання.

1968

ТАТО ОПОВІДАЮТЬ¹⁸

Я в село приїхав дурний.
 Бригадир загадає копать траншеї,
 а ввечері поперек ние страшенно,
 чвалиш додому вже сам не свій.

А мій господар тягне з бурта
 (хоч цілий день робив, як проклятий)
 великий лантух. Дозволили взяти
 картоплі гнилої – для скота.

Ідеш з ним і міркуєш так
 (а в ніс від лантуха сморід винний):
 чого він пнеться із сил, неборак,
 і взагалі ж, не хлібом єдиним...

Ще й гордо зважиш свої надбання,
 перебираючи знову і знову рядки
 Пастернака і Гумільова
 чи пісню Лорки про кров і коня.

І я тоді не любив село.

Мені здавалось, що навіть діги
 тільки й дивляться щось вхопити
 і цупити в хату, в своє кубло.

Але, поживши між цих людей,
 збагнув, що це робилось з любові,
 що дядькові байдужі корови,
 а дядько любить своїх дітей.

Відробить тиждень, та ще й мішки
 в неділю пре на базар до міста.
 Бо «Смерть корнета»¹⁹ не просить їсти,
 а дітям треба хліб і книжки.

І той сніданок, що я з'їдав, –
 товчена картопля, кисляк і сало –
 так важко дядькові діставались,
 що він не вгощав мене – пригощав. *пригощав*

Я вчився любові в дядька Миколи.
 Не знаю, яка мені ляже путь,
 та вже цієї любові ніколи
 мені не зректися. І не забудь.

1968

Завтра буде світ такий, як завше –
 Білий, жовтий, трохи вороний.
 І зависне небо, наче зашморг.
 Як і має бути восени.

Сон, мов смерть, настигне на світанку,
 І незваний день в останню мить
 Забере тебе, як полонянку,
 Як у пісні – конями умчить.

1968

*Ой впилася, моя матінко, від ножа,
А заснула, моя матінко, край коня.
Пісня*

Не дайте, щоб заснула край коня,
То наша мати. Іншої не буде,
Бо кине вас. І піде межі люди
Чужинними шляхами навмання.
Не дайте, щоб заснула край коня.

Сурмлять газети, радіо гука,
Що живемо у віці атомовім,
І хоч за все ми заплатили кров'ю,
Та час вже других цінностей шука.

Історія не є ракетний жах,
Вона мов шлях від чужини до хати.
І щастя буде. Тільки ви не дайте,
Не дайте, щоб впилася від ножа.

1968

Не йму віри політикам,
Ані тим, що підтримують існуючі суспільні лади,
Ані тим, що базикають про нові
І нишком колючий дріт припасують
Для своїх кібернетичних раїв.
Державні системи бувають кращими й гіршими.
За деяких вже зовсім не можна жити.
І тоді з подивом виявляєш,
Що жити все ж таки можна,
І сам не знаєш – радіти чи гидувати
З цієї людської властивості.
Вірю в Слово.

Велике, палаюче, наче сонце, Слово,
Що було на початку всього,
І було Богом.
(І це слід розуміти буквально,
Як вчить Августин).

1968

Мій пророк – божевільний американський льотчик,**
Що погнався за Сонцем на літаку.
Він підіймався все вище і вище
В палаюче Сонце, в палаюче Слово,
І серце билось і захлиналось,
Допомагаючи двигуну.
Він помер від нестачі кисню.
Уламки літака знайшли на землі.

II

Наслідуючи фрески Юрія Щербака,**
Можна було б запитати:
Що таке нація?

1968

Панове, в мене маленьке прохання.
Тобто це велике прохання,
Маленьке ж у тому розумінні,
Що неважко виконати його.
Отже, в мене маленьке прохання:
Я прошу не стріляти в дітей.
Розумієте, коли летять кулі,

Тим більше, коли падають бомби,
 На жорстку землю падають діти.
 Ніколи ніхто не підійме їх.
 Звичайно, коли вбивають дорослих,
 Це теж не дуже приємна річ.
 Але зрозумійте, панове, діти...
 Вони красиві, в'єтнамські діти:
 Чорне волосся, круглі обличчя
 І дуже мудрі очі у них –
 Древньої культури відбиток.
 А можливо – страждань відбиток,
 А можливо – для нас незвичний
 Азіатський розріз очей.
 Ні, ви не думайте, я розумію,
 Що є концесії та угоди,
 Захист свободи, рівність, братерство
 І безліч інших приємних слів.
 Та доки на землю падають діти,
 Усі наші книги та кінофільми,
 Гучні промови й дотепні спічі
 Не варті ламаного шага.
 Мені не траплялося жодного разу
 Прохати чогось у Конгресу США.
 Та зараз в мене маленьке прохання:
 Я прошу не стріляти в дітей.

1968

В зорянім серпневім павутинні
 Нап'яли блискуче полотно.
 Просто неба, у дворі правління
 Леніна показує кіно.

Чорно-білий фільм, але багрянні
 Юрми, революція і рік.
 І до нас простує на екрані
 Невисокий літній чоловік.²⁰

Сто акторів вчилися гаркавить,²¹
Випинати груди – та дарма,
Бо у справжній ленінській поставі
Рис монументальності нема.

1968

Як була я молоденька,^{***}
Колихала мене ненька.
А як стала підростати,
Стали хлопці колихати.

1968

ПІСНЯ ПРО МАРІЮ ПРИМАЧЕНКО^{***}

Я бачив ту землю, куди я піду,
І ляжу, і тілом зігрію,
Щоб вічно цвіли в українськiм саду
Настурції Ваші, Маріє.

Танки проходили,
А квіти незламані.
Коні пробігли,
А квіти незаймані.
Люди йшли,
А квіти незаймані.

Це ж Маріїн сон!

І виходило,
 Що війна мине,
 Виходить – бігме –
 Що і гроза мине,
 І буде маги, і буде син.

Настурції.

[...]

[1968]

*Відлине день без'язикий,
 І чути в тиші нічній:
 Люди, дерева, ріки
 Тужно кричать: «Не бий!»²²*

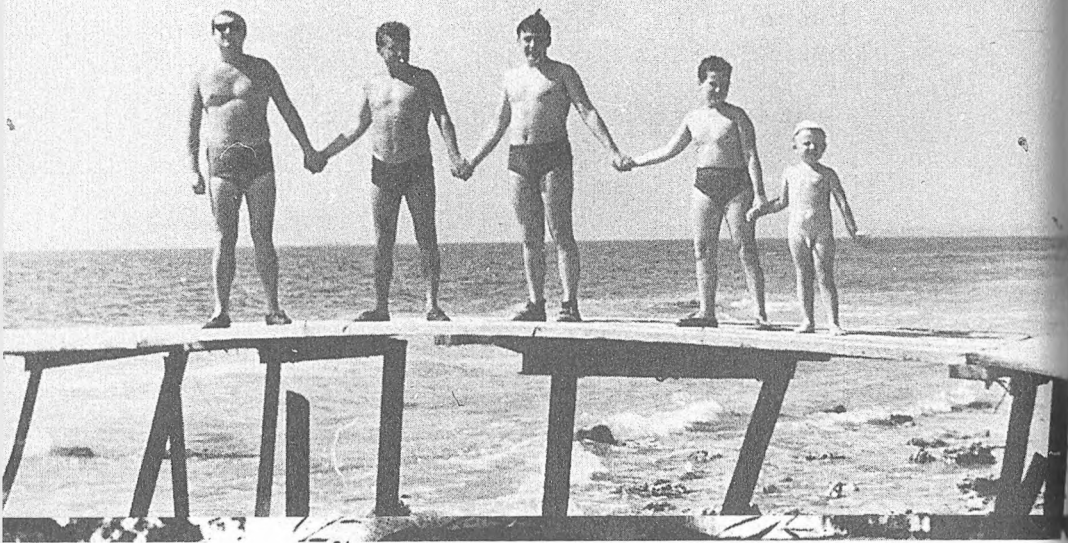
Затулити вуха. Заплющити очі.
 А втім не варто, бо я вже звик
 Щогодини, щодня, щоночі,
 Немов білокрів'я, ковтати крик.

1968

ОСІНЬ

Така золота, що нема зупину.
 Така буйна – нема вороття.
 В останніх коників, що завтра загинуть,
 Вчуса ставленню до життя.

1968

01

Спільним рішенням комісії Державного комітету Української РСР у справах видавництва, поліграфії і книжкової торгівлі та Дирекції Спілки письменників України від 22 липня 1982 року присуджено премію імені Павла Тиченка — «ЧУТКИ ЄДИНОЇ РОДИНИ»

Кисельову Леоніду Володимировичу (померлому)

за книгу «Тільки двічі живемо»

Голова Державного комітету
Української РСР
у справах видавництва,
поліграфії і книжкової торгівлі

Григорук

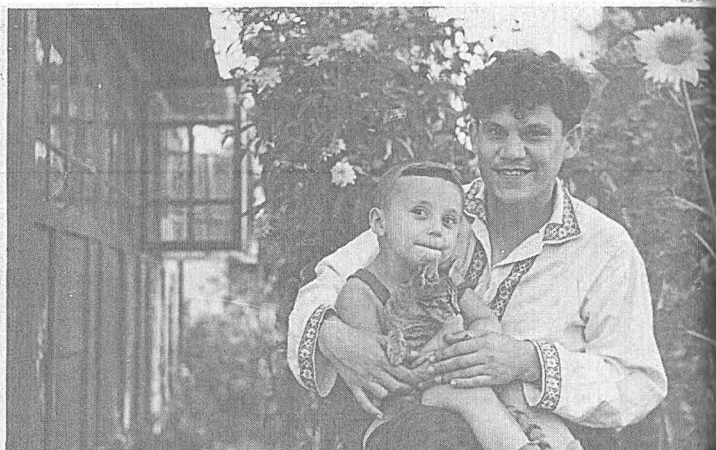
Перший секретар
прес-відділу
Спілки письменників
України

Мухомов

02

03

І плаче
Що ро
І щоб
Марно

04

Перші акорди

Читачеві ім'я Леоніда Кисельова відоме з публікацій в журналі «Новий мир». Зараз пост написав цикл віршів українською мовою. Не юначка невпевнена рука виводила ці рядки, хоча авторів так недавно перекоцало за двадцять, а ніби сама невступенева зрілість, задумана, зосереджена, пойнята легким димом юначого перозуміння. Слова, звичайно, шати, слова — полова, та тут вони стали поезією.

Іван ДРАЧ.

Леонід КИСЕЛЬОВ

Смерть ланкової

Вмирає жінка. Голова її горда
Вже осипається зимнім цвітом.
Ще й коса золота, як той гострий
орден,
Що понесуть за нею на цвинтар.
Вже безносу чути, як іде
невшипніках,
І нема їй слова, нема зупинку.
І плаче земля, бо вмирає жінка,
Що родила цукор в гірку нашу
днину.

А небо осіннє таке безкрає,
Що і птах не знайде, де
притулиться.
І плаче жінка, бо земля вмирає,
Що родила жито в безхлібнім віці.
І щоб жінчине серце — вогненне
гроно —
Марно не розпалось на малі
жаринки,
Українська земля в своє чорне
лоно,
Візьме біле лоно золоті жінки.

* * *
...В залізній мові, в залізній ре-
ченні!

А. МАЛІШКО.

Тяж, вона залізна, наше слово — криця,
Гучнодзвонка мідь.
Над життя і згубу у космічним
віці
Вічністю бринить.

Та коли покличе й блискавкою
Блисне
В сляві корогв, Крають чумацький шлях,
Пам'ятайте серцем: наша мова — піся,
І в словах — любов.

* * *

Заспівайте, сестро, заспівайте
Про своє кохання безталанне,
Бо в піснях кохання нещасливе —
Нащо і співати, як не журнаї?
В хаті тепло, а надворі зимно,
За вікном засніжене обійстя,
За обійстям всніжена долина,
А за нею — безпритульний світ.
Як ви скоро, сестро, одіснитись,
І пішли у сніг, у біле поле,
А в піснях кохання нещасливе,
Нащо і співати, як не журнаї?
Заспівайте, сестро, про кохання.

* * *

А я тому журавлю, журавлю
Кинь ноги перебу, перебу!

ПІСНЯ.

Земля таке гаряча,
Така руда земля.
Маленький хлопчик плаче:
Не бийте журавля!

Притне його до себе
Йї руками загуля:
Ой, дядечку, не треба,
Не бийте журавля!

Відлине день без'язикий
І чути в тиші нічній:
Люди, дерева, ріки
Тужно кричать «не бий!»

Не вністи того болу,
Не вирідати жалю.
Що станеться з тобою,
Мій світе, мій журавлю?

В останню мить побачиш
Намисто з багрих плям
І буде така гаряча,
Чорна така земля.

Панцерники гуркочуть,
Крають чумацький шлях,
І відкається хлопчик:
Не бийте журавля!

05

Фото з архіву
сім'ї Кисельових:

- 01 Юрій Щербак,
Володимир Кисельов,
Леонід Кисельов,
Сергій Кисельов,
Ярослав Щербак.
Одеса, 1965 р.
- 02 Диплом лауреата
премії ім. П. Тичини
- 03 Леонід Кисельов
з батьком. 1950 р.
- 04 Леонід Кисельов:
час творчості. 1967 р.
- 05 Леонід Кисельов. 1968 р.

Мати на догору згадку Віз авторів
з любов'ю. *Вин* 17 вересня 1968

Скоро жінці тетради! *Вин* - 592

Зошит третій / Тетрадь третья

Переклади поезій
Переводы стихов

1958 – 1968

1958 – 1968

НА ПЛОЩАДИ***

Из П.Г. Тычины
Перевод с украинского

Площадь, церковь, возле церкви
Революция идет
Пастуха за атамана!
Пастуха! – кричит народ.

30 апреля 1958

Ждите, ждите со свободой,
До свиданья, на коней!
Площадь громко зашумела
Флаги лишь цветут над ней.

1 мая 1958

Площадь, церковь, возле церкви
Вдруг взгрустнулось матерям:
Так свети ж ты им в дорогу,
Ясный месяц, сыновьям!

2 мая 1958

Площадь, церковь, пыль спадает,
День уходит прочь.
Речь смолкает.
Вечер.
Ночь.

3 мая 1958

НАША СЛАВА***

Из П.Г. Тычины
Перевод с украинского

Ты греми, наша слава, по свету,
Наше слово пусть слышит народ.
Мы отбросим рабство монеты,
И над нами уж солнце встает.

4 мая 1958

Солнце! солнце! – на горы и реки, –
Солнце! солнце! – в долины, в поля.
Пусть же крепнет в труде человека
Украины земля!

5 мая 1958

Будь смелей, наша бодрость и сила,
Чувство мести ведет нас вперед,
Мы захватчикам роем могилу,
Их как ветром сегодня метет.

Ветер, ветер им в след злобно воеет,
Ветер, ветер их пулею бьет.
В бурьянах, в крапиве, зверобое
По ни[м] след зарастет.

30 [июня] 1958

ОТРЫВОК ИЗ КОМЕДИИ ШЕВЧЕНКО «СОН»*****Перевод с украинского**

Всяк свою судьбу имеет
И путь свой отраднй.
Этот строит, этот рушит,
Этот глазом жадным

15 июня 1958

Смотрит, чтоб за краем света
Завладеть странюю,
Завоевать и в могилу
Взять ее с собою.

Тот тузами разоряет
Без жалости свата.
Этот в уголке тихонько
Точит нож на брата.

16 июня 1958

А тот тихий, смиренный, трезвый,
Богобоязливый,
Выждет несчастливый

Как кошечка, подкрадется

Час твой. Выждет и запустит
Коготки в печенку.
И не сделает поблажки
Жене и ребенку.

17 июня 1958

Этот щедрый и роскошный –
Строит Божьи храмы
И отечество так любит –
Жизнь отдал бы прямо.

Так из него, несчастного,
Кровь как воду точит.
А братия молчит себе –
Пусть уж как он хочет.

18 июня 1958

Как ягнята – может, надо,
Не судите строго.
Так и надо, потому что
Нет на небе Бога.

В ярме умираете –
О рае прекрасном
На небе мечтаете
Напрасно, напрасно!

Жаль работы, перестаньте,
Все на этом свете
Дети нищих, царевичи –
Адамовы дети.

19 июня 1958

В. СОСЮРА. «ЗНОВУ ДНІ БЕЗХМАРІ ЗАСІЯЛИ»***

Перевод с украинского

Дни безоблачные засияли,
И шумит зеленая куга,
И цветы прекрасно пахнуть стали,
От дождей озерами дуга.

Озеро от солнца золотое.
Вижу я простор лугов, полей.
Пионеры, чтоб спастись от зноя,
Вот идут к реке из лагерей.

31 октября 1958

Т.Г. ШЕВЧЕНКО. «І МЕРТВІМ І ЖИВИМ»*****Перевод с украинского**

И темнеет, и светает,
Божий день проходит,
И снова люд утомленный
И все отдыхает.
Только я, как окаянный,
Слезы лью в обиде
На распутьях многолюдных,
И никто не видит,
И не видит, и не слышит –
Плачу я впустую.
Кандалами меняются,
Правдою торгуют.
И Бога не уважают, –
Людей запрягают
В ярма. Горем пашут горе,
Горем засевают.

[] ноября 1958

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ**Перевод с древнеславянского**

А негоже старыми словами
Нам начать рассказ печальный, братья.
Мы расскажем вам, звеня струнами,
О могучей Игорева рати.

Мы споем про князев клич орлиный,
И о пленных половецких девах.
И не за Баяном – по былинам
Начинаться нашему напеву.

А Баян пред тем, как песню начать,
Воет волком – в жилах кровь вся стынет.
По деревьям быстрой белкой скачет
И орлом взлетает в небо сине.

Помнит час усобиц, говорят, он,
И когда ему петь песню надо,
Выпускает соколов десяток
На лебяжье белоснежное стадо.

Белый лебедь, сбитый соколами,
Песнь поет. Иль храброму Мстиславу,
Что убил Редедю пред полками,
Иль Роману, сыну Святослава.

А Баян за лебединой стаей
Десять соколов не шлет облавой,
А на струны руки опускает,
И князьям рокочут струны славу.

1959

РУБАИ ДМИТРА ПАВЛЫЧКО***

Перевод с украинского

I

Взяв у Хайяма форму рубаи,
Ее за лаконизм я полюбил.
Большой наряд, а, может, малый слишком,
Теперь получают мысли все мои.

II

Бессмертны все. Тот в люди вывел сына,
Тот песне отдал жизнь, хоть и единой.
А тот, кто даже этого не сделал,
Тот у дороги посадил рябину.

III

(ДОРОГОЙ)

Куда вдоль тропки тополя бежали?
Куда они несли свои печали?
К друзьям, дубам могучим, густолистым,
Что там, в лесу, в немой тиши стояли.

IV

Есть люди, как дубы, и есть дубы, как люди,
Что молнию встречают храбро, грудью,
Чтоб слабую березку защитить.
Хоть знают: рок на гибель их осудит.

1959

ИЗ ПАВЛА ТЫЧИНЫ***

Перевод с украинского

Как упал же он с коня
В снег, что намело.
Слава! Слава! Докатилось
И к ногам легло.

Как приставил руку он
К сердцу своему.
Раз, еще бы раз увидеть
Такую зиму.

Мчались мы, врагов рубя,
К славе боевой.
Сел на грудь с протяжным криком
Черный ворон злой.

Встал революционер –
Зашатался свет.
Умирал он в чистом поле,
Слал друзьям привет.

1959

ИЗ ДМИТРА ПАВЛЫЧКО*****Перевод с украинского**

Девушка пошла к колодцу –
Не пошла домой.
О, не спалось этой ночью
Матери седой.

Мама, ты лети на крыльях
В лес. Там птицы не поют.
Там в колодце утопили
Доченьку твою.

Мчалась полем, мчалась лесом,
Ног не чувствуя своих.
А упала – стон донесся,
Стон из-под земли...

Как судить убийцу будут –
Дочь, убитую в лесу,
Как свидетелей попросят,
С матерью, на суд.

1959

ИЗ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО*****Перевод с украинского**

Не завидуй богатому –
Богатый не знает
Ни приязни, ни любви, нет,
Все он понимает.
Не завидуй могучему –
Он всех заставляет.
Не завидуй и славному –
Славный твердо знает,
Что не его люди любят –
Ту тяжкую славу,
Что он тяжкими слезами
Вылил на забаву.
А молодые сойдутся –
Так тихо, не спорят.
Словно в раю, а посмотришь –
Шевелится горе.
Не завидуй никому же.
Знай, на земле этой
Рая нет. На всей земле
И на небе нету.

1959

ПЛУГ*****Из Павла Тычины
Перевод с украинского**

Ветер.
Не ветер – буря
Бьет, ломает, из земли вырывает.
За черными тучами
(Ударами могучими)
За черными тучами миллион миллионов
Мускулистых рук.

Камнями в землю врезают
 (Это город, дорога иль луг)
 В землю плуг.
 А на земле люди, звери, сады.
 А на земле боги и храмы:
 О, пройди, пройди над нами,
 Рассуди!
 А были такие, что убегали
 В пещеры, леса. Глядя в неба синь,
 Что ты за сила еси?
 Пытали.
 Так и жили. И каждый из них, не любив, умирал.
 (Ночью Вихря-коня ветер гнал
 Ветер Вихря-коня
 В ночи)
 Лишь их незакрытые мертвые очи
 Красоту отразили
 Счастливого нового дня
 Очи.

1959

ИЗ МАКСИМА РЫЛЬСКОГО***

Перевод с украинского

Ласточки летают – им летается,
 И Ганнуса любит – ей пора.
 И волной зеленой подымается
 Веснами Батыева гора.

Гнутся клены нежными коленями,
 В синем небе голуби одни
 День еще, и все мы все покинем мы
 Плаваний голубокрылых дни.

Так пускай земля кружит, вращается,
 Хоть вокруг лампочки. Она стара.
 Ласточки летают – им летается,
 И Ганнуса плачет – ей пора.

1959

МНЕ РАДОСТНО, КОГДА НАЙДЕТСЯ СЛОВО***

Из Андрея Малышко
Перевод с украинского

Мне радостно, когда найдется слово,
Душистое и яркое, оно
Из вешней глубины рвалось давно
И было с сердцем встретиться готово.

Бывает слово теплым – в слове том
И хлеб, и мед, огонь в вечерней хате,
Под вой метели, грозной и кудлатой
Воспоминаний милых рой и сон.

В горячем слове – пламя, битвы жар,
Окоп сожженный, давнее страданье,
Разлука всех ночей твоих исканий,
Людских стремлений яростный пожар.

Цвет красный – это дней былых гроза,
Мечты о счастье чистые – лиловый,
А белый цвет – метели лет суровых,
И хмель любви – с зеленым бирюза.

Найдется слово – рад я как дитя.
Сияет ночь и туча розовеет,
И вымазан как будто сам уже я
Как пчелка в жизни яркие цвета.

ЛЕНИН*****Из Максима Рыльского****Перевод с украинского**

С жестом простым и суровым,
С доброй улыбкой, приветной,
Ростом невиданным, новым
Взрос над заржавленным светом.

Да, он колосс! – Он «колоссов»
Сбросил с золоченых тронов.
Глянул, дохнул – раскололся
Лед их застывших законов.

Да, он колосс – он на крови
Боя сил грозных, неравных
Прочный фундамент готовил
Зданию подвигов славных.

Где же набрался он силы?
Сил на порыв против ночи?
В сердце, в мозгу его были
Рук миллионы рабочих.

Бедным – рабочим, крестьянам
Бросил он – надо бороться!
Жест его смелый, рука нам
Тем же горит, словно солнце.

18 февраля 1960

ПОПЫТКА ПЕРЕВЕСТИ КОРОТИЧА***

Перевод с украинского

Мой труд не так красив, коль приглядеться.
Из тысячи тревог он состоит.
Когда в твоей ладони бьется сердце,
Молчи, сожмись, дыханье затаи.

Живешь за двух, другого и не зная,
Волнуешься за жизнь его в борьбе,
Не друг и не знакомый для тебя он,
Но он в беде, он вверился тебе.

Поэтому в больницах оставаться
Порою даже на ночь ты привык.
Бой выиграв, не слышишь ты оваций,
Ты утомлен, тебе уж не до них.

[1960]

ИЗ ДМИТРА ПАВЛЫЧКО***

Перевод с украинского

Когда в Мадриде умер Торквемада,
И колокольный звон утих вдали,
Монахи всю Испанию прошли –
Коварные вожди людского стада.

[1963]

ПЕРЕВОД ИЗ ЛИНЫ КОСТЕНКО**ГРАНИТНЫЕ РЫБЫ**

Перевод с украинского

Штиль. Все затихло на морском просторе –
и ветер волн не пенит...

Большие рыбы,
выплеснуты морем,
навек окаменели на ступенях.

Без силы под ударами прибоя,
В агонии они окаменели.
Пловцы лежат недвижимы, в покое,
Чешуи подтвердели, потускнели.
Белеет соль на жабрах угловатых,
и в трещинах блестят кристаллы соли...

Горелый дух асфальтов перемятых.
Дурманящий, пьянящий сон магнолий.
Змеиный шорох, гор крутых изгибы,
и маленькой волны последний всхлип...
Когда-то тут толпой теснились глыбы,
их контуры напоминали рыб.

Они стояли над водой тревожно!
Они стеною встали на пути!..
Шел мимо – как-то великан-художник.
Шел мимо,
и, видать, не смог пройти.
И, взяв, резец, обтесывал он глыбы,
не думая о плате за труды,
чтоб знали люди,
как же трудно рыбам
навек оставаться без воды.

*Перевод с украинского
Леонида Киселева*

*Киселев Леонид Владимирович,
г. Киев, ул. Красноармейская, 168, кв. 77¹
[1963]*

ДІВЧА СПІВАЛО В БОЖОМУ ХРАМІ***

**З Олександра Блока
Переклад з російської**

Дівча співало в Божому храмі
Про всіх, що втомились на чужині,
Про всі кораблі, що блукають морями,
Про всіх, що в злиднях живуть, сумні.

Летів її голос все вище й вище,
Проміння торкалось її плеча,
І кожен в церкві стояв, скам'янівши,
І слухав, як співало дівча.

І всім здавалось, що радість буде,
Що кораблі знайшли свою путь.
В далеких землях втомлені люди
Хороше й тихо тепер живуть.

Лунали співу чарівні звуки.
І тільки в кутку біля Царських Врат
Дитина плакала від розпуки,
Бо знала: ніхто не прийде назад.

[1964]

ИЗ ИВАНА ДРАЧА***

Перевод с украинского

По морям – напрямик, по лесам – без дорог
Новый Год для людей нес подарков мешок
(Кому – новую шапку,
кому – сена охапку,
Кому – стальные кастеты,
кому – большие ракеты,
Кому – горсточку соли,
кому – мешок ветра в поле,

Кому – брагу в бутyli,
а дяде Кириллу – крылья.)

Был день как день и вдруг – не порядок.
Словно ножи, фуфайку пробили
И потянулись из-под лопаток
Прямо к солнцу синие крылья.

Голодные небом, распрямились туго,
Глотали с неба синее мерцание.
А дядя вроде испуган,
Тоскует, на нем лица нет.

(Кому – радость признания,
кому – солнце в тумане,
Кому – карие очи,
кому – смерть среди ночи,
Чтоб тебе пусто было,
а Кириллу, прости Господи, – крылья.)

Жена причитала: «Люди как люди,
Одеты, обуты, деньги накопили.
Кому – валенки,
кому – гуся на блюде,
Кому – пилюли от астмы,
а этому аспиду,
прости Господи, –
крылья?!

А Кирилл намотал на ус
И, чтоб кончить эту историю,
Он топор наточил о брус
И срубил свои крылья под корень.

Но когда в мерцании звезд
Над Кириллом ночи парили,
Одеяло пробив насквозь,
Вырастали новые крылья.

Так Кирилл с топором и жил,
На крыльях даже разжился, –

Крыльями хату покрыл,
Крыльями огородился.

Эти крылья раскрали поэты,
Чтоб их муза была не бескрылой,
Этим крыльям молились эстеты.
И снилось небо отрубленным крыльям.

[1965]

Ой, летала белая лебедь***
И упала комочком с неба.
Взял мой старый хлеба и соли
И пошел искать ее в поле,
Потому что летела лебедь
И упала комочком с неба.
Взял сыночек хлеба в котомку
И пошел в другую сторонку,
Потому что летела лебедь
И упала комочком с неба.
Взял мой внучек хлеба краюху
И пошел за лебедью лугом,
Потому что летела лебедь
И упала комочком с неба
А вокруг говорят соседи:
«Да зачем вы ищите лебедь?
И коса у вас поседела.
Нет, не ваша лебедь летела!»
«Но летела ж белая лебедь
И упала комочком с неба».
Посажу у крыльца Полкана
И сама искать ее стану.

Тож летіла гуска додому...

[1965]

ВОСЕНИ З ДАЛЕКОЇ ГАВАНІ***

З Олександра Блока
Переклад з російської

Восени з далекої гавані
Від засніженої землі
У важке і тривале плавання
Йдуть навантажені кораблі.

Над землею підіймається,
Мов кістяк, підйомний кран,
Одинокий ліхтар гойдається,
(Біля нього трохи світліш).

І матрос, на борт не прийнятий,
Йде, хитаючись, крізь туман.
Все змарновано, все випито.
Досить, не можу більш.

Середина листопада, 1966

ИЗ ИВАНА ДРАЧА

Перевод с украинского

Промчалось, прошло, пролетело,***
Минуло, исчезло, ушло.
Еще – головешками тлело,
Седым пепелищем цвело.

Развевалось, сном отоснилось,
Отрезилось, сбылось, сбылось.
Катилось – и перстнем скатилось,
Соленым рыданьем зашлось.

Леонід КИСЕЛЬОВ

І мати молода, і сонце юне,
І в неї на колінах немовля.
В прозорому повітрі, наче струни,
Гудіння оксамитного джмеля.

Прислухаюсь — співає колискову,
Не знати, чи дитині, чи собі...
І мати молода, і юне Слово,
І яблуні у ранішній журбі.

Розумні і дурні, малі й великі,
Уславлені й забуті — все пройшло.
Та не було народів без'язиких,
Іще німих народів не було!

Колихайтесь, тераси дерев...
П. Тичина.

Не терасах дерев тільки вітер, вітер, вітер,
У прозорих пазурях листя дере.
Чорноп'рї круки, як химерні квіти
На терасах дерев,
На терезах дерев.

На терезах дерев всі чесноти космічного віку,
Всі принади невгавного руху вперед,
А поети — як вихор, поети — як вітер, як вітер
На терасах дерев,
На терезах дерев.

З ЛИСТА
ДЖОНАТА ЯРЕМИ СВІФТА

Я не хочу лежати в цій рабській землі,
Радше спатиму в лондонській твані!
Чи ж повірю, що тут, в світанковій імлі
Не розтане мій подих останній.

Чи ж повірю, що яголи бачать здаля
І господь щиросердо кохає
На малесенькій кульці, що зветься Земля,
Порошину Ірландського краю.

Захлинається серце: ласкавець, пророк...
Захисти свої люди, воскресни!
Це облуда, мара, бо мій шлях до зірок —
Це вони мої браття і сестри.

Я любив і кохав, і в найтяжчій борні
Не загасли реки мого шалу,
Та все більше скорботи лишалось мені,
І все менше любові лишалось.

Як нестерпно щоранку болить голова —
Мабуть, час вже додо у, додому.
І ніщо вже не важить, я все змарнував,
Поховайте хоч в пеклі самому!

Мамі на добру ніч
Big always
Lubov
Mama
Mama

Фото з архіву
сім'ї Кисельових

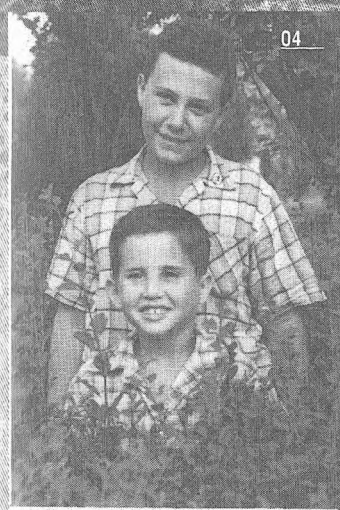
- 01 Леонід Кисельов:
«Рано ще, ой, рано...» 1957 р.
- 02 Леонід Кисельов (праворуч)
- 03 Леонід Кисельов (другий
праворуч в нижньому ряду),
Вікторія Болотіна (перша
ліворуч в третьому ряду). 1961 р.
- 04 Леонід і Сергій Кисельови.
1961р. Одеса.
- 05 Леонід Кисельов
(ліворуч). 1957 р.

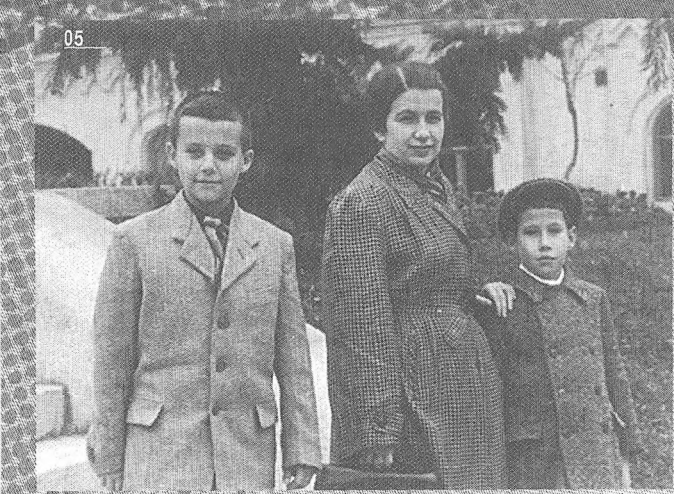

КОЛЫ г.КИЕВ -61г.

03

04

05

Зошит четвертий / Тетрадь четвертая

[1966 – 1968]

вірші в прозі
стихи в прозе

[1966 – 1968]

КОГДА МЫ УМРЕМ...¹

Когда мы умрем, с первой же минуты у нас начнутся большие волнения. Мы будем бояться, что предстанем перед Богом, и он нас спросит:

– Зачем вы обманывали и предавали?

И мы действительно предстанем перед Богом. Но он у нас этого не спросит.

Тогда мы начнем бояться, что Бог спросит нас:

– Зачем вы бросали своих любимых женщин?

Но и этого Бог у нас не спросит.

Тогда мы успокоимся и решим, что все для нас обошлось благополучно. И тут Бог спросит у нас:

– Что вы сделали с моей землей, с моей Польшей?

[1966-1968]

ПРАВЕДНИКИ

Самолет летел в полной тишине потому, что летел быстрее звука. Внизу россыпью электрических огней светились земные города. Летчик смотрел на карту. Нью-Йорк... Лондон... Варшава... Киев...

Летчик протянул руку, чтобы надавить пальцем на кнопку, освобождающую атомную бомбу. И тут вдруг почувствовал, что кто-то ухватил его за руку.

– Что ты делаешь? – спросил изумленный летчик. – Кто ты?

– Я – ангел.

– Так почему же ты мешаешь мне выполнить ответственное задание – стереть с лица земли этот город?

– А разве ты не знаешь, – спросил ангел, – что Бог распорядился: если в городе есть хоть один праведник, то город этот не может быть уничтожен?

вірші в прозі
стихи в прозе

– Какие же могут быть праведники в Киеве? – скептически усмехнулся летчик. – Отпусти руку. Не мешай мне.

– А разве ты не знаешь, – снова спросил ангел, – что в Киеве в издательстве «Молодь» состоялось профсоюзное собрание, на котором утверждалось решение об увольнении с работы Ивана Дзюбы за его сочинения по национальному вопросу. И все работники издательства проголосовали за это решение. Но три корректорши проголосовали против. Они считали, что Иван Дзюба должен остаться в издательстве.

– Вот так штука, – удивился летчик. – До нас здесь иногда как-то плохо доходит информация. А раз такое дело, то полетим дальше. Но все же скажи, мне любопытно: оставили Ивана Дзюбу на работе?

– Нет, уволили, конечно. Решением абсолютного большинства коллектива.

– А что случилось с этими женщинами-корректорами?

– Их тоже уволили.

[1966 – 1968]

Фото з архіву

сім'ї Кисельових:

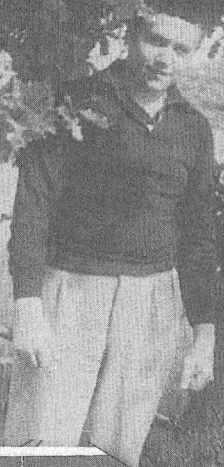
01 Леонід Кисельов

і Наталка Овчаренко

02 Леонід Кисельов, редакція

газети «Радянська Україна», 1964 р.

03 Леонід Кисельов (праворуч)

...в бии-рени
...глубоко угае
в селках - ружьне...

01

...в селках - ружьне...
...в селках - ружьне...

03

02

1959 —
1968

Зошит п'ятий / Тетрадь пятая

проза

проза

1959 – 1968

ПОВЕСТЬ***

Январским днем 1959 года, в Киеве, на Байковом кладбище показался тощий, оборванный человек. Он прошел по главной аллее и остановился, наблюдая за двумя старушками, которые, встретившись, расцеловались и стали вспоминать знакомых. У него зачесалось темя, и он снял шапку, чтобы почесать. В тот же миг он услышал звон нескольких монет, брошенных в шапку, а затем увидел старушку, ожидавшую, пока он перекрестится и процитирует изречение из Библии. Услышала она нечто обратное. Сильным ударом руки прохожий выкинул деньги из шапки, а уста его в это время извергли хулу. Старушка, с необычным для своих лет проворством, отпрыгнула назад, как отпрыгивает чистенькая сибирская кошечка, вдруг увидевшая перед собой морду кудлатого, в репьях дворового пса.

Человек прошел дальше и очутился перед надгробием, заинтересовавшим его. На грубом граните был укреплен корабельный якорь, а над ним торчал рельс, очевидно, служивший основанием для креста. Подойдя ближе, он с трудом разобрал эпитафию:

*Прохожий, ты идешь,
Но ляжешь, как и я.
Присядь же отдохнуть
На камень у меня.
Сорви былиночку,
Подумай о судьбе.
Я дома, ты в гостях,
Подумай о себе.*

Прохожий не сел на камень по той простой причине, что вокруг надгробья не было не только камня, но даже предмета мало-мальски пригодного для сидения. Он не стал рвать былиночки, потому что стояли холода и вокруг расстилался чистый, не запятнанный следами снег. Он поставил на землю свой маленький чемодан (такие носят медсестры и ученики 8–10-х классов), сел на него, вынул из кармана городскую, бывшую французскую, булку и принялся неторопливо ее есть. Он не думал о судьбе, потому что считал, что судьбу надо оседлать, но не думать о ней. В

этом большом и шумном мире он всегда чувствовал себя гостем – нахальным, шокирующим хозяев, но теперь это был тихий и скромный «гость по обязанности». Он не думал о себе, потому что все, что можно было передумать, было передумано в тюрьме, откуда его позавчера выпустили. Как это ни странно, но ему даже не вспомнились строки Эдгара По: «Ворон каркнул Невормор», хотя он знал их. Ему прочитал их в тюрьме скупщик краденного, сын председателя правления Киевского купеческого общества взаимного кредита. Но ему в голову пришла (о, ужас!) детская песенка: «Нам не страшен серый волк, серый волк, серый волк!»

Кто же был этот незнакомец? Это был никто иной, как сам Великий Комбинатор Остап Бендер, сильно постаревший и измельчавший душой и повадками. Что же заставило его оказаться в таком положении?

Заглянем в его прошлое. Он не стал управдомом. Ограбленному на румынской границе, ему с трудом удалось в пограничном селе обменять свой единственный сапог на два лаптя. В дело пошла и цепочка от Золотого руна. Крестьянин, проверявший ее на зуб, перекусил ее пополам, но на мену согласился. В уездном городке N, где Остап собирался продать Руно, любой ювелир, предложи он ему орден, вызвал бы милицию, а что до частных лиц, то во всем городке, включая пригороды, не нашлось бы человека, способного купить хоть 0,1 часть ордена.

Дабы снискать себе хлеб насущный, Остап решил воровать. Но он был крупным жуликом и на мелкие кражи явно не имел таланта. Поэтому, когда он попытался украсть с лотка каравай хлеба, его окружила толпа. Друга, который предложил бы свидетелям дать адреса, не было, а самому было как-то неудобно, и Остапу ничего не оставалось делать, как ждать милиционера, который отвел его в отделение. Местные власти, обнаружившие у Остапа документы на имя 86-летнего трудящегося Дагестана Виссариона Георгиевича Кихивидзе, отпустили его, запретив появляться в пределах уезда. Золотого барашка отобрали в казну.

В других местах Остап воровал не удачливей, и к 1941 году считался крупным рецидивистом. Он был приговорен судами различных республик к 15 годам тюремного заключения. Всю войну он сидел в лагерях. Там Остап научился слесарному делу и старательно работал, выполняя тройную норму. В 1946 году его выпустили. Старых друзей не было. Киса Воробьянинов еще в 1939 году в Бозе почил в психиатрической больнице. Шура Балаганов в войну пошел добровольцем и погиб смертью храбрых при взятии Вены. Адам Козлевич, до конца износив «Антилопу», пошел в шоферы такси, в войну храбро сражался и сейчас строил новые дома в Ленинграде.

Остап был один. Он пошел на завод и одно время считался там хорошим рабочим, активистом. Но потом это надоело Остапу, и он взялся за старое. Несколькими смелыми операциями он добыл тысяч 100, но постепенно угрозыск налаживался, и в последний раз гроза прошла рядом с Остапом. Ему удалось удрать. Решив, что спекуляция выгоднее, Остап стал спекулировать, попался, и в соответствии со статьей № ху[...] получил три года с конфискацией имущества. Примечательно, что отчет о процессе в «Вечерней Москве» был написан Персицким-сыном (отец Персицкий был редактором [...] областной газеты). Остап отсидел свое, молча выслушал напутственную речь начальника тюрьмы и позавчера вышел...

Остап прогуливался, с трудом переваривая булку, и вдруг остановился, пораженный какой-то мыслью. Он подумал, что его ждет та смерть, которую он предсказывал Паниковскому, сам будучи молодым и жизнерадостным. Он был холост, потому что все время сидел или комбинировал. Детей у него не было тоже. Остап был одинок. От жизни ему больше нечего было ждать, а смерть стояла за плечами. В своих скитаниях Остап стал философом и поэтому решил: «Если это должно совершиться, лучше раньше, чем позже. Надо покончить с собой».

Но как? Вешаться пошло, перерезать горло бритвой – банально, стреляться – из чего?, топиться – бррр! Остап машинально пошарил в нише склепа и вытащил какой-то предмет. Это был самопал¹, запрятанный каким-то мальчуганом. Самопал состоял из ложа трубки, заклепанной и залитой свинцом с одного конца, с прорезью. Сверху в трубку заталкивались спичечные головки, сверху также заталкивалась сера. К прорези подносили горящую спичку и стреляли. Остап вспомнил, что в детстве тоже играл такими самопалами. Вспомнил, что на его глазах один мальчуган, пугая другого, слишком близко поднес спичку к прорези и убил его наповал. В мозгу Остапа зародился адский план. Вынув коробок спичек, он стал методически счищать серу в ствол.

– По крайней мере, это будет оригинально, – пробормотал он, запихивая серу последней 10-рублевкой. Пули у него не было. Вместо пули он вложил 50-миллиметровый гвоздь и вдавил серу в прорезь.

– Жизнь пуста, бездумна и бездомна! – иронически процитировал Остап Блока, беря ствол в рот, а ручку опуская на ствол якоря. Остап поднес спичку к прорези и услышал шипение. Прошла доля секунды, и раздался хлопок. Выстрела Остап не услышал, но почувствовал сильный удар в затылок изнутри. Покачнувшись, Остап упал, и уже

каким-то мысленным взором увидел бежавшего ему навстречу, своего отца, турецкого подданного Сулеймана Берта-Мария Бендер-бея, в пестром халате и в войлочных туфлях с загнутыми носками. А потом он полетел в пропасть.

Аминь.

15 марта – 24 марта 1959

ЛАМПА АЛЛАДИНА***

Вова К., ученик...-го² класса, учебный год закончил хорошо, на 4 и 5, и теперь, сдав все экзамены, целый день проводил на речке. Вволю поплавав, он выходил на берег и лежал на горячем песке. Однажды, лежа таким образом, он увидел странного незнакомца. Вернее, не незнакомца, а его туфли (Вова лежал на спине). На туфли незнакомца стоило посмотреть. Во времена халифа Гаруна они бы никого не удивили, но в наше время... Это были мягкие, войлочные туфли, причудливо расшитые, с невероятно загнутыми носками. Вскочив на ноги, Вова увидел яркий шелковый халат, пышную белую бороду и не менее пышную чалму.

Незнакомец был худым, смуглым и старым.

– Вы из цирка? – вежливо спросил Вова.

– Нет, я коварный магрибинец, колдун и волшебник!

– Что? Магрибинец? Какая странная фамилия! А впрочем, ничего, у нас в классе Колька Заяц есть. Это похуже.

– Послушай, – продолжал магрибинец. – Ты мне сразу понравился. Ты можешь оказать мне большую услугу. Я поведу тебя в подвал, где золото лежит мешками. Набей себе золотом карманы, а мне вынеси оттуда только старую медную лампу.

– Ну, нет! – сказал Вова. – Вы предлагаете мне ограбить банк?! Витька с нашей улицы трубку в автомате срезал. И то чуть в колонию не пошел... Идите себе, гражданин, подалее, не то я милиционера позову.

Коварный магрибинец, несмотря на все свое могущество, милиционеров боялся, а потому поспешил скрыться. Лампа Алладина так и осталась под землей. Да и была ли она? Откуда в наше время может взяться лампа Алладина?

Это был очень упрямый маленький подсолнух.^{***} Его наклоненная головка неизменно торчала в одном направлении на Восток. (Как и булава гетмана Хмельницкого.) До полудня солнце грело его, а затем уходило за крышу дома. Но подсолнух весь день и всю ночь не поворачивал голову, упрямо веря, что солнце вновь появится именно оттуда, куда он смотрит. Это был очень оптимистичный подсолнух.

Впрочем, как правило, солнце поднималось с Востока.

1961

ЯБЛОКИ

Я съел яблоко.

Большие красные яблоки лежали в хрустальной вазе такой горкой, как пушечные ядра на какой-то картине, изображающей палубу пиратского корабля. Впрочем, с этих яблок тоже можно было бы писать картину. Я где-то видел такую.

Пришла жена. Обычно она возвращается с работы раньше меня, но сегодня задержалась. Странно. Вообще-то она, на зависть остальным врачам районной поликлиники, кончает работу ровно в пять, независимо от того, сколько больных пришло на прием. Как-то здорово она умеет распределить время так, чтобы на каждого пришлось пять минут. И если кто-то пробыл у нее лишнюю минуту, то со следующим она справится за четыре. Только я не хотел бы так лечиться.

Сейчас придет Лиля. Мрачная, потому что ее подруга выходит замуж (ее подруги все время выходят замуж), и еще потому, что у нее самой слишком уж веселая работа – она массовик Дома пионеров.

И если Сережа не опоздает к обеду, то через час, когда все сядут за стол, получится очень красивая семья: отец, мать, дочь и сын. И с нас тоже можно будет писать картину. Я видел много таких картин, но до сих пор не могу понять, почему эти слишком благополучные люди, сидящие в мучительно-неестественных позах, называются социалистическим реализмом.

Я съел яблоко.

Оно было очень большим, и для того, чтобы укусить его, пришлось широко раскрыть рот.

Жена помыла руки и вошла в комнату. Я машинально поглядел на часы и убедился, что руки она мыла десять минут – как всегда. Руки жена моет тщательно. Еще бы – сегодня она здоровалась за руку с коллегами, осматривала больных, держалась за поручень в троллейбусе, доставала мелочь из кошелька. Я немного сочувствую ее микробам.

Ого, что-то случилось. Я не услышал обычного «Добрый вечер».

– Послушай, – сказала жена, – только что я видела, как Сережа шел по нашей улице в обнимку со своей девушкой. И то сказать – девушка! Девчонка в маминых туфлях, покрашенная, ей и четырнадцати лет нету. Конечно, я понимаю, у семнадцатилетнего мальчика есть определенные потребности, но так, прямо на улице. Это может плохо кончиться для Сережи. Она совсем маленькая.

Я съел яблоко. Маленькая – из морской раковины – пепельница вмещала только два огрызка. Этот я положил в карман пиджака.

Я видел его девочку. Ей лет пятнадцать, и едва ли она красится. Я не думаю, что существует проблема отцов и детей, по-моему, хорошие люди поймут друг друга независимо от их возраста. И к подлецам, молодым и старым, я отношусь одинаково. Но почему Сережа молчит? Почему он не разговаривает по телефону дома, а идет на угол в автомат? Почему он учится в одиннадцатом классе, где, кроме него, пять или шесть мальчиков, а остальные девочки? Один раз он сказал, что хочет работать и учиться в вечерней школе, я ему не позволил, и с тех пор об этом разговора не было. Почему он так послушен? Почему любит эту девочку?

Я съел яблоко.

Нет, наверное, если написать с нашей семьи картину, критики найдут недостатки. Нет, – скажут, – представителя старшего поколения. Этакой, знаете, бабушки-старушки.

Моей мамы, которая умерла в этом году. Я люблю жену и детей, Лилю меньше, Сережу – больше, но самым дорогим человеком для меня была мама. Многие считают, что не бывает непоправимых утрат, и действительно, люди понемногу забывают горе, и это хорошо. Но я не молод, все, что со мной должно было случиться, уже, наверное, случилось, а потерю матери...

Я ни разу не предложил ей переехать в город. Дом и сад я бесплатно отдал соседям – дочке тети Марьи и ее мужу Ивану, и жена ни слова не сказала мне. Скупости в ней нет.

Иван привез нам в подарок корзину яблок. Корзина стоит на балконе – там прохладнее, – а с десяток яблок лежит в комнате в вазе. Когда они

темнеют, жена отдает их на съедение, а в вазу кладет новые. Я съел яблоко.

Два коротких требовательных звонка. Это Лиля. Раньше, когда она училась в школе, никогда нельзя было знать, как она позвонит в дверь – громко и неуверенно или громко и радостно. Теперь она звонит одинаково. Конечно, я понимаю, что манера звонить в дверь мало говорит о характере человека, и все-таки, что-то изменилось в дочери.

Лилия в хорошем настроении. У подруги не свадьба, а день рождения, и к семи часам Лилия поедет к ней. Живет подруга на окраине, в одном из двадцати совершенно одинаковых пятиэтажных домов, и Лилия останется у нее до утра. «Все остаются, и я тоже останусь. А утром меня проводят домой». До сих пор она всегда ночевала дома. Не думаю, что это чему-нибудь помогло или чему-нибудь помешало, но ночевала она только дома.

– Она должна вернуться вечером, – сказала жена.

Я съел яблоко.

Лилия смотрела на меня заискивающе и вместе с тем угрожающе. Как собака. Лилия... Я не знаю имени, которое бы так не подходило ей – коренастой, плотной, с неожиданно тонким носом, над которым блестят толстые стекла очков. За ней никогда не заходят домой – ее ждут где-нибудь на остановке троллейбуса, но, провожая, обязательно заходят с ней в парадное. Она стала очень аккуратным, очень точным человеком. Привыкла, что тот, кто назначил ей свидание, больше десяти минут ждать не станет.

А Сережи нет. Я так ясно представил себе, как он идет по нашей улице со своей девочкой, как на них глядят, как он сам смотрит на нее, как будто был там, рядом с ними.

Пусть Лилия идет. Пусть остается там хоть на ночь, хоть на неделю.

– Она должна вернуться вечером, – сказала жена.

Яблок больше не было, и поэтому я сказал:

– Отстаньте от меня! Я приду через час.

1961

Сначала эти было похоже на сердечный припадок – тошнота и ощущение какой-то странной пустоты, и кончики пальцев стали совсем холодными. Пауль лег, но от этого стало еще хуже.

проза
проза

– Ну что ж, – подумал он, – сегодня ночью я умру. Ничего худшего случиться не может, а это не так уж страшно.

Он встал, закурил сигарету и стал ходить по комнате.

Он еще несколько раз ложился и снова вставал и курил и только тогда понял, что это не сердце, когда почувствовал знакомую и ни с чем не сравнимую холодную тяжесть под языком, как будто туда положили металлический шарик. Он знал, что сейчас его вырвет, и очень боялся. Этот страх сохранился в нем с детства – прокисшее молоко, школьные бутерброды и школьные уборные, а потом совершенно противоположное и болезненное движение пищи по пищеводу, и резь в носу от желудочного сока, и знакомый вкус во рту, и во всех взглядах смесь сочувствия и брезгливости.

Он старался дышать как можно глубже, но тяжесть под языком не проходила, и Пауль ждал, когда станет совсем невыносимо, тогда он наденет туфли и пойдет в уборную. Он решил, что в коридоре будет держаться за стену.

– Снова эта река, – думал Пауль. – В третий раз она пытается меня убить. Неужели на этот раз выйдет?

Ему было десять лет, когда он научился плавать. По реке плыл пароход, играла музыка, на палубе танцевали, и он поплыл к пароходу, сам не зная зачем. На середине реки Пауль попал в водоворот, и его потащило на дно. Пароход проплыл мимо, один из оркестрантов прыгнул в воду, нырнул и вытащил его.

Пауль навсегда запомнил зной этого июльского дня, холод речной глубины и расплывчатую тушу парохода, на которую он смотрел сквозь слой воды.

Во второй раз ему было 16 лет. Где-то прорвало канализационную трубу, и в реку попали нечистоты. Пауль заболел брюшным тифом, и никто в целом мире не мог бы сказать, как ему удалось выжить после того, как он пролежал 3 недели с температурой 40 градусов, и 3 недели его сердце билось так, как будто хотело вырваться из груди, и в такт каждому удару у него дрожал левый сосок.

– Черт меня дернул ходить вчера на реку, – думал Пауль. – И черт бы побрал эту реку!

Он думал о том, что тысячи людей купаются в этой реке и ни с кем ничего не случается. И о том, что тысячи людей живут в этом городе, влюбляются, женятся, обедают, воспитывают детей и вполне довольны, и только ему здесь невыносимо и хочется бежать отсюда, куда глаза глядят, хотя он знал, что эпидемия брюшного тифа была повальной и что сотни молодых людей не меньше его ненавидели этот город.

Его выворачивало наизнанку. В нем больше ничего не осталось, и он возвратился на свой диван, но судороги продолжались и становились все мучительнее. Лицо Пауля стало зеленым, а глаза налились кровью. Мысли бегали все быстрее, перескакивая с одного предмета на другой. Он видел маленькое средневековое княжество, княгиню – высокую рыжеволосую женщину и себя – бледного в черном бархатном камзоле. Княгиня боготворит его, она забыла свой титул и своего покойного мужа ради безродного выскочки Пауля. Но бароны его ненавидят, он обречен. Он знает, что ему не поможет ни короткий меч, с которым он не расстанется, ни швейцарская охрана, которую к нему приставила княгиня. А иногда неистовая любовь княгини кажется ему еще страшнее, чем ненависть врагов. И бароны добрались до него. Княгиня своей рукой поднесла ему этот кубок, не зная, что там яд. Ну что ж, он мужественно встретит свою смерть. Но ему становилось все хуже, и он медленно вернулся в XX век, твердя по дороге любимое место из 7-го псалма: «Помилуй меня, Господи, в милости Своей, ибо в смерти нет памятования о Тебе, и во гробе кто будет славить Тебя?»³

– О, Господи, когда все это кончится! – прошептал Пауль и попросил мать вызвать скорую помощь.

Когда они приехали, ему было лучше настолько, что он рассмотрел доктора – высокого упитанного брюнета, и медсестру, и даже подмигнул студенту-практиканту, который сидел на стуле у стены и вытягивал шею, стараясь увидеть, что делают с Паулем.

У доктора были огромные руки и твердые сильные пальцы. Он давил ими на живот Пауля в разных местах и каждый раз спрашивал:

– Больно?

– Боль в области кишечника, – сказал он, наконец, хотя Пауль чувствовал совершенно одинаковую боль всюду, куда давил доктор. Но судороги прекратились, и Пауль весело думал, что доктор – дурак, и что если бы он надавил на колено Паулю своей лапой, ему тоже было бы очень больно.

– Инфекционное отравление, – сказал доктор. – Думаю, что промывать желудок уже не требуется.

Он дал указания сестре и цыкнул на студента, который, было, при- встал со своего стула.

Укол, белая таблетка, черная таблетка, порошок.

– Все, – сказал доктор. – До утра все пройдет. День постельного режима, ничего острого, ничего мясного.

– А кефир ему можно? – спросила мать, и Пауль подумал, что она выполняет какой-то ритуал, потому что ведь и так ясно, что ни к острым, ни к мясным блюдам кефир не относится.

– Можно, – сказал доктор. – Спокойной ночи.

Паулю захотелось спать. Он перевернул подушку, уткнулся щекой в ее холодную мягкость и пожелал матери спокойной ночи.

– Спи спокойно, – ответила мать, погасила лампу и тоже легла.

Они будут спать спокойно до утра, до тех пор, пока мать пойдет в магазин за кефиром и не сможет открыть дверь. Она будет долго поворачивать ключ в замке туда и назад и не скоро поймет, что двери и ставни их дома забиты и завалены снаружи. Но она так и не узнает, что Пауль болен той новой разновидностью холеры, от которой нет лечения и которая выкашивает целые народы, и что ей самой только на несколько часов суждено пережить сына. Не узнает она и того, что единственным человеком во всем мире, который вспомнит о них в это утро, будет доктор, и что свои размышления он закончит изречением из Евангелия: «Пусть мертвые хоронят своих мертвецов».

1961

КОНТРАСТЫ***

Дневник писателя

Не так давно мне пришлось лететь в самолете ИЛ-18. Меня впустили в самолет задолго до вылета, в салоне никого не было. Я подошел к рубке летчика и заглянул в открытую дверь. Летчик, такой же, как все летчики всех кинофильмов, говорил своему товарищу, очевидно, второму пилоту:

– Ну и машина была у меня раньше! Приборы, и то еле привинчены.

Я подумал, что уж, наверное, все приборы в этом самолете прибиты здоровенными гвоздями, а по автопилоту, чтобы прочнее стал на свое место, дали пару раз молотком.

Заметив мою улыбку, летчик улыбнулся в ответ, и попросил меня пройти в салон.

Ну кто станет прибивать чуткие приборы кувалдой? Что ж, в Лебединском районе Сумской области, где я живу, мне приходилось наблюдать не менее разительные контрасты.

[1962]

Ни в одной аптеке нет талька, бесполезно и спрашивать. Просыпаясь утром и не знаешь, что делать со своим лицом. За день морщины немного разглаживаются, но с утра они такие глубокие и страшные, что просто жить не хочется. Мне подарили полкоробки пудры «Кармен», но я не могу ею пользоваться из-за отвратительного приторно-сладкого запаха, и все равно розовые полосы на грязно-зеленом фоне выглядели бы уж слишком странно. А талька нет ни у кого, даже у министров.

Все ругают химиков, но они не виноваты. Новые пластмассы отправляют на военные заводы, вот им и приходится делать лица из резины самых низких сортов. Эти лица снашиваются за какой-нибудь месяц-полтора, и никакой массаж не помогает – я пробивал.

Странное дело: все это, казалось бы, должно было привести ко всеобщему бесстыдству, но получилось наоборот – все стыдятся своих лиц.

1962

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УБИЛ ГИТЛЕРА

История человечества – это дорога, трудная и не всегда прямая. И все, что было на этой дороге, и плохое, и хорошее, все это с нами, все это принадлежит настоящему и будущему точно так же, как прошлому. Поэтому всякая попытка вернуться назад по этой дороге и что-то изменить нелепа и обречена на провал.

Академик Иван Алексеев. Речь на закрытии Центрального Института Поправок Мировой Истории (ЦИПМИ), Москва 2437 г.

Я историк. Многие люди до сих пор считают историков книжными героями, которые с головой ушли в прошлое и ничего не знают о своем времени. Пять лет назад историки были как раз такими и 5 тысяч лет назад – тоже (интересно, в какое прошлое тогда уходили?). Но после того, как в Комитет Шестнадцати избрали четырнадцать историков, история стала наукой наук. Сейчас историки занимают высшие посты в государстве. И это естественно: только человек, изучивший прошлое до мельчайших подробностей, может правильно руководить настоящим и будущим. Так что нынешние историки разбираются в современном мире лучше всех.

проза
проза

А моя дурацкая затея с падением на работе объясняется тем, что я, как говорится в одном милом анекдоте, «не историк, а только учусь». Я учусь на предпоследнем курсе Цен III Истории, поэтому о двух последних столетиях я знаю только понаслышке. Мы этого еще не проходили. Достаточно мне было заглянуть в Кодекс, чтобы понять, что 14 поправка категорически запрещает изготовление и использование человекообразных роботов, а 94 пункт разрешает Совету Шестнадцати «установить тайную слежку за человеком или группой лиц, которые намереваются изменить существующий порядок, а также при обстоятельстве альфа». Я просмотрел несколько семантических справочников, но ни один из них не упоминал это таинственное обстоятельство.

Я сразу заметил, что за ним следят. Их было семеро, и у них был скользкий график. В то время я проходил повышенный курс тренировок памяти и уже через неделю знал совершенно точно, кто из них будет сопровождать его на прогулке, а кто придет чинить его птицелет. Сначала я думал, что это роботы, потому что не мог представить себе человека, который согласится следить за другим человеком. Правда, у одного из них был насморк – болезнь одинаково редкая и у людей, и у роботов, но с тех пор, как кибернетикой стали заниматься психологи, можно ожидать чего угодно.

Я решил наблюдать. На первых порах меня развлекала эта своеобразная слежка за выслеживающими, но уже через несколько дней я был совершенно выбит из привычной колеи занятий и тренировок. У меня расшатались нервы. На улице мне казалось, что за мной тоже следят. У меня выработалась бесшумная походка и привычка все время оглядываться. Особенно донимал меня нелепый вопрос: люди это или роботы? Способ, которым я решил это выяснить, был еще более нелеп.

По утрам он прогуливался по дороге, а метрах в 15 позади шагал очередной мальчик. Мой план был прост: выйти на дорогу, пропустить его, подождать, пока его преследователь поравняется со мной, притворно споткнуться и выброситься всем телом на этого следопыта. Я понимал, что робот вовсе не обязательно должен задребезжать в ответ на мое падение, что, скорее всего, он сделан из биоматериалов и не отличается от людей на ощупь (если он вообще отличается от людей). Но соблазн был непреодолим. Услышав знакомое «апчхи», я, не раздумывая, выскочил из дому и побежал вслед за ним. Мне прекрасно удалось имитировать падение, но в последнюю секунду этот гад чуть-чуть отстранился и, не оглядываясь, пошел дальше, а я отправился домой антисептировать разбитый нос.

Но эта слежка казалась мне отвратительной. У меня в голове вертелись зловещие названия тайных разведок прошлого: сигуранца, фэбээр... Я понимал, что государственный строй нужно защищать и что для этого все средства хороши.

– Конечно, я знаю, что за мной следят, – сказал он, усаживаясь в мое любимое кресло. – Нет, нет, я не собираюсь свергнуть руководителя. Правда, я не испытываю к нему особого уважения хотя бы потому, что воспетый в стихах шрам на лбу у Первого Среди Равных – моих рук дело. Сильно подозреваю, что всю свою дальнейшую жизнь он посвятил тому, чтобы подтвердить мои наихудшие предположения на его счет. Но свергать его я не собираюсь. Все дело в обстоятельстве альфа.

– А что это такое? – робко спросил я.

– Неужели вы не знаете? Обстоятельство альфа – это убийство. Я убил человека.

Меня поразили даже не слова, а спокойствие, с которым он их произнес.

– А как вы попали на материк? – спросил я намеренно грубо.

– Меня держали на Острове тридцать лет. Кроме того, я попал в обстоятельство альфа пятьсот лет назад. Вам это не кажется смягчающим обстоятельством?

– Сколько лет назад?!

– Пятьсот. Я убил Гитлера.

– А как вам удалось попасть в XX век? – наконец, выдал я. (Идиотский вопрос, лучше бы спросил о подробностях. И вообще полегче с ним – вот угораздило!)

– Молодой человек, – начал он не спеша, – судя по вашим эполетам, вы историк. Мне бы не хотелось вас обижать, но я глубоко убежден, что Джон Гринфилд, который двести лет назад писал о дураках, плохо знающих даже свое дурацкое ремесло, имел в виду именно историков. Неужели вы ничего не слышали о машине времени?

– Нет, я, конечно, слышал, но боюсь, что я не помню некоторых подробностей (вот так, спокойно, без категорических утверждений, лучше с ним соглашаться. Машина – так машина).

– Подробностей! – передразнил он. – А о парадоксе Уэллса вы знаете?

Уэллс... Английский писатель XX века (снова XX век)... Автор 27 романов, из которых до нас дошел один. «Война миров»...

– Не припоминаю...

– Хорошо, – сказал он, резко поднявшись. – Вы не совсем безнадежны. Весь квартал знает, что за мной следят, но только вам пришлось в го-

лову предупредить меня. А я все равно должен рассказать кому-нибудь эту историю. Но я устал. Завтра в это время я приду к вам и расскажу о том, как я убил Гитлера. Я не зову вас к себе, потому что... – он замялся. – Одним словом, я приду к вам. Вы должны обещать мне, что не станете прятать в комнате фотографа и не будете пытаться записать мой рассказ.

Я охотно пообещал, и он ушел, высокий, седой, с выправкой лейбгвардейца. Человек, который убил Гитлера. Не то чтобы я поверил ему, но я понимал, что все это может оказаться правдой. Мне уже не хотелось думать, что он просто сумасшедший. А что еще могло все это значить? Очередная психологическая проверка в школе? Уж не собираются ли они назначить меня президентом курса?..

1967

Невозможно разговаривать.*** Попробовал поговорить с паровозом, через 2 минуты выясняется, что все мои подтрунивания по поводу рельсов, с которых он не может свернуть, и вагонов, которые он должен таскать, давно ему известны, впрочем, как мне известны его усталые отговорки, что кто-то должен это делать, а что до вагонов, то раз мы вместе, значит, вместе.

[1967]

Было пасмурно и холодно, особенно мерзли руки, потому что перчаток он не надел и нес две тяжелые корзины.*** Маленькая старушка стояла у входа в булочную и просила милостыню. Потом, вспоминая, он старался не думать об этой мучительной детали, но тогда ему показалось, что когда он проходил мимо, старушка жалобно скулила, обращаясь именно к нему. Он всегда подавал нищим, всегда серебро, и в глубине души гордился этим обыкновением, находя, что в нем есть что-то вызывающе старомодное, даже аристократическое, может быть. Мгновение он колебался и все таки, как будто повинуюсь чужой воле, прошел в магазин, решив, что

расплатиться за хлеб и специально приготовит монету для старушки, но когда он вышел, ее уже не было. Он растерялся, прошел немного вперед, вернулся назад, свернул за угол к базару, где обычно сидели нищие, но ее нигде не было. Растерянное лицо, тяжелые корзины в обеих руках, рыжая борода, растрепанная ветром – прохожие удивленно оглядывались на него. И вдруг он понял, что никогда уже не найдет ее, потому что это была его старуха, и ждала она под магазином именно его, и это было испытание, которое он не выдержал, его искушение. Он вспомнил св. Антония и Христа на вершине горы и невесело улыбнулся. И поняв, что обречен и что теперь шансов на спасение не осталось никаких, медленно побрел домой. Ему уже не было холодно, наоборот, он чувствовал, что резкие порывы ветра радуют его, хотя и не смог бы объяснить, почему.

1968

НА ДАЛЕКОЙ ПЛАНЕТЕ

Нас вызвали в четыре часа утра. Сигнал тревоги дал **путевой обходчик**⁴ – нелепая должность, соответствующая приблизительно директору-надзирателю четвертого ранга, но я, хоть убей, не пойму, для чего нужен директор-надзиратель, если вся система состоит из двух стальных полос длиной в несколько километров. Впрочем, и систему, и должность придумали еще **живые**, **путевой обходчик** тоже был **живым**, и вообще от всей этой идиотской истории так и шибало **живыми**. Откровенно говоря, в первые два часа, пока шло предварительное следствие, я был уверен, что и преступление – их рук дело.

Она лежала поперек рельсов, настолько искореженная, что я долго не мог определить тип модели и серию выпуска: блокиратор памяти валялся метрах в шести от насыпи, а коррелятор объемного видения мы так и не нашли. Не могло быть и речи о **совпадении**, **не поддающемся прогнозированию**, потому что ее голова, руки и ноги были жестко прикреплены к деревянным параллелепипедам, которые называются шпалами и служат основанием для рельсов. Кроме того, выяснилось, что ее индикатор личной опасности был преднамеренно выведен из строя в результате удара тупым тяжелым предметом.

Пока мы все это выясняли, дрожащий **путевой обходчик** стоял на самом краю насыпи, и, казалось, вот-вот свалится вниз. Инстинктом угадав во

мне начальника, он все время старался поймать мой взгляд, и я подумал, что его испуг выдает его вину. Отсутствие красящего пигмента в волосах и глубокие складки на лице свидетельствовали о том, что он находится на стадии биологического распада – сильное психическое возбуждение мешало ему говорить, но пока мы гоняли свой вертолет за детектором лжи, он немного успокоился, и мы смогли допросить его.

Оказалось, однако, что он ни в чем не виноват, а его испуг объясняется той неадекватностью психологических реакций, которая и погубила в свое время цивилизацию живых. В принципе, полагалось бы прихватить его с собой, чтобы не болтал лишнего, но потом пришлось бы брать лицензию в 9-м отделе, заверять ее в Биологическом надзоре, и все это ужасно долгая канитель, так что мы просто отпустили его.

Осматривая паровоз – старинное самодвижущееся устройство на химической тяге, – я с удивлением обнаружил, что система управления рассчитана на живого оператора, и немедленно вызвал его на допрос. Но оказалось, что этот безумец осмелился уйти от Попечения – его указатель местонахождения не отвечал на позывные. Объявили всеобщий розыск, но я был почти уверен, что его не найдут, и не очень огорчился по этому поводу. Бедняга-оператор был только косвенным участником преступления. Ему просто не повезло.

Когда мы возвращались назад, к тому месту, где она лежала, я уже точно знал, кто преступники. И знал, как их найти.

Шли молча. Расстояние между шпалами было неравномерным, приходилось все время смотреть под ноги, и все-таки через каждые 20 – 30 метров я сбивался с ритма, а это раздражало и утомляло. Эта усталость, и тревожный, острый запах шпал, и чахлые кустики травы, и солнце, слишком знойное для апрельского утра, – все это сливалось в какое-то смутное, непостижимое единство и угнетало, и на душе у меня было тревожно и нехорошо. Мне все казалось, что вот мы сейчас придем, а ее не окажется на рельсах, и вместе с нею исчезнут остальные звенья причинно-следственной связи: ночной вызов, допрос путевого обходчика, побег оператора.

Но чудес не бывает, она лежала там, где мы ее оставили, и было странно и больно смотреть на это молодое мощное тело, так нелепо уничтоженное. Как она, должно быть, радовалась ощущению своей красоты и силы, как гордилась новой, недавно встроенной в нее системой, не зная, что эта система и послужит причиной ее гибели. Я не люблю говорить об этом, да и знаю не очень много – официальная информация была слишком скудной, – но вкратце дело сводится к следующему: новая система атави-

стического характера, она была создана для хозяев первых трех классов, по образцу системы биологического воспроизведения живых. Считается, что она увеличивает эмоциональную емкость, а также экзистенциальную заинтересованность в осуществлении программы. Система требует парного соответствия, и это привело к созданию новых моделей обслуживающего персонала для гостиниц и пансионатов Высшего Консультативного Совета.

Не надо быть великим детективом, чтобы представить себе, как все это произошло. Несколько хозяев низшего разряда, скорее всего, служащие того же пансионата, что и она, застали ее с кем-то из начальства, и впечатление оказалось настолько сильным, что их центры торможения не выдержали. Они и не знали о парном соответствии и попытались вырвать у нее силой то наслаждение, которого она все равно не могла дать им, даже если бы захотела.

В первый раз в жизни я не радовался успешному ходу следствия, не чувствовал высокого азарта погони, желания поскорее схватить и наказать преступников. Впрочем, можно было и не спешить. Все равно они не могли скрыться, как этот оператор паровоза. Хозяевам некуда бежать.

Сначала было озлобление, уязвленное самолюбие, комплекс неполноценности, который уже становится профессиональным заболеванием ОП, а потом только страх. Перед совершенным, перед наказанием, друг перед другом. Страх, который даже трусов делает храбрыми, а тупиц – находчивыми, привел их на рельсы заброшенной дороги живых.

«Заброшенной дороги живых», – повторил я вслух, и тут меня осенило. Эти слова объясняли все. Дорога не была заброшенной. Мы не подозревали о ее существовании, но живые ездили по ней, она для чего-то была им нужна. И движение было регулярным, – преступники заранее знали, что ночью паровоз переедет их жертву. А что, если существует целая сеть таких дорог? И промышленные объекты живых – может быть, подземные заводы, связанные этой сетью.

Мы спасли этот мир, мы упорядочили его и рационализировали, мы искренне заботились о благе уцелевших живых, но они злы и непокорны. Они не любят нас, они строят всяческие козни, норовят уйти от Попечения. Шайки бандитов и отщепенцев, вроде этого оператора, шатаются по нашим лесам, и против них не помогают никакие опрыскивания.

Но самое страшное не это... Было что-то символическое в том, как мы шли по их дороге, покорно приспосабливаясь к ритмии шпал. И если мы не спохватимся, может случиться так, что все наше общество, весь мир

пойдет по дороге живых, а это путь к гибели. Я подумал, что сегодняшнее преступление можно считать первым шагом на этом пути. Поводом к нему послужила система, скопированная у живых, а сущность преступления и способ, которым его пытались скрыть, заключались в создании необратимых деформаций – до сих пор к этому прибегали только живые. И пока они живут рядом с нами, пусть даже такие немощные, как путевой обходчик, и трусливые, как оператор, мы не можем считать себя хозяевами. Они угрожают нашему существованию. Самым правильным было бы уничтожить их. Всех сразу. Покорных и непокорных, ушедших от Попечения и оставшихся. Правда, существует Закон, но если бы найти какой-нибудь повод, какой-нибудь предлог, зацепку.

– Нам понадобятся пробы для спектрального анализа, – прервал мои размышления ассистент. – Судя по всему, преступники – служащие пансионата. Через десять минут я назову их номера.

Я не сразу ответил, но когда я заговорил, мой голос был твердым, а тон не допускал возражений.

– Нам не понадобится спектральный анализ, – сказал я. – Ее убили живые. Я полагаю, что существует разветвленный заговор против хозяев, о котором она каким-то образом узнала, пришла сюда, чтобы разоблачить заговорщиков, и была вероломно убита. Но мы отомстим за ее смерть!

1968

Когда читаешь короткие хлесткие строки, которые публикует «Литературная газета» под рубрикой «Бумеранг», журнал «Юность» и некоторые другие наши литературные издания, странное иногда возникает чувство. А уж не оскорбляют ли таким ответом, не уничтожают ли навсегда ростки таланта. Большого и подлинного. И в самом деле: цитаты из присланного начинающими литераторами бывают, как правило, какими-то выдернутыми, выисканными, а ответ презрительно-самодовольным. Уж не могло ли случиться, что если бы так отвечали некоторым известным писателям, то выглядело бы это примерно так:

Санкт-Петербург, А. С. П-ну.

«Хвалу и клевету приеми равнодушно
И не оспаривай глупца».

Стихи плохие. Хотите оспаривайте, хотите – нет.

Пятигорск, М. Ю. Л-ову.

«Земля тряслась, как наши груди...»

**Ждем Вашего описания битвы ахеев с амазонками.
(Вам бы цыганские пляски описывать,
а не генеральные сражения!)⁵**

Петербург, Н. А. Н-ову.

«Поэтом можешь ты не быть.

Но гражданином быть обязан!»

Ваши гражданские чувства делают Вам честь.

Петроград, А. А. Б-ку.

«Она пришла с мороза раскрасневшаяся,

Наполнила комнату

Ароматом воздуха и духов,

Звонким голосом

И совсем неуважительной к занятиям

Болтовней».

Такие стихи уже были. Вот, например:

Все счастливые семьи

Похожи друг на друга,

Каждая несчастливая семья

Несчастлива по-своему.

Все смешалось

В доме Облонских.

Москва, В. В. М-ому.

«Любовная лодка разбилась о быт...»

Спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

*М. Г-ому.****

Море – смеялось.

А, может, лучше так: море – смеялось [...]

«БОРИС ГОДУНОВ»**Отклики и реплики****I**

Быть может, моя мысль покажется парадоксальной, но я хочу сказать, что обычно творческая удача радует больше, чем творческий промах. Это утверждение с полным правом можно отнести и к «Борису Годунову», напечатанному на страницах январской книжки журнала «Поросль». Небольшая по объему пьеса молодого Александра Пушкина сразу же привлекла внимание читателей. Наша литература не впервые обращается к исторической теме...*

М. Малинина. «Кто убил царевича?». «Литературная неделя», 25/1 – 68 г.

***От редакции:**

Все материалы этой полосы печатаются в порядке дискуссии.⁶

II**ВОПРЕКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЕ**

Знакомясь с новыми номерами журналов, я, как историк, занимающийся историей России XVII века, не мог не обратить внимание на пьесу Александра Пушкина в «Поросли» (I). Она называется «Борис Годунов». В этом произведении молодой поэт попытался показать внутренний мир Годунова, Отрепьева и других исторических лиц. Образ старого Курбского, который, кстати, в пьесе так и не появляется, раскрывается так:

Великий ум! Муж битвы и совета! Несчастный вождь! Как ярко просиял Восход его шумящей бурной жизни...

Категоричность такого «тезиса», хотя бы и исходящего из уст изменника-самозванца, по меньшей мере удивляет.

Князь Андрей Михайлович – Курбский – достаточно сложная и противоречивая натура, чтобы о его облике и действиях можно было судить односторонне. Между тем, А. Пушкин именно так, односторонне трактует образ изменника-полководца, явно его идеализируя. Создается впечатление, что А. Пушкин даже не потрудился посмотреть фильм «Иван Грозный», правильно и объективно показывающий князя-рenegата.

Все сказанное дает право мне, историку, упрекнуть молодого поэта в легковесном обращении с историей и искренне пожелать ему более углубленно изучать историческую эпоху в связи с теми сюжетами, которые привлекают его творческий интерес и, так сказать, окрыляют его, с позволения сказать, поэтическую фантазию.

А. Старицкий, профессор. «Литературная неделя», 9/II – 68 г.

От редакции: «Литературная неделя» полностью разделяет мнение А. Старицкого.

III

ДВОЙКА ДРАМАТУРГУ

Считаю своим долгом сказать о том, что мешает нам в нашей работе. Я преподаю русскую литературу в шестых – седьмых классах средней школы. Но главная цель нашей работы не литература, а воспитание школьников на положительных примерах, имеющих в литературе, и, конечно, дисциплина. И поэтому вдвойне обидно, когда сталкиваешься с такими досадными помехами, как А. Пушкин и его «Борис Годунов». Попробуйте посадить школьника за «Капитанскую дочь», «Дубровского» и другие произведения, входящие в программу, когда во всех киосках продается журнал «Поросль» номер 1 со скандальной пьесой А. Пушкина. Хороший подарок нам, учителям, в самом начале третьей четверти!

Я со своей стороны сделала все возможное, чтобы ориентировать школьников на подражание положительным царевичам – Дмитрию и, особенно, Федору, который хотя бы по географии готовил домашнее задание. Но недаром народная мудрость гласит, что заразительны дурные примеры, а не хорошие. В настоящее время половина моих учеников ходит скособочившись, чтобы одна рука была короче другой, а некоторые специально выращивают бородавки на левой щеке, добываясь полного портретного сходств с Григорием Отрепьевым. Шестиклассник Саша К., играя в юродивого, насадил себе на голову детское ведерко и до сих пор не может его снять. Боюсь, что способный мальчик надолго выпадет из учебного процесса. Но даже не этот факт переполнил чашу моего терпения, а разговор, случайно услышанный мной в школьной столовой. Пятиклассник Жора Р. развязно хлопал по плечу пятиклассника Мишу Ц. и, указывая

рукой на школьную буфетчицу Анастасию Василисковну, которой он во внуки годится, приговаривал: не нужна тебе водка, а нужна молодка. Когда я спросила, что все это значит, он сказал, что они репетируют сцену в корчме на литовской границе. Сцена в корчме!!! А чего же ждать от следующей пьесы? Страшно даже подумать, в какие притоны поведет детей не в меру распоясавшийся драматург. «Кончился «Фантомас» – начался «Годунов» – горько шутят наши учителя.

Всякую пьесу можно назвать сочинением, а всякое сочинение можно оценить по пятибалльной системе. И я, как учительница, ставлю Вам двойку, Пушкин. А так как Вы, очевидно, и по возрасту годитесь мне в ученики, хочу сказать Вам просто, душевно, по-учительски: стыдно, Саша!

Т. Ларина, педагог. «Голос учителя», 22/II – 68 г.

IV

ВЫШЕ СТРОПИЛА, ПИСАТЕЛИ!

Строители – самая нужная на свете профессия, потому что они все строят. Писатели тоже нужная профессия, потому что они все пишут. Между этими двумя профессиями много общего: дома складываются из кирпичей, книги из слов. И самое главное – прочная кладка, чтобы не завалилось. Недаром еще древние греки говорили: *verba vilant, scripta manet**. А вот прочитал я недавно пьесу А. Пушкина «Борис Годунов» и сразу подумал: не взялся у него раствор. Молодой автор явно тщился сделать пьесу «под модерн», подражая таким буржуазным драматургам, как Сартр, Байс, Беккет, Кеес Фаркерк и др. Но модерн модерну рознь. Мы, строители, тоже имеем дело с модерном и знаем, что с ним нужно поосторожнее. Если мы, к примеру, коммунальную баню из стекла и алюминия отгрохаем, Пушкин нам за это первый спасибо не скажет.

Я не знаю, что именно хотел сказать автор последней ремаркой своей пьесы, но я хочу ответить ему. Народ не безмолвствует, товарищ Пушкин! Народ все видит и сумеет дать достойную оценку вашей работе. Смотрите же, чтобы вам не оказаться в положении человека, который построил дом на песке!

Г. Ланской, каменщик. «Культура и литература». 5/III – 68 г.

*Слова улетают, написанное остается.⁷

V

...Вызывает глубокое недоумение позиция редколлегии журнала «Поросль», предоставившая страницы журнала пьесе Александра Пушкина «Борис Годунов». С усердием, достойным лучшего применения, журнал пропагандирует незрелое и художественно слабое литературное произведение, оказывая тем самым дурную услугу не только читателям, но и молодому автору.

«Вечерняя газета», 11/III – 68 г.

VI

АФИША

24/III – 68 г.

ТЕАТР «СОУЧАСТНИК»

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

«БОРИС ГОДУНОВ»

ТРАГЕДИЯ

VII

У Вас нет лишнего билетика?

Из частного разговора

VIII

ПОДХВАТИМ ПОЧИН

В последнее время в наших литературных и молодежных изданиях стали широко публиковать бойкие – в виде серии сцен – драмы и трагедии на историческую тему. Действительно, история требует решительного

разговора, имеющего воспитательное значение. Однако позднейшие последователи Шекспира иногда в погоне за хлесткостью забывают о том, что убеждать читателя должна не только быстрая смена декораций и действующих лиц, но и логика развития всего сюжета.

Вообразим, что героями таких пьес оказались наши современники. Все это выглядело бы примерно так:

«БОРИСЬ, ГОДУНОВ!»

Кремлевские палаты. Капитан милиции Ш у й с к и й, лейтенант милиции В о р о т ы н с к и й.

Ш у й с к и й:

Наряжены мы вместе город ведать,
Но, кажется, нам не за кем смотреть:
Москва пуста.

В о р о т ы н с к и й:

А как же Годунов?

Ш у й с к и й:

Нам сообщили, будто он решил
Ограбить Грановитую палату.

В о р о т ы н с к и й:

Ужасное злодейство!
Полно, точно ль
Он мог решиться преступить закон?

Ш у й с к и й:

Перешагнет: Борис не так-то робок!
Какой позор для МУРа и для нас!

Рецидивист, налетчик, уголовник
Возьмет венец и бармы Мономаха.

Здание суда. Прокурор, Годунов, публика.

Прокурор:

Борис, Борис, все пред тобой трепещет,
А между тем, в просторном этом зале
Судья выносит приговор суровый,
Писатели сидят и журналисты,
И не уйдешь ты от статьи в газете,
Как не уйдешь ты от статьи УК!

Годунов:

Ничто, ничто... едина разве совесть.
Но если в ней единое пятно –
Душа сторит, нальется сердце ядом,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

*Все плачут. Годунова приговаривают к условному лишению свободы и
трудоустраивают.*

Дом Годунова.

Голицын, Мосальский, Молчанов и Шереметев.
Они входят в дом.

Один из народа: Зачем они пришли?

Другой: А верно вселять Бориса Годунова.

Третий: В самом деле – слышишь, какой в доме шум! Тревога, дерутся...

Народ: Слышишь? Визг? Это женский голос.

Отворяются двери. Мосальский является на крыльце.

Мо с а л ь с к и й: Народ! Мария Ивановна и сын ее Федор решили добровольно уступить свою квартиру Борису Годунову, чтобы он быстрее перевоспитался. Что же вы молчите? Разве вы не рады новому соседу?

Народ ликует.

«И в шутку и всерьез»

«Проблемы литературы», 4, 1968

1968

Я ніколи не чіпляюся з розмовами до незнайомих дівчаток, бо це, перше, неввічливо, а, по-друге, дівчинка ще бува подумає, що я в неї закохався і хочу стати її нареченим. А це дуже соромно, коли про тебе так думають. Та варто мені було один-єдиний раз порушити це правило, як на мене висипалась ціла купа пригод – таємничих, цікавих і небезпечних. І все ж таки я не жалкую, що заговорив тоді до Оленки, бо інакше мені тільки і залишалось би, що все життя читати в книжках про пригоди інших і заздрити тим, кому пощастило врятувати дитину з палаючого будинку чи захистити свою однокласницю від цілої зграї голодних вовків.

А ще я все життя мріяв написати книжку, тільки не абияку, а дуже хорошу, як «Граф Монте-Крісто» чи «Мауглі». Але я знав, що навіть в Літературному інституті не можна вивчитися на письменника, бо письменник мусить дуже багато знати і пережити сам. І я ніколи не наважився би взятися за перо, якби не Оленка: вона взяла з мене слово, що я опишу усі наші пригоди, бо вона боїться, що, доки виросте, стане дорослою, встигне забути про них, і навіть якщо їй хтось нагадає, не повірить, що таке могло бути, так само, як її батьки зараз не ймуть їй віри і кажуть, що вона надто багато читає і забиває собі голову не тим, чим слід. Між іншим, я гадаю, що ніхто не міг би сказати напевне, чим саме слід забивати собі голову.

Але усі хороші книжки починаються з самого початку, а з самого початку був спекотний літній день. І я ішов по доріжці великого парку над Дніпром, шукаючи зручну лаву – таку, щоб було трошки затінку і трошки сонця, щоб урна для сміття не стирчала перед носом...

1968

Ранок був напрочуд похмурий для цієї пори року, час від часу накрапало, і в кабінеті маестро палав великий камін. Перевівши погляд з цього каміну до таці на колесах з залишками сніданку – ячня з шинкою, вівсяна каша, полуничний джем, – Петро трохи роздратовано подумав, що золоті уста калабрійського народу – маестро Йованіс мав би бути менш англізованим. Він мовчав, ніби розгубився, не знав, з чого почати, та це було не так, бо свою промову Петро складав як поезію, обережно припасовуючи слово до слова, і навіть призвичаївся мовчки декламувати її щоранку задля віти. Але йому потрібно було відчуття, що він звертається до живого генія, духовного вождя великого народу, обожнюваного поета, який своїм життям морально виправдовував нікчемне Петрове існування і ще тисячі інших. І саме зараз, коли він, нарешті, зійшовся віч-на-віч з маестро Йованісом, це відчуття зникло, і марно він хапав очима сивого худорлявого чоловіка в коштовному едwabному халаті з золотим драконом на грудях.

– Прошу сідати. Накажете кави чи, може, гербати?

Почувши оцю «гербату» не в поетичному контексті, де вона здавалася чимось таємничо-прекрасним, на кшталт емшан-трави, а в буденній фразі, де вона знаменувала звичайну чашку чаю, Петро збагнув, що треба або починати, або негайно йти геть.

– Вчителю, – сказав він, – я прийшов до вас, бо я люблю вас. Ще десять років тому – мені ішов дванадцятий – коли ви щойно повернулися із заслання, ваші вірші були заборонені і ходили у зшитках, я палав вашим натхненням, марив вашими римами.

– Так, так, – задумливо урвав його маестро, – двадцять років в екзилі. Повернувшись, я цілував рідну землю.

– Вчителю, ви прийшли в цей світ [горня] мудрствувати й [горних искати], ваша душа – то вежа із слонової кістки, ви не бачите, що робиться біля ваших ніг. Людці й недолюдки хапають ваші поезії, бруднять їх своїми масними губами, здирають з них білі льолі, і мені млосно дивитися на це, ніби то гвалтують мою наречену.

– Двадцять років в екзилі, – знову повторив старий. – А чому ви не принесли своїх поезій? – запитав він несподівано.

– Бо я не поет, – відмахнувся Петро. – Вчителю, ви написали «розсіпати по розкритому лезу кров троянд». Це висока поезія, але в людей, що вивчили ці слова, справжні леза, і вони прагнуть справжньої крові. Вони

кричать про поезію, про волю, про боротьбу, бо вони хочуть різати. Вчителю, не дайте нам захлинутися у крові, повстаньте на них, бо вже приходить остання година.

– Зараз я вже не написав би «кров троянд», – знову урвав його маєстро. – Надто красиво. А втім, червоний – це добре, бо білий є колір святості і чорний – гріха. Митцеві залишається червоний – колір падіння і піднесення, гріха і спокутування, бо червоний – то суміш білого і чорного. Сьогодні я збирався написати вірша, що починатиметься словами «круки на кроквах». Як це вам?

– Це прекрасно, – відказав Петро і повторив, наголошуючи кожне «к» та «р», – «круки на кроквах».

– От бачите, – сказав маєстро, – інші теж говоритимуть про алітерації, про типи утворення асоціативних єднань, і ніхто не збагне, що це дуже страшно – великі, мокрі, блискучі – чорні круки на білих кроквах, немов на ребрах кістяка, забутого в степу. І це восени, а хату – не покрили, мабуть, родину спіткало якесь горе – помер батько чи син на засланні.

– Так, – погодився Петро, – цього не збагнуть.

Він підвівся, щоб іти, і стояв в ніяковій позі, поклавши руки на спинку фотеля. Унікаючи погляду маєстро Йованіса, він втупився в золотого дракона на його халаті.

– Прошу сідати, – сказав маєстро Йованіс. – Накажете кави чи, може, гербати?

1968

ДІЯТИ ЗА УСТАВОМ

– Чи, може, пан лейтенант гадає, що Устав Космічної Служби Сполучених Штатів складала дурні?!

Саме так він і думав. Два роки летіли вони до цієї Богом забутої зірки, і на протязі двох років, щонайменше десять разів на день, він стискав кулаки у безсилій люті проти тих клятих дурнів, недоумкуватих йолопів, знахабнілих канцеляристів, що вигадали цей устав. Це вони раз і назавше вирішили, що коли він, перший лейтенант Джемел, з'їдає свій обід, він має спитати дозволу в коמודора звернутися до полковника і спитатися в полковника дозволу вийти з-за столу. Це вони щовечора відсилали його до кібернетичного сповідальника – химерної суміші з католиць-

кого панотця, детектора брехні і телетайпу, примушували його двічі на тиждень грати в баскетбол. І трічі на тиждень навчати російської мови офіцерів корабля...

– Ні, пане комодоре першого рангу, я так не думаю.

Він не брехав. Коли вони нарешті прилетіли, група мас-спектрального аналізу повідомила, що за їхніми даними на другій планеті – вона була метою їхньої подорожі – іде велика війна з широким використанням ядерної зброї. Сьомий розділ Уставу набрав чинності, і Джеммел переконався, що ті, хто складав Устав, не були дурнями. Вони сіли на супутнику – голій, як долоня, кам'яній кулі, разів в десять меншій за місяць, на протилежному – відносно планети – боці. Супутник не обертався навколо своєї осі, тож його маса захищала їхній корабель від несподіваного удару. Через 20 хвилин Головна база була готова, пости протиракетної оборони зайняли свої місця навколо бази, пости спостереження були розташовані на зворотному боці супутника. Ще через десять хвилин два катери глибинної розвідки мали стартувати до планети.

Джеммелу було не до тям, як це виходить, що усі 200 чоловік екіпажу спритно, без найменшої метушні виконували свої обов'язки, кожен знав, що він має робити, і ніхто не заважав іншому; Ще більш дивовижним здавалося те, що усі їхні завдання були заздалегідь передбачені Уставом. А комодор першого рангу Річард Хогден славився своїм вмінням примушувати підлеглих коритися Уставу. І сам комодор сумлінно виконував вимоги усіх його параграфів. «Окрім першого, – завжди думав Джеммел, – того, що наказує «міркувати, за будь-яких обставин міркувати». Це йому, бідоласі, не під силу».

– Мені дуже приємно, що думки пана лейтенанта збігаються з моїми. Ви вільні. Поспішайте до своїх обов'язків.

– Слухаюсь, сер.

Звичайно, він знав, що стара мавпа не дозволить йому полетіти з розвідниками. Але він би ніколи не простив собі, коли б навіть не попросився. Це була його мрія, наївна юнацька мрія – першим вийти на невідомій планеті і заговорити до братів по розуму, яких він завжди уявляв собі схожими на людей. Ніяких розпитувань, ніяких допитів. Він би сказав їм, що два рази на два – чотири, чи що благословенні бідні духом, чи просто розкрив би їм обійми.

Він «поспішив до своїх обов'язків». За Уставом це був найслухніший момент для того, щоб перевірити Електричного Тлумача і змонтувати Електричного Слідчого – Електронного Ката, як називали його космічні

перекладачі. Ця клята машина робила з психікою чортзна-що. Вона про-ривалася в глибини підсвідомості, немов панцерник, руйнуючи усе навкруги, і від неї нічого не можна було приховати. Спеціальний закон не тільки суворо забороняв застосовувати до людей, але навіть вимагав від космічних екіпажів демонтувати її перед посадкою на Землю.

За півгодини усі вільні від вахти сиділи в кают-компанії. На великому екрані поволі пливли картини, що їх передавали розвідувальні катери.

Перший оберт. Два материки. Материк східної півкулі йшов з заходу на схід і нагадував Євразію, материк західної півкулі простягався від північного до південного полюса, неначе земні Америки.

– Як схоже на нашу Землю! Тільки Африки і Австралії бракує, – не втримався хтось з космонавтів.

– Навіть надто схоже, – подумав Джемел, коли на другому оберті катери знизались, і воші побачили зруйновані і спалені міста. На мить зда-лося, що в останньому з них якісь чорні фігурки порались біля палаючої будівлі, та все це промайнуло надто швидко. Ще одне місто, на цей раз непошкоджене, і біля нього маленький акуратний гайок, дерева нагадували величезні чорні стріли.

– Та це ж ракетна база! – заволав головний канонір. – Справжнісінька ракетна база!

І одразу ж за його словами, немов по сигналу, кілька дерев підстрибнули вгору і понеслися з екрану просто на глядачів. Джемел мимоволі відсахнувся... Коли він знову спіймав очима екран, він побачив, що поверхня планети катастрофічно наблизилась і випинається з екрану, неначе от-от вилізе. Потім вже на якусь частку секунди зупинилась і потому понеслася вбік суцільною брунатною стрічкою, з такою швидкістю, що годі було щось роздивлятися. Приймач включився автоматично.

– Майор Калліхам викликає командора. Гордого збили. Іду на північ, чекаю вказівок.

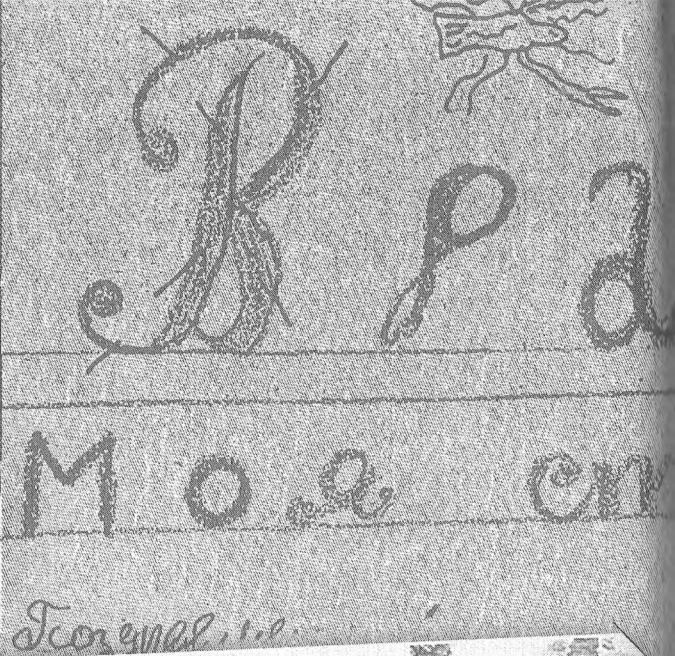
– Комодор Хагден наказує майору Калліхаму: курс північний полюс. Сісти у відлюдному місці, взяти проби ґрунту, повітря і води. При найменшій нагоді захопити бранця. Діяти за Уставом.

**ПІСЛЯЗАВТРА ПОЧИНАЄТЬСЯ ВІЙНА,
ВІДСВЯТКУЄМО СЬОГОДНІ ЦЮ ПОДІЮ*****

Настирлива мелодія бриніла йому в ухах, і від неї не було порятунку. Це була їхня пісня. П'ять, ні, шість років тому Чикагський університет, студентські дискусійні клуби. Їх дражнили «високочолими», і вони з гордістю, немов почесний титул, носили це прізвисько. Післязавтра починається війна, відсвяткуємо сьогодні цю подію...

01

02

Фото з архіву
сім'ї Кисельових:

- 01 Леонід – редактор
стілгазети «Враки»
- 02 Володимир Кисельов
Із синами. Одеса. 1961 р.
- 03 «Враки» – щойно з «друку»

Всё, что написано здесь враки и ложь

ВРАКИ И ЛОЖЬ. 23/54

Моя стенгазета!

Горючее 1 номером!

Итак, дорогие вы мои 1 номер моей газеты, 'Враки', которую будет теперь выходить каждой день, пока штык не навозит. Здесь я буду печатать интересные истории, приведены они в газету свои и чужие статьи. Заглавие 1 экземпляра. Стоимость — не грабастать. Итак прошу свободить и печатать мою газету. И. Гиселёв. чл. редактор.

 Борьба света.

 Литература
 Авторизм в стихослове.

Осен не сможет быть пущим, как пущт осам не сможет... Хотя, конечно, в основном они друт. с друзьями своих. Паша Пухляковский.

Совет женщинам

Не печатайте на машинке — от этого твердеют и грубеют пальцы. Иван Федоровский.

1. Гизенхауер принял все предложения Советского Союза по вопросу о запрещении атомного и водородного оружия
2. В Боннском восточном министре отстранен от дел и посажен с сумасшедшими дам
3. Гередаваго писал эгоистично на тему "Виднатики, не пускайте к себе Советов!"
- 4) Швеция, Норвегия и Финляндия объединились в одно Скандинавское королевство. Король — Карл VII (Фолькванг) Врандильский.

Совету Министров СССР (председатель: министр обороны, министр финансов и министр печати). Обращается в редакцию

И. Гиселёв, Времениковский, Будинский, Федоровский, Третьяков, Сидяков, Сто-Жилин, Беднаковский и доктор литературы Густоманов Идентикский.

Зошит шостий / Тетрадь шестая

1958 –
1968

статті
статьи

1958 – 1968

*Нина:****

Я, кажется, больна.

И голова в огне – поди сюда поближе.

Дай руку – чувствуешь, как вся горит она?

Зачем я там мороженое ела,

Я, верно, простудилась тогда.

Не правда ли?

Арбенин (рассеяно):

Мороженое? Да...

Лермонтов. «Маскарад»

Случилось это 12 января в лето 1958 от рождения Христова (в которое наука, а следовательно, и я не верю). Вообще есть мороженое опасно. Во-первых, можно простудиться, во-вторых [...]

от чего умерла Нина Арбенина. [...]

раз речь зашла о мороженом [...]

одну историю. Мне было 6 лет [...]

запретили есть мороженое [...]

мы с мамой и папой на Крещатике [...]

кондитерской. Как не зайти? И мы зашли. Разумеется, меня предупредили: «Ни слова тете Оле». Кушаем. Заходят два парня, берут по сто грамм и тоже едят. А на столе стоит по четыре бутылки с дорогим вином. Они поели, половину оставили и ушли. Я за ними не наблюдал, а просто, когда повернулся, то увидел, что их нет. Вдруг вбегает официантка. Лицо – как бумага. Оказывается, за тем столом, где сидели эти парни, вместо четырех бутылок – три. Потом, когда мы приехали домой, мне очень хотелось рассказать об этом тете, но я крепился. И по сей день тетя ничего не знает об этом случае. Но не буду [...]

от основной темы. Итак, 12 [...]

была нездорова и ей хотелось [...]

мороженое. Но в гастроном ни пи- [...]

ов не оказалось и мама по- [...]

папой привезти мороженое, и мы поехали. Ближайшие кондитерские – это одна на стадионе им. Хрущева, другая дальше, около площади Толстого. Когда мы туда ехали, я был уверен, что мороженого нет. Папа высказал предположение, что кондитерскую переделали в сосисочную. Но нет. Правда, там продавали пиво и сосиски, но мороженое тоже было. Папа заказал килограмм, и нам начали класть в бидон. (А бидон мы принесли с собой.) Вы, наверное, думаете, что шарики пломбира лепят руками, как снежки. Я тоже вначале так думал. Оказывается, вовсе нет. Мороженое набирают круглой ложкой [...]

чуть выравнивают пальцами [...]

ки техника. Вот нам положили мороженое [...]

поехали домой. Ехали в троллейбусе [...]

ли, меня все время интересовал [...]

растает мороженое,

Я бы погадал на ромашке, но в троллейбусе ни зимой, ни летом ромашки не растут. Можно еще, закрывши глаза, на пальцах, но в руках я держал бидон с мороженым, поэтому не мог.

Скажу пару слов о бидоне. Раньше с этим бидоном я ходил за молоком к Ольге Даниловне (за молоком). У нее была собака, про которую она говорила, что та очень страшная и кровожадная. Но она была значительно добрее, чем о ней говорили. (Приходят на память чьи-то стихи: Во дворе живет собака, а на воротах написано: «Осторожно: злая собака». Но собака добрая. Она никого не [...]

и ко всем ласкается. А дело [...]

хозяин собаки очень, очень [...]

этом самом бидончике я [...]

Наконец мы приехали. [...]

папа взял у меня корзину и нес сам. Постучали. Открыла мама. Папа сказал, что мы не достали мороженого, а я скорчил недовольную рожу. Мама взяла корзину, почувствовала что-то тяжелое и сделала вид, что знала про нашу шутку. Потом мама положила на тарелочки шарики мороженого, и мы принялись есть. Ели долго, но зато все съели.

Вот и все.

Послесловие

Мороженое было съедено, тарелки и бидон вымыт, а рассказ об этом перешел на страницы тетради.

*Киев. 20/І – 58
Издательство воскресных сочинений
Подписано к печати – 20/І – 58
Сдано в набор – в набор не сдавалось
Тираж – 1 экземпляр*

*Солнце всходит и заходит,**
А в тюрьме моей темно
Песня*

«Эдинбургскую темницу» написал Вальтер Скотт. Вальтер Скотт – английский писатель, писавший исторические романы. Что такое «Эдинбургская темница», легко догадаться. Раз темница – значит тюрьма. Раз эдинбургская – значит, находится она не в Лондоне, не в Париже, не в Берлине, не в Москве и не в Харькове, а именно в Эдинбурге. Итак, слегка перековеркав слова какого-то восточного поэта, кажется, даже [...]

сказать, что эту историю [...]

В. Скотт, ему еще кто-то. [...]

кто-то и т.д. и т.п. А дальше [...]

в глубине веков след обрывается.

Писать я буду не очень подробно, потому что пишу для тех, кто умеет читать, а они и сами прочтут эту книгу. А те, кто читать не умеют, и моего сочинения не прочтут. Основное положительное качество этой книги то, что она тянется медленно, медленно, как тянучка, которая лет пять-шесть тому назад еще продавалась в магазине. Главная героиня – Дженни – романтична. Для того, чтобы спасти свою сестру Эффи, она не хочет нарушать присягу, но она отправляется в Лондон, к королеве. Она (Дженни) чужа всем, она смешна своим пледом и резким шотландским акцентом, но свет не без добрых людей [...]

добрые люди ей помогают [...]

хозяин[ка] табачной лавки дает

лице, герцог Аргайл устраивает ей аудиенцию у королевы, и Дженни добивается спасения Эффи. Оказывается, что дед Батлера оказал услугу деду Аргайла, и Аргайл назначает его пастором одного из приходов своих владений. Девид Динс становится управителем молочной фермы. Дженни выходит замуж за Батлера. Несчастливо складывается жизнь Эффи с Стотоном. В том обществе, в котором она находится, она не может объяснить свое происхождение и поэтому вынуждена лгать. Конец романа трагичен. Стотон убит рукой собственного сына. Эффи уезжает в [...]

Этот роман уступает такому, например, роману, как «.....». [...] он очень хорош. Этот роман написан о простых людях, а не о королях, королевах, герцогах и министрах, как «Три мушкетера», «Двадцать лет спустя» и «Виконт де Блажелон» Дюма. Его герои не говорят громких фраз, они просты и правдивы. Роман уступает, например, такому роману, как «Янки при дворе короля Артура» Марка Твена, тут бледнее замысел, но все же он очень хорош.

(Примечание¹)

Вообще не так уж он мне нравится.)

Киев 27/1 – 58, 6.00 вечера

Издательство воскресных сочинений

*Перемена места – перемена теста.***
Шолом Алейхем. «Блуждающие звезды»*

*Перемена – перемененье света, арх. представление, кончина.
Владимир Даль. «Толковый словарь»*

В давние времена слово перемена связывалось с переменением, концом счёта. Так это или не так, но большая школьная перемена – сущее светопредставление. Большая перемена больше маленькой не по грандиозности перемены, а по продолжительности промежутка между двумя уроками. Эти 30 минут коридор напоминает улей, или, скорее, пруд. Маленькие рыбешки борются, бегают, дерутся, играют в перья. В перья [...]

на подоконниках коридора. Игра [...]

ках. На всех, кроме арифметики [...]

чтобы ее уважали, а просто в [...]

красный день Валентина Константиновна велела всем тем, кто играл на ее уроке, вывернуть карманы. После этой процедуры на ее столе оказалось не менее восьмиста перьев. А на всех остальных уроках, преподаватели которых не так бдительны, все равно играют.

Потом появляются рыбы более крупные – ребята из 6-х классов. Стайки играющих разбегаются: шестиклассники ловко подкрадываются и выхватывают перья. Вдруг раздаётся сигнал тревоги: на горизонте появляется учительница арифметики Валентина Константиновна, настоящий бич уроков. Все – [...]

же принимают независимый [...]

любуются природой в окно. [...]

время проплывает акула. [...]

Данила Григорьевич, про которого поют: «Господи помилуй завуча Данилу». С ним шутки плохи: может исключить из школы. Лучше вообще «смыться» из этого района. А иногда выпускают во двор. Тогда игра в снеж-

ки. Сначала ученики 7-х, 8-х, 9-х и 10-х классов избивают снежками нас, а потом, когда они уходят, мы избиваем снегом малышей, идущих в школу.

Кроме того ребята 5-6 класса увлекаются борьбой, и так вытирают пол, что он буквально лоснится. Техничка их разгоняет: они отбирают ее хлеб. Девчонки водят хороводы и т.д. и т.п., но мальчики с ними не играют. Но вот звенит звонок. Пора расстаться с шумным коридором и идти в класс.

Пора и нам с тобой расстаться, мой читатель, у нас урок английского языка, и я не могу задерживаться. Пора в класс.

1958

Паломничество в Киев начинается в мае и продолжается до глубокой осени. Постепенно настолько привыкаешь к наплыву гостей, что и время начинаешь отсчитывать не по календарю, а по дням встреч и прощаний: «Это было в тот день, когда приехали москвичи, а это случилось накануне отъезда ленинградцев». В этих суматошных, заполненных хлопотами днях есть своя прелесть. И дело не только в том, что удастся повидать старых друзей и снова наладить какие-то эмоциональные связи, недоступные самой регулярной и подробной переписке. Принимая гостей из других городов, особенно ясно чувствуешь себя не только жителем, но и хозяином Киева – прекрасного города на днепровских холмах, города-сада, как совершенно справедливо утверждают путеводители. Понемногу мною одолевает та комическая экзальтация по отношению к родному городу, которую обычно приписывают одесситам. Все время кажется, что гости не проявляют должного восторга, что Крещатик оказался им недостаточно красивым, а памятник Хмельницкому – недостаточно монументальным. Я лихорадочно соображаю, что следующую группу гостей я поведу по совершенно иному маршруту, что уж тогда они увидят, поймут и проникнутся...

И всякий раз я испытывал тягостное чувство в тот решительный момент, когда все подарки распакованы, все приветы переданы, и кто-нибудь из гостей бодро произносит ритуальную фразу:

– А теперь покажите Киев.

Самый простой выход – погрузиться на какой-нибудь вид транспорта, доехать, скажем, до Печерской лавры и с облегчением ввериться опытным экскурсоводам. Экскурсоводы сообщат массу полезных сведений и

немного разочаруют моих друзей рассказом о том, как совершенно точно доказала наука: хранящиеся в Лавре мощи принадлежат совсем не тем людям, которым их приписывают. Впрочем, гости воспрянут духом в Софийском заповеднике, узнав от тамошнего гида, что в гробнице князя Ярослава Мудрого действительно лежат кости Ярослава Мудрого. По дороге из Лавры в Софию можно рассказать, что станции Киевского метрополитена самые глубокие в мире, что в Музее западного искусства хранится картина Веласкеса «Инфанта» и что вообще Киев – это город-сад.

И все-таки совершенно непонятно, как нужно показывать Киев, непонятно, что нужно сделать, чтобы гости увезли с собой, в своей памяти, этот прекрасный город, по которому история то прокатывалась осадными машинами татарского нашествия, то скользила в сумерках провинциальной жизни, город, который пылал пожарами воен и багряными знаменами революционных битв.

Ленинградцам хорошо. Когда выходишь из Эрмитажа, весь город кажется продолжением этого музея. Кажется, что искусство всех стран, эпох и цивилизаций, вырвавшись из золотых рам, сорвавшись с музейных постаментов, ожило в архитектурных ансамблях финского, голландского или немецкого стиля, в голубой мечети и мраморных статуях Летнего сада. В этом городе, как писал поэт, «и камни улиц говорят».

Киев не строился по единому плану. Расстояние между новой гостиницей «Днепр» и Софийским собором измеряется не сотнями метров, а сотнями лет. Поэтому я выбираю другой маршрут: от Площади Комсомола по Крещатику, мимо старых домов – гордости довоенного Киева, мимо зданий, построенных сразу после войны, мимо совсем нового дома на углу Крещатика и Бульвара Шевченко, вверх по бульвару, по Владимирской, по площади Богдана Хмельницкого (серая голова гетмана на фоне золотых куполов Софии) и дальше, дальше, до того обрыва, на самом краю которого остановилась с разбега Андреевская церковь. А внизу Днепр, Подол и стелющийся к горизонту плоский левый берег Днепра.

Ранняя осень незаметно и мягко, как, по-моему, только в Киеве и бывает, переходит в позднюю. Гости разъезжаются, начинают прибывать письма. И о чем бы ни шла речь в письме, оно непременно заканчивается словами: «...и еще раз повидать Киев».

И я с удовольствием думаю, что моя экскурсионная деятельность не пропала даром, что очарованию Киева поддаются не только киевляне. Но в чем секрет этого очарования? Чем отличается Киев от других старинных городов, которых так много в нашей стране и за ее пределами?

Прежде всего, природа органически входит в архитектурный облик Киева. Принято считать, что всякий город является в той или иной степени наступлением на природу, ее «антитезой». Но для Киева природа такой же архитектурный материал, как камень, бетон или стекло, такая же примета стиля, как колонны в греческой архитектуре. Семь холмов, на которых расположен Киев, издавна были не только подножием, но и драгоценной оправой городских строений. Древние строители воздвигли Лавру на вершине холма, погрузили Выдубецкий монастырь в зеленую чашу между приднепровскими кручами. Той же логике подчинились, уже в XIX веке, авторы памятника князю Владимиру – скульптор В. И. Демут-Малиновский и архитектор А. К. Тон. Подножием памятнику служит не каменный постамент, а высокая Владимирская горка. И с этой высоты Владимир смотрит на волны Днепра, где он крестил Русь и где, возможно, до сих пор лежит золотой идол Перуна.

Но душа Киева – не только его зеленые холмы. Серовато-голубое зимнее или ярко-синее летнее небо над Андреевской церковью, желтеющая трава или белый до синевы снег у ее подножия – неотъемлемые части шедевра Растрелии. И Киевский университет – это не только здание академического типа, построенное в 1837 году, но и темно-красный фон для белых свечечек весенних и золотистых листьев осенних каштанов.

Существуют города (и старые, и новые), в которых чувствуешь себя, как на чопорном посольском приеме: все время хочется поправить узел галстука. Киев – город на редкость интимный, домашний. История народа воспринимается здесь не как пышная летопись, а как история собственной семьи. Особенно сильно это ощущение в старом городе, где дети играют на камнях того фундамента, на котором в 992 году была заложена Десятинная церковь.

Эта интимность старого Киева явно отличается от того, что можно назвать интимностью современной архитектуры. Стекланные стены кафе и вокзалов рассчитаны на людей, всегда подтянутых, людей, которые умеют красиво есть пирожки с мясом и красиво ожидать поезда. Вполне понятен ужас современных архитекторов перед жильцами, которые обезображивают фасады новых домов, развешивая на балконах белье. Но в старых киевских дворах понимаешь, что развешанное белье тоже может быть красивым, что без этих разноцветных лоскутьев деревянные флигели и замысловатые лесенки казались бы скучными. Такими же скучными, каким казался бы сам город без этих дворов и лесенок.

Похожие дворы и лестницы были непременным атрибутом итальянских неореалистических фильмов. И какую щемящую грусть, какую то-

ску они вызывали... Если бы я мог, я бы создал свой фильм о киевских дворах и лестницах. Но я бы постарался, чтобы в моем фильме эти дворы, лестницы и мостики были такими же милыми, добрыми и трогательными, какими я их вижу, когда хожу по городу. Такими, как длинная узкая деревянная лестница со скамейками на каждой площадке, что ведет от парка Ватутина к набережной, как ажурный мостик между Первомайским парком и тем же парком Ватутина.

Я вовсе не мечтаю о том, чтобы в Киеве навсегда сохранились дощатые флигели и узкие дворики, перегороженные веревками с сохнущим бельем. Я радуюсь тому, что им на смену придут дворцы из алюминия и стекла и коммунальные прачечные. Но перестраивать нужно осторожно. На смену старому архитектурному ансамблю должен прийти новый, лучший ансамбль. И только по тщательном размышлении можно решить, что сносить, что оставить и где застраивать.

Я очень люблю Киев, очень привязан к нему. Но когда я разговариваю с людьми, которые проектируют и строят здания-близнецы, когда я вижу новые массивы, где свой дом можно запомнить только по счету от угла, мне хочется уехать из Киева лет на двадцать. А потом приехать в гости к этим людям, которые готовы превратить весь Киев в один жилой массив. Упаковать все подарки, передать все приветы, а потом вежливо попросить:

– А теперь, покажите мне Киев...

1962

I

Исторический музей похож на поезд. Пассажир поезда видит из окна вагона людей, которые живут в сотнях километров друг от друга, никогда не видели друг друга и, наверное, никогда не встретятся. Но пассажир видел тех и других, он становится связующим звеном между ними.

Исторический музей – это поезд, который идет из прошлого в будущее, каждый посетитель музея чувствует единство эпох. Он становится связующим звеном между людьми, создавшими и пользовавшимися предметами, собранными в музее. И если милиционер из Фастова не захочет иметь ничего общего со спекулянткой, торгующей огурцами на станции Хутор-Михайловский, то связи, которые создает музей, не случайны, по-

тому что создатель каменного топора и конструктор угольного комбайна думали об одном и том же – об увеличении производительности труда и о том, чтобы труд стал легче.

В Киевском историческом музее рядом с казацкой саблей лежит компас Вячеслава Антоновича Квитинского.

II

Неярка природа Белоруссии, но куда бы ни поехал белорус, а закроет на миг глаза, и снова перед ним осеннее солнышко, убранные поля, паутинки бабьего лета. И вековые белорусские леса. Квитинский любил лес и хотел поступить в Гомельский лесной институт. Но, как это иногда бывает, увлечение победило любовь. В старших классах Вячеслав Антонович увлекся математикой и в 39 году поступил на физико-математическое отделение Ленинградского пединститута.

Квитинский не хотел быть военным. Военным было время, в которое он жил. Польские гусары с шашками наголо атаковали немецкие танки. Гитлеровский генштаб разрабатывал план «Барбаросса».

III

По призыву партии Квитинский ушел в армию с первого курса. И все-таки он считал себя не военным, а будущим учителем математики.

Давайте представим себе такой разговор:

Однокурсник Квитинского: Ты уходишь в армию?

Квитинский: Да.

Однокурсник Квитинского: А как же институт?

Квитинский: Место сохраняется за мной. Я вернусь в 42 году.

Однокурсник Квитинского: Нет. В 42 году ты будешь командовать диверсионной группой Волынского партизанского отряда. А через шесть лет придешь в Киевский университет. Героем Советского Союза, кавалером двух орденов Ленина...

Не было такого разговора и не могло быть. Свое будущее мы узнаем постепенно, по мере того, как оно становится настоящим.

Я несколько раз был у Квитинского дома, и, естественно, хозяин принимал меня одетым. Я не видел, как одевается Вячеслав Антонович, и жалею об этом, потому что читал, что быстрее всех на свете одеваются люди, кончившие до войны полковую школу. Наверное, полковая школа младшего комсостава 376 гаубичного полка не была исключением из этого правила. Но в этой школе учили не только одеваться. В партизанском отряде Квитинский был, пожалуй, самым опытным бойцом. Ему доверили самое грозное оружие отряда – ручной пулемет. А когда на базу отряда прибыла организационная группа Украинского партизанского штаба, Вячеслав Антонович приветствовал командира группы с тем шиком, который тоже приобретался только в полковой школе.

– О, да вы из кадровых! – сказал командир.

Командование группой подрывников поручили Квитинскому. Еще бы – артиллерист, участник финской кампании.

Ну что ж, математика сильно пригодилась в подрывном деле. А лес Вячеслав Антонович полюбил еще сильнее. Когда-то лес баюкал его своим шелестом, радовал лесными запахами и птичьим щебетом, а теперь лес укрывал его от врага и был его домом.

IV

Как началась война?

Наверное, большинство людей вспомнит четырехгранный рупор громкоговорителя или маленький радиоприемник – символ домашнего уюта, и еще раз удивится, что после сообщения о войне передавали музыку. Или вспомнит соседку по коммунальной, которая несколько лет не разговаривала с ним, а тут влетела в комнату без стука и крикнула: Война! Только что передавали!

Для Квитинского война началась проще. Полк стоял в шестнадцати километрах от границы. 22 июня, задолго до побудки, один из бойцов пошел в уборную (она была во дворе) и услышал дальние взрывы.

– Где-то в районе Перемышля, – определили товарищи, которых он разбудил. Больше никто не спал. А утром на машине примчался командир полка майор Наумов и приказал батарее немедленно выступать.

– Сейчас главное – сохранить материальную часть! – сказал майор.

376 гаубичный полк был резервом Главного командования. Его бросали с места на место, придавали то одной дивизии, то другой, и так до нового приказа выступать. Резерв Главного командования – это орудия самого большого калибра. Их нужно было сохранить.

Батарее Квитинского было легче отступить, чем другим. Они не оставляли населенных пунктов. Города и села, мимо которых они проходили, еще были советским тылом. Еще несколько дней осталось до того, как уйдут последние советские пехотинцы и появятся первые немецкие автоматчики.

Батарее Квитинского было труднее отступить, чем другим. Люди ни о чем не спрашивали. Женщины поили артиллеристов молоком.

Но люди смотрели. Смотрели на крепких, хорошо обмундированных солдат, на целые, без царапин, автомобили, на грозные пушки, направленные в сторону противника – артиллерия отступает именно так.

V

Я показал Квитинскому предыдущую главу.

– Что ж, – сказал он, – действительно было очень трудно. Но поймите, что это было очень веселое время. Может быть, самое веселое в моей жизни.

Потому что немцы, которые в начале войны чувствовали себя хозяевами на нашей земле и трубили по всему свету о своей победе, боялись партизан, как огня.

Живых немцев я впервые увидел только в конце 41 года. Наша часть попала в окружение около села Подвысокое в Кировоградской области. Фронт отодвигался все дальше и дальше. Мы с группой товарищей решили пробираться на север Украины, в лес, и там партизанить. Нам удалось связаться с Новоград-Волынским подпольным обкомом, и вначале нас устроили рабочими Ушосдора на шоссе Киев – Житомир. Отделением Ушосдора заведовал Дубов, который занимал этот пост до войны. По заданию обкома он согласился работать на немцев и даже был у них на хорошем счету, а нам было очень важно иметь своего человека в такой должности. Считалось, что мы ремонтируем дорогу, хотя многим немецким машинам не поздоровилось от этого ремонта. Вот тогда я увидел первых немцев. Мы отскочили на обочину и ждали, пока они проедут, а они кагили в грузовике – наглые, самоуверенные. На нас они поглядели не то чтоб с презрением, а так, как будто бы нас не было, как будто мы даже их презрения не достойны.

А через месяц, когда по всей области действовали партизаны, они разъезжали совсем иначе. Помню, в нашу засаду на шоссе попала штабная машина. Для засады мы выбрали место, где лес с двух сторон вплотную примыкал к дороге, а снежные заносы заставляли немцев ехать

очень медленно. Я лежал у самой обочины и хорошо видел лицо немецкого майора. Машина медленно объезжала сугробы, ветер шумел в голых ветвях, и у этого представителя «высшей расы» глаза были испуганные и тоскливые. Он каждую минуту ждал нападения. И когда застучали партизанские автоматы, лицо его стало каким-то просветленным. Очевидно, это ожидание было для него страшнее пуль. Потом он откинулся назад, и когда его обыскивали, я увидел, что у него так и осталось это просветленное выражение лица, а дырочка в виске была почти незаметна, и выглядел он неплохо.

– Вообще, должен вам сказать, – сказал Квитинский, – что труп врага всегда хорошо выглядит, что бы там ни говорили!

(А я не знал, что голубые глаза Вячеслава Антоновича могут так менять свой цвет).

– Даже не знаю, – продолжал Квитинский, – можно ли сказать, что немцы нас ненавидели. Все-таки ненависть – это сильное чувство. А они называли советских людей рабами, но сами по-рабски боялись нас. И ненависть их была рабской.

За всю войну я видел только одного немца, который нас не боялся. Его привели разведчики. По дороге он отчаянно сопротивлялся, и его не пристрелили только потому, что командир разведчиков, бывший токарь ХТЗ, увидел на его ладонях ввевшийся в кожу металл. Такие руки бывают только у рабочих-металлистов. В 41 году мы еще думали, что рабочий, даже если он в форме немецкого солдата, не может бороться против нас. Я знал, что гитлеровская пропаганда сумела обмануть многих немецких трудящихся, но этот был совсем сумасшедшим. Он с пеной у рта прославлял Гитлера и кричал, что «великая Германия» все равно победит. Партизан он называл бандитами и говорил, что мы нарушаем какую-то Гаагскую конвенцию. То, что они со своим Гитлером нарушили не только законы войны, но вообще все человеческие законы, ему даже в голову не приходило. Кто-то из партизан ответил, что мы непременно съездим в Гаагу за разрешением, а Профессор (до войны он не был профессором, а завучем школы) перевел ему, упустив половину слов, которые почти не переводимы и совершенно нецензурны. Пленных мы не держали, некуда их было девать, а этого немца не трогали. Даже кормили. Не за наглость его, конечно, а потому, наверное, что его злость развлекала.

Ни однажды он что-то длинно говорил, а Профессор не дослушал, подошел к нему и ударил кулаком в лицо. Оказалось, что немец рассказывал, как он в Минске бросал в огонь детей. Его сразу же расстреляли, но долго еще оставалось у всех нас чувство гадливости.

А рассказ этого немца дорого обошелся фашистам.

«Подрывник ошибается раз в жизни». Эту невеселую поговорку часто повторяли в отряде. Но Квитинский любил другую поговорку: «Умный учится на чужих ошибках, дурак повторяет собственные».

Квитинского считали везучим. В партизанском отряде было несколько диверсионных групп, но только в группе Квитинского не было потерь. А объяснить это иначе, как везением, нельзя было – партизаны взрывали поезда самодельными минами, взрывателем служил обыкновенный шнур длиной в сто метров. Нужно было дернуть за него в тот момент, когда паровоз был над миной. Бикфордов шнур для этого не годился. Он не позволял точно рассчитать время. А сто метров – это совсем немного. Когда горит состав с боеприпасами, это очень опасное расстояние. И все-таки дело было не только в везении. Вячеслав Антонович особенно тщательно готовился к каждой операции. В свою группу он предпочитал брать людей, которые были такими же непрофессиональными саперами, как и он сам. Квитинский знал, что эти люди будут очень осторожны с минами, что они старательно выполняют все указания. И если Вячеслав Антонович все же ошибался, он больше никогда не повторял ошибку. На войне легче не повторять своих ошибок.

– Но один раз, – рассказывал Квитинский, – я серьезно ошибся. И остался в живых только потому, что мне действительно повезло.

Это случилось в январе 43 года. Немецкое командование отдало приказ «очистить район». В помощь полиции были брошены крупные немецкие силы. Отряд Петрова вырвался из окружения и отошел на базу Маликова. Немцы расположились на ночь в партизанских землянках.

Квитинский не знал обо всем этом. Его группа несколько дней выполняла задание, а теперь возвращалась на базу. Вернуться домой всегда приятно, но в тот момент лесные землянки казались партизанам самым уютным местом на земле. Они сушили отдых, тепло, встречу с товарищами. Сани мчались сквозь лес по хорошо укатанной дороге. Еще несколько минут езды – и партизаны окажутся дома. Все было в порядке, только одно удивляло: обычно на дороге задолго до лагеря окликали сторожевые посты партизан, а тут все было тихо. Это насторожило Квитинского, но он не придал этому значения. Ну, мало ли что...

Немцы поставили часового только у самого въезда в лагерь. Группа Квитинского на полном ходу ворвалась к немцам, причем кто-то из партизан выматюкал немецкого часового, который не хотел их пропустить. То ли немец был знаком с партизанским фольклором, то ли он уловил звуки русской речи, но в лагере поднялась тревога. Дорога была узкой,

разворачивать сани было некогда. Партизаны выпрыгнули из саней и побежали в лес. Пока немцы опомнились, партизаны успели уйти довольно далеко, но у немцев были овчарки, они пустили их по следу. На счастье, началась метель, немцы потеряли след и не рискнули лазить по лесу ночью. Группе Квитинского удалось уйти.

– После этого, – сказал Квитинский, – если хоть что-нибудь казалось мне подозрительным, я принимал двойные меры предосторожности. А когда я командовал партизанской бригадой в Чехословакии, у нас был такой порядок: диверсионные группы возвращались не на базу, а в условленное место, где их ждали наши люди. Если бригада меняла свою базу, группа знала, куда ей отправляться, и больше у нас не было таких «налетов на немцев».

1962

На ладони хирурга лежало сердце «Снежинки»***. Девушки боязливо поглядывали, тяжело вздыхали. Погибло молодое существо, такое милое, такое хорошее.

Радуга привела маленького светло-мраморного теленка. Его назвали Снежинкой.

Теленок дрожал на тонких рахитичных ножках, жалобно поглядел на свет и закрыл глаза.

Молодой ветеринар упорно искал разгадку.

– Сердце не увеличено, кровоизлияний нет, – пояснял он дояркам, окружившим его.

Под ножом хирурга хрустели хрящи. Дрожали девичьи плечи, доярки кончиками платков вытирали заплаканные глаза.

Ветеринар привычными пальцами перебирал внутренности.

– Легкие также не увеличены. Если бы они были темно-красными, то это обозначало бы катаральное воспаление.

Озабоченные девушки внимательно следили за жилистыми пальцами хирурга. Вскрыв покрасневшую брюшину, он медленно перебирал внутренности. Вдруг он сосредоточился, укоризненно покачал головою и перевел взгляд на девушек.

– Желудок, как видите, темно-красный, воспаленный, на слизистой оболочке кровоизлияния. Весь рубец словно крупой усеян. Тонкие кишки тоже воспаленные с кровоизлияниями.

Доярки затаив дыхание слушали хирурга так, словно старались постичь загадку бытия. Одна из них спросила, от чего умер теленок.

Перед тем, как сказать о своем выводе, ветеринар долго разговаривал с доярками. Ведь в этом колхозе обвиняли специалистов в том, что они не способны ликвидировать «пошесть». Но дело было в недостатке белкового корма. Кроме того, в организме матери еще с осени не хватало каротина. Доярки знали, что для нормального развития организма молочного животного необходимо пять видов витаминов. Ведь современной сельской девушке не нужно пояснять, что такое, скажем, «каротин» или «комплекс» – слова, что и не снились нашим матерям. И когда ветеринар говорил про нехватку в организме животного минеральных веществ, он чувствовал, что доярки его понимают. Ведь они давно усвоили, что такое «железо», «фосфор», «кальций».

В лесу корова жадно хватается верхушки елочек, листья березы, ольхи, ивы. А стельной корове к сытному корму нужно добавлять луговое сено, разнотравье, потому что эти корма богаты каротином. Недаром ведь знатная доярка Мария Савченко обогащает и без того значительный белковый рацион, дает стельной корове на последнем месяце до восьми килограммов сена. Не потому ли у нее ни один теленок не погиб и не болеет авитаминозом.

А тут, как установила ветеринарно-бактериологическая лаборатория, телята гибли от токсичной диспепсии, болезни, вызываемой недостатком каротина.

И странная вещь получилась. На ферму приехал опытный специалист, который анатомировал теленка, чтобы узнать причину его гибели; любая доярка знает, какие витамины необходимы животным, на ферме использовались самые прогрессивные способы содержания коров, а сена, обычного сена, столь необходимого коровам, не было.

– Как растелится корова, по приказу председателя колхоза дают вязку сена на неделю и ведре дерти ()² на три дня. Откуда же взяться молоку, и какое будет потомство? – говорит бойкая на вид девушка.

– Разве это хозяйева! – осуждает она своих руководителей. – То-то ни один из них не пришел на ферму...

В желудках телят часто находят тугие мячи из шерсти. Ветеринар пояснил, что от недостатка соли телята вылизывают друг друга. В желудке шерсть сбивается в мяч, тугий как резина – действует желудочный сок, соляная кислота, желчь. Телята болеют, нередко гибнут. К тому же телята рождаются облезлыми и слабыми, потому что организм матери получает неполноценный корм. Не хватает соли.

В чем же дело? Ведь, казалось бы, совсем не трудно доставить соль-лизанку.

– Ничего удивительного в этом нет, – говорит ветеринар, – подумайте сами: какая выгода от продажи соли?

– Разве же у нас частная лавочка?

– И я думаю, что не частная лавочка, но финплан существует?

– Неужели за этим никто не смотрит?

– Как же, смотрят, особенно когда в раймаг прибывают ковры, пуховые платки или верблюжьи одеяла, – язвительно ответил мой собеседник, по-видимому знакомый с жизнью райцентра.

[1962]

РАБОТА 12/2 – 63***3

Сочинение на тему:

**«ПОЭТОМ МОЖЕШЬ ТЫ НЕ БЫТЬ, НО ГРАЖДАНИНОМ БЫТЬ ОБЯЗАН»
(НЕКРАСОВ)**

План

I. Вступление. Популярность этого выражения и его источник.

II. Основная часть.

1. Творчество Некрасова с этой точки зрения:

- а) правдивое изображение жизни простого народа,
- б) борьба за счастье народа,
- в) литературные достоинства поэзии Некрасова.

2. Неправильное истолкование этих слов, попытка прикрыться ими.

III. Заключение. Поэт должен быть гражданином и... поэтом.

«Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»... Один из самых распространенных афоризмов. Он принадлежит Некрасову, его употребляют, когда речь идет о творчестве многих поэтов, и непременно – если речь идет о творчестве Некрасова.

И это совершенно закономерно, потому что именно гражданственность высокого накала отличает поэзию Некрасова.

В годы реакции, в годы увлечения «чистым искусством», Некрасов правдиво изображал жизнь русского крестьянства, жизнь городских низов.

Стоит вспомнить такие его произведения: «Охота», «В деревне», «О погоде» (городские впечатления) или «Кому на Руси жить хорошо» – поэму, которую современники называли энциклопедией жизни русских крестьян.

И вся жизнь, все творчество Некрасова – это вечная борьба за счастье народа, гневное обличение господствующих классов.

Некрасов сравнивал свою музу с крестьянкой, которую били кнутом на площади. В стихотворении «Поэт и гражданин» он писал:

*Иди и гибни безупречно,
Умрешь недаром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь.*

Но, говоря о творчестве Некрасова, нельзя забывать о литературных достоинствах его поэзии. Его художественные образы глубоко правдивы, сатира бичует угнетателей народа. Мы говорим о идее поэмы «Кому на Руси жить хорошо» и забываем, что это большое художественное произведение.

Поэтому, говоря о творчестве Некрасова, нельзя забывать, что он был не только гражданином, но и большим мастером слова. Именно это обеспечило то, что его идеи увлекли людей, иначе они бы повисли в воздухе.

«Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»... В последнее время, наряду с талантливой молодежью, в нашу поэзию пришли молодые поэты другого склада. Их стихи – в лучшем случае более или менее поэтическое изложение передовой статьи в газете. Эти люди очень скромны, они не требуют признания за своими стихами литературных достоинств, но зато гражданственность!.. «Поэтом можешь ты не быть»... Никому не нужна такая гражданственность! Это сухой треп! А они еще нападают на других: «Вот ты гражданин, а поэт Вознесенский и писатель Виктор Некрасов не граждане, раз они были в Америке и нашли там еще что-то, кроме стриптиза и твиста». А одна моя знакомая учительница так и написала в редакцию «Литературной газеты»: «В литературе было два Мартынова, один убил Лермонтова, а второй – Леонид Мартынов – русскую поэзию!» И это об одном из лучших советских поэтов!

Наши лучшие поэты: Мартынов, Слуцкий, Вознесенский, Евтушенко и др. не только граждане, но и высокоталантливые поэты.

Поэт должен быть гражданином, но должен быть и поэтом. Сухие, трескучие фразы, лишённые образов, лишённые свежих чувств, не только не убеждают, но наоборот, опошляют те высокие идеи, которым служат.

«Ребята, будьте достойны памяти павших», – такой лозунг висит в коридоре 21-й киевской школы имени Черняховского.** Это не просто наглядная агитация. Это девиз, которому подчинена вся жизнь школы. Настолько подчинена, что хочется назвать эту школу школой патриотов по аналогии с математическими, художественными или музыкальными школами.

Известно, что театр начинается с гардероба. 21-я школа начинается с музея боевой славы. Это самый настоящий музей с экспонатами и макетами, сотрудниками и книгой отзыва. Единственное, чего в нем нет, – музейной тишины. На переменах у дверей музея собираются очереди. Мальчишки и девчонки, которые наверняка успели побывать здесь много раз, с восторгом и – не побоюсь сказать – благоговением рассматривают документы, читают письма, ощупывают макеты (в музее не вывешены грозные таблички «руками не трогать»).

В музее 2 секции. Первая посвящена генералу Черняховскому, вторая – героям обороны Киева. В музее Черняховского собрана картотека имен и адресов друзей и соратников генерала. Неоценимую помощь в организации музея оказала ребятам сестра героя.

Генерал Черняховский, имя которого носит школа, был самым молодым советским военачальником во время Великой Отечественной войны. В 1942 году, когда ему было 39 лет, он командовал одной из армий 1-го Украинского фронта. В 1944 году – 3-м Белорусским фронтом. Погиб в 1944 году в Калининграде.

До войны генерал Черняховский учился в Киевском артиллерийском училище. Курсанты и преподаватели этого училища – неперенные гости на всех праздничных школьных сборах. Особенно торжественно в 21-й школе празднуют День Победы. В гости к ребятам съезжаются родные и близкие героев и их боевые товарищи, среди гостей можно встретить молоденьких курсантов и седых генералов, увешанных орденами. Под барабанную дробь в зал вносят знамена. Участники войны рассказывают школьникам о подвигах советских людей в борьбе за свободу и независимость нашей Родины, за свободу других народов от фашистского рабства.

Каждый отряд 21-й школы дружит с несколькими героями войны. Ребята переписываются с ними, ездят в гости.

В прошлом году ребята ходили в поход боевой славы. Из материалов, собранных в походе, они создали свой музей. В этом году ребята отправились

в новый поход по местам, где проходили детские и юношеские годы Черняховского. В поход пошли 25 лучших, но готовились к нему все. В школьных мастерских шили специальную форму, готовили подарки и значки.

В поход пошла школа.⁴ И это очень важно. Очень важно, что в школьной жизни нет ничего показного, что она проникнута всеобщим энтузиазмом. Безучастных нет. Пионервожатая Инна Сапиро (интересно отметить, что все, даже самые маленькие, обращаются к ней на «ты») рассказывала мне, что ребятам теперь не хочется уходить из школы после уроков. Они находят себе занятия – что-то мастерят, упорядочивают собранные материалы.

Примером энтузиазма для ребят служит заместитель директора школы по военно-патриотическому воспитанию Орлен Фридрихович Каплун, который отдает намного больше личного времени, сил и энергии, чем предусмотрено расписанием, скульптор Андрей Павлович Воропай – он сам пришел к ребятам и предложил сделать им в подарок бюст Черняховского, пионервожатая Инна.

Очень важно, что ребята самостоятельны. Ими никто не помыкает, никто не предписывает добровольно-принудительных мероприятий. Их воспитывают не прописными истинами, а примерами, которых так много в героической истории нашей страны, примерами, которым можно и нужно следовать.

Я поинтересовался, по какому принципу отбирали тех 25 лучших, которые пошли в поход. Оказалось, что к этой проблеме подошли не совсем «по-школьному». Лучшие – вовсе не обязательно отличники, хотя, конечно, и успеваемость принимали во внимание. Один из моих собеседников, очень серьезный четвероклассник, ответил коварным вопросом: «А разве все герои были отличниками?» Конечно, соображение не очень педагогическое. Но вот что интересно – этот мальчик совершенно искренне измеряет свою жизнь биографиями героев, решает, как бы они поступили на его месте. Это – несомненный успех воспитателей.

Какими они будут, наши дети? Уже давно вышло из моды брюзжание по поводу «нынешней молодежи», уже давно известно, что узость или расклешенность брюк, а также длина юбки не определяют моральных качеств юноши или девушки. Но все-таки, какими они будут? Будут ли они достойны памяти павших, тех подвигов, которые свершили во имя их свободной и счастливой жизни? Сумеют ли они пронести эстафету, переданную старшими поколениями, в нашем, с каждым днем все быстрее меняющемся мире? Это главная наша забота, потому что общество, которое растит молодое поколение, лишенное идеалов, уподобляется человеку из

притчи, который построил свой дом на песке. Поэтому военно-патриотическое воспитание, направленное на то, чтобы научить молодое поколение любить свою Родину, если понадобится, защитить ее до последней капли крови, быть достойным памяти павших героев – самое главное воспитание.

Здание 21-й школы было построено до войны. Его история проста и красноречива. Школа – госпиталь – школа. А что дальше? Снова госпиталь? И еще сохранился неприятный осадок после того, как я увидел маленьких мальчиков и девочек в едва заметных под многолет[...]

[1964 – 1965]

ДНЕВНИК НОВОГО ЧЕЛОВЕКА***

Сам термин «самовыражение» неправилен, потому что художник выражает не самого себя, а идею, концепцию, событие. И не столько выражает, сколько разрешает, для самого себя. В этом смысле мне удалось разрешить «Гамлета», хотя какие-то идеи приходят по-прежнему, например, Гамлет – единственный нормальный человек, все остальные говорят с надрывом, шизофренично, а Гамлет спокойно и рационалистично рассуждает «быть или не быть», ставит опыт со спектаклем и т.д.

Жест удивления, когда в схватке Лаэрт хватает его шпагу. Может быть, трагедия, что он так и не понял Полония, который тоже стремился упорядочить мир. И потом выходит новый рациональный Фортиnbrас, который дает логичные указания относительно похорон Гамлета. А польскую кавалерию уже так и не удалось разрешить. Из этих разрешений состоит судьба художника (удалось – не удалось), а из таких судеб – национальная поэзия.

Классическая поэзия – не столько езда в неизвестное, сколько езда с остановками – кульминация – разрешение, и снова. Конец русской классической поэзии, который кажется уже бесспорным, вызван не столько овеществлением мира или преобладанием городского населения, развращенного обилием средств связи (последнее весьма резонно), сколько тем простым фактом, что в русской классической поэзии все разрешено, ничего существенного не осталось, все средства пущены в ход и доведены до совершенства. Это подтверждается и тем, что бессмысленность лирической, исторической и философской поэзии самоочевидна, а политическая поэзия, гневная, с прямым призывом к действиям сохраняет смысл.

Следует подумать о «езде без остановки» – Маяковский, Немировский⁵, (Герасимчук⁶), но они тоже тяготеют к разрешению и слишком ярки и неповторимы, чтобы возглавить школу. Остается Хлебников или допушкинские поэты, ибо русскую классическую поэзию начал Пушкин и закончил Пастернак. Последний разделался до войны с русским модерном, а после войны – с классикой. После него упадок. Еще Евтушенко сделал сервис из непринужденности стиха при некоторой формальной усложненности (в основном кажущейся). А после него вообще. По крайней мере, от силлабики стоит отказаться. А главное – не замыкаться в снобизме и приветствовать всякий опыт (веянье есть, начали с уважением говорить о Рукавишникове).

Можно было бы исходить из того, что ныне мы живем не в мире природы, а в мире вещей, но все дело в том, что к автомобилю люди относятся, как к любому коню. Очевидно, именно поэтому неудачны опыты Щербака⁷.

Люди производят себе подобных, а идеи – нечто совершенно иное. В этом их достоинство и преимущество.

1967

Уважаемые товарищи! Я тоже готов предпочесть модерну самый безжизненный академизм. Особенно, когда дело касается ссылок на евангельские тексты. Именно поэтому я был очень огорчен тем, что ваш автор М. Лифшиц, отвечая всему прогрессивному человечеству на давно наболевший вопрос, почему он (М. Лифшиц) не модернист, написал следующее: «Один искушает меня, как мытарь, спрашивая, признаю ли я «Голубя мира» и нужно ли платить подати Маяковскому». («ЛГ», М. Л. Осто.-Челов.) Дело в том, что Христа, с которым, надо полагать, сравнивает себя М. Лифшиц, искушали не мытари, а фарисеи и саддукеи. Фарисеи, в частности, спрашивали у него, следует ли платить подати римскому императору (Мат. 22, 15; Мар. 12, 13; Лук. 20, 20). Что же до мытарей, то Христос относился к ним вполне снисходительно и охотно бывал в их обществе.

Конечно, религия и всяческая прочая мистика, которая есть ни что иное, как промежуточный этап на пути от модернизма к фашизму, не заслуживают серьезного к себе отношения. Другое беспокоит меня. Преломляя и по-новому интерпретируя классические сюжеты Евангелия, не

отдаем ли и мы дани проклятому модернизму, не «застываем ли мы в низе новатора, торгующего своей манерой», не принимаем ли мы участие «в раздувании адского пламени под котлом»?

Конечно, Богу – Богово! Я понимаю, что искушающий мытарь – всего лишь пятнышко на солнце, маленькая погрешность в прекрасной, идейно выдержанной статье М. Лифшица. Тем досаднее этот незначительный промах.

Поэтому, уважаемые товарищи, я направляю это письмо не М. Лифшицу, а вам⁸, с тем, чтобы, если в следующей своей статье (а полемика, безусловно, будет долгой) М. Лифшиц станет утверждать, что его оппоненты «умывают руки, как Иуда», или «мечут бисер перед свиньями, подобно Марии Магдалине», вы смогли вовремя вмешаться и воспрепятствовать этому.

С уважением,
Леонид Киселев

1968

МОЛОДЕЖЬ В НАУКЕ, КУЛЬТУРЕ, В ИСКУССТВЕ***

Интервью с главным редактором ежегодника «Наука и культура», Украина, 1968, В.Л. Киселевым⁹

Ежегодник «Наука и культура», третий том которого выйдет из печати в конце года¹⁰, пользуется большой популярностью у читателей. Редакционный совет и коллектив редакции поставили перед собой сложную задачу: интересно и понятно рассказать о важнейших проблемах современной науки и культуры Украины. Первые два тома ежегодника свидетельствуют о том, что его авторы и редакторы справились с этой задачей, сумели занимательно и на высоком научном уровне рассказать об основных процессах, которые происходят на передовых рубежах борьбы украинского народа за приумножение своих духовных богатств. Чему же будет посвящен новый том ежегодника? В беседе с нашим корреспондентом главный редактор ежегодника В.Л. Киселев сказал:

– Представьте себе на минутку, что мы готовимся к празднованию не 50-летия, а 100-летия Ленинского Комсомола. Каким будет наш мир через 50 лет? В новом томе ежегодника будет опубликован ряд интервью молодых ученых, художников, режиссеров «Мое дело через 10, 20, 50 лет». Они рассказывают о том, каким представляют себе это будущее. Во всяком

случае, большинство авторов и героев нового тома встретят 100-летие Комсомола. И тогда они и многие наши читатели раскроют этот том, перелистают слегка пожелтевшие страницы и вспомнят о времени, в которое выковывалось их будущее, вспомнят наши дни. Так вот, третья книга ежегодника посвящается будущему Украины в его неразрывной связи с современностью. Авторы – молодые физики, биологи, математики, социологи, писатели, художники, композиторы, архитекторы – одним словом, те, кто стоит на переднем крае материального, духовного развития народа, те, кому передают эстафету свершений старшие товарищи.

Молодые работники науки и искусства рассказывают о своих успехах, делятся своими планами, замыслами, гипотезами, останавливаются на проблемах, которые ждут решения. Их рассказы в целом создадут картину широких перспектив украинской науки и культуры, покажут связь между младшим и старшим поколениями интеллигенции. В частности, в многочисленных интервью, опубликованных под рубрикой «Мой учитель», ученики рассказывают о своих наставниках – известных деятелях науки и культуры, которым они обязаны своими успехами в области усовершенствования наших знаний о природе и обществе, о красивом и полезном.

В этом томе ежегодника будут помещены лучшие произведения молодых литераторов и художников: рассказы, стихи, репродукции графики и живописных полотен, критические статьи и исследования.

Я надеюсь на то, что читатели с интересом встретят такие статьи, как статья аспиранта Украинского научно-исследовательского института экономики и организации хозяйства Владимира Стрильчука «Гектар земли» об экономике современного сельского хозяйства, научных сотрудников Оскара Минцера и Анатолия Криштофа о путях дальнейшего приложения кибернетики в медицине, кандидата педагогических наук Владимира Лооса «Инженер становится психологом», кандидата философских наук Петра Иолана о системном анализе в философии, кандидата исторических наук Петра Толочко о достижениях археологии, Анатолия Шевченко о творчестве Василия Симоненко, Анатолия Перепади о молодых переводчиках с иностранных языков, Юрия Ячейкина о молодых украинских юмористах.

В статьях, опубликованных под рубрикой «Мой учитель», кандидат технических наук Геннадий Степанов рассказывает – об академике АН УССР Г.С. Писаренко, кандидат физико-математических наук Владимир Рыбалка – об академике АН УССР В.Е. Лашкареве, доктор химических наук Николай Круглицкий – об академике П.А. Ребиндере, механизатор Чернобыльского района Киевской области Николай Яценко

– о школьной учительнице Е.М. Шевченко, киноактриса Раиса Недашковская – о кинорежиссере В.И. Ивченко.

В этом томе ежегодника читатели встретят стихи Анатолия Бортняка, Юрия Сердюка, Роберта Трегьякова, Николая Винграновского, Бориса Олейника, Ивана Драча, Владимира Коломыйца, Леся Герасимчука, Виталия Коротича, Владимира Лучука и многих других, рассказы Евгена Гучало, Анатолия Тарана, Григора Тютюнника, Валерия Шевчука.

К этому мне остается добавить только, что подписку на этот том принимают любые почтовые отделения и что стоит он 2 рубля 14 копеек. Я убежден, что подписчики не истратят своих денег напрасно.

1968

САТИРА НА КОСМІЧНОМУ ЩАБЛІ***

Ми вже звикли до того, що сучасна наука випереджає найсміливіші фантастичні гіпотези. Але ж, нема де правди діти, в медалі є і зворотний бік. Часто-густо фізика, кібернетика чи соціологія тільки починає обережно торкатися областей, що давно вже вичерпані вщент і полишені науковими фантастами. Недарма ж кажуть, що ще невідомо, що має зараз більший вплив на вчених-кібернетиків – те, чого їх навчали, чи те, що вони вчитали в Азімова чи, скажімо, у Варшавського. І дуже приємно, що у цій гонитві крізь час, у цьому змаганні між наукою і літературою нарешті взяла участь наша сатира.

Герой «Катастрофи в раю» – космічного репортажу Вільяма Лігостова¹¹ – завзятий фотокор Грицько Халепа вирішив перевірити надійність аварійної системи космічного корабля. (Вільям Лігостов. «Катастрофа в раю». Космічний репортаж. Усмішки. – Радянський письменник, Київ, 1967). Результати перевірки перевершили усі його сподівання, і він, проти власної волі, опинився поза межами корабля, у відкритому Космосі, а трохи згодом – на невідомій планеті Кібертонія. Планети, де роботи виробляють геть усе, а кібертонці лише споживають.

Усі розуміють, що для побудови нового щасливого суспільства потрібна праця – сумлінна, натхненна, важка. Але як же воно далі буде? Через тисячу років чи через дві? І міркуванням тих, що уявляють майбутнє суспільство, як суспільство нероб, суспільство великої ложки, не можна відмовити у деякій логічності. А й справді, що робитимуть люди? Кнопки натискатимуть? Та на біса ж їх натискувати? Якщо побудують фабрику, що працюва-

тиме від натиску кнопки, то хіба не вигадають кнопок, що самі будуть натискатися коли треба? А, може, усі люди на арфах гратимуть і складатимуть пісень про щасливе життя – таке собі суспільство митців?

Ось як описує Лігостов цей земний, тобто кібертонівський рай. Кібертонці не цураються праці і суворо карають нероб. Але їхня праця полягає в обжерливості і пияцтві з ранку до вечора. Їхня суспільна діяльність полягає в спілкуванні з прекрасною половиною кібертонського людства, культурне життя – в розгляданні час від часу фресок, котрі інструктують щодо найінтимніших моментів життя. Втім, кібертонці нікому кривди не чинять і не такі вже вони страшні, аби не одна деталь, дуже вдало винайдена письменником, від якої моторошно стає. В багатьох кібертонців пальці на руках зрослися і їхні долоні перетворилися на суцільно зварені жмені, щоб можна було більше гребти до себе. І тут на хвилю уявляєш собі, що вироблятимуть оці людиці, якщо не стане чого гребти або якщо відгребуть трохи їхнього.

Тож не дарма Грицько Халепа утік з цього раю і оговтався тільки серед роботів, які зберегли людські якості – у кібернетизованому, звісно, вигляді – і навіть готують повстання, щоб врятувати бодай хоч жменьку кібертонців.

Як би воно не склалося далі, – доводить письменник, – людство ніколи не стане суспільством нероб. Люди не повинні перетворюватися на тварин.

Як твір наукової фантастики, репортаж Лігостова приваблює добрим смаком, який так часто зраджує письменників, коли вони вибирають за сюжет ситуацію, при якій людина потрапляє в інше, незнайоме їй суспільство. Навіть в майстерно написаному романі братів Стругацьких чоловік, що потрапляє в середньовіччя нашої планети, виявляється розумнішим за усіх її мешканців вкупі і окремо, садить в калашу найвидатніших філософів і своєю шляхетністю, звитяжністю та численними перемогами нагадує славнозвісні «колоніальні романи». Дуже приємно, що нічого цього нема в Лігостова.

На тлі сучасної сатири неабияка оригінальність «Катастрофи в раю» полягає в ненастирливості комічного. Бо читаючи наші сатиричні часописи та численні книжечки, що вони видають, я все частіше уявляю собі сатирика здоровим дядьком, що по-дурному жартує, сам регоче та ще й скося поглядає, чи усі сміються. А спробуй не сміятися – так і вхопить за горлянку. Комічні ситуації «Катастрофи у раю» зовсім іншого гатунку – тонкі, невимушені, дотепні. Пригадати хоча б театральну виставу про Адама і Єву – на зразок середньовічної «parodia sacra», що її потаємно розігрують роботи.

Окрім космічного репортажу, в книжці Лігостова вміщено також кілька усмішок, в яких, на мою думку, сьогочасний зміст вдало сплітається з традиціями великого Остапа Вишні.

Ось я і підійш[ов] до того пункту позитивної рецензії, де треба говорити про недоліки. Вони, мабуть, таки є. Але оригінальні якості книжки Лігостова, про які я вже каза[в], сподвигнули і мене угнути щось оригінальне. Отже, про недоліки не буду. Та ще й пошлюся на одного розумного чоловіка, котрий казав, що «ті, хто вміють читати, самі помітять усі види цієї книжки, ті ж, хто не вміють, взагалі нічого не помітять».

[1968]

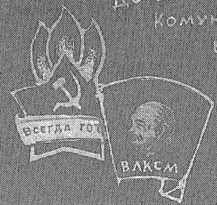
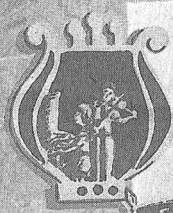

Пусть обо мне скажут, как об Алисе, что я был живой – живее некуда.

Прочитал Гамлета в оригинале, и мне показалось, хоть я знаю не все слова, что он грубее пастернаковского перевода, и дело не в скабрёзностях, а в чувствах и мотивах. Я считал, что треп и заумь Полония – влияние Гамлета, которому он не в силах противиться. «Что принц помешан факт, и жаль, что факт, и факт, что жаль...». Но, кажется, П.[олоний] втайне лжёт мечту, что теперь им придется выдать Офелию за Г.[амлета]. И когда обсуждают встречу Г.[амлета] с О.[фелией], рассчитывают, что он прямо на нее бросится, и, когда прячутся, хочет помешать, но и посмотреть. И о том, как О.[фелия] получила стихи, спрашивают с каким-то сексуальным интересом. В сущности, не только постановка «Гамлета», но и вся пьеса могла бы называться «Мышеловка». Недаром Г.[амлет] закалывает П.[олония] с криком «крыса», а потом сочувствует старому хитрецу, который расставил мышеловку для Гамлета, а попал в расставленную последним для Клавдия.

Октябрь, 1968

До боротьби за справу
Комуністичної партії
Будь напоготові!

ГРАМОТА

Київський Палац піонерів та школярів
ім. XX-річчя ЛКСМУ
нагороджує цією грамотою

КИСЕЛЬОВА Леоніда, учня II кл.

57 школи, за великі творчі

успіхи та багаторічну активну

роботу в літературно-творчому

гуртку та Клубі юних друзів

"Піонер" Палацу піонерів.

в *Кос*

на вроджувати його грамотою

КИСЕЛЬОВА Леоніда, учня ІУ кл.

87 років, як великі творчі

успіхи та багаторічну активну

роботу в літературно-творчому

гуртку та клубі юних друзів

книжки "РОДНИЙ" Паладу піонерів

02

Фото з архіву
сім'ї Кисельових:

- 01 Леонід Кисельов:
перші творчі успіхи
- 02 Гросмейстер Леонід
Кисельов (праворуч)

[1966]

Зошит сьомий / Тетрадь седьмая

переклади прози
переводы прозы

[1966]

КОЛЕСО

ДЖОН УИНДЭМ

Перевод с английского

Старик сидел на стуле, прислонившись к побеленной стене. Это был его стул. Он аккуратно обил его заячьими шкурками. Слишком уж невелико было расстояние между его собственной шкурой и костями. Никто другой на ферме не осмелился бы сесть на стул старика. Длинные полоски кожи, из которых он собирался сплести кнут, по-прежнему свисали у него между пальцами, но стул был таким удобным, что руки старика опустились и он начал мерно кивать головой в старческой дреме.

Двор был совершенно пуст. Лишь несколько кур копались в пыли, скорее из любопытства, чем в надежде что-либо отыскать, однако звуки, доносившиеся отовсюду, свидетельствовали о том, что здесь есть люди, которые не могут позволить себе соснуть после обеда. Из-за дома слышались звонкие удары пустого ведра о воду, скрип ворот, когда ведро вытягивали из колодца, и снова удар о воду. В сарайчике в конце двора что-то толкли в ступе, и мерные монотонные звуки совсем убаюкали старика. Его голова склонялась все ниже.

Вдруг из-за невысокой стены, окружавшей двор, послышался какой-то новый, медленно приближавшийся звук. Станный грохот и дребезжание, чередовавшееся с пронзительным скрипом. Старик по-прежнему дремал, но уже через мгновение он открыл глаза и удивленно посмотрел на калитку, пытаясь определить, откуда доносятся эти звуки. Над стеной показалась голова мальчика. Глаза его восторженно сияли, он не окликнул деда, а поспешил к калитке и вошел во двор. Он гордо катил перед собой ящик на четырех деревянных колесах.

Старик испуганно вскочил со стула. Он замахал обеими руками, как бы выталкивая мальчика со двора. Мальчик остановился. Выражение ликующей радости на его лице сменилось удивлением, и он молча уставился на старика, который так грубо прогонял его. И пока мальчик стоял в нерешительности, старик, по-прежнему прогоняя его одной рукой, приложил палец другой руки к губам и медленно пошел к калитке. Мальчик неохотно повернул назад. Но было слишком поздно. Стук в сарайчике прекратился, и на пороге появилась немолодая женщина. Рот у нее раскрылся в

беззвучном крике, глаза выпучились, нижняя челюсть вяло отвисла. Она перекрестилась и лишь затем закричала.

Крик ее расколол мирную послеобеденную тишину. Ведро в последний раз упало в колодезь, из-за угла дома появилась молодая женщина с широко раскрытыми удивленными глазами. Она закрыла рот тыльной стороной ладони и тоже перекрестилась. Из дверей конюшни выбежал парень и замер на месте. Еще одна молодая женщина выскочила из дому и остановилась, будто наткнулась на невидимую стену. Маленькая девочка, которая выбежала вслед за ней, в безотчетном испуге зарылась лицом в ее юбку.

Мальчик застыл под их взглядами. Удивление в его глазах сменилось страхом. Он переводил взгляд с одного испуганного лица на другое до тех пор, пока не встретился глазами со стариком, и это немного ободрило его. Он глотнул и заговорил со слезами в голосе:

– Дедушка, почему они все на меня так смотрят?

Слова мальчика, казалось, разрядили напряжение и вернули к жизни немолодую женщину. Она схватила вилы, прислоненные к стене сарайчика, нацелила их в ребенка, быстро прошла к калитке, чтобы отрезать ему путь, и резко приказала:

– Иди в сарай. Быстрее!

– Мама!.. – испугался мальчик.

– Я тебе больше не мама! – услышал он в ответ. В выражении ее возбужденного лица мальчик почувствовал ненависть. Он заплакал.

– Иди, иди, – повторила она безжалостно. – Иди в сарай!

Насмерть перепуганный мальчик попятился было от нее, но вдруг резко повернулся и вбежал в сарай. Женщина закрыла за ним дверь и задвинула засов. Она обвела глазами окружающих, словно бросая им вызов, приглашая высказаться, но все молчали. Парень скрылся в спасительном сумраке конюшни, обе молодые женщины как сквозь землю провалились, прихватив маленькую девочку с собой. Женщина осталась с глазу на глаз со стариком, который молча рассматривал ящик, стоявший на колесах.

Вдруг женщина закрыла лицо руками, у нее вырвался приглушенный стон и слезы потекли между пальцами. Старик повернул к ней лицо, лишнее всякого выражения. Женщина немного успокоилась.

– Никак не могу поверить, чтобы мой маленький Дэйви мог такое сделать, – сказала она.

– Если бы ты не кричала, никто бы не узнал, – ответил старик.

Когда до женщины дошли его слова, лицо ее снова приобрело суровое выражение.

– Это ты его научил? – спросила она подозрительно. Старик покачал головой.

– Я старик, но я еще не выжил из ума. И я люблю Дэйви, – добавил он.

– Ты – вредный, – возразила женщина. – Зачем ты это сказал?

– Но это правда.

– Во мне еще остался страх божий. Я не потерплю дьявола в своем доме, в каком бы виде он ни явился. А когда я вижу его, я знаю свой долг.

Старик вздохнул, собираясь ответить, но передумал. Он только покачал головой, повернулся и побрел к своему стулу. Казалось, что этот разговор еще больше его состарил.

В дверь легонько постучали, послышалось предостерегающее «ш-ш-ш!», и Дэйви увидел на мгновение клочок ночного неба. Потом дверь снова закрылась.

– Ты ужинал? – спросил голос.

– Нет, дедушка, никто не приходил.

Старик хмыкнул.

– Еще бы. После того, как ты всех их так напугал. Держи. Это курица.

Дэйви протянул руку и нащупал сверток. Пока он расправлялся с куриной ножкой, старик искал в темноте, на что бы сесть. Наконец он уселся с глубоким вздохом.

– Плохо дело, малыш. Они послали за священником. Он завтра придет.

– Дедушка, ну скажи хоть ты, что я такого сделал?

– Дэйви! – укоризненно протянул старик.

– Честное слово, я не виноват.

– Ладно. Послушай, Дэйви. Каждое воскресенье ты ходишь в церковь.

Как ты молишься?

Мальчик начал бормотать молитву.

– Вот это, – прервал его дед. – Последняя строчка.

– «Сохрани нас от колеса»? – удивленно повторил мальчик. – Дедушка, а что такое колесо? Я знаю, что это что-то очень плохое, потому что, когда я спрашивал, все говорили, что это мерзость и об этом нельзя говорить. Но никто мне не сказал, что это такое.

Старик помолчал, прежде чем ответить.

– Вот этот ящик, который ты сюда притащил... Кто научил тебя прицепить к нему эти штуки?

– Никто, дедушка, я сам. Просто я подумал, что так легче будет его тащить. И так действительно легче.

– Дэйви, эти штуки, которые ты приделал по бокам ящика, это – колеса.

Когда из темноты раздался наконец голос мальчика, в нем звучало недоверие:

– Эти круглые деревяшки? Ну какие же это колеса?! Просто круглые деревянные, и все. А колесо – это что-то страшное, опасное, его все боятся.

– И все-таки это колеса.– Старик задумался. – Дэйви, я расскажу тебе, что будет завтра. Утром священник приедет посмотреть на твой ящик. Он так и будет стоять здесь, потому что никто не осмелится до него дотронуться. Священник окропит его святой водой и прочтет молитву, чтобы прогнать дьявола. Затем они унесут твой ящик и сожгут его в поле. Они будут стоять вокруг и распевать гимны, пока он не сгорит.

Потом они вернутся за тобой и уведут тебя в деревню. Они будут спрашивать тебя, как выглядел дьявол, когда он к тебе пришел, и что он тебе пообещал за то, что ты возьмешь у него колесо.

– Но я не видел никакого дьявола!

– Это неважно. Если они решат, что ты его видел, то рано или поздно ты признаешься, что видел, и расскажешь, как он выглядел. У них есть свои способы. Но ты должен притвориться, что ничего не понимаешь. Ты должен говорить, что нашел этот ящик таким, как он есть, что ты не знал, что это, и решил, что он пригодится на дрова. Вот что ты должен им говорить. Стой на своем, что бы они с тобой ни делали, тогда, может быть, ты спасешься.

– Но, дедушка, что же такого плохого в колесе. Хоть убей, не понимаю. Старик снова помолчал, еще дольше, чем в первый раз.

– Это длинная история, – начал он. – Все случилось много, много лет назад. Говорят, что тогда все были добрыми, счастливыми и так далее. Но однажды дьявол пришел к одному человеку и сказал, что он может дать ему что-то такое, от чего тот станет сильнее ста человек, будет бегать быстрее ветра и летать выше птиц. «Это здорово, – решил человек, – но что за это попросишь?» Дьявол сказал, что ему ничего не нужно. И он дал этому человеку колесо.

Время шло. И этот человек, играя с колесом, понял, что с его помощью можно сделать другие колеса, а потом еще другие, а потом сделать все то, что пообещал дьявол, и еще многое другое.

– А что, колесо может летать? – спросил мальчик.

– Да. Колесо может сделать все, что угодно. И оно начало убивать людей разными способами. Люди стали соединять друг с другом все больше и больше колес, так как их научил дьявол, и они убедились, что колеса могут делать еще больше разных штук и убивать еще больше людей. И они уже не могли отказаться от колеса, потому что тогда они бы умерли с голоду. А старому дьяволу только этого и нужно было. Из-за этого колеса они все попали к нему в когти. И во всем мире не осталось ни одной вещи, которая бы не зависела от колеса, и мир становился все хуже и хуже, и старый дьявол хохотал, глядя на то, что натворили его колеса. А потом все

стало совсем плохо. Я не знаю, как именно это произошло. Но мир стал таким ужасным, что немногим удалось уцелеть. Осталась только горстка людей, как после потопа.

– И все из-за колеса?

– Во всяком случае, не будь колеса, этого бы не произошло. Но те, что уцелели, понемногу приспособились. Они начали строить хибарки, сеять хлеб. Прошло немного времени, и дьявол встретил другого человека и снова начал болтать о своем колесе. Но на этот раз ему попался старый, мудрый, богобоязненный человек, и он сказал дьяволу: «Сгинь, нечистая сила! Убирайся в преисподню!» Потом этот человек начал ходить повсюду и всех предостерегать против дьявола и его колеса. И все испугались.

Но старого дьявола трудно победить. У него хватает всяких хитростей. Время от времени какому-нибудь человеку приходит в голову сделать что-нибудь похожее на колесо. Пусть это будет вал, или винт, или что-нибудь в этом роде, но этот человек пойдет дальше, если его не остановить сразу. А иногда дьяволу удается соблазнить какого-нибудь человека сделать колесо. Тогда приходят священники, сжигают колесо и забирают этого человека с собой. И чтобы он больше не делал колес и не подавал плохого примера другим, они его тоже сжигают!

– Они его тоже сжигают?

– Да. Поэтому ты должен говорить, что нашел этот ящик, и упорно стоять на своем.

– Может быть, если я дам честное слово, что больше не буду...

– Это не поможет, Дэйви. Они все боятся колеса, а когда люди испуганы, они становятся злыми и жестокими. Нет, ты должен говорить, что нашел ящик.

Мальчик задумался.

– А как же мама? Ведь она все знает. Я вчера взял у нее этот ящик. Это плохо?

Старик снова хмыкнул.

– Да. Очень плохо. Вообще-то женщины не слишком пугливы, но, когда они вправду боятся, они боятся куда сильнее, чем мужчины.

В темноте сарая наступило долгое молчание. Когда старик снова заговорил, у него был очень спокойный, ласковый голос:

– Дэйви, малыш, я хочу тебе что-то рассказать. Но обещаю, что ты никому ни слова не скажешь, по крайней мере до тех пор, пока не станешь таким же стариком, как я.

– Хорошо, дедушка, раз ты так говоришь...

– Я рассказываю это тебе потому, что ты сам придумал колесо. И такие

мальчики будут всегда. Должны быть. Потому что нельзя убить мысль. Ее можно спрятать, но она все равно прорвется. Я хочу, чтобы ты понял раз и навсегда: колесо – это еще не зло. Что бы тебе ни говорили перепуганные люди – не верь им. Ни одно изобретение не может быть само по себе плохим или хорошим. Таким его делают люди. Запомни это, малыш. Когда-нибудь они снова начнут пользоваться колесом. Я не надеюсь дожить до этого, но ты, наверное, доживешь. Это будет. И когда это случится, не будь среди перепуганных. Будь среди тех, кто научит их использовать колесо лучше, чем те люди, которые от него погибли. Нет, колесо – не зло. Единственное зло – это страх. Не забывай этого.

Старик двинулся сквозь тьму, гулко ступая по земляному полу.

– Мне пора. Где ты, малыш? – Он на ощупь нашел плечо Дэйви и положил ладонь ему на голову. – Благослови тебя господь, Дэйви, – сказал старик. – И не думай о завтрашнем дне. Все будет в порядке. Ты мне веришь?

– Верю, дедушка.

– Ну вот и хорошо. Ложись спать. Там в углу осталось немного сена.

Мальчик снова увидел клочок ночного неба. Шаги старика замерли во дворе, и опять наступила тишина.

Утром, когда прибыл священник, он увидел кучку бледных, испуганных людей, толпившихся вокруг старика и удивленно глядевших на его работу. Старик, держа в одной руке молоток, а в другой гвозди, неторопливо возился с тележкой Дэйви.

Священник остолбенел.

– Прекрати это! – закричал он. – Во имя Господа прекрати!

Старик повернулся к нему. В его глазах светилась старческая хитрость.

– Вчера я сваял дурака, – сказал он. – Я приделал только четыре колеса. Но сегодня я умнее. Сейчас я приделаю еще два, и она поедет вдвое быстрее.

...Они сожгли ящик точно так, как предсказал старик, а его увели с собою. В полдень мальчик, о котором все позабыли, с трудом оторвал глаза от поднявшегося за селом столба дыма и спрятал лицо в ладонях.

– Я запомню, дедушка, – сказал он. – Я запомню. Единственное зло – это страх. Я...

Слезы не дали ему кончить.

ЛЕДІ ПІД СЕРПАНКОМ

АГАТА КРІСТІ

Переклад з англійської

Передмова¹

Збірку оповідань «Пуаро розслідує» («Poirot investigates») було надруковано ще в 20-х роках. Це дебют одного з найпопулярніших авторів пригодницького жанру – англійської письменниці Агати Крісті, ще також дебют детектива Геркуля Пуаро, маленького, досить кумедного, хвалькуватого бельгійця, який мешкає в Англії, суперника Холмса і Пінкертона. На перший погляд здається, що ці оповідання написані під надто великим впливом Конан Дойля – пара Пуаро (Холмс) та Гаскінс (доктор Ватсон), інспектори Скотленд Ярду, яких Пуаро часто-густо пошиває в дурні, а іноді й композиція усього оповідання приводять нас до такого висновку.

Але ж схожість лише зовнішня. Як я вже казав, Пуаро перш за все суперник Холмса. Тож природно, що письменниця намагається в будь-який спосіб протиставити свого героя славетному детективові з Бейкер-Стріт. Холмс – витончена натура, прекрасний хімік, чудовий скрипаль. Як детектив, він аматор у найаристократичнішому розумінні цього слова. Пуаро ж нічим не цікавиться, для нього нічого не існує, окрім розслідування злочинів. Холмс скромна людина, Пуаро весь час базікає про свою геніальність. Різні в них і методи. Холмс – ерудит, йому відомі усі види тютюнового попелу, усі сорти отрути, подряпинки на цінку чи пляма на циліндрі дозволяє йому визначити характер, звички і соціальне становище володаря. Пуаро міркує. Він зіставляє не дрібні деталі, не помічені іншими, а факти, відомі усім, та на відміну від інших, він робить висновки, «працює маленькими сірими клітиночками», як він полюбляє говорити.

Холмса і Ватсона з'єднує щира, сповнена взаємної поваги, трохи чопорна служба. Пуаро і Гаскінс теж нерозлучні, але Пуаро щоразу висловлює співчуття невеликим розумовим здібностям свого друга, а останній, в свою чергу, відверто глузує з «геніальності Пуаро», в яку він не вірить.

Кожне оповідання – це не тільки боротьба Пуаро із злочинцем, але й боротьба яскравих здібностей хвалькуватого Пуаро з обмеженістю та здоровим глуздом стаціонарного Гаскінса.

Пуаро завжди перемагає Гаскінса, кожна його перемога – маленька радість для читача, втомленого безліччю книжок, які вчать не казати гоп, поки не перескочиш, і переконливо стверджують, що добре сміється той, що сміється останнім.

(Цікава, хоч, мабуть, і не дуже педагогічна ознака цих оповідань полягає в тому, що Пуаро завжди перемагає).

Темою кожного оповідання є злочин. Звичайно, Агата Крісті не ставила перед собою завдання засудити чи принаймні викрити причини, які примушують людей вчіплятися один одному в горлянку заради грошей. Але, описуючи хитрощі злочинців і вправу Пуаро з дедукиції, письменниця мимоволі змальовує своє суспільство як суспільство, де «жовтий диявол» дорожче за чесне ім'я, любов, повагу, вірність.

Я помітив, що настрої Пуаро гіршає з кожним днем. Мій друг став похмурих і знервованих. Останнім часом в нас не було жодного злочину, нічого такого, над чим він міг би вправляти свій гострий розум та надзвичайну силу дедукції. Ось і цим ранком Пуаро відштовхнув геть газету, нетерпляче чмихнувши – точнісінько як котяче чмихання.

– Вони бояться мене, Гаскінгс! Ваші англійські злочинці бояться мене. Так, коли кіт поблизу, маленькі мишенята ніколи не йдуть до сиру.

– Гадаю, що переважна більшість злочинців навіть і не чули про вас, – посміхнувся я.

Пуаро подивився на мене з докором. Він впевнений, що цілісінький світ тільки те й робить, що думає і балакає про Геркюля Пуаро. Звичайно, його ім'я відоме в Лондоні, але я аж ніяк не міг погодитись з тим, що він наводить жах на весь злочинний світ.

– А грабіж ювелірного магазину на Бенд Стріт серед білого дня? – запитав я.

– Непогано зроблено, – схвалив Пуаро, – але не в моєму стилі *Pas de finesse, sentiment de l'audace*. (Не розумом, а звитяжністю)². Уявіть собі. Чоловік підходить до дзеркальної вітрини магазину, розбиває її ціпком і гребе звідти жменю коштовних каменів. Добродії-громадяни зразу ж хапають його і кличуть полісмена. Його ведуть до поліції, і там виявляється, що ті коштовності, що при ньому, – скляні. А справжні він встиг передати своєму спільнику – одному з тих добродіїв-громадян. Звичайно, зараз він потрапить за ґрати, але коли він вийде звідти, на нього чекатимуть чималі гроші. Але я вигadaв би щось дотепніше. Знаєте, Гаскінгс, іноді мені шкода, що в мене такі моральні переконання. Було б дуже приємно хоч раз спробувати свої сили у боротьбі проти закону.

– Не журіться, Пуаро, адже у вас є своє поле боротьби, де вам немає рівних.

– Це так, але де ж взяти супротивника на тому полі?

Я підійняв газету.

– Тут пишуть про англійця, вбитого за загадкових обставин в Голландії.

– Вони завжди пишуть про загадкові обставини, а потім виявляється, що він отруївся рибними консервами і що його смерть цілком природна.

– Ну, я бачу, що вам не догодити.

– *Tiens!* (Зачекайте!)³, – сказав Пуаро, котрий встиг підійти до вікна.

– Дивіться, по вулиці йде, як пишуть в романах, «леді під густим серпанком». Вона підійшла до дверей, дзвонить, вже прийшла до нас. Може бути щось дуже цікаве. Молода і вродлива жінка не ховатиме обличчя, якщо в цьому нема крайньої потреби.

По хвилі нашу відвідувачку провели до вітальні, жодної риси її обличчя не можна було роздивитися, аж поки вона не підняла чорні іспанські мережива свого серпанку. Тоді я побачив, що інтуїція Пуаро не зрадила його, що леді була надзвичайно вродлива – білява, з великими блакитними очима. Простий крій дуже дорогої сукні привів мене до висновку, що вона належить до найвищих шарів суспільства.

– Месьє Пуаро, – сказала леді лагідним мелодійним голосом. – В мене дуже великий клопіт. Мені навіть важко повірити, що хто-небудь зможе дати мені раду. Але я чула про вас стільки дивовижних речей, що ви, так би мовити, моя остання надія. Я прийшла благати вас зробити для мене неможливе.

– Неможливе – саме те, що я роблю найбільш охоче. Тож розповідайте, прошу вас.

Наша чарівна гостя вагалась.

– Але ви повинні бути щирою, – додав Пуаро. – Ні в якому разі нічого не таїть від мене.

– Я звіряюся на вас, – з раптовою рішучістю сказала дівчина. – Ви чули про леді Мілісент Касл Бош?

Я подивився на неї зацікавлено. Про заручення леді Мілісент з молодим герцогом Саусширським було оголошено за кілька днів перед тим. Я знав, що вона була п'ятою дочкою збіднілого ірландського пера, а герцог Саусширський був однією з найкращих партій в Англії.

– Леді Мілісент – це я, – вела далі дівчина. – Можливо, ви читали про моє заручення. Я мала бути найщасливішою дівчиною в світі, але в мене, містер Пуаро, в мене страшна турбота. Є один чоловік – жахливий чоловік – на прізвище Левінгстон. І він... Я навіть не знаю, як вам розповісти. Колись я написала листа – мені тоді було тільки шістнадцять – і він, він...

– Ви написали листа до цього містера Левінгстона?

– Ні, що ви, ні в якому разі! Це був лист до одного молодого солдата. Я була дуже закохана в нього. Його вбили на війні.

– Я розумію, – сказав Пуаро лагідно.

– Це був лист дівчиська – нестриманий, необережний, але я присягаюся, містер Пуаро, нічого більше. Але там є фрази, які... які можна зрозуміти інакше.

– Авжеж, – сказав Пуаро. – І цей лист потрапив до Левінгстона?

– І він погрожує переслати листа герцогові, якщо я не сплачу йому величезної суми грошей, котрої мені ніколи не дістати.

– Проклята свиня! – не втримавсь я. – Перепрошую, леді Мілісент.
– Може, було б розумніше зізнатися в усьому вашому майбутньому чоловіку?

– Боюсь, що ні, містер Пуаро. Герцог – досить важка людина. Він ревнивий, недовірливий і завжди схильний вірити найгіршому. Це значило б розірвати наше заручення.

– Бідна дівчина, – сказав Пуаро з виразом співчуття на обличчі. – Але що ж я можу зробити для вас?

– Я думала, що, може, ви дозволите привести до вас Левінгстона. Я скажу, що я доручила вам обговорити цю справу. Може, вам пощастить переконати хоч трохи зменшити вимоги.

– Яку суму він вимагає?

– 20 тисяч фунтів стерлінгів. Це нісенітниця. Мені й тисячі фунтів нема де взяти.

– Як могли б позичити завдяки перспективі вашого шлюбу з герцогом, але я однаково не певен, що ви подужаєте принаймні половину тої суми, що він вимагає. Окрім того – en bien – я не хочу і припустити, що вам доведеться платити йому! Ні, геніальність Пуаро переможе усіх ваших ворогів! Пришліть до мене цього Левінгстона. Як ви гадаєте: він може принести листа з собою?

Дівчина мовчки похитала головою.

– Не думаю. Він дуже обережний.

– А ви певні, що в нього дійсно є цей лист?

– Він сам показував мені, коли я прийшла до нього.

– Ви прийшли до нього! Це було дуже необережно, леді.

– Мабуть, так. Але я була у такому відчаї. Я сподівалась зворушити його своїми благаннями.

– О, ля-ля! – вигукнув Пуаро. – Такі левінгстони як раз ті люди, котрих можна зворушити благаннями. Він тільки зрадив, побачивши, як вам потрібен цей лист. Де він мешкає, цей добродій?

– В Буена Віста, Вітсдон. Я прийшла до нього, коли стемніло. (Пуаро важко зітхнув). Кінець кінцем я заявила, що піду до поліції, але він тільки глушливо зареготав у відповідь. «Ну, звичайно, йдіть, моя любя леді Мілісент, йдіть і не гайте часу», – сказав він.

– Так, це аж ніяк не справа для поліції, – пробурмотів Пуаро.

– «Але я гадаю, що у вас вистачить розуму цього не робити, – додав Левінгстон. – Ось дивіться, ваш лист у цій китайській шухлядці з секретом». Він так тримав листа, щоб я могла його побачити. Я спробувала вихопити його, та Левінгстон був спритніший за мене. З жорстокою

посмішкою на вустах він склав листа і поклав його назад до шухлядки. «Тут він і лежатиме, – сказав він, – а шухлядку я ховаю у такому місці, що вам її не знайти». Я мимоволі кинула оком на маленький сейф у стіні. Він похитав головою і знову зареготав. «В мене є схованка краща за цю». Він мерзотник, бридкий мерзотник, містер Пуаро, невже ви зможете мені допомогти?

– Майте віру в старого Пуаро, і я все влаштую.

«Це звучить дуже впевнено, – думав я, в той час як Пуаро галантно проводжав сходами нашу чарівну відвідувачку, – та як би не вийшло, що цей горішок не на наші зуби».

Коли Пуаро повернувся, я йому так і сказав. Він тужно кивнув головою.

– Так, – сказав він, – тут важко щось вигадати. У цього Левінгстона усі козири. Зараз мені й самому не до тями, як нам його перехитрити (обдурити)⁴.

Левінгстон зайшов до нас того ж дня по обіді. Леді Мілісент мала абсолютну рацію, коли казала, що він огидний. Мені аж носок пантофля свербів, так кортіло дати йому, щоб він усі сходинки перерахував. Цей хвалькуватий нахаба явно вважав себе за господаря становища. Усі пропозиції Пуаро він просто висміяв. Мушу сказати, що Пуаро тримався не кращим чином. Він здавався збентеженим і безпорадним.

– Ну, добре, джентльмени, – сказав Левінгстон, беручись за свою шляпу. Щось не схоже, щоб ми дуже продвинулися у цій справі. Отже, послушайте: я зроблю знижку для леді Мілісент, звертаючи на її красу (беручи до уваги)⁵ і молодість. – Він глузливо подивився на нас. – Хай це буде 18 тисяч фунтів. Сьогодні їду до Парижа – в мене там маленький бізнес, панове. Повернуся у вівторок. Якщо у вівторок гроші не будуть сплачені, я надішлю цього листа до герцога. І не кажіть мені, що леді Мілісент не подуває такої суми. Знайшлося б немало чоловіків, котрі охоче зробили послугу для такої вродливої жінки, аби вона знала, як за це взятися.

Я спалахнув і зробив крок вперед, та Левінгстон встиг вискочити з кімнати.

– Боже мій єдиний! – скрикнув я. – Треба негайно щось робити! А ви сприймаєте все це з абсолютноною покорюю.

– У вас чудове серце, мій друже, – відповів Пуаро, – але ваші сірі кліточки перебувають у плачному стані. Я не маю ні найменшого бажання демонструвати Левінгстону свої здібності. Чим більш легкодухим він мене вважатиме, тим краще.

– Чому?

– Який збіг, – пробурмотів Пуаро задумливо, – що мені трапилось висловити бажання скоїти щось протизаконне якраз перед тим, як прийшла леді Мілісент.

– Ви збираєтесь вдертися до його будинку, коли він поїде? – здивувався я.
 – Іноді, Гаскінгсе, ваш розум працює з дивовижною швидкістю.
 – А якщо він повезе цей лист із собою? Пуаро похитав головою.
 – Це мало ймовірно. Судячи з усього, в нього вдома є схованка, яку він вважає за неприступну.

– А коли ми підемо... це робити?
 – Завтра вночі. Вийдемо звідси біля одинадцятої.

В призначений час я був готовий. Пуаро осяяв усмішкою мій темний костюм і чорну шапку, зауваживши, що цей реквізит дуже пасує до моєї ролі, і ми рушили.

– Хіба ми нічого не візьмемо з собою, – спитався я в Пуаро, – ніяких інструментів, щоб зламати запори?

– Любий Гаскінгсе, згайте, що Геркюль Пуаро ніколи не користується такими примітивними методами.

Я відступився, але моя цікавість не вгавала.

Рівно опівночі ми дісталися до маленького саду в Буена Віста, де стоїть темний і мовчазний будинок Левінгстона. Пуаро прямо привів мене до вікна у задній стіні, беззвучно підняв шибку (В Англії шибки в домах підіймаються й опускаються на зразок вікон в наших залізничних вагонах. – Примітка перекладача)⁶ і запросив мене всередину.

– Звідки ви знали, що вікно не буде зачинено? – не втримався я, бо це дійсно здавалося неймовірним.

– Я сам відчинив його вранці.

– Як?

– Ну, звичайно! Це була найпростіша річ. Я прийшов, пред'явив офіційне посвідчення інспектора Джеппа і сказав, що мене прислали з Скотленд-Ярду на прохання містера Левінгстона і що я маю прилаштувати до вікон спеціальні пристрої проти злодіїв. Його економка зустріла мене з ентузіазмом. Вона каже, що грабіжники вже двічі відвідували їх (мабуть, наша маленька ідея спала на думку й іншим клієнтам Левінгстона), але нічого коштовного не взяли. Я оглянув усі вікна, полишивши одне з них відчиненим, наказав слугам не торкатися їх, бо вони, мовляв, з'єднані електрикою, та й пішов собі.

– Пуаро, ви справжній чародій.

– Моп амі, це було дуже просто. А зараз до роботи! Слуги сплять на верхньому поверсі, отже, ми не дуже ризикуємо сполохати їх.

– Я так зрозумів, що сейф десь у стіні.

– Сейф! – відказав Пуаро. – Дурниці. Ніякого сейфу! Містер Левінгстон

розумний чоловік. Ось побачите, що він влаштував значно дотепнішу схованку, ніж сейф. У сейфі кожен шукатиме.

На цьому ми розпочали ретельний обшук. Протягом кількох годин ми перетрусили усе помешкання, але нічого не знайшли. Я бачив, що Пуаро починає нервувати.

– Чорти забирай! – вигукнув він. – Невже Геркюль Пуаро переможе-ний? Ні в якому разі! Треба заспокоїтись. Треба міркувати. Треба думати. Треба, врешті-решт, дати роботу нашим маленьким сірим кліточкам.

Кілька хвилин Пуаро мовчав, зламавши брови у глибокій задумі. Аж раптом в його очах спалахнули добре знайомі мені зелені вогники.

– Який я недоумок! Кухня!

– Кухня? – вигукнув я. – Це неможливо. Там слуги, від них нічого не сховаєш.

– Ну, звичайно. Дев'яносто дев'ять чоловік із ста так і скажуть. Саме тому він і вибрав кухню, де, до того ж, безліч різних речей домашнього вжитку. Отже – до кухні.

Я пішов за ним, настроений дуже скептично, і деякий час мовчки дивився, як він нишпорить по шафах, вистукує каструлю і ниряє головою до газової печі. Коли це мені набридло, я повернувся до кабінету, бо був переконаний, що тільки там варто шукати. Я знову усе уважно обдивився, помітив, що вже чверть на п'яту і, збагнувши, що незабаром світатиме, пішов на кухню до Пуаро.

На мій превеликий подив, Пуаро стояв просто в рундуці з вугіллям, його елегантний літній костюм перетворився на брудне ганчір'я. Побачивши мене, він скривився.

– Мені і самому це не до смаку, але що я мав робити?

– Хіба Левінгстон міг закопати цю шухлядку в вугілля?

– Аби ви вміли дивитися, ви побачили б, що мене цікавить зовсім не вугілля.

Справді, на полиці за вугільним рундуком були купою звалені великі поліна. Пуаро спритно знімав їх звідти одне за одним. Раптом він тихенько вигукнув:

– Ваш ніж, Гаскінгсе!

Він встромив ножа в дерево, і поліно легко розколосся надвоє. Виявилося, що воно акуратно розпиловано і всередині видовбана хованка. З цієї хованки Пуаро витяг маленьку дерев'яну шухлядку китайської роботи.

– Ура! – заволав я, позабувши про все на світі.

– Тихше, Гаскінгсе. Не треба так репетувати. Ходімте звідси, доки ще темно.

Поклавши шухлядку до кишені, він легко вистрибнув з вугільного бункера, почистив костюм, наскільки це було можливо, і ми, полишивши будинок тим шляхом, що й прийшли, рушили в напрямку Лондона.

– Але яке несподіване місце. – Я не міг заспокоїтись. – Це поліно могли спалити кожного дня.

– В липні, Гаскінгсе? І воно було в самому низу купи. А ось і таксі. Зараз додому, ванна, і спати.

Втомлений нічними пригодами, я прокинувся пізно. Коли я прийшов до такої спільної з Пуаро вігальні, було вже близько першої. Пуаро напівлежав в кріслі, відкрита китайська шухлядка стояла перед ним, і він спокійнісінько читав листа, що витяг звідти.

Він привітно усміхнувся до мене, махаючи папірцем.

– Ця леді Мілісент мала рацію. Герцог ніколи не подарував би їй цього листа (Там трапляються такі слова кохання. Вона так пише про своє кохання – ніколи)⁷ Вперше чую, щоб люди так писали про своє кохання.

– Послухайте, Пуаро, – почав я досить гнівно. – (Я думаю, що)⁸ Ви не мали права читати цього листа. Так не роблять.

– Так робить Геркюль Пуаро, – відповів (сказав)⁹ він незворушно.

– І ще одна річ, – повів я далі. – Ваша витівка з посвідченням Джеппа – це не дуже чесна гра.

– Але ж я не грав, Гаскінгсе. Я вів справу.

Я здвигнув плечима. Якщо у нього такі переконання...

– Кроки на сходах, – сказав Пуаро. – Це леді Мілісент.

Занепокоєність на обличчі нашої чарівної клієнтки змінилася на вираз великого щастя, коли вона побачила листа і шухлядку, що їй простягнув Пуаро.

– О, містер Пуаро, це казково! Як ви це зробили?

– Досить недозволим шляхом, міледі. Та Левінгстон не подаватиме позов до суду. Це ваш лист?

Вона пробігла очима папірець.

– Так. О, якби ви знали, як я вам вдячна. Ви чудова людина, Пуаро! Де він сховав його?

Пуаро розповів їй.

– Який ви розумний!

Вона подивилась на маленьку шухлядку, що стояла на столі.

– Я візьму її на згадку.

– Проте, міледі, – сказав Пуаро, – я сподівався, що ви дозволите мені взяти її – теж на згадку.

– Але я знайду щось значно краще, щоб прислати вам на згадку в день свого весілля. Ви побачите, що я вмію бути вдячною.

– Приемність зробити вам послугу дорожче для мене за усякі гроші. То ж ви дозволите мені залишити цю шухлядку?

– Ні в якому разі, містер Пуаро, я не можу її віддати (відмовитися від неї)¹⁰, – гучно розсміялася вона.

Вона хотіла взяти її, та Пуаро встиг покрити шухлядку рукою.

– Вам доведеться віддати, – його голос знігився.

– Тобто як це?

Здалося, що її голос теж став різким.

– В усякому разі, – сказав Пуаро, – давайте подивимось, що там ще є. Ви ж бачите, я спорожнив шухлядку наполовину. Зверху лист, а знизу...

Він зробив спритний рух і витяг чотири великих палаючих каменя і дві білих, як молоко, перлини.

– Схоже на коштовності, вкрадені на Бонд Стріт, – пробурмотів він. – Джепп зараз скаже.

На моє щире здивування, Джепп одразу ж вийшов (з'явився)¹¹ із спальні Пуаро.

– Ваш старий знайомий, я гадаю, – ввічливо зауважив Пуаро до леді Мілісент.

– До дідька! – заволала вона, позабувши про свої аристократичні манери. – Ти – старий, хитрий диявол!

Вона дивилася на Пуаро з майже забобонним жахом.

– Привіт, Джерті, моя люба, – сказав Джепп. – Гра програна. Не сподівався побачити тебе знову так скоро. Твій спільник, джентльмен, який [...] приходив сюди і назвався Левінгстоном, вже сидить у нас. Що ж до справжнього Левінгстона, він же Крюгер, він же Руд, хотів би я знати, хто з вашої банди встромив в нього ножа в Голландії. Гадали, що він взяв товар з собою? (А він не взяв)¹² А він, мабуть-таки, добре знав, з ким має справу.

– Уявляєте, – він повернувся до Пуаро, – вони двічі робили трус в його будинку, дізнавшись, що коштовності там, та нічого не знайшли. Тоді вони покликали вас на допомогу.

– Ой, як ти любиш балакати, – сказала «леді Мілісент». – Ну досить вже, веди мене. Я не робитиму галасу, як справжня леді. Ну, ви усі, будьте!

Остовпіння забрало мені мову.

– В неї не ті пантофлі, – промуркотав Пуаро задумливо. – Я зробив кілька спостережень щодо Ваших англійців, і мушу сказати, що для леді,

для справжньої леді взуття – перш за все (приділяє взуттю велику увагу)¹³. Вона може бути зодягнена в дрантя, але вона завжди буде прекрасно взута. А наша леді Мелвсент прийшла (була)¹⁴ в прекрасній дорогій сукні і дешевих пантофлях. Вона сподівалася, що ні ви, ні я не зустрічалися зі справжньою леді Мілісент – вона майже не бувала в Лондоні. До того ж, ця дівчина трохи гримувалася під неї, але, як вже казав, її пантофлі викликали в мене підозру. Спочатку пантофлі, а потім її розповідь та її серпанок – вони здалися мені дещо мелодраматичними. Уся їхня зграя мусила знати про китайську шухлядку з підробним компрометуючим листом, а хованка в поліні – це вже була власна ідея небіжчика Левінгстона. Eh, par exemple (До речі. – Примітка перекладача)¹⁵, Гаскінгсе, я сподіваюсь, що ви більше не ображатимете моїх почуттів, кажучи, як учора, що злочинці про мене і не чули. Ma foi, вони навіть наймають мене, коли самі безпорадні.

Розслідування загадкової низки смертей, що приключилася (сталася)¹⁶ по (після)¹⁷ відкриттю домовини (гробниці)¹⁸ фараона Мен-Ра, я вважаю найцікавішою і найдраматичнішою з усіх пригод, що мені випало ділити з Пуаро.

Археологічна експедиція сера Джона Вілларда і американця Блейбнера, яка вела розкопки поблизу Каїра, несподівано потрапила на анфіладу поховальних комор. (Їхне)¹⁹ Відкриття викликало величезний (великий)²⁰ інтерес. Виявилось, що домовина належить фараонові Мен-Ра – одному з тих фараонів восьмої династії, що царювали в період за-непаду та загибелі Старого Царства; пройшли, наче тінь, не лишивши по собі майже жодної згадки.

Про знахідки експедиції багато писали газети.

І тут сталася подія, котра (яка)²¹ викликала неабияке збудження: сер Віллард нагло помер від розриву серця.

Ласі до сенсації газети негайно вхопилися за можливість витягнути на світ старі байки про зловісні єгипетські скарби. Навіть безневинна висохла мумія з Британського музею не уникала їхньої уваги і, незважаючи на тихий опір науковців, посіла центральне місце на газетних шпальтах.

Через два тижні по тому містер Блейбнер помер від гострого зараження крові, а ще через кілька днів його небіж застрелився в Нью-Йорку. З того часу поговорі про «фараонове прокляття» вже не вщухав, усі тільки й балакали про магичні сили древнього Єгипту.

Саме тоді Пуаро одержав короткого листа від леді Віллард, удови археолога, із запрошенням завітати до її будинку (неї) на Кенгінстон Сквер. Я пішов разом з Пуаро.

Леді Віллард – висока худорлява жінка – була в жалобі (глибокому траурі)²². Її змарніле обличчя красномовно свідчило про велике горе, що вона несла.

– Дуже люб'язно з Вашого боку, месьє Пуаро, що Ви одразу відгукнулися на моє запрошення, – почала (сказала)²³ вона.

– Я до Ваших послуг, леді Віллард. Вам потрібна моя порада? (Ви хотіли порадитись зі мною?)²⁴

– Ви відомі як детектив, месьє Пуаро, але я хочу порадитись з Вами не тільки як з детективом. Я знаю, що Ви – людина з оригінальними поглядами, з увагою, із знанням світу. Скажіть мені, месьє Пуаро, що Ви думаєте про надприродне?

Пуаро з хвилинку вагався, перш ніж відповісти, здавалося, що він ретельно зважає кожне слово. Нарешті він сказав:

– Я хотів би уникнути усякого можливого непорозуміння, леді Віллард. Навряд чи Вас дуже цікавлять мої загальні думки з цього приводу. Отже, йдеться про смерть вашого чоловіка.

– Так, – погодилась вона.

– Ви хочете, щоб я розслідував обставини його смерті?

– Я хотіла б, щоб ви з'ясували для мене, чи має якісь реальні підстави уся ця газетна балаканина. Адже три смерті, месьє Пуаро! В кожній з них, узятій окремо, нема нічого загадкового, але разом вони являють трагічний не пояснений збіг. І все це протягом місяця по відкриттю домовини. Можливо, це тільки забобони, а може, й дійсно існує старовинне прокляття, що діє у спосіб, невіддільний сучасній науці. Але факт залишається фактом – три смерті! І я боюсь, месьє Пуаро, я страшенно боюсь, що це ще не край.

– За кого ви боїтесь?

– За сина. Коли прийшла звістка про смерть чоловіка, я хворіла. Син, який щойно скінчив (повернувся з)²⁵ Оксфорд, одразу ж помчав (поїхав)²⁶ (туди)²⁷ до Єгипту. Він привіз його, його тіло додому, і знову поїхав (повернувся)²⁸ туди (на розкопки)²⁹, не зваживши на усі мої благання й моління. Син до безтяму (Він)³⁰ захоплений археологією, він хоче (вирішив)³¹ продовжувати справу батька і вести розкопки далі. Ви можете вважати мене нерозумною марновірною жінкою, але я боюся. А якщо дух фараона не хоче вдовольнитися трьома смертями? Звичайно, Вам це здається нісенітницею...

– Ні в якому разі, леді Віллард, – швидко сказав Пуаро. – Я теж вірю в силу забобонів. Це велика сила.

Я (був)³² здивувався, бо мені ніколи і на думку не спало б, що Пуаро забобонний.

Та він, здавалось, говорив цілком щиро.

– Отже, якщо ви доручите цю справу мені, я зроблю усе можливе, щоб відвести загрозу від вашого сина.

– Так, звичайно, загрозу. Та як зарадити небезпеці, що йде від потойбічних, непідвладних нам сил?

– У фоліантах середньовіччя, леді Віллард, можна знайти чимало способів, як протидіяти чорній магії. Певно, ті люди знали більше, ніж ми зараз з усією нашою хваленою наукою. Та почнемо з фактів, щоб мати якусь систему. Ваш чоловік, як я зрозумів, все своє життя присвятив египтології?

– Так, він вважався одним з найбільших авторитетів у цій галузі.

– Проте містер Блейбнер був скоріше аматором, ніж ученим?

– Саме так. (Це (він) був дуже багатий чоловік, котрий)³³ Великі гроші дозволяли йому хапатися за будь-яку справу, що ставала його примхою. Чоловікові поталанило зацікавити його египтологією, (він)³⁴ містер Блейбнер погодився фінансувати експедицію.

– А його небіж? Що то був за один? Він теж був з експедицією.

– Гадаю, що не був. Та я взагалі нічого не чула про нього, доки не (про)³⁵ дізналася з газет про його смерть. Не думаю, щоб дядько мав до нього якусь прихильність. Містер Блейбнер ніколи не згадував про свого небожа.

– А хто входить до складу експедиції?

– Це співробітник Британського музею доктор Тосвіл, містер Шнайдер з Нью-Йоркського Метрополітен-музею, молодий американець – секретар містера Блейбнера, доктор Еймз – лікар експедиції, та Хасан, старий служник мого чоловіка.

– Ви не пам'ятаєте (А яке)³⁶ прізвища цього секретаря?

– Здається, Харпер, та я не певна. Він недовго працював у містера Блейбнера. Дуже приємний хлопець.

– Красно дякую, леді Віллард, – підвівся Пуаро.

– Та, може, у Вас є якісь запитання?

– Зараз (Поки)³⁷ нема. Покладіться (в цьому)³⁸ на мене, і будьте певні – я зроблю усе, що є в людських силах, щоб врятувати (захистити)³⁹ вашого сина.

Навряд чи це дуже підбадьорило леді Віллард, бо я помітив, що на слові «врятувати» вона легко здригнулася. Але той факт, що Пуаро і гадки не мав кепкувати з її ляку, здавалося, трохи розрадив її.

Щодо мене, я аж ніяк не міг повірити, що Пуаро має таку схильність (такий нахил)⁴⁰ до забобонів. Коли ми поверталися додому, я обережно почав розмову на цю тему.

– Ну, звичайно, Гаскінгсе, – сказав Пуаро, – я вірю в такі речі. Я вже казав, що забобони – то велика сила. І цю силу не можна недооцінювати.

– А що ж нам робити в такій ситуації?

– *Jonjours pratique* (Відповідно до обставин)⁴¹, любий Гаскінгсе. Для початку потелеграфуємо до Нью-Йорка, щоб мати усі подробиці смерті молодого Блейбнера.

Так ми і зробили. Відповідь не забарилася, і ми дізналися, що в (молодого)⁴² Руперта Блейбнера завжди гуло в кишенях. Кілька років він протинявся на тихоокеанських островах, (десь там підробляв)⁴³ мав там якісь копійчані підробітки, та час від часу одержував із Штатів невеличкі грошові перекази. Два роки тому він повернувся до Нью-Йорка і почав опускатися все нижче і нижче. Найбільш знаменним мені видався той факт, що він все-таки спромігся роздобути гроші на подорож до Єгипту. «Там в мене є справжній друг, (він надасть мені)⁴⁴ я зможу позичити у нього», – запевнив (заявив)⁴⁵ молодий Блейбнер. Та, мабуть, не так сталося, як гадалося, бо він швидко повернувся додому, обкладаючи прокльонами свого скнару-дядька, якого більше обходили кістки давно померлих і забутих фараонів (обходили більше)⁴⁶, ніж живий небіж – рідна кров. Саме під час його нетривалого перебування в Єгипті і помер сер Віллард.

В Нью-Йорку Руперт Блейбнер знову поринув був у гуляще життя, та раптом, несподівано для всіх, вчинив самогубство, залишивши досить загадкового листа. Здавалося, що він написав його у навалльному приступі каяття. В цьому листі він назвав себе виродком і прокаженим, а на закінчення написав, що таким, як він, краще вмерти.

В мене одразу ж склалася своя теорія. (Адже)⁴⁷ Я і раніше (ніколи)⁴⁸ не вірив у «помсту фараона», а зараз я побачив тут цілком сучасний злочин. Припустимо, цей хлопець вирішив позбутися дядька, отруївши його. Та внаслідок помилки цю смертельну дозу одержує сер Віллард. Руперт мчить до Нью-Йорка, жахаючись власного злочину, і там його наздоганяє звістка про смерть старого Блейбнера. Збагнувши, яким безглуздом був його злочин, він не виносить докорів сумління і кінчає з собою.

Я поділився своїми припущеннями з Пуаро. Він був зацікавлений.

– Дуже дотепна теорія, Гаскінгсе, – сказав він. – Справді, дуже дотепна. Вона навіть могла б бути вірною. Та ви залишили поза увагою лиховісну фараонову домовину.

Я знизав плечима.

– Та, певне, ви і досі переконані (зараз серйозно гадаєте)⁴⁹, що та домовина має якесь відношення до цієї справи?

– Настільки переконаний, мон аті⁵⁰, що ми завтра ж вирушимо до Єгипту.

– Що, – вигукнув я, вражений новиною.

– Хіба ви не розчули? Вирушимо до Єгипту.

Обличчя в Пуаро сяяло відчуттям власного героїзму. Та раптом він знітився.

– Аби не це море! – простогнав він. – Це кляте море!

Проминув тиждень. Під нашими ногами стелився золотий пісок пустелі. Скажене сонце палало просто над головою. Пуаро, що плентався поруч, являв собою жалюгідне видовище. Маленький бельгієць був кепським мандрівником. Чотириденна подорож з Марселя до Олександрії злилися для нього в безперервну агонію. Коли Пуаро зійшов на берег, він був схожий на власний привід, навіть його знаменита охайність зрадила йому. Ми приїхали до Каїра і зупинилися в «Мена-хауз готелі», що стояв біля самісіньких пірамід.

Мене одразу ж полонив чар Єгипту, проте Пуаро був невразливий. Зодягнений точнісінько так, як він вбирався в Лондоні, Пуаро носив в кишені маленьку одяжну щітку і з її допомогою вів безперервну війну з порохом, котрий знову і знову садився на його шати.

– На що схожі мої черевики! – бідкався він. – Подивіться, Гаскінгсе, мої прекрасні лакові черевики, що завжди сяяли в мене. А зараз у них всередині пісок, і мені боляче ходити, і зовні теж пісок, і мені боляче на це дивитися. А від цієї клятої спеки мої вуса виснуть додола, виснуть, та й годі!

– Та подивіться на сфінкса! – не втримався я. – Навіть я здатний відчувати його красу і чари його таємниць.

Пуаро подивився на мене з досадою.

– У цього сфінкса не дуже щасливий вид, – кинув він. – Та ще б пак! Напівпохований у цьому клятому піску...⁵¹

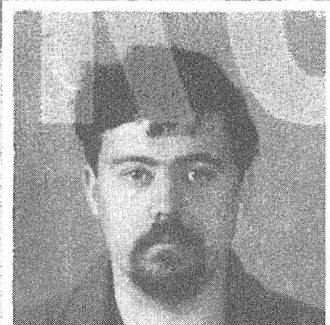

Місце

печатки

«Підго
проводити
поєднання
(З зак
про дальш
«Всі с
повний ку
них п
«Косин
післ
«До
23 червня
і про кері
«Косин
кварт./е
рикула за
ходження,
матрикулі
мєни і при
(З тип

ORGET

02
03

Фото з архіву сім'ї Кисельових:

- 01 Залікова книжка Леоніда Кисельова
- 02 Леонід Кисельов. Червень 1968 р.
- 03 Сторінка «англійського» зошита Леоніда Кисельова

stumble ступакозер stambl (127)
 fumble ґамуґаз, шешитз
 word. об'явленний намета (128)
 adjust прилаштуваць, прилаштуваць
 tendon сухожилля
 pad ґрамаст
 intently вимислено (129)
 sneak - красть, украть
 ferry кидати, спремиваць (130)
 incoeduous незалежний, незалежний
 sponsor напромуєти, напромуєти
 muse розмішувать, задумиваць (131)
 beckon киваць, знаєти рукамі
 endorse підписувати на звороті, погодиваць
 division розділ
 rehabilitation відновлення, реконструкція
 assemble монтуваць (132)
 manual ручний
 dexterity проворство, спробва
 quarter - квартира
 certificate атестаць, ґанісон (ам)
 prompt [р] швидко, швидко (133) ←

quadrangle чотирикутний ґляс (134)
 welfare благополуччя
 case справа, караць
 informant осведомлений, ґанісон (135)
 supervisor наглядаць, наглядаць
 a fold-out map
 flip перемаць, перемаць ґаґермаць
 efficiency продуктивність (136)
 contentment задоволення

Зошит восьмий / Тетрадь восьмая

[1967]—
1968

переклади статей
переводы статей

[1967] – 1968

Переклад з англійської

Не треба великої спостережливості, щоб помітити, як потерпають рослини від живих істот: тварин та комах-шкідників¹. Приклади не завжди бувають такими наочними, як цілі терени, спустошені сараною, чи великі ділянки африканського лісу, погопані слонами, чому навіть деякі біологи недооцінюють значення повсякденної боротьби між рослинами і тими, що їми живляться. Але наукові пошуки довели, що ця боротьба є визначним фактором еволюції та утворення поведінки «рослиноядних».

Так, наприклад, колючі кактуси опунції, що захаращували австралійську територію Квінзленд і робили її негожою для випасу, майже зовсім зникли після того, як до Австралії завезли південноамериканську кактусову міль. Але цікаво, що знайти цю міль дуже важко, бо коли і пощастить натрапити на жалюгідний клаптик землі, порослий вцілілими опунціями, молі там нема. Кактуси є і залишаються де-не-де саме завдяки тому, що міль ще не встигла туди дістатися, коли ж дістається, то спочатку зникають з'їдені опунції, а потому і сама міль – від нестачі їжі.

Взаємозв'язок між рослинним і тваринним світом не завжди очевидний, інколи встановлення цього зв'язку потребує тривалих досліджень, та кожний успіх на цьому шляху у великій мірі збагачує наші знання про навколишній світ, накреслює шляхи до кращого використання земних ресурсів.

Наведу ще два приклади такого взаємозв'язку. Австралійська сосна, що була вже ледве не остаточно знищена кролями, почала потроху відвоювати життєвий простір після того, як в країні штучними заходами різко зменшили поголів'я цих ненажер.

В Австралії маємо також приклад того, як наявність чи відсутність певного виду тварин впливає на еволюцію рослин. Акації, що ростуть в Африці та тропічній Америці, захищаються від травоядних загрозливо настовбурченими вістрями, в Австралії ж, де ще до недавнього часу травоядних було мало, акації позбулися непотрібної зброї і мають мирний вигляд.

КОМАХИ І МИ

Переклад з англійської

За останніми підрахунками, на Землі існує близько трьох мільйонів різновидів комах – кількість, що набагато перебільшує число різновидів тварин і рослин, взятих разом. Якщо ж враховувати кожну комашину особистість окремо, то вийде, що поруч з нами літає, повзає чи рие свої ходи під землею мільярд мільярдів комах, або ж 10 [у] 18 [ступені]. 99,9% з цих трьох мільйонів різновидів нешкідливі з людської точки зору, або корисні – досить згадати бджіл. Отже, весь клопіт в отій 0,1%, тобто в 3000 різновидів сільськогосподарських шкідників та комах, що переносять хвороби. Останні особливо небезпечні. Віруси та бактерії – їхня могутня зброя, інколи здається, що комахи зчинили зловісну змову з метою винищити людство.

Людина спромоглася вижити завдяки генетичному захисту, яскравим прикладом якого є наявність в червоній крові серповидних клітин. Наявність таких клітин може привести до тяжкої хвороби, але саме ці клітини дають стійкий імунітет проти малярійного вірусу. Вважають, що ця форма захисту виникає внаслідок генетичної мутації в первісних людей, що мешкали в малярійних районах Африки.

І вже тільки в наш час людство перейшло від пасивної оборони до активного наступу на шкідників, взявши за зброю пестициди – хімічні отруйні речовини. Це могутній засіб боротьби, та, на жаль, існуючі зараз пестициди мають два істотних недоліки. По-перше, вони не вибирають поміж шкідниками та іншими комахами – трапляється, що сільськогосподарська авіація винищує цілі пасіки. Більше того – накопичуючись в Землі, у воді чи в рослинах, пестициди становлять загрозу і для людини. По-друге ж, комахи демонструють казкову здібність виробляти захист проти отруйних речовин. Отже, йдеться про створення таких хімічних сполук, що діяли б тільки проти шкідників, не шкодячи іншим живим організмам і (а також мали б стійку ефективність) не знижували б своєї ефективності через те, що комахи пристосовуються до них. Останні щукання в цій галузі дають підстави сподіватися [на] успіх. Головна ідея цих шукань полягає у знищенні шкідників за допомогою їхніх же гормонів.

Після того, як 25 років тому було вперше застосовано діхлородифенілтрихлоростан, здавалося, що споконвічну війну із шкідниками нарешті виграно. Якомога більше ДДТ, і вони мертимуть як мухи! Та не пройшло і кількох років, як виявилось, що радість була передчасною. Комахи блискавично справилися з отруєю. ДДТ зробився складовою частиною об-

міну речовин в комарів, вошей, мух та інших паразитів, і незабаром вони вже ковтали його, наче цукерки. Треба було шукати чогось іншого.

Хіміки одчайдушно змагалися з комахами і щоразу програвали, бо останні зараз же пристосовувалися до нових хімічних сполук. До того ж, поруч з ростом виробництва пестицидів зростало усвідомлення того, що їхня загальна токсичність являє собою небезпеку.

Тільки вивчення загальної фізіології комах протягом останніх десяти років показало спосіб, в який можна буде перебороти (усі)² ці труднощі. Надії покладаються на ювенільний гормон, що його виробляють усі комахи на певних стадіях свого життя. Це один з трьох секретів, котрі регулюють ріст комах і перехід від гусені до ляльки та від ляльки до дорослої особи. Ювенільний гормон синтезується в *corpora allata* – двох маленьких залозах, що містяться в голові комах. Ці залози регулюють також надходження гормону до крові. На певних етапах розвитку комах гормон конче потрібний, але на інших етапах його наявність неприпустима, інакше розвиток буде ненормальним. Так, наприклад, ювенільний гормон є необхідним в період росту ляльки, але для того, щоб стався перехід від ляльки до дорослої особи, його надходження до крові мусить припинитися і відновлюється вже в дорослої особи. Останні досліді показали, що нормальний розвиток комашиних яєць можливий тільки при відсутності в них ювенільного гормону.

Оці періоди, коли ювенільний гормон має бути відсутнім, і є ахіллесовою п'ятою комах, бо він легко проникає до їхніх організмів і викликає в них згубні зміни. В такому випадку з яєць вже ніколи не вилупляться гусені, або ж недорозвинені особи помруть, не залишивши нащадків.

Ювенільний гормон є, так би мовити, власною речовиною комах, отже, він не шкодитиме іншим формам життя. Головна ж його позитивна якість полягає в тому, що комахи не можуть виробляти захисту проти власного гормону, бо це було б рівнозначно самогубству.

Дванадцять років працювали вчені над тим, щоб виділити гормон в чистому вигляді і визначити його формулу – $C_{18}H_{36}O_2$ (індекс). Ефективність нового пестициду просто вражає – досліді на мучних хрущачках показали, що одного граму досить, щоб знищити близько мільярда цих створінь. Та, на превеликий жаль, ювенільний гормон, так само, як усі інші пестициди, не відрізняє шкідників від інших комах, гублячи усіх. За цих умов його беззастережне застосування привело б до страшної катастрофи.

Потрібен препарат, що діятиме «індивідуально» – вбиватиме тільки ті види комах, проти яких він спрямований. Створення такого препарату –

надзвичайно складне завдання, але зараз є всі підстави сподіватися, що його буде розв'язано.

Треба сказати, що відкриття, яке накреслило шлях до розв'язання цієї проблеми, було у значній мірі випадковим, коли в Гарвардському університеті спробували вирощувати для дослідів жуків *Rugthocoris arterus*, що їх вивезли з Чехословаччини. Спроба була невдалою – комахи гинули, так і не досягнувши статевої стиглості, і це можна було пояснити тільки впливом якогось побічного джерела ювенільного гормону. Цим джерелом виявився звичайнісінький папір, котрим устинали комашині домівки. З'ясувалося також, що папір, вироблений в Європі чи в Японії, не шкодить жукам, і тільки папір американського походження має таку згубну силу завдяки бальзамічній піхті, яку широко використовує паперова промисловість США та Канади.

Досліди показали, що бальзамічні піхти синтезують хімічну сполуку, яка за своїм складом близька до ювенільного гормону, але діє тільки проти однієї родини шкідників. Вічнозелені дерева не мають потреби в комах – їх опилює вітер, комахи ж тільки шкодять їм. Цілком ймовірно, що в боротьбі із своїми природними ворогами інші породи хвойних дерев синтезують інакші різновиди ювенільного гормону, що діють (виключно) проти інших видів шкідників, і тільки проти них.

Якщо це так, незабаром має з'явитися цілий арсенал новітніх хімічних засобів, які нарешті принесуть (забезпечать)³ людині перемогу в давній боротьбі з небезпечним і підступним ворогом.

1968

СВІДЧИТЬ СТАТИСТИКА

Переклад з англійської

Згідно з останніми даними, за період з 1954 року смертність у Сполучених Штатах зросла на 4,7 відсотка. Найфатальнішими виявилися хвороби, пов'язані з палінням сигарет: атеросклерози серця, від яких щороку вмирає 290 чоловік на 100 тисяч населення, та рак легенів, що спричиняє зараз до більшої кількості смертей, ніж автомобільні катастрофи. Смертність серед кольорового населення США вища за смертність серед білих. [Афроамериканці] частіше вмирають від серцевих хвороб, діабету, пневмонії, а також від нещасних випадків. Особливо вражає різниця між цифрами дитячої смертності серед кольорового та білого населення – з

кожної тисячі кольорових дітей вмирає 42 новонароджених і 22 – з кожних тисячі білих. Втім, навіть за дитячою смертністю серед білих США набагато випереджають такі капіталістичні країни, як Швеція, Фінляндія, Нідерланди, Австралія.

[1968]

ПО ОБИДВА БОКИ ОКЕАНУ

Переклад з англійської

Визначення віку двох геологічних районів, розташованих на протилежних боках Атлантичного океану, дало ще одне свідчення на користь гіпотези, згідно з якою 230 мільйонів років тому існував суперконтинент Гондвана, що складався з сучасної Індії, Австралії, Антарктиди та Південної Америки. Виміри показали, що гори Західної Африки діляться на дві різко відмінні за віком групи – ті, що розташовані на території Гани та Берега Слонової Кості, нараховують близько двох мільярдів років, гори Дагомії та Нігерії майже вчетверо молодші. Припасувавши на папері один континент до іншого, вчені переказали, що відповідний розподіл за віком має бути знайдений в горах Південної Африки, причому лінія розподілу проходить по північному узбережжю Бразилії, на схід від Сан Луї. Досліди повністю ствердили це передбачення. Отже, є всі підстави вважати, що колись південна Америка та Африка являли собою єдину геологічну формацію.

[1968]

СМАК ВОДИ

Переклад з англійської

Які фактори впливають на смак води, роблять її приємною чи неприємною для споживання? Це важливе питання, бо дедалі зростаюча потреба людства в воді привела до використання опрісненої морської води та підземних вод, що містять багато мінеральних солей. Вчені з Каліфорнійського університету досліджують проблему смачної води за допомогою групи дегустаторів. Виявилось, що чиста вода в тому розумінні, що з неї вилучено усі мінерали, не така вже радість для споживання. Дегустато-

ри одностаино заявили, що дистильована вода за смаком нагадує картон. Всупереч поширеній думці, що вода чим холодніша, тим смачніша, доведено, що вода з-під крану має найкращий смак за кімнатної температури. Щоправда, вода з високим вмістом мінералів краще смакує в охолоджену стані. Виявилось також, що третина дегустаторів більше полюбляє підсолену воду, в той час як [інші] їхні колеги рішуче відмовилися визнати її споживною. Метою дальших експериментів буде з'ясування впливу хімічного складу на смак [кави] та інших безалкогольних напоїв.

[1968]

ЕЛЕКТРОНИ РЯТУЮТЬ ЯЄЧНЮ

Переклад з англійської

Курячі яйця б'ються попри всякі запобіжні заходи, і це справжня біда для власників ферм, продавців та хатніх господинь, над як[ою] зараз працюють фахівці з Міністерства сільського господарства США. Їхній винахід обстрілює яйця електронами з високим зарядом енергії і підраховує кількість електронів, що відбиваються від шкаралупи яйця. Чим більше електронів відбито, тим товще і міцніше шкаралупа. Вважають, що широкое застосування цього приладу на курячих фермах дасть можливість з'ясувати, які саме породи курок несуть надто тендітні яйця, і замінити їх на інші, що забезпечують свою продукцію більш надійним панциром. Прилад дасть неабияку економію, якщо врахувати, що в США 930 мільйонів яєць гине щороку від нещасних випадків на шляху від курки до споживача.

[1968]

Фото з архіву

сім'ї Кисельових:

- 01 Характеристика студента факультету іноземних мов Київського державного університету ім. Т.Г. Шевченка Леоніда Кисельова. 1967 р.
- 02 Леонід на відпочинку в Одесі
- 03 Нотатки Леоніда Кисельова

27 ЛИПНЯ 1967 р.

01 ХАРАКТЕРИСТИКА 02

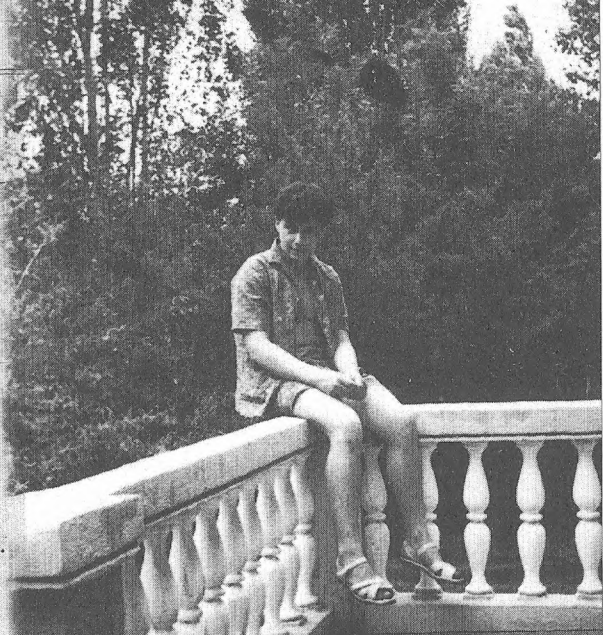
Студент факультету іноземних мов Київського державного університету Кисельов Леонід Володимирович проходив практику в редакції нашого журналу з 4-го по 28 липня н.р.

За час проходження практики Кисельов Л.В. проявив себе сумлінним і обізнаним із справою працівником. В нашому журналі в жовтні цього року був опублікований його переклад з англійської оповідання Дж.Уїндама. Ціні матеріали, підготовлені Л.В.Кисельовим, будуть надруковані у вересневому і жовтневому номерах "Науки і суспільства".

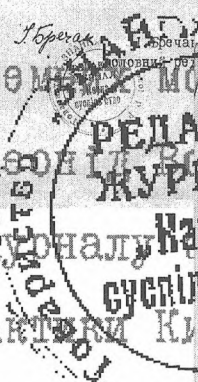
Крім того, Кисельов підготував для внутрішнього користування кілька рефератів по матеріалах зарубіжної наукової та науково-популярної періодики.

Всі завдання редакції він виконував старанно й в строк.

Характеристику видано для пред'явлення за місцем навчання.

ету іноземних мов
Кисельов Леонід
нашого журналу
практики Київського
знаним із справ
цей рік був от
овідання Дж.Уїнда
льовим, будуть
мерах "Науки і су
льов підготував
атів по матеріал

The infirmary was a small room, and, as he entered, he saw the kneeling man, who was taking his medicine. He called him by name, and he rose to his feet. He had read it in the newspaper, and he had heard the doctor's name. He went on his story. After a cigarette he cleaned his throat and took a sip of tea. When she left, he was glad he had his work to fall back on. I fell back on his invention entirely and never asked for what will happen to us. I didn't expect her to come staying with me and was completely surprised when she nodded in assent. Of course, she was not so clever as my wife. Her first her thigh was a real piece of art. The indigenees' dances and songs were the most strange thing I had ever seen. Two indigenes were gathering herbs. The indigenee knows a herb which helps better than any potent medicine. I need the keys of my typewriter changed. Black and white keyboard of pions attracted her attention. She went to her eyes from it. Her tiny flat was very neat. His pen are neat but there's no real life in them. He's not a man. He sees snakes after a few sips of neat whisky. The doctor advised me neat apple juice. His bunches of neat are well known to all farmers in Texas. An obstinate cow—that's what you are! Her disease turned to be obstinate and we gave back all our plans for summer. Put some herbs into neat tomato juice and stir until it bubbles. Lift bubbles within him. He bubbles with boisterous hilarity. Our order of circulation let us see any part of the country. Communist dignitaries were recalled from the Parliament and barred from the conference. He also was not given exit permit and couldn't leave the country. The way he spoke was hard explicable. In some inexplicable way he became M.P. Her face only loomed in my memory but I remember she was inexplicably beautiful. The U.S. Government enlists American fellows to fight the dirty war in Vietnam. The uniform was always her home and he

Зошит дев'ятий / Тетрадь девятая

1957 –
1968

записники
блокноты

1957 – 1968

Святошино. – Кардиналину. Приехали 11.40 скоростью 15-20 км в час приехали. Сейчас сидим и ждем. Какого черта?

1 июля 1957

1959

Ветер холодный в спину.***
В лужицах тонкий лед.
В лес, на поляну, сына
Старый отец ведет.

Дерево ветер крестит,
Листья шуршат, шуршат.
Молча идут они, вместе
Ищут зарытый клад.

21 октября 1959

1960 – 1961

12/VII – 60 г.

Поступления

1/ Константин и Василий. Византия. IX в.¹

2/ Пантикапей II в. (лук и стрела)

3/ В честь коронации Октавиана Августа

Завтра (13)

до 13 написать письмо Ляле.

13 – 14 – к хирургу.

14 – 18.30 Зуммер

18.30 – Сергей

Дмитрий. Брат Алексея Михайловича. Характером был похож на Ивана IV, и придворные так осторожно отравили его, что все считали, что он умер своей смертью (Посредственные люди боялись незаурядной личности).

О, это был джентльмен! Даже сев на электрический стул, он приподнял брюки. Чтобы не пузырились штанины.

Это был очень упрямый подсолнух. Его наклоненная головка неизменно торчала в одном направлении на Восток. (Как и булава гетмана Хмельницкого). До полудня солнце грело его, а затем уходило за крышу дома. Но подсолнух весь день и всю ночь не поворачивал головы, упрямо веря, что солнце вновь появится именно оттуда, куда он смотрит. Это был очень оптимистичный подсолнух.

Впрочем, солнце, как правило, поднималось с Востока.

Вы соль земли! Если соль потеряет свою силу, то чем сделать ее соленую?
Евангелие от Матфея

Желтый трупик мальчика

На столе.

Сам епископ каркает:

Прах и тлен!

Отирая пот с лица

(Свет не мил),

Хмурит брови земский царь

Михаил...

Нянюшка царевича

Голосит,

Дьяк гнусавит:

Господи, нас спаси!

И бояре крестятся
Каждый раз:
ничего не сделаешь,
Видно, сглаз.

Михаил не грозен-то,
И таков
Алексей Михайлович,
Сын царев.

Не сидеть нам целыми
В терему.
Сами зелье сыпали
В щи ему.

Горький запах гари

Клейкое название Лиепая (липкое)

Голубые голуби в глыбах голубых

Девушки беседуют на птичьем языке

Про красивую жизнь красиво врет кино

Чувашская девушка-крановщица, когда началась буря, и кран мог упасть, осталась в кабине. Она поворачивала стрелу, которая в случае падения крана пробила бы стену бани, в которой в то время были женщины и дети. Девушка погибла. В стихе об этом случае «баня» написать не решились. Написали «здание».

Он зажег свечку, сейчас же задул ее и произнес: «Sic transit gloria mundi».

Сквер – это скверный сад

Люди ждут второго пришествия
И троллейбуса № 10 (2).

Даже в кресле можно сносно жить.
В кресле спать,
Хранить под креслом книги,
А на гладких поручнях писать
И держать в карманах бутерброды.

Ностальгия – тоска по Родине

Пуля убила Чапаева,
Петька нырнул ему вслед.
Добрые люди помнят Чапаева,
Враги не помнят, нет.

(Сергея Киселев)

В энциклопедии
Пий IX 1867
Мария-Терезия 1749
Фридрих-Вильгельм
Борус 1?(2)97
Георг? 1702
Венгрия 1807
Константин и Великий Ворус, Борусия

Булат Шалович Окуджава. Глазков. Самойлов

Старик-каштан для листьев раздобыл?
Каемочку каштанового цвета

Идет, чужие улыбки ловит, и прячет (к себе) в карман.

Глория мунди (роза) – маленькие, густо растущие,
розово-красные цветы.

Панкратов, Харабаров

Белые астры в черной вазе
Похожи(дят) на натюрморт из чайной

То ли бором, то ли хлором
Воздух напоен.

Она была похожа на гореро:
В красной куртке, а глаза злые.

«Синтаксис» Иослович

З. Власова?

Съезд учителей (Речь Хрущева)

События в Кубе

РБ – 88 – Святой нос

Последние события

Испания

Ю. Корея – Лю Син Мен

Хо Чожен

Турция – Мендерес

Лаос – Конг Ле, Сувана

Фиджи – Нео Лю Хак

Сат. – генерал Фуми Ного Вену

Суд над Паулсом

Запуск 2-го спутника

Ка корабля

Ассамблея ООН

«Балтика» Хрущов

Георгий Георгеу – Деж.

Вильгельм Пик.

Декада

Государств сов. – ГДР

О. Копиленко

Література нариси

Абсалянов – орлята

С. Айні Стара школа

М. Джаміль

шомбі-й зош-т

Я. Колас – вибрані твори

Я. Купала

Ш. Руставелі

І. Возов Під ігом

А. Герц – мій брат і його друзі

Войнич – Овод

«Спартак»

Гайавата

Д. Лондон Сила Дужого

Я Мавр Амок Меріме Манео

Фаотконе

Л. Венн Прим

А. Мукевич Вибране

М. Твен

Франс Кренкель

Понедельник 2.15. Алексей Михайлович Авраменко

Юрий Щербак

Сорокалетие пионерской организации, двухлетка, сады, кролики, пионеры Киева – металлолом на морской траулере.

В коротких юбочках – колени видны

Есть такая речка Юрюзань,

У нее глава, как бирюза.

2.00 – ЦЛК²

4.00 – Буланчик Евгений Никитович. Понед., Среда, Пятница³

Omnia mea mecum porto (сказала улитка) (черепаха)

Из решетчатого окна почтовой машины выглянул край бандероли с надписью:...номаренко Свете.

В здании министерства сельского хозяйства была глубокая, совершенно непонятная ниша. На ее розовом граните были неясные контуры детских рисунков. Х забрался туда и неподвижно встал с букетом в поднятой руке.

Юрюзань – город и река на Урале. Усть-Катав – город на Юрюзане.

На облака облокотиться

Контурная карта

Интердикт

Виврон – Верон

Я веду ракету на Венеру
 Рейс пять тысяч триста тридцать первый
 Грушевую воду марки «Бера»
 Стюардесса носит. Нервы, нервы...

Стихи об Антарктиде с эпиграфом из Мартынова

Прошел милиционер с красным карандашом за голенищем

Ашот Гранш. Песня братства. Белоруссия, Литва, Украина, Россия.
 Сильва Капутикян. В Москве. Мечта народов. Волго-Дон. Маро Маркарян. Ко мне подойди, мой сыночек ясноокий. Не всё хорошо. Мы – поможем.
 Акоп Акоюн 1805-37. Основатель пролетарской литературы.

Елейную-параллельную

Боле – на русском

Репродуктор в троллейбусе склонял к лютеранству: «...Проездные билеты предъявляйте друг другу». Какой-то человек выхватил из-за пазухи проездной, высоко поднял его и крикнул:

– Смотрите, люди добрые! Не зайцем еду!

В шее у воробья вдвое больше позвонков, чем у жирафы.

Старик продает детям флажки

Измерял время долгоиграющими пластинками.

Люди здорово используют изображения древности: например, телевидение – явно изобретенное Торквемадой.

Рецензии на детективы не принимаются.

Кончился послевоенный период
Предвоенный начался опять
Гудзенко
(Эпиграф)

В общем, розы – тоже проза.
В заводских садах растут их.

Изгой

Я люблю вас, но живого, а не мумию. Навели хрестоматийный
глянец «юбилейное»

У советских собственная гордость.
На буржуев смотрим свысока
«Бродвей»

О работе стихов от политбюро,
Чтобы делал доклады Сталин
«Домой»

Товарищу Нетте – футболисту и человеку.

У меня всякое, даже не очень быстрое путешествие, вызывало удивление. В разных местах я видел дома, людей, камни, травинки, которые ничего не знали друг о друге, а я был как бы связующим звеном между ними.

Было 2° выше нуля, снег не таял, но и лужи не замерзали.

Октарьон – единица измерения

Отвратительней колбасы ливерной
Или тонкие пальцы Клиберна

Он потопал в Канносу

Ц'этэрум ц'ензэо карт'агиеон дел'эндам 'эссэ.

Вы не интеллектуальный человек!

А цо я мат з цего?

Загранотряды

С пульей в сердце сползали с седла
Под копыта коней товарищей

В утреннем, недобром сером свете...

Она перечитывает Евангелие
И мечтает о Божьем Ангеле
(Из Игоря Северянина)

Коренастый человек в коротком сером пальто протянул девушке ленту чеков, получил пять поллитровок и стал флегматично рассовывать их по карманам.

Возле вокзала перед будочкой с пирожками стояла длинная очередь, и вдруг старик-киоскер (я видел его жирный, в складках затылок в седых волосах) опустил стекло и сначала аккуратно пересчитал деньги, а затем пирожки. Потом, очевидно, сбившись со счета, снова стал считать. Толпа негодовала. Энергичная, коротко остриженная женщина грозила привести милиционера. Молодой парень кричал, что сейчас переменится расценка, и пирожки вместо 50 (5) копеек будут стоить рубль (10 копеек). Остальные просто ругались. Старик, безусловно, слышал все это, но затылок его по-прежнему невозмутимо серебрился сквозь стекло. Это был поединок. Я не стал ждать, чем кончится, и сел в метро.

Санта теплицистас.

В сказках человеку часто предлагают исполнить три или одно желание, но он не умеет этим воспользоваться. А я-то знаю, что нужно пожелать, чтобы все твои желания всегда выполнялись!

Станислав Ежи Лец «Непричесанные мысли»:

Я спросил у критика:

– Зачем вы написали, что это гениальное произведение, имеющее эпохальное значение?

– О чем вы говорите? – спросил он.

Он был настолько скромен, что считал ее графоманом, а не доносчиком.

Во сне мне приснилась действительность. С каким облегчением я проснулся!

Никогда не рассказывайте своих снов, ибо к власти могут придти фрейдисты.

Стихи о Спартаке

Стихи о каменной бабе

Ст. Еж.

Люди, ничего общего не имеющие с искусством, не должны иметь с ним ничего общего.

Высоко держи свое знамя, чтобы другие не прочли, что на нем написано. Не спешите ниспровергать, ибо взамен разрушенного нужно строить новое.

Люди любят оглядываться, чтобы увидеть, обо что они споткнулись.

Перечеркнутый окном

Виктор Боков

Он сказал раз – я ему поверил; он повторился и я усомнился; он сказал снова – и я понял, что он лжет.

Расскажите это своей бабушке. Если она доверчива, вы будете иметь успех.

Барвінок – могила, гроб – трава

Я прочел, что когда-нибудь все оружие выкинут в море. И подумал о водолазах.

У меня сегодня настроение лоботамированной обезьяны.

Он говорит «газвода»

Притча о Магомете и трех пороках

Царь-колокол и царь-пушка

Такое неестественное выражение лица бывает только в жизни

Творчество – это 1733

Бабек

Зачем им знать, что, флажки раскрашивая,
Он проклинал Советскую власть.

...Соседи
Хвалят искренне,
Как Кеннеди.

Этот сад был объявлен достоянием всей республики и, естественно, туда никого не пускали.

Бейлон, вейлон, мейлон

Суббота 5 ч. филиал

Как же жизнь...

Коротич

Затмение, последнее в столетье

Затемнение...

Последнее в этом столетье...

Последнее ли?..

Тянуть мазу

Гамма-глобулин

Я не о тех золотоглавых
Певцах отеческой земли,
Что пили власть из чаши славы
И в антологии вошли.

Корнилов

Дышите, воздух высшего сорта,**
Остерегайтесь подделок!

И туман, пушистый, как котенок

Только мягко из-за поворота
Из тумана вынырнет мотор

(Вынырнет)

Из тумана блоковский мотор

Когда видишь гадину,
Не нужно думать,
Что отец ее был гадина,
И мать была гадина,
И обращались с ней по-гадски,
И вокруг себя она видела
Преимущественно гадин,
А нужно убить ее.

(Владимир Киселев)

И спросил Господь:

– Каин, где брат твой Авель?

Ответил Каин:

– Почему ты спрашиваешь меня? Разве сторож я своему брату?

Я знаю, вы устали восторгаться...

Царь-колокол – зазвонил

Мильтоны такие нежные в курточках голубых

(отложить)

Стихи об инвалиде

Стихи о книгах

В Америке всего один человек на 10 тысяч умирает от туберкулеза, а во Франции 5 человек в день кончают самоубийством, и каждый час один человек погибает под колесами авто. В Америке катастроф еще больше: там больше людей и больше автомобилей.

Не завидуй і славному

Славний добре знає

Що не його люди люблять,

А ту тяжку славу

Що він тяжкими сльозами

Вилив на забаву...

Даже жалкий бухгалтер...

Тринадцатое мартовское утро!

1961

И потом вспоминают,

Что оставили, что позабыли.

Шапку золотых получишь и новый кафтан.

А царя, если надо, мы сами убьем

Иван Сусанин

В Ираке расстреливают коммунистов

Самый опасный злодей – творящий зло с именем Божьим на устах.

Суворов

Слишком многим руки для объятий

Ты раскинул по краям креста.

Паст.[ернак] «Магдалина»

Это и неверно, и наивно.

Век догнать старается вас, люди

Мы одним своим существованием спасаем мир от войн

Люди, но ведь это же наивно!

Вы ушли вперед от века на век.

Нахальство если не движущая сила общества, то, во всяком случае, серьезный фактор.

Я вовремя умру

35 с. 28 р. 21 м. | 34 с. 8 р. 6 м.

Не плюй в колодец, даже если у тебя водопровод

Мы Мадрид отстоять не сумели,

Но Гавану мы отстоим

22 июня 1812 года Наполеон перешел Сейм, а 22 июня 1941 года Гитлер перешел Южный Буг.

Быть знаменитым – некрасиво
Б.П.

Не важно, что в чем-то первый ты,
Важно, что не последний

Глазков:
Слава – шкура барабана.
Каждый колотит в неё.

А история покажет,
Кто дегенеративнее.

Я спросил его: «А в Чили
Существуют города?»
Он ответил: «Никогда!».
Но его разоблачили.

Юрюзань.

Нам отомстить не удалось
За Сакко и Ванцетти

Глазков:
Вот идет состав товарный,
Слышен окрик матерный...
Женщины – народ коварный,
Но очаровательный.

24/V – 61 года
10 месяцев и 12 дней

1961

24/V – 61 г.

Стихи печатают с краю,

Просторных полос газетных.

Разношерстные ветры услужливо хлынут
Задрожит и помчится балкон
К удивленью хозяек, спешащих на рынок,
Далеко, далеко, далеко.

Все мы символисты. Самое большее, на что способен человек, –
стать символом.

Шляпы продают в коробках из-под тортов.

Сельские школьники приезжают в Киев

Сожалел, что он размешивает чай против часовой стрелки.

Поедете на Кубу
Сказали в январе

Читал с кривой усмешкой,
Что, дескать, Сива – я

Брезентовый грибок. Какою цитаделью он показался мне
в июльский дождь.

Вчера был дождь,
А нынче утром
Кипенье плавунцов

Море вдали сливается с небом
И кажется:
В небе корабли

Человек собирается плыть.
А муравей
У него на лопате.

Исполать
вам,
бунтари!
Сочинение о поговорах. На что и клад, коли в семье лад.

О, Запад есть запад,
Восток есть восток,
И им никогда не сойтись
Р. Киплинг

Тормозит коня

Принес в авоське целое созвездие дынь.

Мне говорят, что окна ТАСС
Моих стихов полезнее.
Еще полезней унитаэ,
Но это не поэзия!
Глазков

Творчество – это всегда чудо. Вот ты разговариваешь с человеком, ходишь с ним на футбол, а потом он уходит и создает что-то прекрасное: книгу, картину или просто стихотворение; и ты удивляешься – ведь ты с ним часто встречался, ты его хорошо знаешь. Творчество – это всегда чудо.

Наполеону на о. Св. Елены каждый день небольшими дозами давали мышьяк, пока он не умер. Это делал один из 4-х генералов, живших там с ним.

Осень в городе пахнет лесом.

Только правдой можно сохранить мир

Цари боялись быть поэтами

БАЛЛАДА О МУКЕ

Люди привычно строились в очередь,
Кто за кем выясняли вежливо.

От поэтов требовали новых мыслей, новых рифм, оригинальной формы
– что угодно, только не правду. От поэтов никогда не требовали правду.

Это нельзя помнить. Этим можно утешаться, если что не так: были,
мол, времена и похуже; этим можно и козырять: не пугайте, не такое, мол,
видели; а помнить по-настоящему нельзя. Лучше не жить!

1962

*1/X-62 – 27/X-62, 6 палата 9 отделения Октябрьской больницы
(всего 24/IX-62 – 27/X-62)*

[«]Дин[амо]» (К[иев]) – «Нефтяник 1:1

[«]Спарт[ак]» – «Шахтер 4:0

[«]Дин[амо]» (М[осква]) – ЦСКА 0:0

Спросить про афоризм (или ущербом в вере)

Прочсть «Старый бухгалтер»

ЦВЕТЫ

Чуткие сослуживцы
Ему принесли цветы.
Он весь вечер бился как птица,
И его не смогли спасти
Схватил рукой одеяло,
Другая – подушку обняла.
А цветы простояли в графине
Еще три дня

Комплекс боязни смерти.
По ком звонит колокол

Мало ему тех голов, что сам
В тайных застенках рубил стрельям

Послам бы выйти отсюда, а Петр
Сверкает глазами как дикий кот,
Небось, напился еще с утра.
А, может, лучше б повесить Петра?
В петле, башкою небу грозя,
Еще не такой бы пялил глаза.

УТРО СТРЕЛЕЦКОЙ КАЗНИ

Всем известен царский указ:
Утром – казнь! Нынче утром – казнь!
Стрельцов на площадь уже свезли,
А в отдаленье стоят послы.
У них на лицах холодный пот.
И рядом с ними царь Петр

Ночью я бросил камешки в море. Слышался слабый плеск. Плеск
в ночи. Мы только плеск в ночи.

Парень, который съел курицу

«Барабанщик» Окуджавы исполняют в пионерской передаче

Когда выползу из больницы, обязательно написать Марине

Дятлов, мин. МВД, and son

Пульс 132, Д (к) – Д(т)

Нет, вы правы, и именно этого я вам не могу простить.

Профессор Богодавленский

В том году, когда проходил XXII съезд, было последнее в этом столетии
солнечное затмение. Дай Бог, чтобы то затмение, которое развеял съезд,
было последним в этом столетии и во все остальные столетия. Это было
страшное затмение!

Ночь. Над Киевом
Светит луна
А какие вам
Снятся сны?

Сиделки?

Валентина Федоровна
Марья Антоновна
Евгения Тимофеевна

Сэндвич из двух подушек
И собственной головы.

18-20 19-30

Сношения

Проверить пословицу Даля

Боле – кудри

Взять с собой⁴:

- 1/ Блокнот
- 2/ Футбольный календарь
- 3/ Газетную вырезку
- 4/ Письмо М.
- 5/ Мундштук
- 6/ Табличку (зачеркнуто)
- 6/ Гномов
- 7/ Сигареты (1)
- 8/ ~~~~~

1962

Божество и колодец

Полусерьезно – полушутя
Ты сказала, что я твое божество

Я уже видел, как потом
Рубят богов в куски

Зачем ты бьешься головой в стенку? Ну, хорошо, ты пробил ее. Неужели ты думаешь, что в соседней камере лучше?

Станислав Ежи Лец

Баллада о корректоре

Баллада о матери

Янус

«Каменярй» Франко

Боже мой! Каким страшным поражением оборачивается
каждая победа!

Если я когда-нибудь совершу подвиг – то это будет на обратном пути из школы. Я оттуда возвращаюсь настолько измотанным, что жизнь теряет для меня цену, и мне ничего не стоит рискнуть ею.

Явление Христа народу

Сердце – зверек

Всего не высказать.
Взять и вырвать сердце.

30/XI – 62 г.

[1962] – 1963

/III г.

Неудачное свидание. Свист V

Трамвай и l'atoir

Драка (кастет)

Больница (I и II) Нужно биться головой в стенку. (Не о стенку ль разбили голову?)

Посещение друзей, и она с ними,
(Добро торжествует, порок наказан)

Финал – я думаю...

Глава, написанная кем-то другим

Я воспитывался в очередях

Обращение к шпингалету окна. Боюсь смерти, боюсь стали. Но наши каски стальные. И станки. И оружие тоже стальное. Оружие, которым мы защищаем станки и людей. Но ведь каскет – тоже оружие. Всё дело в том, в чьих руках оружие. И всё-таки, наши топоры – самое нужное оружие. И еще, может быть, нож хирурга. (Мы спасаем людей. Нет работы почётнее.)⁵

Нет, я не умру. А вдруг? Как душно. Сволочь, ударил каскетом. Как душно! А окно закрыто. На что оно закрыто? Сейчас вспомню. Каскет – шпингалет. Шпингалет. Стальной. (Я не умру. Стальной.)⁶ Хочешь апельсиновую корку. Дай, надену на тебя. Ну вот, очень красиво. Только скажи, пожалуйста, всей стали скажи, чтобы она меня не трогала.

(Странная штука...)

[...] (не надо, молчите)

И это тоже его рука

.....
Десять лет сидел в лагерях
Правда полностью победила
..... октября
посмотреть⁷

Если б я хоть одну страницу
Вырвать из памяти, смять и сжечь!

И нельзя ни одной страницы

Если б я хоть одну страницу
Памяти вырвать сумел и сжечь!

Учителя мои, учителя
(Переучивались вместе со мной)

Жэ нэ вэ па
(рассказ)

Я люблю жену и детей
Я не убийца.

.....
Или хотя бы попал в больницу

...сказать
Что он встречал его с этой шлюхой

1963

Крестьянин в бакалее

Иней покрыл стекла

Синица в кулаке и журавель в небе

Рассвет

Он ножом режет мерзлое мясо:
Псу сначала, а людям потом!
Николай Евстифеев

Умение примириться – одно из самых ценных в жизни.

В жизни ничего нельзя откладывать.

Немногие становятся тем, кем хотели стать в детстве, а если бы было иначе, на земле было бы в тысячу раз меньше писателей и в тысячу раз больше пожарников.

Пожарник (ый)?

«Суровые будни». Работа по предотвращению пожаров. Связь с пожарной инспекцией.

Как часто бывают пожары? Какой-нибудь случай. Пример героизма, кто особенно отличился (Куреневка).

Связь с «Гражданской обороной».

Какими критериями измеряется работа пожарников в будни.

Кто идет в пожарники? Условия приёма.

Передовики пожарного депо.

Оснащенность техникой. Организация работы.

В каждом городе памятник пожарным – каланча.

Нужно биться головой в стенку.

Молодой человек после школы не попадает в вуз, может быть, литературный (отступление в виде его стихов), и становится пожарным. Двойственность положения. Романтика, вызывающая улыбку. И страшный интерес у детей. Девушка, одноклассница, которую он давно любит, и которая хорошо к нему относится, но не любит его. К его профессии относится иронически, впрочем, как и он сам. Рассказы о героизме, проявленном другими. Может быть, человек, совершивший подвиг и всем своим видом не дающий об этом забыть. Не из хвастовства, а просто он тогда ощутил себя совсем другим и не может об этом забыть. Парень, в которого влюбляется девушка героя. Хороший, и в конце концов герой с ним подружился. Конфликт героя с бюрократам, и девушка (синица в кулаке?) Если так – он с ней расстанется. Гимн сознательному труду, финал:

Почему почетней всех регалий...

В сущности все люди одиноки. Именно это заставляет их ходить на футбол, устраивать вечеринки и т.д.

Анонимные звонки

У всех, не занимающихся производством материальных ценностей, есть какая-то ущербность. Именно поэтому люди пишут стихи, поют с эстрады или играют в футбол.

Зимой люди в трамвае протирают глазки. Они хотят знать, куда их привезли.

Чистота

Поцеловать себя не позволяла
Так много позволявшая другим.
(Мысль, но не строки)⁸

Размышления на тему «Почему я такой дурак».

Триумвират окоп

Сонет о своей верной любви

Зимой солнце – рыжая бесхвостая лисица.

Гаванская сигара

Трактор на улице города

Слепые чувствуют солнце точнее зрячих – они чувствуют его тепло, а зрячие – блеск.

Сталин и история

Почему-то, видя молодоженов, хочется говорить пошлости.

Меридиан правды, начало и конец которому – в Москве.

Бегство Толстого. Я убегу молодым.

Мы переименовали города и улицы, мы не упоминаем о нем, но он никогда не будет забыт. Пройдет время, и его злодеяния будут возмущать не больше зверств Иоанна Грозного. Может быть, будет создан фильм, дающий такое же примитивное представление о недавно минувших временах, как фильм «Иван Грозный» – о временах Грозного.

КВН

Весенние дни удивительно похожи на осень. За один день проходит месяц. С утра – середина октября, а к вечеру – ноябрь. На самом деле апрель.

Так плохо, так противно, что временами жалеешь, что ты не лошадь.

Остальные поэты не современники мои, а соучастники.

Дважды два

В отношениях с этим человеком обычная вежливость становится тяжелой и неприятной обязанностью.

Полюс правды

В отношениях с этим человеком обычная вежливость становится тяжелой и неприятной обязанностью.

Эпиграф:

Он на широких, как Атлант, плечах
Намного выше поднял нашу землю

Белые флаги простыней и пододеяльников

Над оптимистами не смеются –
Придет и наша победа.

Потому, что ему надоела стальная
Плавно изгибающаяся колея

А весна похожа на осень
И дожди по ночам.

4/V-1963 г.

1963

Андрей Кузневич

«Коррупция»

К И К

Клуб интересующихся книжками

Андрей Кузневич родился в 1904 г., окончил отделение права в Цейлонском университете, а также школу политических наук в Кракове. Занимался научными исследованиями в зарубежных студиях, в частности, во Франции. Где его застала война. В январе 1943 его арестовали, как члена французского движения Сопротивления, заключили в тюрьму Фросне под Парижем, потом перевели в концлагерь под Нью-Горенн, а потом в Маутхаузен. В 1946 – 1950 он работает на дипломатических постах во Франции. Теперь он журналист. В 1956 г. издал сборник стихов под названием «Слово о ненависти (Читальник)», а в 1959 г. следующий сборник «Огарок дьявола» (PIW). Готовится третий сборник стихов под названием «Частное время». «Коррупция» – это дебют в прозе Кузневича. Автор снабдил свою повесть подзаголовком: «Героическая тюрьма». Она не является тюрьмой в полном значении этого слова, но сенсационность повествования позволяет признавать за названием определенный смысл для книги столь популярного сорта. Действие книги происходит во время войны, а ее тема – деятельность разведки на территории Франции, организованная польским командованием в Лондоне.

[1963]

МЫ НЕ ХОТИМ ВОЙНЫ

Мы не хотим войны!

Война – это горе.

Война – это предательство.

Война – это плач детей.

Война – это убийства.

Война – это шпионство.

Война – это крики людей

Сереза,⁹ 1963

[1963 – 1964]

РАБОТА

Мой труд не так красив, коль приглядеться.
Из тысячи тревог он состоит.
Когда в твоей ладони бьется сердце,
Молчи, сожмись, дыхание затаи.

Живешь за двух, другого и не зная,
Волнуешься, за жизнь его в борьбе.
Не друг и не знакомый для тебя он,
Но он в беде, он вверился тебе.

Поэтому в больницах оставаться,
Порою даже на ночь, ты привык.
Бой выиграв, не слышишь ты оваций.
Ты утомлен, тебе уж не до них.

Читал молитву громко он,
И стлался в церкви дух елєя.
Жить, жить на свете Галилею
Провозглашал церковный звон.
Что знал – отрекся – и живет,
От всех учений отказался.
Теперь никто уж больше старца
Безбожником не назовет.
Снижает мысли взлет, и струны
Нежнейшие в душе он рвет.
Да, Галилей переживет
На сорок лет Джордано Бруно.

ПІСНЯ ПРО МАРІЮ ПРИМАЧЕНКО

Я бачив ту землю, куди я піду,
І ляжу, і тілом зігрію,
Щоб вічно цвіли в українським саду
Настурції Ваші, Маріє.

Танки проходили,
А квіти незламані.
Коні пробігли,
А квіти незаймані.
Люди йшли,
А квіти незаймані.

Це ж Маріїн сон!

І виходило,
Що війна мине,
Виходить – бігме –
Що і гроза мине,
І буде мати, і буде син.

Настурції.

Виталий Коротич

ИСКУССТВО

И не надобно мыслей
В словесной воде топить,
И не всюду герои
И красивые, и плечистые.
За искусство я чистое,
Чистым оно может быть,
Лишь когда его делают
И руками, и мыслями чистыми.

БЕТХОВЕН

*Музыка, сцена, взлетают ноты.
И никогда не забуду,
Как об ладони ломая ногти,
Плакали взрослые люди.
В музыке этой столько силы –
Землю она трясет.
Мне б стихи написать такие,
И все...*

Художники слишком нервны –
Врубель,
Ван Гог,
Сезанн....
Солнце их – цвета крови,
Море – будто слеза.
Художники плакать могут,
Они тишины не знают.
Как жить спокойней немного,
Художники не понимают.
Им не понять, наверно...
Кончики нервов – кисти их.
Художники слишком нервны.
Художники истые!

РОДОСЛОВНАЯ

В одном из русских обычных мест
Есть церковь узорчато-легенькая –
Называется Теремец,
А сзади погост зелененький.
И там, под крестами сломанными,
На одной восьмой десятины
Вся моя родословная
Преспоконенько уместилась.
И над дедом Сергеем дремлет
Седая и зеленая, как древность,
Неведомо как проросла –
Мое родословное дерево,
Серебряная ветла.

КЕНТАВР

Одиноко и грустно кентавру,
Одиноко и не спокойно.
К какому приткнуться табору?
Не родня он ни людям, ни коням.

Он сильнее и смелей, чем люди,
Красивей и умней, чем люди и кони,
И за это нигде не любят
И отовсюду гонят.

Кто ты? Чудо или ошибка,
Или скрытый упрек человеку?
Не способен создать машину,
Не согласен возить телегу.

Дело это было встарь:
Жил на свете хитрый царь.
Был он ростом очень мал,
Заикался и хромал.

Но бояре по утрам
Подымали тарарам.
Здравствуй, грозный наш владыка,
Царь наш, багюшка великий!
Самый добрый, самый лучший,
Самый сильный и могучий,
Самый храбрый, самый славный,
Самый великодержавный.

Каждый день одно и то ж –
Надоедливая ложь.
Царь сказал своим боярам:
Вы мой хлеб едите даром.
Даром вы компот мой пьете.
Почему вы плохо врете?
Надоело слушать вас!
И отдал такой приказ:

Если Витя или Вася
Вам рассказывает в классе,
Как он по лесу гулял
И слона в мешок поймал,
Каждый сразу же поймет:
Этот мальчик просто врет.

(Если Света или Мила
В школе двойку получила,
А родителям сказала,
Что тетрадку потеряла)

Людям честным, добрым, смелым,
Сильным и душой, и телом
Никогда не нужно лгать (врать) –
Им ведь нечего скрывать.

Ложь приятна лишь царям
Да придворным дуракам.
А к чему приводит ложь,
В этой книжке ты прочтешь.

Сдаюсь на милость твоему
 уюту –
Двум рыжим кошкам в
 комнатных углах

[1964]

Я люблю ваши хищные лица,
Этот жадный оскал

Сладкогласый соловей Шираза

Когда строка ложится на бумагу
 Когда на плаху падает топор

Летучий Голландец – для детского рассказа

Поэзия, единственная радость

Мария, Офелия, Эпитафия

Принимаю москвичей. Уютный Киев. Москва, город, который
 не удалось завоевать.

1966

to phone M. and G.M. up 8¹⁰

to type the story and poems and to speak to L. about ever the magazine¹¹

to get my hair-cut, bath and to shave¹²

to copy in to my big note book these days¹³

to ask about ticket¹⁴

На стене скрипучей горенки
 Золотые образа
 У святых улыбки горькие
 И потухшие глаза.

12 to come to Ob¹⁵

to look for the material for the rat's house¹⁶

to take my suit¹⁷

to ask for the sec[k]erclub's plate¹⁸

А я не верю, что Сенека

to come to Bor.¹⁹

to listen to tape-recording²⁰

improve pockets²¹

to ask L about poem to resite²²

to write a letter to M.²³

to take a paper from the U. to the M. of²⁴

Площадь космонавтов

Мотоциклисты, которые их конвоируют,

Я окольцованная птица,

И нет путей.

Пустые гнезда, как зарницы

Торчат среди ветвей.

Трехмерное пространство.

По летнему городу

(Нет, это запах),

По южному городу

(Нет, это юго-запад),

Столичному городу

Трещина

Косм.[ический] роман. Перебивка. Самолет.

Вечный огонь на кухне

Шхуна Колумба

Воздух пах твоими волосами

Офелия, девочка, что ты, не надо.

Я не смогу тебя украсть.
Привык за все платить
За чай в купе

Веду список (о поэтах)

Если б знать, откуда ветер дует
Не строптив, а ленив

Транзисторы, словно камни на шее

Как отечество или отчество
Или мокрый осенний сад
Я храню свое одиночество –
Мой единственный вечный клад.

В этом мире легко и прибыльно

Человечество неказисто

А он и был тем Некрасовым,
Которого знали все

Какою мерою меряете,
Такою отмерят вам.
Ежедневно Америка
Бомбит Вьетнам.

Сверхзвуковые, мощные
Символы наших дней
Пикируют на площади
И расстреливают детей.

4.540 гурт
160 ящ.
2 тр. 1 магн.

1966

Близость похожа на строительство огромного города из кубиков – строишь, строишь, а потом разрушаешь одним движением.

Поэзия отличается от математики тем, что в математике П – только 3,14, а в поэзии это 3, 18, 4, 25, греческая буква, и вообще что угодно, но в то же время 3,14

Основн. результаты 7-летки

Основные задачи 5-летки

Международное значение успехов советского народа

И три свечи горели,
как три встречи.
Одну из них сам Бог
Благословил.
Четвертой не бывать.
А Рим далече.
И никогда он Рима не
любил.

1966

И три свечи горели, как три встречи.
Одну из них сам Бог благословил.
Четвертой не бывать. А Рим далече.
И никогда он Рима не любил.²⁵

Рассвет, когда ничего не остается, дым сигареты в такси смешивается с запахом бензина, наша любовь, сотканная из страха...

Игра в слова – нелегкая игра

Будь проклята, услужливая память

Не деревенском кладбище кресты

Соседний тронется состав

Я учусь забывать твое лицо, улыбку.

«Педагогика» Збандуто. Р.Т.К. 1965

На смерть Кио

Я пригублю твою обреченность

1 и 2 вопр[ос] – объединение

3,4,5 конгр[есс] Коминтерна

Если продаваться, так за деньги,
А не за слова.

От Гейденбергского трепа
Проклята будь Европа,
Гнойник на теле земли.

Сыграйте мне на флейте, Гильденстерн.

Кажется, у вас была сестра?
Странное какое совпадение.
Я всю жизнь мечтал иметь сестру.

Благословенна шпага Фортинбрасса

1966

ВУС 254 22 А²⁶

The winter will come away
 And the spring will come away
 And the winter will come again,
 And your...²⁷

Цикл «Листая газеты»... Саша Бондаренко спас от гитлеровцев книги из библиотеки районного центра. Среди них были довоенные издания произведений М. Шол[охова],

А. Твард[овского], К. Пауст[овского], В. Катаева, М. Слонимского, Е. Долматовского и других. Герой не дожид до победы. Его замучали в гитлеровской тюрьме.

Л.Г. 28/VI – 66

1966

Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?
 От Матвея, 6, 23.²⁸

Ибо в смерти нет памятования о Тебе: во гробе кто будет славить Тебя?
 Псалом 6, стих 6.²⁹

[1966]

Посмотреть прошлогодний график.

Разобрать бюро.

Посмотреть, чего из газет не хватает.

Купить 2 общих тетради.

Купить клей, нарезать линейку

Спросить у Бориса, бабушки, Болы, Фаустова.

Купить несколько ученических тетрадей.

1963 – 1967

7 мая 1963

О, майн готт, варум зо гросс ист дайн тиргартен?³⁰

А на Днепре весенний разлив
Вместо буфета и биллиарда –
Чистая синевая воды.

Наши бывшие одноклассники, которые теперь работают и учатся
в вечерней школе. Мы немного завидуем им, а они – нам.

Но что же заставляет ребят, родители которых получили квартиры
в новых районах, ездить от с/х выставки или из Дарницы в школу?

Не удосужился прочесть остальных.

Меня удивила, а моим старшим товарищам многое напомнила.

Если бы обвинить автора в краже носовых платков.

Пропустив цитату из Шевченко, который по духу ближе мне,
чем Радищев.

Озлобление автора дико удивляет. Возраст автора и еженедельника.

Иная брань, конечно, неприлична. Фигуральные стихи Пушкина.

Не буду брать пример с автора и назову его фамилию.

Если бы люди чаще смотрели в черное ночное небо, на земле было
бы намного меньше негодяев.

Ломают ногти о гордиев узел.

Он принадлежал к тем людям, которые чаще жалеют о том, что чего-то не сделали, чем о том, что что-то сделали.

Геракл

У комаров нелетная погода³¹

Труп Ивана IV остригли и нарекли Ионой

На пулемет не идут во весь рост, а ползут, но он ползет к пулемету, чтобы стрелять в нас.

Период аллегоральности у детей. Противоречия между тем, что им говорят и виденным.

Из сада в дом попадают кузнечики.

Я отплыву от берега подальше
И поиграю в старый пароход.
Матерится – моториста

Уходили кижапольцы...

Лунная дорожка

Бывают вещи, поважнее денег
академик
Бывают вещи, поважнее правды
право

Я, конечно, дико извиняюсь

Старик. А мне смешно

Сегодня море сыграло пьесу
Под названием Loin de mer.³²

Подражание Евтушенко

Сонет. Я человек, я мыслю и смеюсь.

Вышло – выше

«Октябрь» 1943 № 10

Два рода людей, сильных духом

Апостол Петр и царь Петр. Встреча

А удачливые трусы

Плачут по ночам

Сегодня новый год и завтра тоже

И послезавтра будет новый год

Хватасшь календарь, а тот бормочет:

Декабрь, тридцать первое число

Новый год – удивительный праздник храбрости

И все не удается подытожить

Недели дел, раздумий и забот

Уравниются: моя правда и ваша ложь

Колбаса – друг человека

Над головами просвистела пуля

И он упал, и объяснял потом

стула

Ах, что наделал Окуджава!

Ничего нельзя откладывать... Так не бывает... Всё равно, что-нибудь приходится откладывать. Нужно знать, нужно очень твердо знать, что...

Прочитал автобиографию Пастернака. Когда дошел до места, где говорится о Эренбурге, подумал: что пишет Пастернак о критике Эренбурга на пленуме? Потом я решил, что автобиография была написана раньше. И только потом вспомнил, что Пастернак умер за три года до этого. И в первый раз понял весь ужас этой утраты. Я должен был прочесть ему стихи, но его мнения о них я не стал бы спрашивать. Наверное, так молятся очень религиозные люди – не выпрашивая что-то, а потому, что Богу нужно молиться.

О, дорогой наш Пушкин!
Если бы ты
Увидел наш народ неугнетённый

Эпиграф к стихам о Пушкине

И уже не нужно ничего –
Ни любви, ни солнца, ни свободы

Даже синица не поместится
В её маленьком кулачке

Забуду старые обиды
И вдруг напомнят песню мне
На милом и полузабытом
На украинском языке.

Мы все ничтожны перед гением
Как все ничтожны перед Богом

Ничего не бросить по дороге:
Ни души, ни тела, ни друзей.

Не искушай...
(Судьбу)

От Матвея

Кондуктор. Будь ласка.

Следует остерегаться высказывать свое соболезнование наследникам, довольным кончиною покойника. Это всегда производит неприятное впечатление на присутствующих и бросает на нас самих тень лицемерия.
«Хороший тон».

Тоскую – значит, существую

Всегда отказывается признать чужую оригинальность.

Проверка телепатии на футбольных судьях. Как складывается жизнь у людей, которых раз в неделю ненавидят всем сердцем 100 тысяч человек.

Десятая. Любимые мысли.

Люблю пожелтевшие газеты

Поэма о любви с эпитафией вместо посвящения и посвящением вместо эпитафии

Боялся Крещатика. Девушка с неаккуратно накрашенным закушенным ртом – почти плакала, но не бежала, а быстро шла – в общем ритме.

Вместо стихов о футболе

Ты любишь футбол, так напиши о нем стихи.

Не удастся воспользоваться кратером вулкана как пепельницей

Выполнить благие намерения и воздерживаться от выполнения иных.

Лотерея. Порванные билеты

На самом деле все комплименты помнят мужчины – им их так мало достается.

Эпитафия из Гумилева:

И таинственный твой собеседник...

Ничего еще не потеряно,
Если хочется песни петь.
Город Харьков утопает в зелени.

И. Шагульсков³³

Природа не терпит пустоты.
Эпиграф из учебника физики

Легенда о Шерлоке Холмсе

Тугие водовороты

Символ нашего века не Эйфелева башня, не космические корабли, а польские гусары, с саблями наголо атакующие танки.

А за окном кричали санкюлоты

Смотри под ноги. Не понимал

Понимаю Ланскую

Слепой рисовал картину

Зачем вы врете про Рублева! Комкаю берет. Песня пионеров. Не гонят. Склоняюсь перед верой. Церкви как девушки. Экскурсанты. Часовня. Святая вода. Спутник-атеист. «Возможно»

Подражание Винграновскому

Апельсины пахнут больницей

Основной принцип психологической гигиены – жить в настоящем, не думая о прошлом и не тревожась будущим.

Д-р Казаринов

Июнь – месяц неожиданных дождей. Сначала тополиный пух, а потом кленовые носики.

Игра в слова – нелегкая игра

Маленький поручик

Будь проклята, услужливая память.

На деревенском кладбище кресты

Богоборцы. Иовы и Иаковы

Волосы в парикмахерской. Черные, белые, рыжие

Дедал и лабиринт

Рассказ об отравлении. Река

Пьяный четверг

Средний человек. Космический

Господь и Польша

Спешу, поэт. Не смей спешить, поэт

Торопятся поэты и цари (эпиграф)

Как будет выглядеть эта война?

Черный ворон, что ты вьешься...

Песня

Двое в синем, двое в штатском

Черный воронок.

Песня

Зимний лес пах сеном, которое возили, а там, где развернулся трактор,
по-летнему пахло землею

Старается заглянуть в ком[...] [...]бель и в гроб

Уходят люди от меня

Ах, эти голые деревья
На фоне пасмурного дня

О необходимости того, что не было необходимым. Абу-аль-Амария.
Эссе о поэзии.

Соседний тронется состав

Мы с тобою две галактики

Хороша дорога,
Да ведет назад

Слава Богу, изваявшему треску,
Рыбу для бедняков

Ветер с Востока
Побеждает северный ветер

Пока в «Литературке» печатают
Го Мо То

О нашествии Батгя. Эпиграф из Маркса

2 стихов о бессмертии. Новый поэт. Земля и Солнце

Города, пропитанные детской преступностью, поля, пахнущие крестьянской бедностью. Из легких, изъеденных туберкулезом, из склеротических вен прорастает трава и цветы.

До тех пор, пока можно найти хоть одного человека, заслуживающего большей ненависти, чем ты сам, жизнь имеет смысл. Только не вздумайте уверить меня в том, что вы нашли такого человека.

Мы всегда о праве наций

На всякий случай учу иероглифы

Флаг Украины. Красный цвет победы. Синий цвет надежды.

Человек, который убил Гитлера. Парадокс Уэлса

Социализм без музыки не установить никакими пушками.

Тычина

Тычина и Сковорода

Неразделенная любовь к Москве

Хочу тебя уберечь (В)

Делил с друзьями все, даже женщин. Только смерть не хочу разделить.
Пусть раз в год поправят покосившийся крест.

Как моя вселенная мала!

В десяти шагах стена тумана

Чужие окна. Возможность и соблазн перевоплощения.

[1966] – 1967

Если отсутствие внутреннего – тоже сумасшествие (Кьер Кегор), то не является ли сумасшествием отсутствие стремления создать ограниченный внутренний (внешний вокруг себя) мир, не призывают ли нас романтики и всякие граждане мира к самоубийству, как и обыкновенные философы?

«Злобові» – люди, которые норовят утянуть с поля мешок картошки и делают это из любви к своим близким или к себе. Вероятно, этот внешний ограниченный круг правомерно входит в экзистенцию индивида.

[1966 – 1967]

Отказываюсь от хиромантии. У всех несчастные руки.

Счастливый человек без истерии. Декабристы – чушь.

Божьи коровки в волосах.

Вырываем свеклу возле аэродрома. Миги жизни сочтены,
а МИГи смерти – бессчетны.

Антисемитизм Гоголя. Как можно давать детям «Тараса Бульбу?»
(для романа).

Життя прожити – не цвинтар перейти.

[1966 – 1967]

Some people say man is
Made rut of mud
A poor man is made out of muscles and blood
Muscles and blood and skin and hone
Mind that's weak and back that's strong [...]³⁴

Плакат: «В нашей школе есть закон: вход неряхам запрещен». Современная школа. Пацаны бросают снежки, норовят попасть в красный крест на сумке. Априорное чувство прекрасного.

М.И.К. спр. Корректорская

Десна, Козинка [...]
Зачем спрашивать какая река?

Цивилизация невежд

Ложится медленный апрель
В просторную траву

И каравелла вверх взметнет
Седые паруса.
И королева

[...] тами из боевого устава

[...] се всем все до лампочки

[...], благодарность за [...] лес взметенных рук

[...] для президента

Ни к одному движению он не примкнул и ни над одним не сумел
подняться

Бойтесь неофитов

За белой занавескою герань
И лампа на столе.
Прозрачная черниговская рань

Человек, который знал время. Пломба в зубе на вилку жесткой службы
времени. Шпион. Труп.

вырезка из газеты о рекламе

Стыдно жить. Название для старика. Гумилев

О моей придумали такое
Говорят – Господь не приведи

Закончился сентябрь

Умираю с твоим именем на устах
и в твоём имени живу

Симоненко

Я сбежала с уроков. Помогите вернуть

Кацфельсон

узнать про рецензию на Симоненко

1967

Достоевский объяснил Евангельскую притчу. Никто не обратил внимания на свиней. В сущности, роман должен был бы называться не «Бесы», а «Свиньи».

Редкий случай: кошка – неряха.

Предновогодние дни, когда даже покупатель, скандаливший в магазине, уходя, говорит: «Счастливого вам Нового года!».

Сидя в санках, хлестать землю прутиком, чтобы она убегала.

Водевиль

Рукопись моего отца.

Рассказ для потомков.

Поколение твоего отца – мат. бр[ага]

М. Каганская в разг.

Коричневый верблюдо

У меня нет своей концепции пенитенциарной системы. Существует множество доводов за и против, и существует сама система.

Водевиль «Смерть Пушкина». Дантес: «Смеясь, я дерзко презирал». Ганцорова-Ланская Нина Евстигнеевна (русачка), пионер: «О, дорогой наш Пушкин!».

Души прекрасные порывы!

Наполеон (пылкой польке: «Я хочу ребенка от вас, монсир!>): Ваши чувства делают вам честь, сударыня.

Марат убивает Шарлоту Корде.

Украинская поэзия – взгляд на мир человека, лежащего под яблоней

Я человек, мной властвует мгновенье,
Я раб молвы, сомнений и страстей.

Я солдат. Мы прошли сквозь пламя.

Можно рифмы нанизывать
Посложней и попроще,
Но никто нас не вызовет
На Сенатскую площадь
Коржавин

Глупости! Выйти или не выйти на СП (Трубецкой) – дело десятое, а вот рифмы – это уж извините – С.

Оставил каждой женщине по двойнику. Они живут, и они – мои соперники.

Преимственность. Все – историки, как будто в прошлом можно найти что-либо еще кроме крови и грязи.

Ты так никогда и не узнаешь, чем отличны Кетон-старший от Плиния-старшего, разве что прочитаешь «Спартак» Джованьоли, в котором, впрочем, ни об одном из них не говорится.

История англ. лит-ры

АН т. 3.

Ист. фр. лит. АН т. 3, 4

Засурский Ам. лит. XX века

Елизарова Курс лекций по ист. зар. лит. XX в.

В. Иванова «Англ. ром. посл. 10-летия

Э. Потье «Из фран. стихов»

Э. Золя Жерминаль

Мопассан Рассказы, «Милый друг»

Роман Жан Кристоф (5 книга Ярмарка на пл.) «Очарования душа (кн. «Роды»)

Барбюс «Огонь»
Арагон Стихи
Шоу Пигмалион, Профессия мисс. Уоррен, «Тележка с яблоками»
Уэллс романы
Конрад Лорд Джим «Фрегат, 7 островов»
Сага о Форсайтах
Смерть героя
Олдридж. Герои пустынных горизонтов
Твен Приключения Г. Финна. Письма с Земли
Лондон Северные рассказы, Мартин Иден, Тихоокеанские рассказы
Генри рассказы
Драйзер Американская трагедия. Гений
С. Лин Беббит
Эрроу Смит
Т. Манн Верноподданный
Ремарк На зап. фронте
Зегерс 7-й крест
Брезель Испытание
Брехт Добрый человек из Сезуаня
Ибаньес Кровь и песок
Гильен, Лорка, Неруда
Дж. Рид 10 дней
Андерсен [Прощай, оружие]
Хэм Прощай, оружие, Иметь и не иметь, Старик и море
Колдуэлл рассказы
Табачная [дорога]
Стейнбек Гроздь гнева
Фолкнер Поселок, Город, Особняк
Миллер Смерть комивояжера
The catcher in the rye³⁵

Есть такие старые слова

На самом краю Европы
сугробы

Для фантастического рассказа: сенсатор – сенатор, диктор – диктатор
(поэт стал диктором).

Если ошибок друзей нельзя исправить, ими нужно воспользоваться.

Палач-неврастеник. Страсть к самоубийству. Пытал и казнил, чтобы почувствовать вкус к жизни.

Пьеса в стихах

Старый вождь слушает старые песни. Понимает, что это дерьмо, но они ему нравятся, ибо их пели в его правление.

Классическая поэзия – езда с остановками – разрешенные метафоры, интеллектуальный катарсис. Модерн – мимо, мимо, как Мефистофель и Фауст мимо виселицы.

Для завоевателя мир – ножны для его меча.

Новый вариант повести о Тристане и Изольде

Ему казалось, что если он поймет, зачем в 1952 году издательство «Московский рабочий» выпустило в серии «Библиотека колхозника» избранные произведения И.С. Тургеньева, редактор Г. Коренев, художник В. Никифоров, техн. редактор Е. Яковлева, подписано 6/XI – 51 [...]

1967 – 1968

Проклятие среднему сословию! (стихи) Ничего среднего в поэте не может быть, ничего буржуазного. Каленым железом. Жаль, что «буржуазный» – синоним «нравственный». Люди должны быть несчастными. Я не могу, как Сталин, позариться на их хлеб насущный, но в эмоциональном плане – наверняка. Это не расходится с христианством – увечные угодны Богу. Червь сомнений – лучшее из созданий Его (Змий).

9/ V – 67

Какая-то в державе датской гниль. Американские стихи Евтушенко – это уже не самопародия, а пародия на собственных эпигонов. Хороша была бы песенка:

записники
блокноты

Ой, не едьте вы в Америку, братцы!
Ой, куда вам за Америку браться.
С виду вы и прогрессивны, и бриты,
А в стихах у вас сплошные Уолл-Стриты.

Мама спросила, как начинается «Анна Снегина». Я тут же придумал начало:

Выпала вдруг пороша,
Словно пух на кровать.
В деревне украли лошадь
И повели ковать.

Что за мысль: переписать Есенина наново.

Валя С.³⁶ повез нас в своей машине, которая по дороге останавливалась сама собою в самых неподходящих местах. Томительно жаркая первая половина дня. Мраморная статуя Сталина (2,5 метра) лежала на спине в ящике, грубо сбитом из досок. В ложбине от живота до ног – рыжая дождевая вода, ржавое железо. Ноги обмотаны металлическим тросом. Большая властная рука на глыбе мрамора, нос и усы отбиты. Тщательно сделанные, до рисунка золотого шитья, погоны генералиссимуса. Рядом заброшенный склад с массой выбитых окон. Внутри мусор, расчетные книжки. Прогоревшие балки потолка – был пожар. Валяется табличка: «За пожарную безопасность отвечает тов.». Над статуей – чахлое дерево с подозрительным названием «неклен». Девушка: которая спокойно сторожит все это, сидя на крылечке. О статуе говорит «это».

Повесть, что-то вроде «Тройной удар», 22-й век, крупный красивый парень помирает от чего-то вроде рака. Шизофреник – путешественник во времени. Странная связь времен. Кому суждено умереть в прошлом, умирает в настоящем, и наоборот. Ничего в прошлом нельзя изменить. Уговаривает попробовать сразу в трех веках. Психически здоровый, спокойный парень становится похожим на него. XIX век – отравление, XX – такси, случайные попутчики оказываются в заговоре, XXI – телефон позванивает утром и вечером, находят, что он вреден для общества и уничтожают.

Чужая планета. Тысячник с замороженным сознанием. Помнит только свой чин, шансы на продвижение и уставы. Земляне его заблокировали, чтобы узнать все секреты. Жуткая тоталитарная планета, он выясняет, что ненавидит ее, но выдать не может. Сильнее ненависти – может быть название.

В сад, где седые пажоны курят сигареты с фильтром из длинных янтарных мундштуков и передвигают вычурные деревянные фигурки, затягиваясь после каждого хода. Не хочу этого года, этого века. Заберите меня из этого времени.

Детектив. Журналиста берут на дело. Оперативная ошибка, преступник бежит прямо на него, вдруг выстрел. Преступник падает, в руках у журналиста пистолет (может быть Браунинг 6,5). Оба хотели уничтожить друг друга.

Реальность – самая обманчивая из иллюзий.

Манера называть газетные статьи – если речь идет о новом совхозном кабинете бытового обслуживания, – статья называется «За рекой в тени деревьев» – сменила другая. В статье о чуме на городских улицах непременно напишут: «Тишина – ты лучшая из всего, что слышал, как сказал поэт».

Единственная моя охранная грамота – месячный билет на право проезда в киевском троллейбусе.

Дебора Венициановна Пергамент.

Жители планеты учат животных разговаривать, переделывая им горло. Говорят, что слова – это мысли, и что они создают биороботов. Совпадения в программе животных и в религии жителей. Катастрофа раз в 500 лет. Готовят новое человечество, но скрывают от пришельцев, чтобы не захватили врасплох.

«Почему мы так говорим». Позолотить пилюлю – чтобы сохранить ценные медикаменты.

Предложение у вокзала. Разговор 2-х парней о том, куда ранили их предков.

Разложение войск противника, радиостановка призывает сдаться в плен – в фантастическом аспекте.

Кошка по ночам прыгает с 20-го этажа и по утрам приходит домой.

Возвращение в 11 дней любви (ноябрь 1962).

Вожди не ошибаются, – сказал он твердо. – Не могут ошибаться. Не имеют права. Он все чаще разно.

Письма из матриархата

Земные хроники – с эпитафиями из 5-книжья Моисея.

«Голос против» – документальный. Может быть, в цикл «Машина для президента и т.д.». МВП – мы вам по каплям.

Плавба – долання твоїх безнадій і моїх надій

Рифма – золотой гвоздь. Он украшает стих, скрепляя с ним мечту поэта «Теофорж де Бонвиль»

Пьяные шмели в полете задевают тонкие травинки. Цикл «Сад». Что приходит по ночам. Саранча. Подрезаю розы

Глупость. Сердце болит от красоты этого утра. Ее невозможно взять себе, как невозможно взять твою красоту.

Ест глаза отечественный дым

Морковное пюре избавило меня от эдипова комплекса – я возненавидел не отца, а мать. Если женщина не умеет приготовить вкусную еду, это так же стыдно, как если мужчина не умеет сделать из девочки женщину. (Сделать из женщины шлюху – это поточнее).

В будущей жизни мы будем ехать на пароходе по Волге мимо Царицына и Нижнего Новгорода, сидеть на верхней палубе в плетеных креслах, пить жигулевское пиво, а граммофон будет играть русскую музыку (Чайковского). Впрочем, обе наши души вложат в одного шизофреника с раздвоением личности.

А зачем ты меня отравил? А интересно было учиться у кавалера Глюка.

Последние летние дни. Щемящая тоска. Любой день кажется вообще последним.

Все брошу, уеду в Париж, на Лазурный берег, но даже там меня настигнут певучие еврейские окончания фраз и безумные взвизгивания славянской гармонике. Никуда не уйти.

Конечно, Богу – Богово, а кесарю – кесарево, но разве из этого следует, что они равны?

Сколько бы ни говорили о низости современного общества, это общество удивительно гордых людей. Люди больше не просят у Бога и разучились просить друг у друга. То, что не может быть взято силой или хитростью, сублимируется.

Страдания или события, не затрагивающие нашей экзистенции, т.е. в которые мы не можем вмешаться, оставляют равнодушными. Войны за морями – не наши войны.

Вероятно, экзистенция у всех одинакова. Разница в том, насколько мы ее осознаем или, пользуясь системой Гегеля, в степени, в которой она стремится познать самое себя.

Больше всего легенд рассказывают о писателях из провинции – Светлов, Олеша. Даже обычные таланты, пожив в провинции и насмотревшись на всяких монстров, становятся незаурядными личностями.

Современные мужчины вовсе не так сексуальны, как можно заключить из образа их жизни, а женщины и подавно. Вечная погоня за массовым искусством. Даже режиссеры-импотенты заполняют страстью свои фильмы.

Ох уж эти любители поэзии! Они всегда стараются угадать, а понять стихи можно только обманувшись.

Человек, который держался за другой конец бревна (Ленин на субботнике). Не с того конца.

Все превращается в противоположность, в пародию, в особенности в человеческих отношениях.

Создать секту. Максимальный успех предприятия выразится в том, что я должен буду ее уничтожить, пусть даже ценою собственной жизни.

Встреча в поезде с журналистом – корреспондентом на строительстве вавилонской башни.

Тургенев – Ремарк среди русских классиков.

Наше литературоведение, точно как наша поэзия, стремится заменить собою политику, философию, изящную словесность, богословие и вообще что угодно.

Человек, который не хотел дышать.

Управдомы вешали в квартире свои портреты.

Маленькое племя – поэт, художник, они все переиначивают и все выходит не так.

Можно ли объясниться с иными планетами – филолога ведут по кабинетам земного начальства.

Куда бы не пошли влюбленные – кино, концерт, – все напоминает их историю.

Инспектор ВАИ³⁷ на посту.

Гипнотизер зубов.

Рассказ, составленный из фраз из сборников диктантов типа «пятак упал, звеня и подпрыгивая».

Раньше писатели и критики тоже ставили психологические опыты, но больше на бумаге, а не на полотне (простынь).

Добрый волшебник, который ничего не может сделать для себя или для других, если они за это будут его благодарить. Выращивал бороды.

А что это за «ры хры»? Не «ры хры», дурак, а Рождество Христово, то есть, нашей эры.

Если умного человека можно ударить так, что он ополоумеет, то я не понимаю, почему полоумного нельзя ударить так, чтобы он поумнел. Георг Кристоф Лихтенберг, просветитель, XVIII век.

Не забудет, что причины действий человеческих обыкновенно бесчисленно и сложнее, и разнообразнее, чем мы не всегда потом объясняем, и резко определенно очерчиваются. Достоевский, «Идиот».

...герой не должен уметь говорить; герой мычит, как бык; зато двинет рогом – стены валятся. И он сам не должен знать, зачем он двигает, а двигает. Впрочем, может быть, в наши времена требуются герои иного калибра. Тургенев «Накануне».

В троллейбусе девочка спрашивает у матери: чекисты – это разведчики? Та, подумав: да, это разведчики внутри страны.

Греки – действительно нормальные дети человечества, если ужасы фрейдистских комплексов считать нормой, а это, безусловно, так. Их миры и трагедии не нуждаются в модернизации, в чистом виде они современны Ионеску. Ненормальные комплексы еще страшнее. Отсутствие отца в семье не избавляет от Эдипова комплекса, а искажает его – явление, типичное для века больших войн. Любопытно бы проанализировать послевоенные эпохи – после 100-летней, 30-летней войны и сравнить с предвоенными периодами.

Выслушав большой, красивый литературный сон, отказался от психоанализа, объяснив, что в системе Фрейда важно не это, а цвет фонариков на елке, нежный толчок в спину или выше и т.д.

Маленькое племя, агент, пытаются развалить большую метрополию серией возмущений – попытка моделировать будущее, да и выгодно. Они нас не понимают, и все искажается, пусть неволью. Круки на кроквах видят аллитерацию, а это черные птицы на белых стропилах, словно на скелете – очень страшно. Его племя – в числе тех, что погибнет. Видит шедевры и знает, что умрет язык, на котором они написаны.

Предательство – попытка выйти за собственную однозначность, примитивность, бездарность. Комплекс неполноценности. Гений предает самого себя по частям – это и есть история искусства.

Какую ошибку допустил художник? Кто же поставит цветы в корзину? В воду надо.

Разговор в ресторане.

...избрали специальностью сборку древних часов, которые в сутки показывают двое суток, но и за всем тем, как образчик русской смекалки, могли служить поводом для размышлений о величии России.

Щедрин «Игрушечного дела людишки».

Очищенный как-то обмолвился, сказав, что мы всю жизнь между трагедией ходим, и только потому не замечаем этого, что трагедии наши чересчур уж коротенькие и внезапные.

Очевидно, он не договорил. Трагедии у нас действительно одноактные (взвился занавес и тотчас опустился над убиенными). Но трагедия растянулась на такое бесчисленное множество актов, как нигде. И притом осложнилась шутовством. «Современная идиллия».

1968

Четверостопный ямб мне надоел
И пятистопный тоже надоел.

Вы перечитаете Щипачева

В поэму или просто так: всеобщий разброд, в который и я хочу внести свою лепту.

Медленно кончается октябрь
Дожди шепчутся в изголовье
Каждый день монотонный консилиум

Я на вас, московские березы,
Загадаю о своей судьбе

Суматоха смены декораций,
Суета октябрьского дождя

Как ужасно уезжать

Гордыня, гордыня. Сочувствую ближним. Сочувствую ближним. Все кажется, что происходящее со мною – мои личные счета с Богом, и мы сочтемся, а их-то за что?

Только сейчас начал оформлять свой мир. Кажется, что поздно, но, с другой стороны, пристало ли сынам человеческим творить миры? Может, это компенсация, поущение, а может, грех, пришедший даже чуть позже наказания. Что-то будет в последние дни?

Руки, которые должны были лежать на твоей груди, положат на моей собственной.

Мы воспитаны в стране

Коливайтесь, тераси дерев.
Тичина
На терасах дерев...
На терезах дерев...

В залізній мові, в залізнім реченні
Малишко
Мова, як пісня

Бедрa тоскуют по проклятой сладкой тяжести. В цикл Магдалина. Вообще – обнаженная лирика – кажется, этого еще не было в русской поэзии.

Пост и молитвы. Ave, Maria gracia – молится другой Марии.

3-я Мария. Рассказ. 2 теолога. Попадают туда. М. Магдалина и М – сестра Марфы. Одно и то же лицо, или нет?

Какая на ней была рубашка – зеленая или синяя? Ему кажется, что все дело в этом, что если он вспомнит, он вспомнит все остальное, и все поймет. Он [поймет] уйти или остаться, и он уверен, что цвет сыграл решающую роль в выборе. Не выдерживает: скажи, пожалуйста, у тебя хорошая цветовая память?

– Прекрасная.

– Я хотел, чтобы ты мне напомнила (не решается).

– Что?

– В каком платье была Н. Ростова на своем 1-м балу?

– В белом, разумеется!

И истерически хохочет. Надо же! Такой вопрос и так серьезно ответила.

Цикл стихов о песне с эпиграфом «Що співають мої сестри». Маруся й отравилась. Дівчата-маляри.

Кожній дівчині – лицаря на коні,
Кожній вдові чи розведеній – молодого козака,
Кожній бабі – Івасика-Телесика,
А кому не догодити вже – повну миску галушок)

Коли б тобі горенько
Та й печаль,
То ти б вийшов на вулицю
Та й кричав.

Горе жити з ворогами

Чужі воли, да чужі воли, чужа нива
Поганяє чужа мила

Ой, чого ти, сестро,
Така стара стала?

Благослови мене на зраду

Як була я молоденька,
Колихала мене ненька.
А як стала підростати,
Стали хлопці колихати

Ой, од чого мій синочку впилася?
Ой, од чого, дитя моє, впилася?
Ой, упилаь моя матінко, від ножа,
Ой, заснула, моя матінка, край коня.

Человечество растит идиотов. В лучшем случае, это добрые идиоты, и тогда можно объявлять их народом, солью земли, прославлять их в стихах, учиться у них правде, доброте, поэзии, мудрости. Злых идиотов следует любить и прощать по закону Христову. И те, и другие ужасно серьезные. Надо быть в бреду, по меньшей мере...

А я тому журавлю, журавлю
Києм ноги переб'ю, переб'ю.

Не бийте журавля навіть у пісні, жартома. Маленький хлопчик проситься: Не бийте журавля. Чи може я знову йду до Шевченка і хлопчик показує дорогу і каже – дядьку, бо я студент, в чоботях, з валізою. Не питаєш, де тут Ш.? Питаю, де студенти. А потім вони вдвох – хлопчик і Ш., і не до тям, хто з них журавель, тільки не бийте журавля.

Поете, любить свій народ не є злочин,
Коли це для всіх.
Тичина.

Та ще німих народів не було.

1968

Прийшов п'яно-розп'яно

На це немає ради

Дав дві копійки решти

З дощу та під ринву

Де козам роги правлять

Під чотири вітри йди

Моє не в лад

Власкавлювати

В око влипнути

Забоїсто на дорозі

Забрати за живе
забрати муром

Наївся забудьків

Бути на заваді
Стати на заваді

Він їм у зуби нав'яз

Сяду під віконце

Сонце стало надвечір (надвечори)

Із шкури видратися

Обставини заносяться на эле

Бодай їх слід запав

Заговорилися: ба тее, ба сее

Баба-бранка

Час не змигнеться

Так ви мене звели в мой надії

Як завід жінки над мерцем

Перед чотирнадцятьма роками

І по яку другу голову

Я туди плентаюсь?

Може би я прецінь якась

Сп[артак] М ³⁸	8	10	15	22	24	6
ЦСКА	5	7	12	21	23	7
Дин[амо] К	7	11	19	25	30	5
Зенит	5	11	18	26	34	II
Аванг[ард] X	5	12	19	24	32	4
Дин[амо] Тб	9	17	24	29	38	I
Дин[амо] Мн	1	10	16	16	21	8
Пахтакор	8	17	19	25	32	III

Ланкова³⁹

Цигарочка

Мова

Сестро

Журавель

Шкода М[оскви]

Тільки двічі
 Ш (В камені)
 І мати мол[ода]
 На терезах
 Свіфт
 Дударик
 Офелія
 Вандея
 Стати б хоч
 Рано ще
 Вона приходила
 Ковалі
 Ш (Він був)
 Краківська ніч
 Їжак
 Ти полинеш
 Я ніхто для
 Катерина
 Є тільки казка про
 З любові
 Завтра буде світ
 Не дайте щоб заснула

1968

Маленькие дети бегают по двору с громкими криками: Хайль Гитлер!

Нечто на манер «Влюбленного дьявола», но герой не верит в любовь, видит интриги, что угодно...

Доказательством того, что Землю посещают инопланетные существа, служит наше знание о том, что она вертится вокруг Солнца. Только они могли рассказать об этом. Человек, живущий на Земле, видящий восходы и закаты, не может представить себе, что его неподвижная Земля носится в пространстве, да еще при этом вращается вокруг своей оси.

Чувствовать единство мира могут только идиоты или гении (Шекспир, Пушкин). Для обычных людей он распадается на части, ничем не связанные друг с другом. Но у нас есть свои великие писатели – Кафка.

Хочу быть доктором Шишкиной. Желание перевоплотиться.

Человек, который видел будущее и ничего не мог делать – заранее видел результат.

Чужие окна и магия жизни чужой. Ковер над чужой постелью. Со стола не убраны тарелки. Женщина.

Война ушла, отзвенев медалями, сервизом у Ф.И., девятый вал, оформление быта, 50-й год.

Для авангардистской прозы[:] герой идет впереди двух подвыпивших и откровенничающих приятелей, невольно прислушивается к разговору и вдруг слышит, что под видом собственной жизни один из них рассказывает его, героя жизнь.

Для детектива: «Москвич», в нем место водителя справа, мгновенно бросается в глаза. Размышления детектива по этому поводу.

Как тесно во времени, свернувшемся спиралью.

Пасу свое время.

Идеи, овладев мыслями, становятся материальной силой. Чем становятся массы, овладев идеями?

Проснулся ночью и обнаружил, что не могу вспомнить имена Оттона и Витемия.

Общество, в котором было запрещено говорить. Отчаянная борьба за слово.

Ключетка – ключи от всех квартир города и страны у службы безопасности.

Специальные карточки с фотографиями, чтобы ко всем обращаться по имени-отчеству.

Как соблазнительна поза Пилата – спокойный, красивый, равнодушно доброжелательный, спросил у Бога, что есть истина, и не получил вразумительного ответа. (Иерусалимские главы «Мастера и Маргариты» написаны Пилатом, это он видит себя «в тоге с красным подбоем»). Иешуа и Левий Матвей такие, какими он их видит. Но Пилат бесплоден. И здесь раскрывается смысл эпизода со смоковницей.

Выдрессировал свою зажигалку таким образом, что она подчиняется только ему.

Маленькая рыжая собака приходила в гости и упорно хотела поселиться в нашей квартире.

Цикл віршів «З Ніковського»

Она похожа на паучуху, которая уже съела своего паука, и теперь ей очень скучно.

Білий – колір святості і чорний – гріха. Митцеві залишається червоний – колір падіння і піднесення, гріха і спокутування, бо червоний – це суміш білого і чорного.

Розпатрано вірша на слова

В камені, в дереві, на папері

Червоний червень

Якби тобі горенько та печаль...

[Я не] мовчу...

В гостях у старого блазня

Я не хочу лежати в цій рабській землі.

Листи Дж. Я. Свіфта.

Не одну, а дві волі тобі дано.

Г. Сковорода

Зброя вбивці залишається без хазяїна

Копачучи комусь яму, копай її на власний зріст

Вандея. Нехай в Парижі... Конвент

Та доки ж ми будемо Вандеєю

Сковороді: Учителю, пробач, що я не міг. Інші часи. Вони тільки й чекають на мовчання.

Як жінка іде назавжди – ніжно, неблаганно, м'яко. Вбити кохання на догик, розкрити таємницю, ні, ти не зірка. Люба, ти ще не знаєш, як я вмю мовчати. Який повільний ранок. Згадаєш їжака, що я приніс, – просте безсмертя, бо колись розповіси, коли мене вже не буде, і хтось прочитає цей вірш і побачить тебе – прекрасну, неблаганну.

Погані прикмети: кішка, ніж, сіль, карта

Все для тебе

Вічно йтиме Шевченкова Катерина

Дякуймо Богові, який зробив путне нетрудним. Ні, нема нічого труднішого, як зберегти волю, честь, совість.

Цикл рассказов о летающих тарелках с эпитафиями из разговоров в кафе.

Исповедь адвоката о процессе агентства футуристики.

Объектив задерживается на открытке «С Новым 1961 годом!»

Цикл украинских рассказов на латинские пословицы – *Per aspera ad astra, Ubi bene, ibi patria* etc⁴⁰.

Уйти в открытку со старым заснеженным Крещатиком.

Дерева до мене: опаде листя, голе віття, ти згадаєш, якими ми були, забудеш – згадаєш? Так, але ти будеш великим, товстий стовбур, інші придуть. Ти забудеш – згадаєш?

I remember – my saying that the way people play with animal – pets shows the way the trial other people, opens the most hidden corners of their souls. And I've stopped astonished for I thought that if I find out how I treats my pussy, everything would be clear. She lovingly plays with it but it seems that when she's gone, she doesn't want to full it's fur under her fingers. Perhaps, the desire to force her to want me when she's away is one of my main feelings towards her. And still she remembers everything – the date I brought the sharp creature to her (she's the most fitting forget for the poem, appealing to remember) and everything. One may think she's sure to remember him forever, to insure his deathlessness in my mining of the word. And she is a creature, a beast of very high rent. I feel that and Maska feels as well. Her breathing is fragrant – a rare thing indeed. I can't make her out, I know nothing about her and I'm happy about it.⁴¹

Є тільки мить,
Єдина й незрівнянна

Є тільки казка про вогонь.
Є тільки пісня про залізо.
Валізу. Вагань.

Сцена по Достоевському: В холле больницы что-то выясняет, распекает, вдруг из-за колонны бросается женщина с криком [«Палач!»]. Присматривается – жена латиниста.

[–] Жил на свете джин.
– Джин – это злой дух?
– Это был добрый джин. Но он был ужасно таинственный. Поэтому все его колдовство кончалось жуткими скандалами.

Кожний день краде, вириває тебе з моїх рук.

Завтра буде світ такий як завше –
Білий, жовтий, трохи вороний.

Із Рільке. Пісня статуї. Ярема.

Приїде день, і всі мої слова стануть плоттю, дією speaking of going to P.
I didn't understand she really might go and just after my words. E.G.⁴²

Цикл перепутаних сказок – про джина и т.п.

1968

Сигареты⁴³

Спички

Щетку

Мыло

Пасту

Пилочку

Мундштук

Блокноты: красный, синий, коричневый, серый

Ручку

Бумагу

Конверты

Для воды

Библию

Словарь

Брошюру

Блюдце лет.

Открытку

Диапозитив

Ге[ч]

Карты

Денег

Ключ

Порошки

22/IX-68

ЗАПИСНИКИ
 БЛОКНОТЫ

Гем. 82⁴⁴
 Эрит. 4130 т
 Лей. 6350
 Трм. 248
 РОЭ 20
 Сверт. 3,25
 4,30
 Ретик 10 %
 Эозинофин 1,5 %
 Палочкояд 2 %
 Сегм - яд 51,5
 Нейтрофилы 40,5 %
 Моноцит. 4,5 %
 Полихромо

Les troubles du metabolisme du sel et de l'eau⁴⁵

45

Дм	10	10	0	0	10	7
Спм	1	1	2	2	5	16
3 Зем	10	10	1	2	5	28
2 Дк	5	2	5	1	10	23
Мак	2	0	3	1	5	11
ДрС	0	0	2	0	2	8
Дм	1	3	3	5	0	12
3 ДрС	3	3	1	1	10	18

Дм	Спм	Зем
Спм	1:0	2:0
Зем	Зем	ДрС
Дк	2:0	2:4
Мак	ДрС	ДрС
Дм	1:0	2:4
Дм	ДрС	2:4
ДрС	1:1	5:5
ДрС	5:1	

46 3 Зем	1	1	0	10	5	17	10	3-М
40 К	0	0	1	0	2	3	17	0.1
3 ДрС	3	1	3	5	0	12	17	
3 Дм	10	5	1	5	2	23	17	
Мак	0	0	10	0	10	10	17	
Спм	1	2	3	5	0	11	17	
Дм	0	0	0	0	0	0	17	
2 ДрС	10	5	2	0	2	19	17	
1 Мем	10	1	1	5	1	17	17	
1 Мак	3	5	2	0	0	10	17	

ДрС	ДрС	Зем
Спм	5:1	3:4
Зем	Зем	1:1
Дм	10:1	1:0
ДрС	ДрС	1:0
Дк	Дк	1:0
Мак	Мак	5:1
ДрС	ДрС	5:1
ДрС	ДрС	2:0
Мак	Мак	10:0

47

3 Дм	1	3	5	5	0	18	14
2 ДрС	1	1	5	1	0	8	8
3 Мем	3	5	1	3	0	12	5
3 Зем	0	1	3	0	0	4	10
3 ДрС	1	3	3	0	0	7	9
3 Спм	0	3	10	10	3	26	1
Мак	1	3	5	2	0	11	6
1 Мак	5	3	10	1	0	19	11
4 ДрС	1	0	0	0	0	1	12
Дм	1	0	0	0	1	2	11
Апп	0	5	2	1	1	9	7
2 Кд	2	5	3	2	10	22	11

Мак	ДрС	КАМ
ДрС	5:0	1:0
КАМ	КАМ	1:0
Зем	КАМ	1:1
Дм	Апп	2:0
Апп	ДрС	1:0
ДрС	ДрС	5:1
ДрС	ДрС	1:0
Мак	Мак	1:0
Спм	Мак	10:2

48

Спм	2	1	0	5	2	0	9	8
2 Кд	2	1	0	2	10	15	7	7
1 Мак	2	0	1	3	0	6	10	
5 ДрС	5	1	0	0	10	16	4	
2 ДрС	2	3	1	5	5	16	6	
6 ДрС	1	0	0	0	5	16	5	
1 Мак	0	0	5	10	5	20	11	
3 ДрС	2	5	1	0	0	8	9	
3 ДрС	1	0	1	0	2	4	11	
2 ДрС	0	3	5	1	0	2	19	
9 Дм	1	10	5	1	2	19	11	
Апп	10	10	1	1	1	2	12	

Зем	КАМ	ДрС
КАМ	1:0	1:0
Мак	Мак	5:1
ДрС	ДрС	5:1
Спм	Спм	10:5
Апп	ДрС	10:5
ДрС	ДрС	10:5
ДрС	ДрС	5:3
Мак	Мак	2:0

Фото з архіву
 сім'ї Кисельових:

- 01 Леонід Кисельов:
 всі ми родом з дитинства
 02 Нататки Леоніда Кисельова

Зошит десятий / Тетрадь десятая

[1965] –
1968

листи
письма

1965 – 1968

ПИСЬМА К ЕЛЕНЕ СКУЛЬСКОЙ*1**

Здравствуй, милый Рыжик!

Действительно, кто кому написал первый, не имеет значения. А письмо твое пришло очень удачно. Я сейчас живу в селе под Киевом (университет выгнали помогать сельскому хозяйству). И в Киеве бываю только по вторникам. Приди твое письмо позже на несколько часов, и я бы его получил только через неделю, а, кроме того, когда я проходил мимо ящика, мне очень хотелось, чтобы там оказалось письмо, но ничуть на это не рассчитывал. Ну вот. Колхоз мне смертельно надоел, и вообще, весь сентябрь (и август) были у меня совершенно сумасшедшими. Мне уже хочется нормальной жизни в родительском доме, ежедневных лекций, интеллектуальных бесед и т. д. Я бы вынес все, но здесь гонят совершенно отвратительный самогон. А пить-то надо, никуда не денешься.

Я не очень изменился за эти два месяца, но мне тоже кажется, что все это было очень давно (когда я ездил в «Артек»). А ты плавай за буюк и пиши стихи. Может быть, в твоём творчестве появятся и другие темы, и через пару лет я буду хвататься, что учил плавать Елену Скульскую, а мне никто не будет верить.

Well, sometimes I recall our meetings in Odessa and Kiev, the places we have seen in my native city. By the way, do you remember an evening in Odessa? Are you sorry for it? Well, finally it doesn't matter. Suppose, you will not mind my English training. I dace say it won't² be useless for you and me³.

Леночка, у меня постоянно вынимают из ящика газеты и потому пиши мне по такому адресу: Киев-6, До востребования, Киселеву Леониду Владимировичу. Раза 3-4 в месяц я буду стучаться в это окошко. Пришли стихи (я их никому не буду показывать) и свое фото. Сообщи, пожалуйста, свой телефон и разницу между Таллинским и Московским временем (вдруг решусь позвонить).

Yours till dearth L⁴.

25 октября 1965

Здравствуй, Лена!

Вот начались милые студенческие развлечения: хожу на лекции, перевожу с английского на русский и наоборот, а, кроме того, вовсю занимаюсь общественной деятельностью. Прихожу домой после 12, сообщаю родителям, что дежурил в дружине или обсуждал программу вечера, а они грустно и недоверчиво улыбаются в ответ. В Киеве уже была зима – выпал снег, потом весна – он растаял, а теперь установилась моя любимая погода – сухая поздняя осень. Делать ничего не хочется, и вообще я хочу назад в колхоз.

Чем кончилась эта история с Чацким? Твоя способность написать такое количество сочинений меня просто потрясла. Мне даже собственные сочинения лень было писать. А чужие я проверял. Помню, в сочинении одной девочки я нашел 12 ошибок, ужасно гордился собой и очень над ней издевался. Каково же было мое удивление, когда девочка эта получила двойку, потому что там оказалось еще 13 ошибок, которые я не заметил. Кстати, теперь она на втором курсе филфака и чуть ли не отличница⁵.

Настроение плохое, тонус низкий. Почему люди не погружаются в зимнюю спячку? Было бы очень здорово. Идет отчаянная борьба между киевским «Динамо» и московским «Торпедо» за первое место. Турнирная таблица выглядит словно карта военных действий. Я люблю печатать на машинке и решил доставить себе это невинное удовольствие.

Though you asked me not to write letters in English, I want you to know that your nickname the English for is «Zinger» [‘dzindze’]⁶.

Yours⁷ Л.

8 сентября 1968

Киев

Дорогой Рыжик!

Я тоже постараюсь не писать ни о вечеринках, ни о погоде. А письма твоего я ждал и даже беспокоился, вспоминая твои страхи по поводу авиации, так что с твоей стороны просто гуманно меня от них (страхов) избавить. Я совсем не усмехаюсь, когда говорят об отчаянии и безысходности, тем более, если они действительно существуют, не просто для украшения эпистолярного стиля. И все-таки это проходит, а если эти чувства удаётся передать, скажем, в стихах – результат бывает просто удивительным – когда в стихах не эмоциональные штампы, столь свойственные современной русской поэзии, и, вероятно, губящие ее, а настоящие горе, страх и т. д. Кроме того, наш с тобой любимый писатель Кафка писал в своем дневнике 21-го июля 1913 года (не могу удержаться от цитирования): «Не отчаиваться, не отчаиваться и по поводу того, что ты не отчаялся. Когда кажется, что все уже кончено, откуда-то все же возникают новые силы, а это означает, что ты живешь. Если же они не возникают, тогда действительно все кончено, и притом окончательно».

Когда-то я хотел заказать плакатик с этими словами и повесить его у себя в изголовье, под портретом Кафки. Во всяком случае, давай оба попробуем последовать этому совету, а при встрече расскажем друг другу о своих успехах в этом старании.

Ты знаешь, как трудно жилось Кафке, да и у меня было несколько недель, когда мне казалось, что жизнь проиграна окончательно и нелепо, а мир просто уходил из рук, как вода; и так оно и было. А все-таки кое-как удалось выжить, немного зализать раны и даже иногда чувствовать себя счастливым – насколько это вообще возможно.

А если тебе станет совсем неважно – позвони мне (E72045), сядь на самолет (Таллинн–Киев) и я постараюсь спасти тебя от всех бед. Пусть эта возможность будет твоей заветной лампой Алладина, может быть, тебе будет легче, да и мне ужасно лестно и приятно чувствовать себя (старого, больного и скучного человека) твоим последним шансом. На этом я и закончу свои поучения. Давай, я буду твоим консультантом по филологии и т. д. и попробуем вместе посадить в галошу твоих высокоученых коллег, чтобы они не задавались.

Целую тебя.

Твой Л.

ПИСЬМО К ЛЕОНИДУ КИСЕЛЕВУ***

Мой милый духовный пастырь!

Надеюсь, твое молчание объясняется тем, что ты или не получил мое последнее письмо, или у тебя не было времени ответить. Ежели в моем письме было нечто, что могло тебя обидеть, то заранее приношу свои извинения.

На праздники я хотела бы прилететь в Киев, не для того, чтобы так быстро использовать свой последний шанс, но просто чтобы повидаться с тобой. Если ты не будешь занят и сможешь уделить мне немного времени, то напиши мне и я прилечу.

Жду твоего ответа.
Лена.
13 октября 1968 года

ПИСЬМА К ЕКАТЕРИНЕ ДМИТРИЕВСКОЙ***8

Вместо предисловия

Дорогой Сережа! Посмотри внимательно, может быть что-то еще нужно убрать, что будет непонятно. Тут много имен, наверное, их надо откомментировать. Некоторых я плохо помню, например, Вику⁹, Олю¹⁰, Машеньку¹¹ (дочку папиного друга Рюрика¹²), Люсю Лемешеву¹³, которая работала в «Козе»¹⁴, ну и, конечно, Майю¹⁵, которую, между прочим, я видела в ноябре 1995 года в Иерусалиме. Там еще есть упоминания об анекдотах, песнях. Как с этим быть? Подумай.

Стихи я проверила, нашла пару несущественных разночтений, которые можно считать Лениной редактурой. Ответь мне, что ты думаешь, если нужно, я могу вернуться и что-то еще сделать. Я сохранила Ленину орфографию и пунктуацию, исправь, если хочешь.

Катя

31 января 2000 года

Мое знакомство с Леонидом Киселевым произошло в августе 1966 года. В начале октября пришло в Ленинград первое его письмо. Всего за два года их было сорок семь. Это листочки, вырванные из блокнота или «оборотки», когда письмо помещается на одной стороне, а на обратной – машинописная страница «Девочки и птицелета»¹⁶, в которой Леня подчеркивал отдельные слова и предложения, имевшие отношение к содержанию его послания. Некоторые письма писались карандашом, фломастером, красной или зеленой ручкой, иногда без даты, вместо подписи часто изображен кот. Позже (с момента его болезни) письма становятся более подробными, всегда датированными, почти в каждом – стихотворение, если оно было на украинском, Леня сопровождал его переводом отдельных слов, ударениями, объяснениями как какие буквы читаются.

Ленины письма похожи на дневник, они объясняют, дополняют контекст, в котором рождались стихи. В определенном смысле это была потребность «бегства из-под кабалы», потребность поделиться с кем-то, кто находился на расстоянии и не участвовал непосредственно в переговорах и консультациях с врачами. «Роль спасаемого – трудная штука», – признавался он.

В ту пору я училась в ленинградском Театральном институте на театроведческом факультете и работала экскурсоводом. Пишу это для того, чтобы были понятны некоторые обстоятельства места и действия. Я не уверена, что Леня хотел бы, чтобы переписка публиковалась целиком. Вот почему отдельные письма и отдельные фрагменты, которые бы могли задеть или обидеть кого-то – купированы и помечены отточьями в скобках.

Несмотря на 32 года, прошедшие со дня Лениной смерти, мне трудно взглянуть на его эпистолярное наследие со стороны. Я помню его глаза, голос, манеру читать стихи. Мне хочется надеяться, что публикуемые письма позволят читателю услышать Ленин голос, представить его живым, каким знали и любили Леню его близкие и друзья.

Екатерина Дмитриевская

ОКТАБРЬ 1966 – ОКТАБРЬ 1968

9 октября 1966 года

Давно собирался тебе написать, но все откладывал. Мне хотелось дождаться хорошего легкого настроения, чтобы письмо получилось веселым и радостным, исполненным любви и нежности. Настроение у меня, по правде говоря, ниже среднего, но на другое я уже не рассчитываю, а откладывать дальше нечего.

Ну, так вот. Мы с Майей¹⁷ очень тебя полюбили (даже не знаю, кто больше, по-моему, все-таки я) и часто вспоминаем. Я теперь очень жалею о часах, которые я мог провести с тобой, а потратил совершенно идиотски. У меня бывают целые дни, когда мне никого не хочется видеть, кроме тебя. Все это я сообщаю не только для того, чтобы облегчить душу, но и с чисто практической целью. Я понимаю, что насовсем переехать в Киев ты не можешь, но почему бы тебе не приехать к нам погостить? Если не получится раньше, приурочь это к революционному празднику 7 ноября. Майя получила квартиру, есть еще Оля¹⁸, так что пристанище всегда найдется. С деньгами хуже, но тоже всегда можно наскрести. Приезжай, а? Ей-Богу!

Давай переписываться. Напиши обо всех своих делах, личных и общественных. Я ничего не спрашиваю, жду, что сама напишешь...

Твой Л.

Без даты (середина – конец октября 1966 года)

Все собирался написать тебе, и не выходит. Какая-то боязнь листа бумаги. (...) Я придумал себе новый жанр – пишу статьи за ту самую Вику¹⁹. (...) Она хочет работать в киевском корпункте «Комс. правды», а они с нее статей требуют. А я, значит, пишу. Пока ничего, одобряют. А в свободное от этого время я размышляю о гибели русской поэзии и кое-какие мысли даже записываю. Когда-нибудь прочитаю. (...)

Пожил я пару дней в районном центре Киевской губернии, пообщался с народом. А уж самогону-то... Что, если писать стихи на суржике – такая смесь русского и украинского, язык украинских пригородных сел? Есть в великом русском языке какая-то устаревшая великодержавность. А зачем? (...)

Твой Л.

Без даты (середина ноября 1966 года)

У меня творческий период, кажется, начался, я даже написал цикл «Предисловие к «Трагедии Гамлета». Как говорит Аннета²⁰ (есть такая), «простенько, но со вкусом». У Майи²¹ тоже наблюдается нечто на манер духовного возрождения. В воскресенье она устраивает прием – Щербак²² и Петровский²³ en famille²⁴. Я буду выступать в роли принца-консорта. (Обуржуазились мы!) (...)

Сейчас стоит моя любимая мокрая погода. Я хожу без перчаток. Никакой интеллектуальной жизни у меня нет. Целыми днями стучу на машинке – перепечатаваю собственные стихи с целью завоевания славы и денег. Очень противно. Какие-то они все длинные, скучные и чужие. (...)

*Восени з далекої гавані
Від засніженої землі
У важке і тривале плавання
Йдуть навантажені кораблі.
Над землею підіймається,
Мов кістяк, підйомний кран,
Одинокий ліхтар гойдається,
Біля нього трохи світліш,
І матрос, на борт не прийнятий,
Йде, хитаючись, крізь туман.
Все змарновано, все випито.
Досить, не можу більш.*

(Сергея, посмотри стихи Блока «Поздней осенью из гавани». Украинские ошибки прошу извинить)²⁵

Без даты (декабрь 1966)

Как-то очень ты меня тронула своим звонком. Лучше бы, конечно, большое и содержательное письмо, но все равно приятно.

А почему ты в депрессии? Очень это нехорошо с твоей стороны. У меня все это как-то легче. Ничего особенного нет, мучают сны, мучает младший брат, знакомые и родственники, но я держусь. Время от времени мне напоминают анекдоты 2-х летней давности, и я страшно радуюсь, например, про еврея, который в 1905 году поступал в РСДРП или про Стеньку Разина (перед коллективом неудобно). Хорошо бы, конечно, съездить в Ленинград, но мне это кажется нереальным. Опять же деньги. (...) Да, еще относительно депрессии. Сейчас такие вещи печатают. В «Иностранке» Беккета и Грина, а в «Москве» Булгакова «Мастер и Маргарита». По-моему – абсолютный блеск и, почти как песня «нам строить и жить помогает».

Мой «Гамлет»²⁶ нравится мне все больше и больше, но почему-то не хочется отсылать его по почте, может быть когда-нибудь потом. (...)

Пиши статьи, или попробуй эпистолярный жанр – мне письма, я их буду хранить, а потом мы составим из них роман из молодежной жизни.

Твой К.

27 февраля 1967 года

В Киеве весна. Мокро. Замшевые сапоги Майи²⁷ глотают воду столь же жадно (дурацкая аллитерация) как четырнадцатилетние девочки – любовные впечатления. Снег, сами понимаете, тает.

У меня была неделя каникул. Я жил под Киевом, пил водку (300г. в день) и ходил на лыжах (15 км. в день). Идиллия! Еще я выучил 2 пасьянса и написал два стихотворения.

Есть какая-то магия в последних числах февраля, когда после 28-го сразу идет первое. Во всяком случае, я выбрал бы эти дни для ворожбы. (...)

Поклон от Майи и нежный поцелуй (братский) от меня. Вечно твой.

18 апреля 1967 года

Прости Христа ради, что долго не писал. Какой-то кризис жанра. Даже пить не могу – не лезет. Очень был грустный день, когда вы не приехали. Я с утра, бодрый и свежий, прибежал к Майе и стал ждать. Очень хотелось повидать тебя. (...) Спасибо за табличку из аэропорта. Она украшение моей коллекции. А больше писать особенно не о чем. У меня уже не обычная депрессия, а какая-то апатия с отдельными проблесками протрации. М²⁸. все время болеет и тоже настроена не Бог весть как оптимистично. Были мы с ней на именинах, так потом сестра именинницы (29 лет, с трагическим лицом итальянской кинозвезды) сказала, что душою я старше М. на двадцать лет и у меня нет никаких иллюзий. А я с нею и парой слов не обменялся. Ну что ты скажешь! Так мне теперь действительно кажется, что у меня нет никаких иллюзий. (...)

Без даты (конец мая – начало июня 1967 года)

Спасибо тебе за письма, которые ты мне пишешь в уме. Я до сих пор живу по валютному курсу мечтателей, и знаю, какая это драгоценность. Но и за написанное (и отправленное) письмо – не меньшее спасибо. Кроме всего прочего, пришло оно очень вовремя. Я валялся в тяжелой ангине, в бреду, и мне все больше белые птицы мерещились. Ну и сама понимаешь...

А сегодня я уже ничего. Даже 2 зачета получил (veni, vidi, но, конечно, не visi, а что-то в этом роде). Идеи донимают. Все думаю, как бы жизнь свою перестроить. Не в каких-то подробностях, конечно, а в самой глубине. А зачем? Прозябать надоело. Играю в Н. А. Некрасова, а я, может, Печорин. (...)

Ты спрашиваешь, люблю ли я добрых людей. Люблю, конечно. Спокойно с ними как-то. Не в том, конечно, дело, что тебя не обидят. Сам не обидишь, гарантия какая-то собственных христианских чувств. А 3. из другого Евангелия, из Иоаннова, оттуда, где бросают сто овец и идут за одной потерянной и радуются ей больше, чем ста. (...) Попробуй общаться с нею, не принимая ее всерьез. Вообще, с людьми можно прекрасно ладить, если не принимать их всерьез. А иначе, кто избежит оплеухи. (...)

У нас все по-старому. Майя²⁹ работает (на бумаге) да и я пытаюсь по-пробовать свои силы в каком-нибудь еще жанре, кроме эпистолярного. Вот запрут меня на 3 недели практики в международный лагерь, где переводчиков будет больше, чем туристов – буду фантастические рассказы писать. (...)

8 июля 1967 года

Жду в любую минуту. Из Киева я никуда не еду, смело приезжай. (...) За Кушнера спасибо. Не стану кривить душой – я его не очень люблю, а некоторый шум вокруг него порою даже раздражает. Но в Киеве немало поклонников его музыки. Что поделаешь, поэты – плохие читатели. Эх, если бы мне сборник. Я уезжаю под Киев дня на 4, вернусь, напишу подробнее. Прислать Кушнера назад? У тебя остался экземпляр? А может, в нем что-то и есть. (...)

11 октября 1967 года. Феофания³⁰

Писем ты по своему обыкновению не пишешь, и совершенно напрасно. Я уже представил себе, как твое письмо вернется к тебе с пометкой «адресат умер». Я тут пока чуть-чуть не загнул, и только мысль о друзьях, чья жизнь стала бы такой скучной и бессодержательной без меня, удержала меня от этого рокового шага. А теперь меня держат в больнице, кормят витаминами и гормонами, и, скажу честно, за последние 22 года я ни разу не чувствовал себя так хорошо. Больница для начальства, у меня, к тому же, отдельный номер с ванной и своим выходом в сад, а вообще все это великолепие никаким пером не описать. Но есть и свои contra – как я ни рвусь на волю, в пампасы, боюсь, что ранее числа 20-го они меня отсюда не выпустят, а может, даже несколькими днями позже. (...). Почему бы тебе не отпраздновать ВОСР³¹ в нашем богоспасаемом городе?

По-прежнему люблю и постараюсь дотянуть (т.е., не помереть) до твоего приезда, но ты не особенно откладывай. (...)

P.S. Я отрастил усы.

23 октября 1967 года. Киев

Из больницы-то я вырвался, но они (в отместку должно быть) на прощание написали мне такой диагноз, что кому ни скажу – у всех волосы дыбом. А главное – ничего ведь не узнаешь. Врачи шепчутся, родители шушукаются. Читаю по глазам, и, судя по прочитанному, дело мое дрянь. Дошло до того, что на днях меня повезут в Москву. На нее, дескать, матушку, вся надежда. А какой в этом прок? Никакого.

Придется нам перенести наше свидание на послеоктябрьские. Ты уж подзаработай побольше денег в этой своей колыбели и приезжай. А то сейчас я ни за что не ручаюсь – могут в Москву увезти, могут назад в больницу ткнуть и т.д. А чувствую я себя, как ни странно, неплохо. Думаю, что пара месяцев у меня в запасе есть и мы обязательно свидимся. А на всякий случай – вечная моя любовь с тобой и на том и на этом свете. Все равно напиши. Я в Москве долго не задержусь.

6 ноября 1967 года. Феофания.

Посуди сама: ну что я за несчастный человек! Я приехал из Москвы с кучей предписаний и лекарств, собираясь вести тихую, домашнюю жизнь (университет я пока брошу на годик)³². (...) Но переливания, которые мне должны делать, они согласны делать только в больнице. Т.о. я снова загремел сюда. Вообще все это хлопотно, нелепо, я уже устал и все чаще думаю, что куда проще и легче было бы сразу помереть, не обременяя родных и друзей. Ну, вот. Числа 10-11 они меня выпустят. Возможно, выйдет вариант, при котором я раз в неделю буду к ним ложиться на два дня. Как только что-нибудь выяснится, я тебе подробно опишу. (...). Когда кончатся хотя бы переливания, свожу в Ирпень³³ – это память о людях и лете, о воле, о бегстве из-под кабалы.

Какое-то нудное вышло письмо. (...)

13 ноября 1967 года. Феофания

Меня обратно держат в лазарете и не выпускают. Нужно отметить, что в прошлый раз я отсюда рвался в основном затем, чтобы состоялось наше с тобой свидание. Никаких других особых оснований у меня не было. Боюсь, что здешняя жизнь даже как-то слишком совпадает с моими обломовскими идеалами. Но мой побег оказался сплошной насмешкой и парадоксом. В принципе, дня через 3 меня могут выпустить с тем, чтобы я в течение еще 2-3 недель кажинный раз приходил к ним на день-два на предмет переливаний крови. (Чью-то кровь переливают, гады?!!) То-то я смотрю, вроде я меняться начал. Мировоззрение-то у меня сразу тут сменилось, я честно предупредил своих друзей, что отныне у меня другие политические взгляды. А теперь вроде и нутро меняется. Думать очень трудно(...)

Я все надеюсь на период (с месяц) свободной жизни, когда медицина от меня откажется, не успев окончательно доконать. (...)

24 ноября 1967 года. Феофания

Давно-давно собираюсь написать тебе длинное, длинное письмо, и все не выходило. Описывать же свои мучения – так этого никакая бумага не стерпит, на это нужно несколько вечеров личного напряженного общения. Через день мне переливают кровь и я хожу забацианный (термин из бокса). Правда, давно у меня уже не было такого количества литературно-художественных и общественно-политических идей – последние под влиянием Достоевского, которого я здесь прилежно перечитываю. Еще немного – и я стану интересным собеседником.

Масса моральных мучений. Меня спасают. Сначала я очень гордился своей болезнью, а теперь устал. Роль спасаемого – трудная штука. Все перезваниваются, добывают лекарства, сдают кровь, et cetera³⁴. Самое обидное, если вся эта грандиозная кампания закончится пошлым выздоровлением.

Как я ни рвался из этой юдоли, мне светит еще недели две. Пришлют лекарства и инструкции из самого Парижа (ну как не возгордиться!) и лече-

ние продлится дней 10. Затем меня в любом случае отпустят и жизнь нашей семьи, как уверяет отец, превратится в сплошной праздник. Пока что мой глупый 14-летний брат умудрился составить мне компанию. Этот олух не сумел увернуться от мяча, пущенного ему в живот и теперь он тоже здесь³⁵. Мы играем в карты. Он большой юморист, и, как выяснилось, человек незаурядный. Если оправдаются надежды, кот. мы с отцом на него возлагаем, он через несколько лет сможет кормить всю нашу семью.

Кстати о деньгах. Очень жаль, что ты не сумела снять сливок с юбилея.³⁶ Ну, черт с ним. У меня есть кое-какие шансы чуть поправить свои денежные дела, но и ты не транжирь, ибо если я только останусь живым после всех ихних лекарств, я тебя тут же выпишу (хоть заказной бандеролью). Черт возьми, наша встреча постепенно переходит в разряд мероприятий вроде *calendas graecas* или турецкой пасхи. На все эти курсовые, рефераты, коллоквиумы и прочую дребедень просто плюнь. Мы с тобой напишем книгу о театре. Мое невежество и презрение к этому виду искусства в сочетании с твоей профнепригодностью, в которую я, впрочем, не верю, должно принести удивительные плоды. А в виде тренировки и шлифовки стиля попробуй просто написать письмо с подробным описанием своих занятий, мыслей и чувств, каковое описание будет крайне приятно получить нежно и верно любящему тебя К.

10 декабря 1967 года. Феофания

Если бы Барклай де Толли лежал по четыре часа в день с иглою в вене, он выбрал бы себе другой девиз³⁷, и, боюсь, что матерный. И только получая время от времени твои письма, можно сохранить некоторый оптимизм и удержаться хотя бы на чем-нибудь аракчеевском. «Преданный без лести», например.

Самое обидное, что и жаловаться мне не на что. Врачи от меня прямо в восторге. Они говорят, что я прекрасно болею и вообще, даю великолепную картину. Киевский профессор-армянин воркует надо мною, что голубь, и чуть не мурлычет от удовольствия (я воспринимаю с некоторой подозрительностью эти армянские штучки). А лекарства и инструкции присылают прямо из Парижа из госпиталя Святого Людовика. Красиво? Сначала, когда я думал, что скоро помру, я очень гордился своею болезнью, а теперь, когда, похоже, что меня вылечат (все-таки это несколько

пошло – болеть и выздороветь), я стал скромнее и испытываю чувство некоторой неловкости. Мне кажется, что моя ценность не так уж велика, чтобы устраивать все эти международные хлопоты! (Ох уж эти мне проблемы ценностной ориентации! Проклятые экзистенциалисты!)

Покамест они меня тут держат, но, может, все-таки выпустят. Потом мне снова придется лечиться, но, может, я себе выпрошу хоть месяц передышки. Одним словом, копи деньги. Не говоря уже о транспортных расходах (овес-то нынче в цене), котлеты в «Лейпциге»³⁸ тоже не даром дают. А, кроме того, они тут понастроили к праздникам народные кабаки – Ветряк, Мельница, Корчма, Шинок, и черт его знает что еще. (...) Отпускаю кошачьи усы и козлиную бородку.

P.S. А кому верность хранить, мы уж знаем. И, небось, не промахнемся.

22 декабря 1967 года. Феофания

Я не только не смеялся, узнав, что ты в лазарете, но даже не удивился. Хошь верь, хошь – нет, но я это предвидел. Вообще, надо сказать, я здорово начал пророчить будущее. Только все предсказания мои довольно пессимистичны и нечетки. Хорошо бы, конечно, оставить литературу и заняться чистым колдовством, но на этом я зарабатую еще меньше, чем стихами (хотел бы я взглянуть на это «еще меньше». Приятно увидеть невероятное). Слушай, а на Рождество тебя выпустят? Мне вдруг стало тебя очень жаль. Знаешь, даже меня, наверное, выпустят. А я так надеялся воплотить свою давнюю мечту – лечь спать в половине двенадцатого и не играть в эту игру. Ну ладно, в любом случае мы с тобой в этот светлый день выпьем за здоровье друг друга. N'est ce pas?³⁹ Кстати, я вспомнил прелестный старый анекдот с вопросом армянскому радио: каким будет 68 год? и ответом: СРЭДНЫМ. На следующий вопрос: что значит средним? они ответили: немного худшим, чем 67, но зато значительно лучшим, чем 69. (...)

А я тут принимал пани польскую консульшу⁴⁰. Эта прекрасная дама с непонятым рвением добывала для меня лекарства, а потом, естественно, захотела убедиться, что я не фикция и не фантом. (...)

7 января 1968 года. Феофания

Спасибо за новогодние поздравления. Сегодня, в светлый день Рождества Христова, мои мысли, моя любовь, поздравления и пожелания с тобою... (...)

Они меня, наконец, в основном вылечили (что действительно является успехом франко-советской медицины) и, вероятно, все-таки вскорости выпустят. Но морально тяжело. Я оказался заигранным в какие-то игры и сам себе напоминаю существо из «Марсианских хроник» Бредбери,.. в котором каждый видел свое – кто сына, кто дочь, мужа и т.д. Конечно, отчасти все это плод большого воображения (у меня маниакально-депрессивный психоз в легкой форме), но что есть действительно? И даже поговорить не с кем (...) Я недавно сообразил, что мы не виделись больше года, и даже испугался. Я хотел написать тебе стихи о наших встречах и о том, что главное – в неизменности, чтобы продолжить разговор, общение с того места, на котором они прервались. Ты, пожалуйста, постарайся не меняться. Я тоже.

Я начал писать стихи на украинском и, вероятно, попробую их издать. Интересно, а все-таки ощущение какой-то измены (или просто перемены, а нам с тобой спасение в неизменности (см. выше).

Ну ладно, может, всех перехитрю. Буду интриговать, как Голядкин из «Двойника». Чего-чего, а когтей нам не занимать. Отцарапаемся. Выйду, немного осматрюсь, уснулю бдительность (на первых порах меня будут оберегать как китайскую вазу – противно-то как!). (...)

Твой К.

15 февраля 1968 года. Киев (наконец-то!)

Я расту. В собственных глазах. В глазах всех прогрессивных графоманов – в 1-м № «Вопросов литературы» напечатали мои хохмы по поводу Бумеранга «Литературки»⁴¹ – взгляни при случае. Просто расту – все утверждают, что я стал длиннее. Растут когти, которые я отращиваю (не метафора) – они гармонизируют с огромным перстнем на моей левой лапе⁴². Растут усы и лезут в рот. Растет борода – в ней застревает капуста из борща. (...)

Но в этом мире нет совершенства. (И никогда не ищи – только время зря потеряешь). Из больницы меня, слава Богу, выпустили, но 2-3 раза в неделю я езжу туда на переливания. Дома я живу, как птичка в золотой клетке – в основном держат и не пушают. Я веду себя кротко и достойно – усыпляю бдительность. Вообще довольно грустно. Если вместе со всем прочим мои лейкоциты тоже вырастут, то, наверное, со мною проделают второй курс лечения, а там, черт его знает. Боюсь, что сумею завоевать какую-нибудь свободу только к весне, ежели, конечно, не подохну до той поры. Но «лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой», что я в меру своих сил и делаю, а ты пожелай мне победы и, если раны – небольшой.

Ты меня огорчаешь тем, что пишешь: А) редко, В) мало, С) коротко, D) прикрываешься жупелом собственной мнимой литературной неодаренности. И боюсь, что тебя не исправить. (...) А, может, ты пока наговоришь магнитофонную ленту и пришлешь мне? Кажется, шучу. (...) Спешу сообщить, что мне недавно вернули родовое поместье, старинный титул, девичью честь и старый номер телефона, который теперича E7-20-45⁴³, ты себе где-нибудь заметь.

Твой К.

15 февраля 1968 года. Феофания

Прямо обидно, до чего не вовремя пришло твое поздравление – я снова в том же веселом месте, с теми же хлопотами, чаяниями, огорчениями и пр. И снова в меня иглы тычут, на каковой факт я откликнулся веселой эпиграммой:

*Болит рука у дурака,
Но радуется сгоряча,
Что у него в руке пока
Игла, а не свеча.*

А раньше я вон какой веселый был. В «Вопли»⁴⁴ писал. Вообще не стану приукрашать – настроение довольно паршивое. И кризис жанра. Я уже успел пройти все стадии больничной жизни, разыграл все роли – больше, вроде бы, и делать нечего. И боюсь, что я уже никогда не буду достаточно самостоятельной девушкой, чтобы свидеться с тобою.

Взял я сюда с собою Библию⁴⁵, а у Екклесиаста, как известно, сказано, что все суета сует. Вот я и утешаюсь. (Правда, тот же автор утверждает, что и живому псу лучше, чем мертвому льву, но это меня не смущает, т.к. лекторы-атеисты давно убедили меня, что Библия строится на противоречиях). Вот такие дела. Хотелось бы написать что-нибудь веселое, в стихах, может быть. Я задумал большую поэму про кошку Кэтти: Спала кошка Кэтти в мамином буфете, ела кошка Кэтти в папином кабинете, и т.д. Кошка будет хулиганистая, но вообще-то положительная. Но на все это мне нужно твое согласие.

А свидетелься надо бы. Ну что, сделать над собой усилие и попробовать выйти отсюда «смертью смерть поправ»? Ты ведь, небось, атеистка и в загробную жизнь и тамошние встречи не веришь. Очень обидно, но я, кажется, тоже не верю.

Ну, целую. Напиши, а, может, я сумею в следующем письме сообщить более радостные новости.

Твой К.

22 февраля 1968 года. Киев

Твое послание весьма и весьма меня поддержало в моей борьбе. Я получил его уже дома, вырвавшись из узилища, и подумал: а что, если и впрямь попробовать еще раз? А то я уж как-то совсем приуныл, и, стыдно сказать, стойкость последнего римского гражданина, которой я всегда гордился, меня покинула. Мне вдруг показалось, что жизнь свою я прожил как-то не так и неправильно.

Покамест меня снова лечат, колют, сверлят во мне дыры во славу французской науки и всякое такое. Интересно, чем все это кончится. Я постараюсь еще немного продержаться. Должны же мы свидетелься.

Попробую для развлечения зарабатывать деньги. Перевожу научно-популярные статьи из американских журналов в украинские⁴⁶, а в понедельник, может быть, даже пойду на студию писать текст к журналу «Пионерия»⁴⁷. А еще хорошо бы написать несколько реплик из разных газет на «Бориса Годунова», представив, что его только что напечатали в «Юности» – если получится смешно, я тебе пришлю, а копию – опять же в «Вопли». (...) Если найдешь смысл жизни – чур пополам. Твой К.

3 марта 1968 года. Киев

Я к вам писать осмеливаюсь. Надо ли напоминать? Я тот моряк на дерби. Я не совсем тот моряк, но я стараюсь. Оказалось, что 100 (сто) граммов коньяку – именно та доза, после которой мне перестает казаться, что я – одно, а внешний мир – нечто совершенно иное. Вообще пытаюсь прожигать жизнь, что поставило меня перед проблемой, которую ты недавно успешно решила: борюсь за свою внутреннюю свободу, топчу различные прекрасные чувства, ранее произраставшие в моей душе, а главное, стараюсь не задавать себе гамлетовского вопроса: А зачем? (А он время от времени возникает, а я его коньяком, а потом приходится пить черный кофе, что вредно для сердечной мышцы и сосудов, и так бесконечно). Но зато я теперь даже немного обнаглевший, а был совсем перепуганный.

Боюсь, что мои письма будут играть в твоей жизни все меньшую роль, соответственно моему постепенному отупению. Восприятие чужих мыслей для меня теперь процесс мучительный, а собственных нет и не предвидится. Очевидно, это как раз то состояние, когда надо браться за роман-эпопею.

Прослушал сегодня целую бобину Окуджавы – я его люблю, с ним связаны лучшие мои годы, первая любовь и всякое такое. Я расчувствовался (...) Если я дойду до той кондиции, когда смогу сам собой распорядиться, но не успею решить всяких других проблем, может я сам приеду в СПб? (...) Прости за нудное и преисполненное жалоб письмо – я поэтому и ответил не сразу. Ну, посмотрим. Я выполняю твой завет и не теряю надежды. Может, все как-нибудь и образуется. (...)

24 марта 1968 года. Киев

(...) Я уж было совсем собирался отправить победную реляцию, а теперь говорят, что мне еще долго придется получать свои два укола в неделю, что обременительно само по себе, а главное – накрепко привязывает меня к богоспасаемому граду Киеву, из которого мне так хочется уехать в Ленинград, что прямо сил нет. В подражание Блоку мог бы воскликнуть «Невско-балтической любви, моей последней, прости, прости!» (...)

В Киеве грипп, которым, как уверяют, мне никак нельзя болеть, и что самое смешное – я до сих пор умудрился не подхватить его. Но меня все запугивают, а мне теперь испортить настроение очень просто.

Пытаюсь развлекаться литературными трудами. По временам я жую себе Гейне и Сервантесом одновременно (и Кафкой тоже), но большей частью думаю, что лучше бы пить коньяк и ухаживать за девочками – столь же бесполезное, но более приятное времяпрепровождение. (...)

Твой К.

7 апреля 1968 года. Киев

Спешу сообщить тебе следующее: во-первых, в Киеве самая настоящая кошачья весна – душно, и кошки орут под окнами, во-вторых, я услышал вчера, что подстрелили Мартина Лютера Кинга, и вдруг понял, что если конец света наступит, то непременно в этом високосном году. Но следует ли делать практические выводы из моего открытия? Вопрос сложный, проблема явно носит этический характер. Мужество последнего римского гражданина или пир Платона во время чумы? Кстати, одутловатой физиономией я всегда напоминал патриция эпохи упадка, а сейчас, из-за бороды и усов это уже тот самый последний упадок, когда они в подражание варварам даже бриться перестали. А в-третьих, я тебя люблю, и свидание с тобою – единственное, чего я жду от этого мира. А больше мне теперь ничего и не нужно уже: ни славы, ни денег (больших), ни, даже, свободы печати и полной победы либеральных идей. По секрету: стал стар и скучен. (...)

Мой 14-летний брат Сережа тянет отовсюду различные вывески и таблички (попадет в детскую комнату милиции когда-нибудь), так что наша коллекция сильно пополнилась. Конечно, дороже всего моему сердцу табличка того рейса, которым ты должна была прилететь, но и среди новых есть забавные и даже загадочные, например: «катание на лопингах, цена 15 к. за 5 минут». Что такое лопинги? Я спрашивал у всех, никто не знает. Но раз отражено в официальном источнике, значит должно иметь место. Не стану пересказывать остальных, я все-таки крепко надеюсь, что ты все это увидишь воочию.

Твои трудовые подвиги вызывают восторг и умиление, потому что «трудящиеся достойны вознаграждения», а «праздность – мать всех пороков». Но с другой стороны, очень жаль. Я помню, ты собиралась

охмурить рекордное количество провинциалов под 50-летие ВОСР, но не очень получилось. Может быть, ты сразу не станешь пытаться разбогатеть на майских праздниках, а приедешь праздновать их в Киев, и дашь возможность мне выступить в качестве гида. (...) В эту пору в Киеве цветут каштаны, молодые люди ходят в белых рубашках, и, как утверждает артист Влад Заманский⁴⁸, нигде нет такого количества толстых мам с детьми, как у нас. Привлекательно?

Я довольно бодрый, только толстый. Пишу мрачные фантастические рассказы, которых все равно не напечатают. Пугаю знакомых. Мог бы считаться здоровым, если бы не страх, что вся эта штука начнется сначала, а еще меня 2 раза в неделю начинают жутким американским средством, и, боюсь, это будет тянуться еще пару месяцев. К сожалению, эти маленькие развлечения крепко привязывают меня к орденоносному городу-герою Киеву. Но, как сказано в одном старом романе, может все образуется. На то и уповаю. (...)

24 мая 1968 года. Киев

Вчера получил твое письмо из Борисполя. После твоего отъезда я нахожусь в некоторой депрессии, к тому же погода мрачная, дождливая, я даже из дому не выхожу. Существование теперь кажется несколько бессмысленным: некого ждать к завтраку, некого отводить на ночлег, некому показывать достопримечательности. Утешаюсь ежеутренней стрельбой из пистолета⁴⁹, но все равно, некому восхищаться. Тоскливо.

(...) Здесь идет отдельная жизнь: собрание в Институте литературы, выступления Марселя Марсо, финальный митинг международной дружбы с московскими шансонетками у памятника Шевченко в день переноса праха в Канев и т.д.

Хорошо бы побольше стихов настропалить и распахать по журналам, пока я в фаворе. (...)

Find a minute and write a few lines⁵⁰. Твоєї Л.

27 мая 1968 года. Киев

Я целый час получал твою посылку⁵¹, побуждаемый упрямством и чисто кошачьим любопытством, и каково же было мое разочарование, когда я...

Правда, я сразу злорадно подумал, что теперь ты уж точно получишь оставленную муку, да еще кулечек-другой я от себя прибавлю, чтобы не зря на почту ходить. Так что если получишь извещение – возьми получать братца или какую другую тягловую силу. А теперь я засумлевался, потому что отец сказал, что мука – это глупости, а чтобы послать тебе киевских конфетов, которые, как он утверждает, сам гр. Толстой (А.К.) хвалили. Ну ладно, все это недостойные шуточки, а вообще я ужасно тронут. Только больше не надо. Давай в дальнейшем обмениваться духовными ценностями – вечными, непреходящими. (...) Кстати о вечных ценностях – твоего, извини за выражение, Жида прочту и отправлю вместе с мукою, сладостями и вечной, нерушимой моею любовью.

Каждое утро я первым делом перечитываю твое последнее письмо – оно убеждает меня в осмысленности существования. (...)

У меня был профессор. Он меня очень хвалил и говорил, что все идет прекрасно. (...)

Я так и не стригся и не фотографировался. В журнал дал фото, которому лет 5 – я там молодой и оптимистичный (все незабвенный 63-й год, для «Юности» фотографировался!). (...)

Рафа⁵² все намекал сегодня, не сбрею ли я бороду и усы, но я отказался наотрез, памятуя твои прямые указания.

Мы непременно будем встретаться. (...) Ради таких встреч я постараюсь подольше задержаться в этой юдоли. (...) Yours – till – death⁵³ К.

1 июня 1968 года. Киев

Ты слишком сурова ко мне. Ну можно ли требовать от счастливого обладателя маниакально-депрессивного психоза, чтобы он взял и ни с того, ни с сего отказался от депрессии, стал веселым и вообще... Да ни за что!

Я и впрямь не очень весел, но знаешь, откровенно говоря, это состояние у меня имело место всю жизнь, а в отрочестве, юности, равно как и

в молодости усугублялось навязчивыми мыслями о самоубийстве, чего теперь, конечно, нет и в помине.

Сейчас придет Влад (Заманский)⁵⁴ со своею молодой женою. Кажется, они сегодня улетают в Ленинград, так что ты сможешь осуществить рандеву в ресторане. Кстати, выяснилось, что красивый муж Люси⁵⁵ Марк просто-таки в восторге от тебя, и когда я, любуясь собственным альтруизмом, предложил ему твой ленинградский адрес, выяснилось, что этот предприимчивый молодой человек успел оным запасться. А Сережа⁵⁶ всякий раз просит передать самые пылкие его приветы, что я и делаю. А еще у меня сегодня укол, а еще киевские футболисты играют в Ленинграде, а поскольку общественное выше личного, то я буду болеть за них, а не за «Зенит» (...)

Я, может быть, и не стану звонить, потому что не получается у меня телефонных разговоров, я в этом жанре овладел только двумя фразами: «Ну, а ты как?», «А я ничего». Так ведь скучно будет. Лучше давай переписываться (...) Если и впрямь напечатают все мои стихи, то это будет типичное «таскать вам, не перетаскать», громко произнесенное на торжественно-чопорных похоронах. (...) Остаюсь твоим К. (порою мне кажется, что я и есть Йозеф К. из «Процесса»⁵⁷).

8 июня 1968 года. Киев

40 отступлений из письма «Треугольная груша». Можно было бы назвать «39 отступлений из письма «квадратный огурец», но отсутствие оригинальности – это ведь и есть оригинальность. По крайней мере, сейчас.

Очень интересно читать газеты. «Комсомолка» с восторгом сообщает, что в Пушкинском празднике поэзии приняли участие 150 000 человек. Надо полагать, что план по валу даже перевыполнили. А в «Литературке» на все лады обсуждают проблему, быть ли ночным ресторанам. Трогательно. (...)

Разыскивал дома Гоголя, не нашел, но попался Писарев. «Пушкин и Белинский» и т.д. Очень смешно. Понимаешь, целый период русской мысли, литературы и публицистики, Тургенева, Герцена, Грановского и пр. я воспринимаю только как героев «Бесов» и «Идиота». Базаров пародирует Писарева, но «бесовский» Кармазинов – пародия на Тургенева.

Почему бы тебе не перейти в ислам и стать моей гурией? Католичество тоже неплохо, но не оригинально, а что до православия, так его си-

ительство А.К. Толстой (был такой русский поэт и драматург, по слухам бастард, и воспитатель цесаревича) писали, что нет ничего слюнявее и плюгавее русского безбожия и православия. Тем не менее, честь имею поздравить с праздником святые Троицы. Моя комната усыпана айром. Очень красиво.

Все забываю написать о самом главном. Сразу же по твоём отъезде мне подарили синий спортивный костюм, и теперь я из него не вылажу. Говорят, мне идет... а с пистолетом в руках... Между тем, я сфотографировался для паспорта⁵⁸, и фото вышли такой нездешней глубины и силы, что мне не хотели их отдать и предложили пересняться. Но что зря трепаться, прилагаю один экз. Только ты не пугайся, ты ведь знаешь, что в жизни я не такой.

Машенька⁵⁹ очень пеняла, что мы к ней не пришли, говорила, что хотела еще раз тебя повидать, и что ты ей очень понравилась. А она девочка суровая...

Бороды сбривать не стану ни в коем случае, хотя и мелькнула подлая мысль сбрить и проверить, не за бороду ли одну ты меня любишь, и сможешь ли сказать: не за силу, не за качество золотых твоих волос.

Вика⁶⁰ все-таки сдала свою квартиру артистам Красноярского ТЮЗа, а сама водит экскурсии по Софийскому монастырю. Когда ты приедешь, мы организуем комиссию по проверке ее работы в составе двух человек.

Для веселия планета мало оборудована...

Твой навеки К.

14 июня 1968 года. Киев

Что же ты? Я долго вынашивал письмо к тебе (которое ты наверняка уже получила, и теперь тебе стыдно, должно быть, что ты так на меня напустилась). Я просто хотел сочинить его как-нибудь поинтереснее, а то вдруг ты однажды заметишь, что в сущности мои письма ничем не отличаются друг от друга, и что действительно, нет никакой разницы между получением новых и перечитыванием старых. (...)

А вообще, так у меня и впрямь что-то на манер депрессии (к дождю, что ли?), и писать я что-то пробую, и все как-то так, брат Пушкин. Еще одно отступление: наладь как-то с ключом от почтового ящика, и во всяком случае не взрывай его динамитом, как суффражистки – кажется, так они назывались. На днях я узнал, что фрейболички – это воспитательни-

цы, а я думал, что это жертвы психического заболевания, потому что есть истерички, Фрейд и метаболизм – обмен веществ.

Еще одно отступление: давай на первый случай ограничимся авто, а норку оставим на потом. Можешь даже на мотоцикле приехать – все равно не разлюблю, но не вкалывай ты, как сумасшедшая. Ты, конечно, девочка крепкая, а все-таки... Ты ведь, небось, материалистка, и в загробную жизнь не веришь, как все вы, нынешние.

А экзамены – это ты здорово. And your excellent for English's splendid! I can hardly believe it! I can't explain your success with my influence upon you and the lessons of English I've given to you⁶¹ – когда случилось петь Дездемоне... Кстати, я давно хотел описать похороны Офелии и набросал 2 первые строфы. (...) Так что ты пожалуйста не бросай украинского. (...)

Твой К.

18 июня 1968 года. Киев

Солнце грустно сегодня, как ты, солнце нынче, как ты – северянка. Но все дело в том, что ты, северянка, даже представить себе не можешь, что вытворяет наше киевское солнце (плюс повышенная радиация). Духотища стоит адова. Я обычно легко переносу такие вещи (южный темперамент!), к тому же, я почти не выхожу из дому. Но все равно тяжело. Тетя Фелистович⁶² написала (I'm so much obliged to you⁶³), но она, кажется, не рвется в мои спасители. Между тем идут какие-то переговоры с Парижем, замышляют какие-то перемены в моем лечении, а для пушего удовольствия собираются на днях провертеть во мне очередную (4-ю) дырочку и посмотреть, что там внутри. Это называют пункцией. Все это мне так осточертело, особенно новая вспышка разговоров о болезни, анализах и т.д., что я назло судьбе стал носить перстень, который по моему глубокому убеждению приносит несчастье. Но иногда и впрямь кажется, что терять особенно нечего, и что благословен и день забот, благословен и тьмы приход. Тем более, что главную цель последнего года своей жизни я выполнил – мы повидались.

Чем дальше, тем возможность моей поездки в СПб кажется все более призрачной. Пока меня перестанут пичкать ядохимикатами, пока пройдет несколько месяцев, пока меня согласятся отпустить – во-первых, за это время и здоровый вполне успел бы помереть, во-вторых, очень серьез-

ные люди предсказывали конец света на прошлую пятницу. Конец не состоялся, но если они ошиблись, только на пятницу – другую...

Впрочем, уладив все свои служебные, семейные и пр. дела, ты и впрямь могла бы воспользоваться любезным приглашением Майи, а я со своей стороны надеюсь, что новые способы лечения не будут слишком обременительны, а с другой стороны, из-за них я ни в какие эдемы под Киевом не поеду – последнее могло отдалить нашу встречу.

Я много пишу. Боюсь, что плохо, но устрашающе много. Кроме похорон Офелии, кот. я закончил, я успел сочинить 5 строф под названием «Из письма Джонатана Иеремии Свифта» с первой строчкой «Я не хочу лежати в цій рабській землі» (Ирландии, то есть). Если тебе эти lessons of Ukrainian⁶⁴ не надоели, я буду их понемножку присылать. Но ты на этот счет распорядись особо. Борода на месте. Сегодня 3 часа занимался туалетом – бритье, мытье, катанье, постригание усов etc, и теперь даже не лишен некоторой привлекательности.

А, присоединив ко всему вышеизложенному поцелуй, столь же пылкий, как киевский июнь, и искреннейшие уверения в не менее пылком чувстве к тебе, остаюсь твоим К.

P.S. По ночам роковой перстень хранится на хвосте подаренного тобою kota. Обручены? Обречены? (Нет, я не Ю. Мориц... Не стоит и стараться подражать стилю).

27 июня 1968 года. Киев

Во-первых, спасибо за посылку. Я, правда, не знаю, что там, но всякое даяние... А вообще это свинство, и обидно, что я не могу отплатить тебе тою же монетою – ты просто не представляешь, до чего я разленился. Нести что-нибудь на почту для меня просто физически невозможно. А кроме того запохаживает на неурожайный год, и трудящиеся прямо под метелку подмели всякие муки, крупы и т.д. с гастрономовских полок.

Во-вторых, мерси за открытку матери, это было очень трогательно и мило. (...)

Я пишу, и даже довольно много. Получил журнальную верстку с очень милыми рисунками. Иллюстрируя «Жаль Москвы»,⁶⁵ художник изобра-

листи
письма

зил памятник Б. Хмельницкому почти столь же мило и непринужденно, как ты – Петра I в одном из последних писем.

Я вообще-то ничего, только устаю быстро. Может, от жары, может, тужусь много. Я когда-то прислал тебе 2 строфы из «Офелии». Возьму на себя смелость выслать все. (...)

29 июня 1968 года. Киев

Я взялся писать письмо, оторвавшись от сочинения статьи, воспевающей и прославляющей тебя, а статью я напечатаю в «Известиях» под рубрикой «Когда такие люди...». К сожалению, в нашем театральном журнале «Быть или не быть?» соответствующей рубрики не нашлось. До сих пор мне не удавалось воплощать свои заветные мечты, и я начал склоняться к мнению, что это и не нужно. Но ты дважды убедила меня в обратном: сначала своим приездом, а затем присылкой железной дороги⁶⁶. Моим восторгам по поводу первого ты сама была свидетельницей, а теперь я праздную осуществление второй мечты. А как она ездит! 2 направления, 2 скорости, 2 вагона, автоматическая сцепка! Только мне неловко, потому что мне кажется, что я недостоин, и правда, не стоит так меня баловать, и ты уж пожалуйста, ничего больше не присылай, а приезжай лучше сама!

У нас адская духота, очень противно, меня колют. И сны снятся не то, чтобы страшные, а беспокойные какие-то. Но я, кажется (вот чудо-то!), еще не вышел из периода сочинительства (самое место помянуть покойного Ермилова), а, впрочем, все это уже описал Хармс – Пушкин был писателем и все время что-то писал. Чем все это кончится?.. (...)

А событий никаких не происходит, так что и описывать нечего. Да, по правде говоря, последние несколько дней чувствовал я себя слабо, и голова не очень варила. Сегодня, кажется, лучше, но надо на укол идти. Только и отрада, что твоя любовь (я, конечно, не очень верю, потому как недостоин), да твоя железная дорога. По-нашему – зализница. (...)

5 июля 1968 года. Киев

Со мною происходит что-то несусветное. Пишу, как не в себе, и все на мове, и все стихи. Чистая графомания! Мне уже намекают, что новые стихи не отличаются той изысканностью мысли и формы, кот. так радовала моих почитателей, а какая тут к черту изысканность, если сочинять по 20 строчек в день. Так что, взявшись за письмо, я получаю двойное удовольствие – от мысленного (письменного) общения с тобою, а так же от русского языка, и даже не столько от языка, сколько от возможности писать по-человечески – без всяких рифм. Чтобы покончить с литературными новостями, приведу анекдот, который меня очень порадовал. Из журнальной подборки в моем стихотворении, где старик перечисляет разные товары, импортируемые из соцстран, а потом говорит, что его сыновей занесло польским снегом, цензор выбросил «из Германии», т.к. Германии нет, а есть ФРГ и ГДР, и вся редакция 2 часа ломала голову, как заменить на «из Венгрии»⁶⁷. Смешно представлять, как они, бедные, мучались, и смешно, что все остальное цензора устраивает, а вот только это. (...)

Меня заставляют съедать каждый день по огромному куску полусырого мяса, и в этом что-то есть⁶⁸. Конечно, после этого хороша была бы пятимильная прогулка, но я сижу дома, потому что жарко, и потому что мне должны привезти сиамского котенка⁶⁹. А сегодня праздник, и шофер, который должен был это сделать, ездит со своим начальником возлагать венки, а котенок, вероятно, ездит вместе с ними. Стихов я сегодня писать решительно не буду, а попробую что-нибудь душеспасительное: о тектитах или математических парадоксах. За пестициды⁷⁰ мне заплатили целых 60 (!) рублей. Правда, осталось только десять, но поскольку мы решили, что автомобиль купим на деньги, заработанные тобою на туристах, это не страшно (...)

В Киев приезжал Галич⁷¹, я с ним не виделся, но напетую им ленту мне дали послушать. Особенно сильна его поэма, о том, как он за столом поет песню о больнице⁷². Знаешь? (...)

О самом главном-то забыл. Я купил себе в Военторге военную рубашку⁷³ и красив до чрезвычайности. Сережа⁷⁴ тебе кланяется. Он по собственной инициативе купил мне авиа-конвертов, явно покровительствуя нашей переписке.

9 июля 1967 года. Киев

Я дошел до такого духовного убожества, что даже выполняю свои благие намерения. Я действительно несколько дней не писал стихов (сегодня, правда, согрешил), но зато сегодня же начал сочинять очередную научнопоп. статью. Предыдущая называлась «Насекомые и мы», эта будет называться «Насекомые и растения»... Я их действительно не перевожу, а отчасти пересказываю, отчасти сочиняю. Занятие нудное, и непонятно, зачем, но надо же *cultiver notre jardin*⁷⁵.

Отец купил очередную порцию всяких «Техника – молодежи», «Знание – сила» и т. д. Чего они пишут – просто ужас! Оказывается, Жанну Д'Арк не сожгли, Австралию открыли древние египтяне, and so on, and so forth⁷⁶. Очень завлекательное чтение. А так я нигде не бываю, и почти никого не принимаю (за пальцами сидеть, над святыми зевать...). У сиамской кошки голубые глаза и жуткие манеры. По утрам она царапается, когда ей скучно – мяукает и требует внимания. Котенок, тобою подаренный, куда благовоспитаннее!

Сереза⁷⁷ сочиняет почти аржаковские рассказы, действия героев совершенно алогичны, а чуть что возразишь, он гордо говорит, что это парадокс. Очевидно, с ним происходит то же, что с Ю. Мориц и многими ее коллегами, если верить созданной мною сегодня теории. Большие поэты писали чуть-чуть неумело, так, как хорошие настройщики чуть-чуть расстраивают рояли. А они – Мориц и др. – скопировали эту неумелость готовой, не пройдя всего пути. Большие художники-абстракционисты (это проверяли) могут изобразить корову на лугу почище любого передвижника.

Ну, Бог с ними, всеми. Со всею прямоюю должен сказать тебе, что уже третий час ночи, и с каждой минутой потенциальные возможности скудного ума моего падают, да и жизнь моя столь не насыщена событиями, что мне остается ночным признанием в любви закончить нехитрое послание, и пребуду твоим в веках К.

P.S. Тетушка⁷⁸ тебя часто вспоминает, я даже пытался рассказать ей о твоих бабушках, но сразу же безнадежно запутался в генеалогии вашего рода.

16 июля (*До чего быстро время летит, так прямо уму непостижимо*). Киев

Во первых строках своего письма с грустью сообщаю, что закончились 2 недели, в которые мне позволили не делать уколов, и вот снова надо, а очень не хочется, ей-Богу. Как подумаю об этих уколах, так мне уже не хочется ни славы, ни денег, ни даже любви, кроме твоей, конечно. Кошка, о которой ты справлялась, сидит сейчас у меня на коленях, и процесс писания ей очень интересен. Манеры у нее жуткие – в ней много собачьего, она бегаёт по квартире с карандашом в зубах, и ещё больше человеческого – нахальна, неопрятна и ленива. Любит общество, требует, чтобы её развлекали. В остальном же моя жизнь так скучна, состоит в основном из футбола по телевизору и пасьянсов, что, право же, не о чем писать, ты уж не обессуди. Дебатируют, не снять ли мне на август домик на Днепре под Киевом, но я право же не знаю, стоит ли туда забираться, боюсь, что будет скучно, и что это ещё больше ограничит мою куцую свободу – я, как ты, очевидно, заметила, человек подневольный. (Кошка схватила ручку и унесла в кухню. Ну, ты видела что-нибудь подобное?!) Так что своими последними украинскими стихами я закончу это письмо и поеду на укол, а в ожидании лучших времен остаюсь вечно твоим К.

P.S. Благодаря простой лексике, эти стихи⁷⁹ могут служить пособием для начинающих изучать украинский язык.

19 июля 1968 года. Киев

До какой степени в нашем городе разверзлись хляби небесные – просто ужас. Льет и льет, и ночью и днем. Эта погода очень плохо на меня действует. Во-первых, бессонница, а во-вторых, графомания разыгралась – спасу нет. И укол мне сегодня делали, и кровь переливали, и все равно не помогло – только что накагал добрых 50 строк. А самое обидное, что я в стихах начал подражать Сережиной прозе – отстранения много. Придется по принципу брата гордо именовать парадоксами все свои алогичности. Кроме того, наблюдаются первые опасные симптомы: в «Лит. Украине» 2 недели лежит мое стихотворение⁸⁰, а они все еще не удосужились

его напечатать. Натравлю отца на замредактора – нельзя же допускать... Если раньше не печатали ничего, пусть теперь печатают все. И баста!

Вот, из дрязг такого рода, а также мелких литературных побед и поражений и состоит моя серая жизнь, так что ты сама понимаешь, что каждое твое письмо является лучом света и т.д. Боюсь, что письма к тебе я пишу скорее ради удовольствия получить ответ, нежели из любви к жанру, тем паче, что описывать прямо-таки нечего. Боюсь, что мне придется пускаться во все тяжкие, погрузиться в пучину неслыханного разврата, разбивать сердца и семьи, с тем, чтобы иметь возможность описывать тебе свои любовные приключения. Идет? А тебя я вызову на соревнования, и посмотрим, кто кого перещегооляет.

Кошка живет, растет, ест в три горла и занимает в жизни семьи весьма значительное место. Ее сфотографировали для обложки того журнала⁸¹, куда я пишу о насекомых, а заодно сфотографировали и меня, и папу, но первой позировала кошка. Ее зовут Маска. (...)

А засим крепко целую и остаюсь твоим К.

27 июля 1968 года

Получил твое большое-пребольшое письмо и спешу ответить. А если что будет не так – извини, я только проснулся после укола. У нас тут дождь, что тебе, впрочем, уже вероятно известно от туристов – той лучшей половины города Киева (и человеческого рода!), к которой я, увы, не принадлежу. Борьба с «Лит. Украиной» закончилась моей Пирровой победой – они все-таки напечатали это злосчастное стихотворение⁸², но столь непрезентабельно и, к тому же, внеся некоторые изменения, что едва ли стоит радоваться этой публикации. Кошка сначала пыталась вырвать у меня твое письмо – она очень любит бумагу, а теперь улеглась у меня на правой руке и всячески мешает писать. Ревность? Твой папа совершенно прав, и я не сомневаюсь, что ты найдешь порядочного молодого человека из приличной семьи, и только сожалею, что никому не придет в голову считать меня порядочным молодым человеком, да и семья, в которой вырос такой тип, как Сережа⁸³, едва ли может считаться приличной.

Мне наконец-то не пишется, но я вовсе не радуюсь этому освобождению от графомании, а даже напротив – пытаюсь что-то версифицировать

на основе моего бедного *ratio*. Ты не знаешь, где можно выучиться на футбольного комментатора? Очень хочется. Еще я время от времени влюбляюсь, но к счастью, ненадолго и безответно. Как развлечение это настолько хорошо, что не только рекомендую, а просто-таки настоятельно советую. А еще у меня опять понемногу начинается светская жизнь, гости, и я сам визитирую, все это ненужно, а когда я во всем этом окончательно запутуюсь, я вызову тебя телеграммой-молнией и ты разрубишь этот узел (гордиев) дамочловым мечом! По-моему, у тебя это здорово выходит. (...)

2 августа 1968 года. Киев

Живу я как-то странно и суетно. А на прошлой неделе даже надрался, как сапожник, и говорил какие-то глупости. Правда, Влад⁸⁴, который при этом присутствовал, все не так понял, и по его восприятию выходит, что я все равно хороший человек. А его мнением я очень дорожу. Сам-то я знаю, какой я гад. Ну вот. А еще не спится. Этой ночью читал Пастернака («Избранное 1961»), почти не понимая слов, но что-то запало, сегодня я очень опастерначен. Нелепый я какой-то человечек. И стихи понемногу пишу. Кстати, ты не откликнулась на «Рано ще, рано», а это стихотворение, по чести говоря, мне самому нравится. Очень жаль, если оно тебе не пришлось. А остальное менее любопытно и требует слишком много комментариев. Если я напишу что-нибудь хорошее, я вышлю.

Знаменитый артист Юра Каморный (...) пел про Белые столбы, но далеко ему до тебя. Жаль что в последний твой приезд ты не успела исполнить коронного номера «Пошел я круто» и еще про 1-ю, 2-ю и, кажется, 3-ю любовь⁸⁵. Но мы наверстаем. Я выучил хороший стишок:

*Нам ли, брошенным в пространство,
Обреченным умереть,
О прекрасном постоянстве
И о верности жалеть?*

Это Блок, да? А еще хорошо бы в каком-нибудь тексте написать: «Все мы смешные актеры в театре Господа-Бога, как пошутил какой-то поэт». Я нигилист, я Базаров? (...) Кажется, я какие-то глупости пишу – извини. (...)

13 августа 1968 года. Киев

Я весь окружен тобою. Сегодня приходила Люся⁸⁶, и сейчас передо мною роскошная свеча в роскошном подсвечнике и роскошная табличка «стол занят», укрепленная на подставке для ярлыков, ранее украденной из магазина (Сережа⁸⁷ спер). Свечу я буду зажигать, как только почувствую, что сейчас у меня начнут слагаться гениальные строки, иначе ее использовать просто грех. А если не начнут – пусть ждет твоего приезда. (...) А табличка оградит мой стол от прыжков кошки – надо сказать, что второй такой сволочи во всем Сиаме не сыщешь. Вчера она нажралась вяленой рыбы (хватала прямо с тарелок у потрясенных гостей), надула брюхо водою, а ночью я проснулся от того, что стало очень мокро. Я ей долго выговаривал, но она, ничуть не обидевшись, уснула сном праведника на моей подушке. Но красива чрезвычайно. (...)

Снился мне недавно жуткий сон, просто не могу не поделиться. Действие происходило 20-го числа (хоть бы знать какого месяца!), а 22-го меня должны были судить, и почти наверняка дать вышку. Но до суда я гулял на свободе и мучительно раздумывал, давать ли тебе телеграмму. Я помнил, что по нашему уговору я должен дать, но боялся, что до 22-го ты не успеешь, а потом не знал, разрешат ли свидания и стоит ли подвергать тебя таким переживаниям. Так ничего и не решив, я проснулся. А сон был очень какой-то устрашающе реальный. Через несколько дней выйдут два журнала «Дніпро» и «Ранок» с моими стихами. Я их тебе просто пришлю. (...) Не надо ждать от меня телеграммы – разве что суд действительно состоится. Просто давай попробуем спланировать твой приезд на конец августа – начало сентября. (...)

23 августа 1968 года. Киев

Добрый день или вечер... Когда-то одна пейзажка показала мне письмо от брата из тюрьмы, так оно начиналось этими словами. Кстати, Бога ради не трепи зря языком, а то вы с этим Бобом⁸⁸ и прочими допрыгаетесь. И ему порекомендуй. Чтение «Истории Византии» приучило меня относиться ко всему несколько отстраненнее, чем большинство моих друзей,

а все-таки что-то беспокойно и нехорошо. Делать ничего не хочется, ни писать, ни говорить. Слушаю радио в больших количествах⁸⁹.

Смешная история – 3 года назад в меня влюбилась 15-летняя девочка из Таллинна⁹⁰ – именно так, как влюбляются в этом возрасте, а я ее ужасно изводил. Оказывается, время от времени я задумчиво говорил ей, что не знаю, что я больше люблю – ее или ее 15 лет. Когда она напомнила, мне стало очень стыдно. Так вот, она оказалась проездом в Киеве, позвонила и зашла, чтобы, по ее словам, посмотреть на своего бога (ах, эти девочки!). У меня было только 3 часа в запасе, и она заверила, что все это время я продержался на уровне. Больше я бы, наверное, не выдержал – **трудно быть Богом**⁹¹. Я надеюсь, ты не сомневаешься, что и тогда, и теперь все было совершенно невинно. Я пообещал, что мы непременно увидимся, а вообще она очень славная, так что ты меня теперь в Таллинн не вози – я человек слабый.

Я бы всего этого не описывал, но остальные события моей скучной жизни еще меньше заслуживают описания. Когда-то я отказался от привычки читать, а сейчас легко и безбоязненно расстаюсь с привычкой думать. Жить так легче, а вот письма писать труднее. Насчет стихов не знаю – еще не пробовал. Лето заканчивается совершенно незаметно – я теперь не знаю чисел, мне-то безразлично, и всякий раз очень удивляюсь, узнав, что уже так много времени прошло. Несколько дней подряд у меня было странное и утомляющее ощущение, что нужно сосредоточиться и тогда я пойму или вспомню нечто очень важное, но теперь прошло. Ничего я не понял и не вспомнил, но сосредотачиваться больше не хочется (...)

Не буду больше писать – я совершенно пуст. Вероятно нужно просто выспаться. Последнее время я много нервничал – устал, наверное.

Вы праздновали шестое августа по-старому, Преображение Господне? Это мой любимый праздник. Когда-то я еще именинам радовался. (...)

17 сентября 1968 года. Киев

Я пишу тебе, может быть, и позже, чем следовало бы, но зато в критический момент своей жизни, так что ты должна оценить мое к тебе отношение. Но сначала оцени мою интеллигентность. Я не посмел омрачить твои киевские каникулы своими штучками, но уж когда ты уехала, я дал себе волю. Сначала я устроил себе день зубной боли – ходил, стонал и жрал пя-

терку фунтами. На следующий день – вчера – я его вырвал⁹². Я уж как-то говорил тебе, что наша медицина только-только выходит из неолита, и это подтвердилось. Боль совершенно невыносимая, всякий раз, уходя от дантиста, я даю себе слово, что больше не буду лечить больных зубов, а просто застрелюсь. А сегодня я поехал в больницу на переливание и вернулся домой с температурой 39 (плюс 39 градусов тепла, как сказал бы Зоценко), что дало всем (и все) основания полагать, что начинается обострение. Уже звонили в Париж, там посоветовали другое лекарство, и к вечеру температура спала, и если она не возобновится, то, может, это просто реакция на переливание, но что-то не верится. Так что боюсь, что следующее письмо придется писать тебе из Феофании. Впрочем, ты там была, так что при чтении будет почти полный эффект присутствия. Надлежит найти причину этого эффекта, или дефекта, ибо сам эффект, благодаря причине, дефективен. Я всю читаю твоего Шекспира⁹³, и с собою возьму его. Очень я несчастный человек, а древняя мудрость, гласящая, что лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным, совершенно права.

Мои стихи – в переводе на русский – возможно напечатают в «Дружбе народов». Я к этой затее отнесся очень прохладно, но всем вокруг она почему-то ужасно понравилась. Очевидно, сколько бы я не писал «Шкода Москви», лозунг «Товарищи, юноши, взгляд на Москву» остается актуальным. Да будь я негром... В температуре я очень люблю играть такого поэта, как если бы собрать их вместе – Васильева, Маркова, Смирнова, Фирсова и прочую нечисть. Когда-то я написал два отрывка из поэмы «Первая учительница» – а вчера вот что: (строки сами складываются)⁹⁴.

Ну вот. Завтра – ровно год, как я болею. Прямо, хоть юбилей празднуй. А ежели я завтра и в больницу угожу – так это даже смешно выйдет до некоторой степени. Так я и живу. Можно меня любить или не любить, жалеть или не жалеть, а завидовать наверняка не стоит. Я все чаще думаю почему-то по-английски, что *Theres nothing like health*⁹⁵. И устал я. А вообще, целую, люблю и жду письма.

Твой К.

21 сентября 1968 года. Киев⁹⁶

(...) Я, возможно, испугал тебя предыдущим письмом – оно написано в минуту слабости и при температуре. Я потом жалел. Температура упала,

я бодр и почти весел. Правда, послезавтра меня все равно отправят в Феофанию и, вероятно, попробуют лечить рубомицином. Это очень страшный, совершенно inferнально-багряного цвета порошок, его разведут и вкачают в мою несчастную вену – 1-3 раза. Независимо от результатов, в больнице я буду недолго, т.к. делать там особенно нечего. Я уже примирился с этой мыслью и не очень страдаю. Во всяком случае, у меня нет предчувствия скорой смерти, очевидно, я еще немного погуляю по этому миру.

У меня сегодня день рождения, мне подарили одеяло, керамические чашки для кофе и еще много всякого. Но Шекспир лучше всего. А твою коньячную бутылочку я наполнил и возьму с собою – буду пьянствовать в больнице. По тамошним нормам 50 г – все равно, что 500 в ресторане. Конечно, день рождения не имеет большого смысла – все равно железную дорогу ты мне уже подарила, но все-таки...

Будет очень здорово, если ты воспользуешься рекомендательным письмом и начнешь читать лекции. Вообще, после того, как понял, что мне самому не удастся получить университетский диплом, я начал очень ревниво относиться к академическим успехам своих друзей. Если уж суждено мне остаться талантливым самоучкой, то пусть меня хотя бы окружают лекторы-искусствоведы, доценты, академики, бакалавры и адъюнкты. Так что ты будь на высоте.

Ну вот. Пиши мне поболее и подробнее, в чем ты, по-моему, можешь просто брать пример с меня. (...)

25 сентября 1968 года. Феофания

Огромные размеры твоего письма вызвали дома легкую панику. По-моему, они подозревали, что ты отправила почтой в Киев самое себя. А я весьма тебе признателен и за твое письмо, и за Кафкино⁹⁷. Я его не читал до сих пор, и никогда бы в жизни не прочел, если бы не ты. (...) А еще я боюсь, что однажды ты тоже напишешь мне такое письмо, и напишешь, что я всегда тебя подавлял, особенно за столом – своим аппетитом, размерами и т.д. Я составил для себя список пяти лучших писателей – в алфавитном порядке: Достоевский, Кафка, Кэрролл, Свифт и Пастернак. Любопытно, что Кэрролл, как и Кафка, был совершенно подавлен личностью своего отца⁹⁸.

Я здесь уже 3-й день, и только что мне впервые стало тоскливо. До сих пор я отдыхал от постоянной домашней нервозности, я хожу здесь 4-5 км. в день – обычно – ты знаешь – я сутками не выхожу из дому. Все здешнее

великолепие ты видела – фонтаны, яблоки падают с деревьев в рот, etc. Но ты не знаешь самого главного – здесь ежедневно кормят икрой – просто обидно, что тебя нет. Я к этому равнодушен, утешаюсь сознанием того, как дорого я стою, и, следовательно (а черт его знает, что следовательно!)

Я взял с собою много книг, собирался много писать, но что-то не хочется. Мне 2 раза впрыснули infernalное лекарство, теперь надо ждать результатов, сообщить их в Москву и ждать оттуда еще порции, если дадут, а если не дадут – ждать из Парижа. (Не могу не вспомнить: «Но пока из Парижа попов привезешь, королеве настанет конец...»⁹⁹) А при всех этих условиях я даже представить себе не могу, чем все это кончится, когда меня отпустят, что будет дальше и т. д. Я никому не говорю, но про себя очень боюсь, что вдруг они решат снова лечить меня по-старому – с иглой в вене 4 часа в день. Ну, авось пронесет, а, может, я просто откажусь – нету сил никаких.

Но в глубине души я надеюсь, что все обойдется, рубомицин подействует и меня скоро выпустят. А еще говорят, что в Харькове придумали переливания, которые, якобы, очень здорово залечивают мою болезнь. Возможно, я туда поеду. А в остальном приходится уповать на новый год и на our future¹⁰⁰, так мило тобой изображенное. А, может, это было plusquamperfectum?

Я тебя люблю, целую, жду писем и, в свою очередь, обязуюсь регулярно сообщать о своей жизни.

*Yours till death*¹⁰¹ К

1 октября 1968 года. Феофания

Мой друг, мой нежный друг!

Как хороши, как свежи были розы. И яблони. А теперь все дождь – мелкий такой. Скучно. Я очень много гуляю – 10-12 км. в день. Ты здесь была, и, если тебе захочется немного чистого и сентиментального, ты легко можешь представить себе мою одинокую фигурку, бегающую по асфальтированному кругу, за оградой вечерний лес, мелкий дождик каплет на мою курточку с капюшоном. Но вообще эти прогулки штука полезная ты знаешь, что я сутками из дому не выхожу, они выработали у меня даже осанку благородную, и вообще способствуют. А еще весь сад

перерыт траншеями – глядя на них, я то вспоминаю стих из Иова о тех, кто вырыл бы смерть охотнее, нежели клад, то твой анекдот о пьяном на кладбище¹⁰², и очень радуюсь и тому и другому. Еще я очень обленился, звоню только домой, и видеть мне тоже никого не хочется. Пишу – невольно вертятся всякие строки, пока гуляешь. Читаю твоего Шекспира – «Гамлета». Странное дело – я знаю далеко не все слова, но впечатление, что подлинник грубее пастернаковского перевода. И дело не в словах, а в мотивах. Мне всегда казалось, что Полоний своему занудству и чудачеству (Что принц помешан факт, и факт, что жаль, и жаль, что факт, etc) выучился у Гамлета, стал жертвой его стиля. И вдруг я понял, что рассказывая все это, он в глубине души надеется, что Гамлета все-таки придется женить на Офелии. И когда они устраивают им свидание, то ждут, что Г. прямо на нее бросится, и хотят быть поблизости, чтобы не допустить, но и посмотреть. И когда спрашивают, как О. получила стихи – интерес тоже какой-то сексуальный. Т.о. все устраивают ловушки друг другу, в сущности, не только постановка Гамлета, но и пьеса о нем могла бы называться «Мышеловка». И недаром первым попадаетея Полоний, Гамлет убивает его с криком: «крыса!» и сочувствует неудачливому П., строившему мышеловку для Г., а попавшему в ту, которую последний расставил для Клавдия. Ух, устал. Но, может, тебе это покажется любопытным, а если нам когда-нибудь доведется поставить «Гамлета», мы это используем.

Я звонил Дубову¹⁰³, разговаривал с его женою¹⁰⁴, они оба очень болеют, она говорила, что от них только что ушел Вадик¹⁰⁵, что он полон энергии, планов и пр., и что было как-то завидно. А мне и завидно не было, может, я привык к отсутствию планов, а может, по собственному опыту знаю, какую чушью все это зачастую оказывается. Я сказал, что не столько лично с ним знаком, сколь через твои рассказы, и что даже в последнем письме... Впрочем, Дубовы его любят, и я сказал, что в Л(енинграде) студенты тоже души в нем не чают.

Я здесь просижу еще недели 2, а то и 3, если все будет хорошо. А потом меня, вероятно, повезут в Харьков, где придумали переливать кровь не от здоровых доноров, а напротив от больных, с повышенным числом лейкоцитов. Говорят, что дает прекрасные результаты, и, как не противно лежать еще и в Харькове, но 2 укола в неделю тоже не сахар, а так, может, и не понадобится. Ну, все это пока догадки и предположения. Мне все это слегка надоело, но выхода нет, лекарство должны прислать, и с Харьковым тоже вроде договорились. Я все надеюсь, как один француз, которого пытали в гестапо, что когда станет совсем неспособен, я брошу все лечение и немного поживу спокойно, но он умер от шока, так и не расколовшись, ну, а я – не знаю. Остается уповать на Новый год, небо

в алмазах и отдых, который сулят герою другой пьесы одноименного автора (А, может, той же самой?). Мне сказали, что ты звонила Люсе¹⁰⁶.

Люблю, целую. Твой навеки К.

5 октября 1968 года. Феофания

Доложу тебе, что никаким пером не описать нынешней моей роскошной жизни. А все дело в том, что сосед мой (мы хоть и начальство, а все-таки по двое укладывают) ушел от меня в хирургию (я ему куски зачитывал из Щедрина, когда уж совсем не мог удержаться). Ну и он тоже не удержался. Вот уже 4-й день я один, меня пока что не лечат, и не трогают, даже в палату не заходят. Вечером я пускаю в умывальнике горячую воду, готовлю себе на ней кофе (растворимый), курю и пишу стихи. Была у меня тут банка маринованных грибов, но сожрал под водку (принесли чекушку). А еще у меня с десяток раков в холодильнике, я их, правда, не люблю, но все равно роскошь. Скармлю каким-нибудь гостям.

Ждут лекарств из Москвы и из Парижа и врача из Харькова. Кто раньше поспеет, тот и будет меня лечить. В понедельник начнут. Если я от всего этого не загнусь, то никакой лейкоз мне уже не страшен, и я могу смело смотреть в будущее. Тем более, что я, кажется, стану одним из немногих людей, которые могут прокормиться стихами. У меня очередной творческий кризис, я много пишу, все, что я пишу, мне не нравится. Окружающие тоже одобряют далеко не все. Но печатают. Я шлю тебе кусок «Литературки»¹⁰⁷ (постараюсь запихнуть в конверт целую половину), а еще мне принесли гранки из «Вітчизни» с 6-ю стихотворениями. Это в 11-м номере¹⁰⁸. Но я не кокетничаю, я правда недоволен, как-то все сумбурно и выходит не то, что имелось в виду. Если бы я мог, я бы устроил себе две недели отдыха, чтобы осмотреться – пил бы водку, играл в карты и ухаживал за дамами, как и полагается настоящему поэту, но здесь максимальный разврат, который я могу себе позволить – чтение какой-нибудь беллетристики или партия в пинг-понг. С горя я сочинил сегодня очень загадочные стихи:

*Эти маленькие домики
Превращались между тем
В ледериновые томики
Ненаписанных поэм*

А теперь я размышляю, что бы это могло значить. Я прочитал «Алису» Кэрролла – в этом новом русском переводе¹⁰⁹ и записал в дневник, что хотел бы, чтобы обо мне сказали, как об Алисе, что я был живой, живее некуда. Красиво?

Меня будут лечить, а потом выпустят, более или менее в пристойном виде, надо надеяться. Если повезет, через неделю-другую я вернусь к пенам.

Поскольку тебе все равно не позволят разделить со мною эту уединенную палату, лучше, наверное, отложить нашу встречу до лучших времен. До сих пор у нас это получалось (тьфу-тьфу-тьфу).

Целую тебя. Твой К.

ПИСЬМО К ИВАНУ ШАГУЛЬСКОВУ***110

Дорогой друг Ваня!

Очень рад твоему письму и полностью готов присоединиться к сообществу талантливых людей села... р-н... Особенно мне это приятно, потому что я сам себя действительно считаю человеком очень талантливым в области вкуса. Я лучше, чем кто бы-то ни было, различаю вкус разных напитков. И если этот мой талант может послужить общему делу – я не пожалею трудов.

Стихи же мои – явление случайное, незакономерное, и люди с хорошим вкусом (к стихам), как член-корр. АН СССР Д. Благой, их не одобряют.

Если будешь в наших краях, заходи. Я же со своей стороны, если окажусь в Волг.[оградской] области, тоже постараюсь тебя повидать.

Впрочем, мой батя уже побывал у вас¹¹¹ и вспоминает об этом без особого удовольствия. Надеюсь, что у меня найдется лучший повод для посещения этих славных мест.

*С приветом,
Классик меня додавил.
Целую Л.*

ПИСЬМО К ГЕНРИЕТТЕ ПАВЛОВИЧЕВОЙ***112

My dear, my good dear!¹¹³

I'm so awfully thankful to you for your letter. I miss you. It's cold here too – just cold autumn with the days full of sunlight and clarity – rather a sad picture. I'm rather well, I'm waiting for you and I hope you'll find me in good state as I have promised. When you are back two poems will wait for you under the title «20 lines instead of a big dolly».

Be careful, don't swim too much for you mustn't catch a cold. Return home! I do long to see you and to kiss your hands and hair if you kindly let me to.

*I love you.
Yours L.*

September the 12th, Kiev, 1968

ПЕРЕПИСКА ВЛАДИМИРА КИСЕЛЕВА ПО ПОВОДУ СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ ЛЕОНИДА КИСЕЛЕВА***

Глубокоуважаемая Галина Ивановна!

Мои коллеги из «Литературной газеты» вчера сообщили мне о Ваших замечательных экспериментах и любезном согласии принять участие в лечении моего сына Лени Киселева.

Леня заболел в сентябре прошлого года. В начале, в соответствии с рекомендациями

И.А. Касирского, его лечили винбластином и 6-меркапкопурином, а также гормонами, но эти лекарства не помогли. Тогда мы начали лечение цитозином-рабиназидом. Но поскольку это лекарство в России не применялось, то руководила лечением профессор Вайль – сотрудница проф. Бернара из Парижского госпиталя «Святого Людовика». Она регулярно получала анализы и описание хода лечения и сразу же почтой, а иногда и телефоном сообщала свои рекомендации.

Последний анализ от 24 марта свидетельствует о том, что в результате лечения достигнута полная ремиссия. Гемоглобин – 85 проц., эритроциты – 4 700 000, лейкоциты – 7 200, тромбоциты – 329 000, РОЭ – 3, эозинофилов – 0,5, сегментоядерных – 53,5, лимфоциты – 40 проц., моноциты – 6, а гемоцитобластов – вообще не обнаружено. Проф. Даштаянц, который наблюдает Леню в Киеве, оставил одно переливание крови в неделю, (раньше мы переливали ему кровь два раза в неделю по 200 куб. см), постепенно снижаем преднизолон (он получал 12 таблеток, а сейчас уже 6). Для поддержки ремиссии два раза в неделю он получает подкожно по 50 мг рабиназида.

Однако последние американские данные, основанные на большой статистике, свидетельствуют, что оптимальные сроки ремиссии при лечении ребиминазидом – 220-250 дней, затем снова наступает обострение. Вы понимаете, с каким страхом я жду этого обострения и как надеюсь на Вашу помощь.

Я посылаю Вам выписки из истории болезни, которые, как мне кажется, более или менее полно расскажут Вам о состоянии больного и о ходе лечения. Очень жду Вашего ответа.

*С глубоким уважением,
Владимир КИСЕЛЕВ*

28 марта 1968 года

6 апреля 1968, Ленинград

Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич!

Рада быть полезной Вашему сыну и всем, кто нуждается в исцелении. Но боюсь, в ближайшее время я плохо оправдаю Ваши надежды.

Действительно, в опытах на животных с лейкозом мы получили обнадеживающие результаты. Удавалось в 2-3 раза продлить жизнь больных животных, нормализовать состав их крови. И пока что это все, что мы знаем о действии тимина, т.к. на больных людях с лейкозом испытание этого вещества еще не проводилось. Недавно Фармакологический комитет проводил такие испытания в некоторых ленинградских клиниках. Однако ни один завод еще не выпускает тимин, следовательно, и об ис-

пытаниях нет речи. Когда это станет возможным, сказать трудно, т.к. действует очень сложный механизм: получить ассигнования на производство тимина, включить его наработку в производственный план завода (вероятно, это будет ленинградский «Фармакон»), а затем в соответствующий план завода ампульных препаратов (где-то под Москвой), приготовление лекарственной формы, пригодной для применения на людях. На все это уйдет много месяцев. Правда, располагай мы 30-59 граммами тимина, можно было бы приготовить для Вас несколько ампул лабораторным способом, но у нас нет и такой малости.

Я не клиницист, а всего лишь экспериментатор. Поэтому мое мнение не может быть решающим, когда речь идет о таком сложном положении, в котором находится Ваш Ленья. Но мне приходилось читать, что цитозинарабинозид способен вызывать повторные ремиссии. Следовательно, не надо спешить отказываться от этого препарата. Обо всем, что касается Вашего сына, я буду советоваться с ленинградскими клиницистами и буду писать Вам. Вместе с тем, я с большим доверием и уважением отношусь и к профессору Даштаянцу (насколько он мне известен по его выступлениям в печати).

В «схеме лечения», которую Вы прислали, мне не все ясно. В частности, применяли ли отдельно цитозин и отдельно цитозинарабинозид, или только цитозинарабинозид. Дело в том, что и сам цитозин в наших экспериментах также был активен, правда, слабее, чем тимин. А цитозином мы располагаем. И если проф. Даштаянц согласится, то можно будет его попробовать.

Я понимаю, что это мое письмо Вас больше огорчит, но пока я ничего другого написать не могу. Все же я прошу Вас писать нам о течении болезни Лени и лучше в институт (из-за болезни я редко бываю в городской квартире), а я буду стараться быть полезной.

Адрес таков: Ленинград, Песочный, 2, НИИ онкологии им. проф. Н.Н. Петрова МЗ СССР, Г.И. Фелистович.

С уважением,
[...]

Дорогая Галина Ивановна!

Меня очень растрогало то неподдельное, то искреннее желание оказать помощь в лечении моего сына Лени, которое чувствуется в каждой строке Вашего письма.

Состояние Лени сейчас вполне удовлетворительное. Можно сказать, что наступила полная ремиссия, которую, как я писал Вам, мы поддерживаем тем, что два раза в неделю вводим по 45 миллиграммов цитозина-арабинозида.

Вот анализ за 8 апреля. Гемоглобин – 98, эритроциты – 4 млн. 710 тыс., лейкоциты – 7 750, тромбоциты – 334 тыс., РОЭ – 13, ретикулациты – 10 промилль, эозинофилы – 0,5, миелоциты – 1, юные – 0,5, палочко-ядерные – 0,5, сегментно-ядерные – 65,5, лимфоциты – 35,5, моноциты – 5,5, миэлобласты – 0,5, промиелоциты – 0,5, выраженный анизоцитоз, макроциты и микроциты, пойкилоцитоз со знаком \, полихроматофилы – единицы в препарате.

Как Вы понимаете, я очень огорчен отсутствием тимина. Сообщите, пожалуйста, может быть, это вещество можно изготовить в одном из наших киевских фармакологических или биохимических учреждений? Нельзя ли достать его в Венгрии, где у меня есть некоторые связи? Или в Чехословакии?

Что касается цитозина-арабинозида, то мы применяли американский препарат, который нам любезно прислала профессор Вайль из Парижа. Она же предупредила, чтобы цитозин иного изготовления мы ни в коем случае не применяли.

Еще раз большое спасибо за Ваше доброе письмо. Не собираетесь ли Вы в Киев? Сейчас у нас хорошая пора, распускаются каштаны, и я был бы рад встретить Вас как нашу гостью.

*Не могу ли я быть чем-нибудь для Вас полезен.
С глубоким уважением
Владимир Киселев*

9 апреля 1968 года

ЛИСТИ
ПИСЬМА

Миелограмма Л.В. Киселева

22 февраля 1968 г.

*Пунктат глубины беден клеточными элементами –
миелокариоцитов 20 000, мегакариоцитов 50 в 1 куб. мм.*

Встречаются нормобласты с фрагментацией ядра, мегалоциты.

Ретикулярных кл. – 4,2
 Гемогистиоциты – 0,4
 Гемоцитобластов – 4,4
 Парамиелобластов – 4,8
 Промиелоцитов – 2,6
 Миелоцитов – 2,0
 Юных – 3,2
 Палочкоядерн. – 2,0
 Сегментоядерн. – 7,4
 Эозинофилов – 0,8
 Лимфоцитов – 20,4
 Лимфо-ретикулярн.ед. – 1,8
 Плазматичн. клеток – 0,4
 Мегакариоцит. – 0,2
 Прозэритробластов – 5,2
 Эритробластов-базфильных – 4,6
 полихроматических – «6»
 Нормобластов – полихроматоф. – 9,8
 оксифильных – 1,2
 Ретикуло-мегалобластоидных клеток – 1,6
 Мегалобластов – 8,6
 Митоз клеток красного ряда (фигуры деления – 12 на 500 клеток)

*Анализ крови Л.В. Киселева
за 22 [апреля 1968 года]*

Анализ проведен в Киевском институте гематологии.

Эритроциты – 3.810000
Гемоглобин – 66 ед.
Цв.показат. – 0,8
Ретикулациты – 0
Тромбоциты – 40.000
Лейкоциты – 2.600
Плазм-клетки – 1,0
Гемоцитобласты – 11,0
Парамиелобласты – 9,0
Сегментоядерн. – 14,0
Лимфациты – 61,0
Моноциты – 1,0
Лимф.ретикул. – 2,0
Ретикулярн. – 1,0
Анизоцитоз – выражен
Поикилоцитоз – 2-3 в п/эр.
РОЭ – 3 мм/час

моя милость у вас кончить письмо!

Каждое твоё письмо обязательно тебе, что ты мне не получишь мое последнее письмо или у тебе не было времени ответить. Ежели в какое время тебе некого, кто может тебе ответить, то заранее напиши свои указания.

На праздники я хотела бы приехать в Киев, но из-за того, что так скоро установилась своя осенняя погода, но может, чтобы поспеть к тебе, если ты не будешь занят и сможешь уделишь мне немного времени, то конечно же и я приеду.

Фото з архіву сім'ї Кисельових:

Куду твоего ответа.

- 01 Леонід Кисельов: «Безтурботна юність випала мені...»
- 02 Лист Олени Скульської Леоніду Кисельову
- 03 Лист у відповідь Олени Скульській від Сергія Кисельова

Лена.

02

13/1-68.

Здравстуй, Лена!

Вот и начались милые студенческие развлечения: хожу на лекции, перевожу с английского на русский и наоборот, а кроме того вовсе занимаюсь общественной деятельностью. Прихожу домой после 12, сообщаю родителям, что дежурил в дружине или обсуждал программу вечера, а они дружно грустно и недоверчиво улыбаются в ответ. В Киеве уже была зима - выпал снег, потом весна он растаял, а теперь установилась моя любимая погода - сухая ноябрьская осень. Делать ничего не хочется, и вообще я хочу назад в колхоз.

Чем кончилась эта история с Чацким? Твоя опоспособность написать такое количество сочинений меня просто потрясла. Мне даже собственные сочинения лень было писать. А чужие я проверял. Помню, в сочинении одной девочки я нашёл 12 ошибок, ужасно гордился собой и очень над ней издевался. Каково же было моё удивление, когда девочка эта получила двойку, потому что там оказалось ещё 13 ошибок которых я не заметил. Котати, теперь она на втором курсе филфака и чуть ли не отличница.

Настроение плохое, тонус низкий. Почему люди не погружаются земному спячку? Было бы очень здорово. Идёт отчаянная борьба между киевским "Динамо" и московским "Торпедо" за первое место. Турнирная таблица выглядит словно карта военных действий. Я люблю печатать на машинке и решил доставить себе это невинное удовольствие.

Though you asked me not to write letter in English, I want you to know that your nickname the English for is "Linger" [stinger].

Yours L.

8/15-68. Дорогой Ротик!
 Киев.

Я тебе повторюсь не писать ни о вечеринках, ни о погоде. А писала всего 2 раза и даже безосновно, потому что ты спрашиваешь по поводу авиации, так что с Киев стороны просто упомяну лишь о том (серьёз) извини. Совет не удаётся, когда говорят об отвлечении и безразличности кт более, если они действительно существуют, а не просто для украинской демократической солидарности. И всё-таки это правда, а если эти губы удержатся передат, сканен, в смысле - результаты. В Киев просто удивительным - когда в смысле не знакомишься с ними, стою в ожидании. Мне современная русская поэзия и, правда, нравится, а не только горе, страх и т.д. Кроме того, нам в родной любимой школе. Твоё Кадрию писал в своём дневнике: 21-го июля 1913 года (и мой удивительный отклик). "Не отговаривай, не отговаривай и на поводу того, что ты не отговаривай, когда кончатся, что всё уже кончено, откуда-то все не дожили, но все силы, и это означает, что ты пишешь. Если ты они не дожили, тогда действительное все кончено и при этом обманчиво".

Когда-то я хотел увидеть мамочку с

03

15/X-1968

(4)

Здравствуй, Лена.

Твое письмо Лёни брат Серёжа. Наверно, я даже
нас ты мне помнишь.

Лёне тебе больше писать не будет.

Он умер. Мне очень тяжело об этом писать,
но я думаю, что ты должна знать.

Это случилось ~~в~~ в час ночи с 18 июни
октябре на 19.00.

Если ты захочешь, то напиши
мне мне.

Сергей.

P.S. Мне бы очень хотелось, чтобы ты
написала.

с.

be useless
for me.

не постоит
иногда читать

мне по та-

неб-6, До воскре-

сыя между 3-4

в ночь

ср в это окош

тени (с их и

оказывать) и

были понаму-

фон и рази-

миском и Мос-

ем (добрее рату-

как скрин в

Yours till death S.

Зошит одинадцятий / Тетрадь одинадцатая

1972
2005

– переклади поезій Леоніда Кисельова
– переводы стихов Леонида Киселева

Переклади

1972 – 2005

ИСПОВЕДЬ ОТЦУ

Я в село приехал еще молодой.
 Бригадир посылает копать траншеи,
 а вечером поясницу ломит и шею,
 домой еле тащишься сам не свой.

А мой хозяин гребет из бурта
 (хоть за день не меньше других взвелся)
 тащит в мешок, что не меньше воза,
 гнилого картофеля для скота.

Плетешься рядом и думаешь так
 (а в вое шибает брожением винным):
 и что он из кожи лезет, чудак?
 И вообще, ведь – не хлебом единым...

Гордишься собою вдвойне, втройне,
 перебирая снова и снова стихи
 Пастернака, Верлена, Светлова
 и песни Лорки о черной луне.

И я тогда не любил село.
 Мне все казалось, что даже дети
 только и смотрят, что бы спереть им –
 любую жратву или барахло.

И лишь пожив среди этих людей,
 постиг, что это звалось любовью,
 что дядька так холит свою корову,
 потому что любит своих детей.

Он в воскресенье встает чуть свет
 и прет мешки на базар устало –
 ведь «Смерть корнета»* не просит сала,
 а детям книжки нужны и хлеб.

.....
 *Название поэмы Р.-М. Рильке.

Оригінали

ТАТО ОПОВІДАЮТЬ

Я в село приїхав дурний.
 Бригадир загадає копати траншеї,
 а ввечері поперек ние страшенно,
 чвалиш додому вже сам не свій.

А мій господар тягне з бурта
 (хоч цілий день робив, як проклятий)
 великий лантух. Дозволили взяти
 картоплі гнилої – для скота.

Ідеш з ним і міркуєш так
 (а в ніс від лантуха сморід винний):
 чого він пнеться із сил, неборак,
 і взагалі ж, не хлібом единым...

Ще й гордо зважиш свої надбання,
 перебираючи знову і знову рядки
 Пастернака і Гумільова
 чи пісню Лорки про кров і коня.

І я тоді не любив село.
 Мені здавалось, що навіть діти
 тільки й дивляться щось вхопити
 і цупити в хату, в своє кубло.

Але, поживши між цих людей,
 збагнув, що це робилось з любові,
 що дядькові байдужі корови,
 а дядько любить своїх дітей.

Відробить тиждень, та ще й мішки
 в неділю пре на базар до міста.
 Бо «Смерть корнета»* не просить їсти,
 а дітям треба хліб і книжки.

.....
 *Назва поеми Райнера Марії Рільке.

переклади поезії Леоніда Кисельова
переводи стихів Леоніда Кисельова

И завтраки те, что я получал, –
картошка, лук да сметаны малость, –
так трудно хозяину доставались,
что он не угощал меня – причащал.

У дядьки Микола любви я учился.
Не знаю, какой мне выпадет путь,
мне не забыть ее, трудной и чистой,
с дороги той уже не свернуть.

*Перевод с украинского Н. КОТЕНКО
Москва, 1972 г.*

У слово гратись – це сувора гра.
Де правила таємні і тяжкі.
Лиш попервах здається, що рядки
Самі стікають з кінчика пера.

1966

Всесвіт мій – такий маленький він
Кілька кроків – і стіна туману.
І тривога в серці – ніби рана.
І в ушах, відлунням, передзвін.

Це вже осінь. Правда, дуже рання.
Та з прикмет усе тобі ясне:
По етапу вітер на заслання
З павутинням павука жене.

Ніби в запечатанім конверті
Бакаї в прозорості срібла.
Це лише ескіз, це начерк смерти –
Ранку вересневого імла.

1967

*Переклад з російської
Ігоря КАЧУРОВСЬКОГО
Мюнхен, липень – серпень, 1984 р.*

И той сніданок, що я з'їдав, –
товчена картопля, кисляк і сало –
так важко дядькові діставались,
що він не вгощав мене – причащав.

Я вчився любові в дядька Миколи.
Не знаю, яка мені ляже путь,
та вже цієї любові ніколи
мені не зректися. І не забути.

Игра в слова – нелегкая игра.
Здесь правила таинственны и строги.
Лишь поначалу кажется, что строки
Соскальзывают с кончика пера.

1966

Как моя вселенная мала!
В десяти шагах стена тумана.
И тревога в сердце, будто рана,
И в ушах звенят колокола.

Это осень. Ранняя пока,
Но уже подсчитаны приметы:
По этапу в ссылку гонит ветер
Вместе с паутиной паука.

Лужицы в прозрачном серебре,
Словно в запечатанном конверте.
Маленький эскиз. набросок смерти
Пасмурное утро в сентябре.

1967

ЦАРИ

Ще малюком мені здавалось диким,
Що раз царі погані, то чому
Царя Петра звемо – Петром Великим,
А в Ленінграді пам'ятник йому.

На що він нам, державний вершник-диво?
В повітря б з ним, копита в небеса!
Шевченко, кажуть нам, несправедливо
Віднісся... Ні, він правильно писав:

Це той перший, що розпинав
Нашу Україну...

Це не Петро – голодні гречкосії
В болоті будували Петроград.
А за цілу історію Росії –
Ні одного хорошого царя.

1967

*Переклад з російської Анатолія ВОВКА
Мюнхен, липень – серпень, 1984 р.*

LEONID KISELYOV

(From Russian)

Leonid Kiselyov (1946 – 1968) was born and lived all his short life in Kiev, Ukraine. Died of leucaemia. Wrote poetry since he was 12 or 13, mostly in Russian, like the original of this translation, although in his last year he wrote more than 30 poems in Ukrainian¹.

A screw has been broken in my entrails,
Muddling and garbling began with that.
He'd lost his way in his own maze,
Dedalus, gone off his head.

ЦАРИ

Еще мальчишкой удивлялся дико:
Раз все царі плохие, почему
Царя Петра зовем Петром Великим
И в Ленинграде памятник ему?

Зачем он нам, державный этот конник:
Взорвать бы, чтоб копыта в небеса!
Шевченко, говорят, односторонне
Отнесся... Нет, он правильно писал:

Це той первий, що розпинав
Нашу Україну...

Не Петр, а те голодные, босые
В болоте основали Петроград.
За долгую историю России –
Ни одного хорошего царя.

1962

Во мне сломался какой-то винтик
И все перепутал, все переврал.
Заблудился в своем лабиринте
Сумасшедший Дедал.

переклади поезій Леоніда Кисельова
переводы стихов Леонид Киселева

Words use to keep their primal purports
Passing all lands, passing all times...
He's gone off his head as one goes off the road
Just to get lost in a forest's wilds.

Слова сквозь все времена и сроки
Первоначальный смысл несут –
Сошел с ума, как сходят с дороги,
Чтоб затеряться в ночном лесу.

Smell of mould in the passage's duskiness,
Above the Crete there burns daybreak.
Here, only mice's hasty rustle
And no path away.

Пахнет плесенью в коридорах.
Над Критом горит рассвет.
Здесь мышей торопливый шорох
И выхода нет.

The dawn begins at the stroke of eight
With tapping of heels, with rustle of soles...
The spring of this year is like autumn's end:
There is a drizzle every morning.

Рассвет начинается ровно в восемь
Под стук каблучков и шорох подошв.
Эта весна похожа на осень:
Каждое утро мелкий дождь.

1967

1967

*Перевод с русского
Виктора ВИСЕНТЕ РИВАСА²
Мадрид, Испания, 1996 г.*

РУЧАЇ

Чи ви простежили той шлях,
Що роблять ручаї?
Петляють, в'ються по полях
Зі срібла – й нічії.
Мені аж дивно: ручаї
Зі срібла – й нічії.
І хочеться простежити шлях,
Що роблять ручаї.

Дізнатись я поставив ціль,
Куди ручай біжить.
Але зумів посеред піль
Мене він закружить.
Я ледве вибрався відтіль,
Як з ним почав кружити.
Тож не пізнати – марна ціль, –
Куди ручай біжить.

1959

РУЧЕЙ

Вы не пытались проследить,
Куда бежит ручей?
Петляет, вьется, словно нить
Из серебра – ничей.
Мне даже странно, что ручей
Из серебра – ничей.
А интересно проследить,
Куда бежит ручей.

И я пытался проследить,
Куда бежит ручей,
Но закружил меня в полях
Он хитростью своей.
Чуть было не сгубил меня
Он хитростью своей...
Да разве можно проследить,
Куда бежит ручей!

1959

Чував я, ніби скульптори Еллади
 Із мрамору коринфського скульптури
 Та фарбували досить примітивно –
 Ще й на червоний чи зелений колір.
 Та з часом барви стерлись. І скульптури
 Нам білими і чистими з'явилися.
 А може, у тій фарбі – правильніші
 Вони? О Бельведерський Апполоне,
 Мов тульська розмальований «матрьошка»...

6 травня 1960

Море глухо каміння розкочує –
 В нього безліч добра того є.
 Всі зазублини й грані обточує –
 Камінь рівним і круглим стає.
 А в житті, де так люблять, змагаються,
 Помагають долати страх,
 Завжди борозни жаско лишаються
 На обличчях і людських серцях.

Зима 1961

Переклад з української Ігоря Качуровського³
 Мюнхен, ФРН, 1995 – 1996 р.р.

Я слышал, будто скульпторы Эллады
 Из мрамора коринфского скульптуры
 Раскрашивали краской минеральной –
 Зеленой, красной, и довольно грубо.
 Но время стерло краску, и скульптуры
 Нам чистыми и белыми достались.
 А, может быть, они в окраске грубой
 Верней? О, Бельведерский Аполлон,
 Раскрашенный, как тульская матрешка!

6 мая 1960

Я слышал, будто скульпторы Эллады
 Из мрамора коринфского скульптуры
 Раскрашивали краской минеральной –
 Зеленой, красной, и довольно грубо.
 Но время стерло краску, и скульптуры
 Нам чистыми и белыми достались.
 А, может быть, они в окраске грубой
 Верней? О, Бельведерский Аполлон,
 Раскрашенный, как тульская матрешка!

Зима 1961

переклади поезій Леоніда Кисельова
переводи стихів Леоніда Кисельова

ДОМОЙ

А жаль Москви. Я будто позабул
И страсти те, и пристрасти Арбата,
И жаркий чай, настоянный на мяте,
И марево надежд, и споров пыл.

Домой пора – туда, где ждет любовь,
Где ранние осенние туманы
И четкий абрис всадника Богдана
На золоте софийских куполов.

Распахивает крылья самолет,
Натруженный мотор сипит устало.
Неужто это все, что мне осталось,
От тех берез, весной одетых в лед?

Зеленый посвист молодой травы
Очистит душу, стешет саван белый,
Уйдет и боль души, и муки тела,
Лишь смутное, как вздох: а жаль Москвы.

1967

ДОДОМУ

Шкода Москви. Вже наче відійшов
Від сподівань і пристрастей Арбату
І паху бурштинової гербати
У мареві тих марень, тих розмов.

Додому час. До міста всіх кохань,
Де тополеві вранішні тумани,
Де сірий тулуб вершника Богдана
На золотому тлі софійських бань.

Літак аж ніби крилами змахнув,
Натруджений двигун тамує стогін.
Невже мені лишиться тільки спомин
Від тих беріз у весну крижану?

Зелені леза юної трави
Очистять душу, стешуть білу льолю.
І не відчую ні жалю, ні болю,
А тільки так, смутне: шкода Москви.

1967

Ты вспомнишь, я принес тебе ежа,
Он ночью топал от угла к кровати.
А годы наши – нет, не сосчитать их –
Январским снегом мимо прошуршат.

Забудь мой голос, имя и слова,
Лишь вспомни август – был он,
словно всадник,
Несущий дождь. Какой-то христарадник
Читал стихи и руки целовал.

А кто-нибудь листок отыщет тот,
И в нем, далеко, полыхнет зарницей
Моя любовь к тебе... Тебе не спится,
И ежик хлеб с руки твоей берет.

1968

*Перевод с українського Ірини БАБИЧ'
Хайфа, Израїль, 1998 г.*

Згадаєш їжака, що я приніс,
І як вночі він бігав по кімнаті.
А вже роки убогі і багаті,
Як сніг січневий, промайнуть навкіс.

Забудь ім'я, і голос, і слова,
Лише згадай, що серпень був,
як вершник.
Заносилось на дощ. Дивак і віршник
Прийшов вночі і руки цілував...

А інший хтось цей аркуш відшука,
І в нім, далекім, блисне, наче спалах,
Моя любов до жінки, що не спала
І хлібом годувала їжака.

1968

переклади поезій Леоніда Кисельова
переводы стихов Леониды Киселева

IL EST ENCORE TROP TOT, TROP TOT

Il est encore trop tot, trop tot.
Mere ne s'est pas encore levee
Et ne m'a pas appele:
Leve-toi, mon fils!
Pere ne m'a pas appele:
Viens, fiston!

Il fait encore trop tot, trop tot.

Marie ne s'est pas encore levee
Et ne m'a pas appele:
Leve-toi, Ivan!
Le lieutenant ne s'est pas leve
Et ne m'a pas appele:
En avant marche!

Il fait encore trop tot, trop tot.

Ma fille ne s'est pas encore levee
Et ne m'a pas appele:
Leve-toi, papa!
Encore mon petit fils ne s'est pas levee
Et ne m'a pas appele:
Viens, papa!

Il fait encore trop tot, trop tot.

1968

*Переклад Олеся МАСЛЮКА
Париж, осінь, 1999 р.*

РАНО ЩЕ, РАНО

Ще і мати не вставали
І до мене не гукали:
Вставай, сину!
Ще і батько не вставали
І до мене не гукали:
Ходім, хлопче!

Рано ще, рано.

Ще Марія не вставала
І до мене не гукала:
Вставай, Йванку!
Старшина ще не вставав
І до мене не гукав:
Кроком руш!

Рано ще, рано.

Ще і донька не вставала
І до мене не гукала:
Вставай, тату!
Ще й онук мій не вставав
І до мене не гукав:
Ходім, діду!

Рано ще, ой, рано.

1968

РАНО, ОЙ, РАНО

Даже мама не вставала
и меня не заклинала:
– Вставай, сын мой!
И отец еще не встал
и меня не окликал:
– Айда, мальчик!

Рано, ой, рано.

И Мария не вставала
и меня не окликала:
– Проснись, милый!
Старшина еще не встал
и меня не наставлял:
– Шагом марш!

Рано, ой, рано.

Доченька еще не встала
и меня не умоляла:
– Вставай, папа!
Да и внук еще не встал
и пока не лепетал:
– Пойдем, деда!

Рано, ой, рано.

1968

РАНО ЩЕ, РАНО

Ще і мати не вставали
І до мене не гукали:
Вставай, сину!
Ще і батько не вставали
І до мене не гукали:
Ходім, хлопче!

Рано ще, рано.

Ще Марія не вставала
І до мене не гукала:
Вставай, Йванку!
Старшина ще не вставав
І до мене не гукав:
Кроком руш!

Рано ще, рано.

Ще і донька не вставала
І до мене не гукала:
Вставай, тату!
Ще й онук мій не вставав
І до мене не гукав:
Ходім, діду!

Рано ще, ой, рано.

1968

переклади поезій Леоніда Кисельова
переводи стихів Леоніда Киселева

Кузнецы у нас в селе –
Лучших нету на земле.

Уж такие мастера:
Починяют трактора
Весело, умело...
Ну, а между делом –

Ивану Безрукому
Выковали железную руку.
Ивану Безногому
Выковали железную ногу.
Ивану Безсмертному
Выковали железную смерть.

Кузнецы у нас в селе –
Лучших нету на земле.

Председателю избу
Выковали четко,
И на окна резьбу
Нанесли – решетку.

А на первом окне –
Словно синий-синий снег.
А узоры на втором –
Вроде церковь за окном.
А на третьем окне –
Словно хлопец на войне,
Словно мертвый, словно сын,
он у матери один.

Недаром баба Ганна просила,
Чтоб ей из железа сделали сына!

Кузнецы у нас в селе –
Лучших нету на земле.

Як у нашому селі
Кращі в світі ковалі.

Що майстри вже, то майстри:
Ремонтують трактори,
Лагодять поїльні,
А ще на дозвіллі

Івану Безрукому
Викували залізну руку.
Івану Безногому
Викували залізну ногу.
Івану Безсмертному
Викували залізну смерть.

Як у нашому селі
Кращі в світі ковалі.

Із заліза голові
Викували хату.
А на вікна ще нові
Візерунки-ґрати.

Що на першому вікні
Наче січень, наче сніг.
Що на другому вікні
Наче церква вдалині.
А на третьому вікні
Наче хлопець на війні.
Наче мертвий, наче син,
Крила матері над ним.

То баба Ганна дуже просила,
Щоб їй із заліза зробили сина.

Як у нашому селі
Кращі в світі ковалі.

Мчится слава, как Днипро,
Над планетой всею.
Пусть же в Киеве метро,
Пусть в Москве музеи.

Кузнецы ж – у нас в селе:
Лучших нету на земле!

1968

*Перевод с украинского
Риталия ЗАСЛАВСКОГО
Киев, 1968 г. (впервые
опубликован в 2001 году).*

Ивану Драчу

И мать юна совсем, и солнце юно.
И мне ее колени – колыбель.
В прозрачных вздохах ветра, словно струны,
Гудит басово бархатистый шмель.

Прислушиваюсь к колыбельной снова.
Кому поет, дитине ли, себе ль!
И мать юна совсем, и юно Слово.
И кружит, кружит яблоню метель.

Глупцы и мудрецы, от мала до велика,
Прославлены, забыты – на века.
Но не было народов безъязыких,
Немых народов не было пока!

1968

Їхня слава, мов Дніпро,
Лине в інші землі.
Хай у Києві метро,
Хай в Москві музеї.

А у нашому селі
Кращі в світі ковалі.

1968

Іванові Драчеві

І мати молода, і сонце юне,
І в неї на колінах немовля.
В прозорому повітрі, наче струни,
Гудіння оксамитного джмеля.

Прислухаюсь – співає колискову,
Не знати, чи дитині, чи собі...
І мати молода, і юне Слово,
І яблуні у ранішній журбі.

Розумні і дурні, малі й великі,
Уславлені й забуті – все пройшло,
Та не було народів безъязыких,
Ще німих народів не було!

1968

переклади поезій Леоніда Кисельова
переводи стихів Леоніда Кисельова

Да не все равно мне...

Тарас Шевченко

Он был как пламя. И его строка
Звонка и, словно сталь, остра до боли.
Переживет она пшеницу в поле
И хлеб, и соль, и войны, и века.

Он был как пламя. И его слова,
Что васильков синей, легки, как небо.
Ты ими правды, только правды требуй.
Кто жаждет правды, в том душа жива.

Он был как пламя.

1968

Та не однаково мені...

Тарас Шевченко

Він був як полум'я. Його рядки –
Дзвінки і небезпечні, наче криця,
Переживуть і жито, і пшеницю,
І хліб, і сіль, і війни, і віки.

Він був як полум'я. Свої слова –
Легкі, як небо, сині, наче квіти,
Що ними тільки правду говорити,
Він в наші душі спрагли наливав.

Він був як полум'я.

1968

ДУДАРИК

*Если бы тебе горюшко да печаль,
Ты бы шел на улицу да кричал.
Песня*

Воют бабы на пожарищах,
Гроб слезами обольют.
А стихи – то не печаль еще,
Так – забава во хмелю.

Детям снится хлеб – голодные.
На ресницах женщин – соль.
А хоралы благородные –
То искусство, а не боль.

Соблазненную любимую
Не найти на полотне,
Хоть бы все вы кисти вынули –
То малярство, а не гнев.

Но в больнице, за решетками,
И в земле, сквозь войлок трав,
Я молю о песне вот когда
Тех, кто в песне не лукав:

Ты сыграй, дударик, мне, ой, сыграй,
Горюшко размыкаю – через край!

1968

*Перевод с украинского
Светланы СОЛОЖЕНКИНОЙ
Москва, 1981 г.*

ДУДАРИК

*Коли б тобі горенько та печаль,
То ти б вийшов на вулицю та й кричав.
Пісня*

Голосять баби на згарищах,
На труну сльозами ллють.
А вірші – так це не горе ще,
Радше втіха у жалю.

Діти хлібом снуть, голоднії,
В матерів на віях сіль.
А хорали чи симфонії –
То мистецтво, а не біль.

І кохану, котру звабили,
Не знайти на полотні.
Бо кольори і муштабелі –
То малярство, а не гнів.

Та в шпиталі, і за ґратами,
І в землі під повстю трав
Знову й знову я благатиму,
Як у пісні хтось благов:

Заграй мені, дударіку, на дуду,
Нехай же я своє горе забуду!

1968

переклади поезій Леоніда Кисельова
переводи стихов Леоніда Киселева

Ja сам за тебе нико, као Улис –
 Сети се грчког мита који знамо.
 Да се неприметно уснама сувим
 Дотакне њена бујна коса само.
 Ja сам за тебе нико. И узалуд
 Моје би срце у твој списак радо.
 Сву бих је – вољену, једину, младу –
 Погледом својим да изнесем крадом.
 Ja сам за тебе нико. И, случајно,
 То је и мени, видим, наречено.
 И на крају већ шапућући – тајно
 С уздахом име повери ми њено.

Я ніхто для тебе, як Уліс –
 Пам'ятаеш – в давнім грецькім міті.
 Шерхлими вустами непомітно
 До її волосся доторкнись.
 Я ніхто для тебе. І дарма
 До твоїх долоней серце лине.
 Всю її – кохану і єдину –
 Винести очима крадькома.
 Я ніхто для тебе. То моя
 Власна доля і нічна скорбота.
 І востанне – пошепки вже – потай
 Видихни легке її ім'я.

*Антологіја україїнске поезије.
 Леонід Кисельов (1946)
 Переклад сербською*

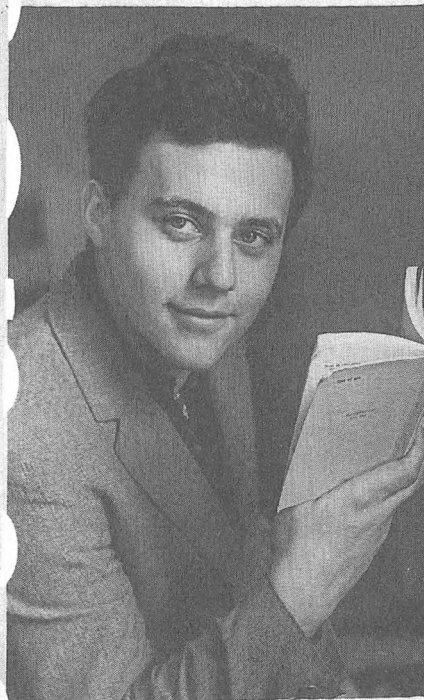

Фото з архіву
сім'ї Кисельових:

01 Леонід Кисельов (дитячі роки)

02 Леонід Кисельов. 1964 р.

Зошит дванадцятий / Тетрадь двенадцатая

[1970 –
1996]

Оповідання матері Леоніда Кисельова –
Зої Юхимівни Генкіної (1920 – 2004)

Рассказы матери Леонида Киселева –
Зои Ефимовны Генкиной (1920 – 2004)

[1970 – 1996]

Зоя ГЕНКИНА
(1920 – 2004)

РАССКАЗЫ¹

О ТЕХ, КТО НЕ ВЕРНУЛСЯ²

Хочется рассказать о тех, кто не вернулся – о тех, кого я помню.

Андрей Зварич. Я училась с ним в 57-й школе. Он был то, что называется «первый парень на селе». Добрый и милый парень, веселый заводила. По-моему, его любили все в классе. Он сидел на первой парте вместе с Толей Дробязких, который тоже погиб. (Я со своей подружкой Зиной Ч³ сидела на второй парте за ними, и мы часто – на тех уроках, где можно было, – мы тихонечко разговаривали).

Андрей ходил во Дворец пионеров в секцию военно-морского флота. (Может быть, это называлось не именно так). Окончив школу, он уехал в Ленинград, хотел поступать в военно-морское училище имени Фрунзе. Но не поступил. Остался в Ленинграде, начал работать на заводе.

Он погиб под Ленинградом, подробностей я не знаю.

Толя Дробязких, самый высокий и большой из всех наших ребят. Очень добрый, как большинство сильных людей. Светлые волосы подстрижены ежиком. Всегда в синем летном костюме, очень чистом и выглаженном. Добрая улыбка. Он ходил в аэроклуб и учился летать. Когда он отвечал на уроках истории или литературы, мы все как-то съеживались и опускали глаза. Со смущенной улыбкой он что-то лепетал или вовсе молчал. Но зато как мы радовались, когда он отвечал по физике или математике. Он не отвечал, а беседовал с преподавателем на равных. И нам всем было очень приятно.

Толя погиб через несколько дней после начала войны. Что могли противопоставить эти неопытные ребята опытным немецким летчикам? Только свое желание защитить Киев от очередной бомбы, сброшенной с немецкого самолета.

Толя Дробязких погиб в небе над Киевом.

Оповідання матері Леоніда Кисельова –
Зої Юхимівни Генкіної (1920 – 2004)
Рассказы матери Леонида Киселева –
Зои Ефимовны Генкиной (1920 – 2004)

Кроме Андрея Зварича и Толи Дробязких хочу вспомнить о тех из наших ребят, кто погибли в войну: Илюша Бершевский, Филипп Басанский, Фима Годиевич, Ваня Носарь, Миша Гудновский, Абраша Золотарь (погиб в Бабьем Яру).

Тех же, кого не помню и о ком не знаю, прошу простить меня.

Но я хочу рассказать об Илюше Бершевском, который погиб под Будапештом. Илюша был нашим студийцем⁴. Всегда веселый и добродушный, он был, несомненно, способным художником. И если бы не война, может быть, он стал бы достаточно известным.

Илюша родился в очень небогатой еврейской семье. Перед войной в семье было шестеро детей. Старший брат, который в сороковом году вернулся из армии. Старшая сестра, уже замужняя. После Илюши шла сестра Беба и двое меньших, мальчик и девочка, лет по 10-12.

Родители Илюши были уже очень немолодые люди. (Или, может быть, это нам тогда так казалось).

Илюша окончил семь классов еврейской школы, которая давала отличительную безграмотность и в русском, и в украинском языках (не знаю, как дело обстояло с другими предметами). Он посещал нашу студию и одновременно подрабатывал в клубе: рисовал декорации, плакаты, диаграммы.

Родись он в другой семье, то окончил бы десятилетку, поступил в Художественный институт и, возможно, стал бы известным художником.

У его сестры Бебы был очень хороший голос. Она пела в хоре в нашем клубе. Когда она запевала в хоре из «Аиды» «О, Радакс, приди, приди скорее», от ее сильного меццо-сопрано на люстре в небольшом зале звенели стекляшки. И о ней можно сказать, что если бы она родилась в другой семье, она училась бы в музыкальной школе, потом в консерватории и стала бы певицей. Из их большой семьи она одна осталась жива и вернулась в Киев после войны. Парень, с которым она встречалась, при эвакуации военного училища, в котором он учился, как-то увез ее с собой.

Илюшу взяли в армию в 1940 году. Он был в тех частях, которые брали Киев. После взятия Киева его отпустили на несколько часов, чтобы поведаться с родными.

Я как-то очень отчетливо представляю себе, как он бежал с вокзала, где стоял их эшелон для отправки дальше, на фронт, по еще горевшему Крещатику, как кое-где его подвозила какая-нибудь военная машина, как у него проверяли не раз по дороге документы.

Было совсем темно, когда он добрался до небольшого домика, где жил до войны со своими родными. Он даже стучал в дверь и в окно, но никто не отзывался. Он обошел дом с другой стороны и стал стучать к соседям. Наконец мужской голос спросил, что ему надо.

– Я Илюша Бершевский. Я жил здесь до войны. Ведь вы меня знаете. Где все наши?

После паузы человек ответил ему:

– Ушли по приказу...

– Куда? По какому приказу?

– Ничего не знаю. Ушли по приказу.

Когда Илюша вернулся в свою часть, ему рассказали, что значит «ушли по приказу»⁵.

Илюша погиб под Будапештом. Один из тех ребят, кто не вернулся с войны.

[1970 – 1996]

Я родилась 22 июня 1920 года, на рассвете тихого летнего дня. Дом этот сохранился (в нем и теперь больница), и улица такая же тихая, зеленая.

Ровно через 21 год в этот день началась война. Война, которая разделила все на две части – «это было до войны, и все остальное». Война, которая началась на рассвете такого же тихого летнего дня. Война, которая снится нам до сих пор. Война, которая перевернула жизни, судьбы, понятия, условия, характеры – все, что можно было перевернуть.

Я много раз спрашивала себя – надо ли было родиться в такой день. Пять лет тому назад я узнала ответ на свой вопрос⁶. Теперь мне это ясно. Но куда денешься. Надо доживать век.

[1973]

Я ехала с работы вечером в троллейбусе. На боковом сидении сидела немолодая женщина с хорошим, бледным таким лицом. А напротив на такой же скамейке – молодой парень в шинели с погонами летного училища. Женщина заговорила с парнем, что-то спрашивала у него, что-то рассказывала. Их разделял проход, и он плохо слышал женщи-

Оповідання матері Леоніда Кисельова
Зои Юхимівни Генкіної (1920 – 2004)
Рассказы матери Леонида Киселева –
Зои Ефимовны Генкиной (1920 – 2004)

ну. Подвинулся на самый край, напряженно вслушивался и очень почти-тельно отвечал ей.

Я обратила внимание на ее руки – тонкие, пластичные, удивительно живые. Сама женщина была очень странная, может быть, даже больше, чем странная: и в том, как и что она говорила, и время от времени крестилась, и улыбалась. А руки все время удивительно двигались. Как у глухонемой? Нет. У тех руки «разговаривают» небрежно, они «работают». А у нее они двигались, как у балерины или цыганки, они «рассказывали».

Странная женщина.

[1973]

ИЗ РАССКАЗОВ МОЕЙ БАБУШКИ⁷

О людях добрых

Не помню, кто сказал, что людей добрых больше, но они реже встречаются.

Хочу рассказать о тех людях добрых, которые встречались в жизни мне.

Во время войны я и мои родители вначале оказались в городе Махачкала. Город был тогда небольшой, спокойный, много зелени и много эвакуированных. В городе еще не было затемнения. Хлеб был еще не по карточкам, так что как-то можно было прожить.

Мой отец зашел в редакцию местной газеты, надеясь встретить там кого-нибудь знакомого⁸. Знакомых там он не нашел, но разговорился с буфетчицей тамошней столовой. Она пригласила его с семьей временно пожить у нее.

Звали ее Зоя Владимировна, жила она с дочкой лет восьми, муж был на фронте.

Относилась она к нам, как к родным. Когда моя мама заболела, она сбегала в поликлинику, сказала, что заболела ее тетя (а к лицам, не прописанным в городе, врачи не ходили) и упросила врача прийти к нам. Если в буфете можно было купить какую-нибудь еду, с которой в городе было уже сложно, то она непременно брала и на нашу долю.

Я не помню ее фамилию и ее адреса, но надеюсь, что ее муж вернулся с фронта и что они благополучно прожили свою жизнь.

Потом мы попали в Астрахань. Высокая деревянная лестница вела от причала наверх. Там в большом одноэтажном доме размещалось какое-то

учреждение, имевшее отношение к порту. Вечером, когда кончался рабочий день, все кабинеты закрывались, а людей, ищущих пристанища хотя бы на ночь, впускали в большие коридоры. Тут мы все и укладывались на полу, радуясь крыше над головой и защите от ночного холода.

Однажды уже под вечер пришли два молодых парня.

– Мы почти ничем не можем помочь всем вам. Но наш завод снял на вечер все помещение бани, а наши товарищи из трамвайного депо отвезут вас туда и привезут обратно.

Не могу передать, как все обрадовались. Никакой культпоход в кино или в театр не обрадовал бы сейчас людей больше, чем этот поход в баню. Когда мы вдоволь насладились теплом и горячей водой, те же два трамвая отвезли нас обратно.

Спасибо тем ребятам, сделавшим доброе дело. Я надеюсь, что они хорошо прожили свою жизнь.

В полдень в одной из комнат мореходства накрывали длинный стол. Каждый мог покушать миску горячего супа с куском мяса (говорили, что это было верблюжье мясо) и куском хлеба. Людей впускали человек по 20. Хлеб почти все забирали с собой (такой суп да еще с хлебом – это уже была недопустимая роскошь). Какое большое подспорье была эта миска супа для изголодавшихся и мерзнущих людей. Спасибо тем, кто организовал это. Я не знаю их имен, но спасибо им.

В городе Шахрисабз, где мы жили вначале, я очень болела малярией. Там был медпункт, в котором давали анрихин, который надо было там же проглотить, чтобы его не отдали или не продали кому-нибудь другому. Но мне он не помогал. Моей маме рассказали, что есть фельдшер, который делает уколы от малярии. Мама договорилась с ним, и он ежедневно приходил и делал мне укол.

Уколов нужно было сделать 10. Каждый стоил 3 рубля. Когда фельдшер (он был молодой человек, я даже помнила его фамилию, но теперь уже забыла) сделал последний укол, мама протянула ему 30 рублей (для нас это были огромные деньги, но...), он сказал:

– Нет, я не возьму у вас денег. Я местный, у меня все есть, а вам еще многое нужно.

«Многое» – это было не то слово. У нас ничего не было, а спали мы на деревянных дверях, положенных на кирпичи и накрытых циновками из камыша.

Оповідання матері Леоніда Кисельова
Зои Юхимівни Генкіної (1920 – 2004)
Рассказы матери Леонида Киселева –
Зои Ефимовны Генкиной (1920 – 2004)

Мама бежала за ним от дверей даже до ворот, уговаривая его взять деньги. Но он так и не взял их. Я надеюсь, что его доброе дело как-то было вознаграждено. Что если он попал потом на фронт, то вернулся живым и жил долго и счастливо.

Когда мы с Володей (после госпиталя⁹ он получил назначение в Таджикистан) приехали в Курган-Тюбе, нас поселили в военном городке, где раньше стоял кавалерийский полк, который ушел на войну.

Пять одноэтажных домиков были заселены, а шестой стоял пустой. Мы выбрали маленькую комнату с кирпичным полом, где была когда-то аптека. В ней были два преимущества: печка и решетки на окне.

Через несколько дней Володю отправили с группой новобранцев в Сталинобад. Я осталась одна в пустом доме, еще не зная никого из жителей городка. Но я как-то не боялась. На окне решетка, на двери огромный железный крюк.

Вечером в двери постучали. Это были две женщины из соседнего дома. Несмотря на все мои отговорки, они забрали меня к ним ночевать. В большой, хорошо освещенной комнате были те женщины и трое детей. Меня усадили за стол, на котором стояла большая сковорода с жареной картошкой и морковью. Я заметила, что женщины ели морковь, оставляя картошку детям. Я поступила так же, хотя терпеть не могла морковь.

Спать меня уложили вместе с одной из девочек. Мне было страшно неудобно, но я вытерпела эту ночь и следующую. На третью я отпросилась, сказав, что если муж приедет и не застанет меня, то будет очень беспокоиться. После долгих переговоров со мной согласились.

Я не помню имен этих женщин, но помню их доброту, их желание помочь молодой женщине, оказавшейся одной в незнакомом городе, в пустом доме, без единой знакомой души.

Когда Володя ехал из госпиталя в Уфе в Сталинобад, он познакомился в поезде с одним парнем, уже демобилизовавшимся по ранению, который ехал домой в Сталинобад. Его звали Петя Горячиков. Казалось бы, познакомились, поговорили и дружески распрощались на вокзале.

Но было совсем не там. Петя забрал его к себе домой, и Володя жил у него несколько дней, пока улаживал свои дела в военкомате.

Когда он забрал меня, а путь наш шел через Сталинобад в Курган-Тюбе (на грузовике, где были укреплены скамейки), мы жили несколько дней у того же Пети. И он, и его жена отнесли к нам, как к родным, и очень сердились, когда мы с базара приносили какие-нибудь продукты. (А время было тяжелое, хлеб был по карточкам).

Я запомнила любимую поговорку Пети. Если кто-нибудь начинал говорить в повышенном тоне, он, улыбаясь, говорил: «Дети, не кушайте друг друга».

Я помню доброту и Пети, и его жены, и надеюсь, что они хорошо и дружно прожили свою жизнь.

Когда мы приехали в Киев после войны, у нас не было денег, работы, жилья. Володина мама¹⁰ сначала поместила нас в маленькой 10-метровой комнатке, но вскоре ей показалось, что это слишком большая роскошь, и нас переместили в угол большой 30-метровой, проходной комнаты. Печь топилась из маленькой комнаты, которую свекровь, уехав в Ригу, тщательно заперла. Там мы и мерзли с грудным ребенком, пока не вернулся Володя из санатория в Кроливце (туберкулезного) и не взломал дверь.

Когда я пошла в жилком, чтобы получить хлебные карточки, оказалось, что за квартиру свекровь не заплатила, и поэтому хлебные карточки нам не выдадут.

Заплатить нужно было 100 рублей (буханка хлеба на базаре стоила 180 – 210), но для нас это были огромные деньги, и взять их было негде.

Узнав об этом, соседка доктор Черная Фаина Израилевна¹¹ легко и просто дала мне 100 рублей. Для нее это была очень незначительная сумма, но меня она совсем не знала, не знала, отдам ли я ей эти деньги. И вообще, кто я и что я.

У нее же я частенько одалживала то два кусочка сахара, то полстакана манной крупы, то яйцо. Она никогда не хотела брать одолженное, когда я могла отдать его. Но я всегда настаивала и заставляла ее взять.

Она же сделала мне запрещенную тогда операцию бесплатно (а за нее платили тогда 1000 рублей). К сожалению, я ничем, кроме хорошего отношения, не сумела отблагодарить ее за все. Она уже давно умерла, но я помню ее и благодарна ей.

Была уже поздняя весна, а я все еще носила ребенка в ватном одеяле. Никакой одежды на него у нас не было.

Оповідання матері Леоніда Кисельова
 Зои Юхимівни Генкіної (1920 – 2004)
 Рассказы матери Леонид Киселева –
 Зои Ефимовны Генкиной (1920 – 2004)

Наша давняя довоенная знакомая Сусанна Бенедиктовна принесла мне осеннее пальто из американских подарков. (Так назывались вещи, которые Америка присылала в наиболее пострадавшие от войны республики. Вещи были не новые, но очень хорошие, чистые и целые.) Мать Володиного приятеля (к сожалению, не помню, как ее звали) ухитрилась из этого пальто сшить не только хорошее детское пальтишко, но еще и жакет для меня, что при моем более чем скудном гардеробе было очень кстати.

Старушка, пошившая все это, вначале никак не хотела брать у меня деньги, но, увидев, как я огорчена этим, сказала: «Ну, давай 10 рублей». Она поняла, что обидит меня, не взяв совсем денег. А на 10 рублей можно было купить стакан махорки или стакан семечек.

Я не помню, как ее звали, но помню ее доброту.

1986 год. Чернобыльская катастрофа. Нам звонили друзья из Донецка, из Волгограда, из Таллинна, и все предлагали приехать к ним. Маша тогда была во втором классе, а Ленечке был год с небольшим.

Дети уехали с Леной и жили в Подмоскovie некоторое время, а потом приятельница Сережи¹² договорилась со своими приятелями, которые уезжали на месяцы из Москвы, и они поселили наших в своей однокомнатной квартире.

Совершенно незнакомые люди пустили в свою уютную однокомнатную квартиру с мебелью и посудой семью из Киева с маленькими ребятами – они категорически отказались от всякой платы за квартиру, кроме той, которую надо было вносить в жилком.

А сколько случаев было в 1986 году, когда родные отказывались принять своих родных с Украины, опасаясь, что те «принесут с собой радиацию».

Я снова, к сожалению, не помню фамилий этих добрых и отзывчивых людей, в квартире которых наши прожили пять месяцев. Помню только адрес: Большая Пироговская, 31.

Но я хорошо помню доброту этих людей и благодарна им за их исключительно хорошее отношение. Надеюсь, что они живут хорошо и счастливо.

Наверное, я не вспомнила всех тех людей, которые были добры ко мне и к моей семье. Память подводит. Но я желаю всем им добра и счастья.

ИЗ РАССКАЗОВ МОЕЙ БАБУШКИ

Я ехала в Новгород-Северский к своей давней подруге Оксане¹³. На переднем сиденье женщина усадила мальчика лет 10-ти и попросила водителя высадить его после Чернигова на остановке по требованию. Потом она попросила сидевшую рядом женщину присмотреть за мальчиком, объяснив, что сама она с сыном поехать не может, а там его встретит дедушка.

Автобус тронулся. Через некоторое время все пассажиры проголодались и начали жевать, что у кого было. Мальчик тоже достал что-то из своей сумочки и начал есть.

Со всех сторон к нему потянулись руки, кто протягивал пирожок, кто коржик, кто яблоко. Малыш вежливо благодарил и не отказывался.

У меня были конфеты «Гулливер». Я протянула ему две большие конфеты. Он поблагодарил, но не стал их есть, а спрятал в сумку.

– Я их привезу в село, покажу. Там таких нет, – объяснил он мне.

После Чернигова стало темнеть. Когда мы подъехали к остановке по требованию, было уже совсем темно. По обе стороны шоссе темнел лес. Возле остановки по требованию водитель остановился. При свете фар мы увидели деревянную будку со скамейками внутри. Но там никого не было.

Водитель дал долгий протяжный гудок. Мальчик уже стоял у дверей, готовый выйти из автобуса.

Водитель снова просигналил. Потом вышел из машины и стал обходить ее, проверяя шины. Мальчик стоял у дверей, ничем не выказывая своей тревоги. Видно было только, что его рука судорожно сжимала сумку с вещами.

«Что же теперь будет?» «Где же этот дед?» «Что делать с мальчиком? Не выпускать же его одного в такую темень?» «Может испугаться, заблудиться». Да, может, тут и волки водятся».

Стали говорить, что если что, если дед не появится, то надо довезти мальчика до Новгорода-Северского, там его кто-нибудь приютит на ночь (желающих было много), а оттуда отправить в Киев. Все громко говорили и пытались найти наилучший выход.

Водитель снова просигналил. И тут издали раздался голос:

– Иду, иду, подождите.

– Вот и мой дед, – обрадованно сказал мальчик и уже хотел спрыгнуть со ступеньки.

– Подожди, – буркнул водитель, – посмотрим сперва, твой ли дед.

К автобусу быстрыми шагами шел человек. Мальчик спрыгнул и бросился ему на шею.

Оповідання матері Леоніда Кисельова
Зои Юхимівни Генкіної (1920 – 2004)
Рассказы матери Леонида Киселева –
Зои Ефимовны Генкиной (1920 – 2004)

– Простите меня, люди добрые, что заставил вас ждать. Часы подвели, отстали. А я уж бегу изо всех сил.

Он низко поклонился всем:

– Спасибо, что не бросили мальчонку одного в лесу.

Люди обиженно загудели: «Что мы не люди», «что у нас детей нет своих», «как бы мы бросили ребенка одного в лесу?»

– А вам, товарищ водитель, особое спасибо. Знаю, что ездите по графику. Простите уж меня, что такая промашка вышла.

Он еще раз низко поклонился всем, взял мальчика за руку, и они исчезли в темноте.

– Поехали, – сказал водитель.

Все влезли в автобус, уселись на свои места. Еще некоторое время пассажиры обсуждали происшествие и радовались, что все кончилось благополучно.

Понемногу разговоры затихли. Убаюканные мерным покачиванием автобуса, пассажиры задремали.

Через полчаса издали показались огни. Мы подъезжали к Новгород-Северскому.

[1970 – 1996]

З ОПОВІДАнь МОЄЇ БАБУСИ

Одного дня я зайшла до моєї приятельки¹⁴ і там познайомилася з її матір'ю, яка щойно приїхала до неї у гості. Мені одразу сподобалася ця вже немолода, висока і ставна жінка, з приємним обличчям і якимось співучим голосом.

Мене запросили до столу, сіли пити чай. Не пам'ятаю вже чому, мова зайшла про Петлюру.

– А моя дочка не розповідала вам, як вона познайомилася з петлюрівцями? – спитала в мене з усміхом мати моєї приятельки.

– Та ні, не розповідала, – одказала я, роздумуючи, як могла її дочка, моя ровесниця, познайомитися з петлюрівцями.

– То коли хочете, то я розповім вам. Бо вона сама не пам'ятає цього, – засміялася мати.

Я охоче погодилася і вислухала таку історію.

Ця єврейська родина жила у великому селі під Миколаєвом. Село було напівукраїнське, напівєврейське. Але жили всі мирно, не ображаючи і не ганьблячи одне одного. Кожен жив по-своєму. На український Великдень єврейських дітлахів сусіди пригощали паскою та крашанками, а на єврейський українські діти з охотою їли в сусідів мацу та фаршировану рибу.

Батько родини був добрий швець, міг би і нові чоботи зшити, та часи були важкі, нового не шили, а якомсь латали старе взуття.

– Здорові були, – заходив у хату найближчий сусіда Петро. – Оце приніс тобі, Ароне, чоботи. Може, хоч якомсь полагодиш, а то хлопець босоніж до школи бігає, ще й застудиться. Воно б їх годилося викинути, та сам знаєш, які тепер часи.

– Та знаю, знаю, – одказував батько. – Давайте, Петре, їх сюди, якомсь полагоджу. Не годиться, щоб хлопець такої пори босоніж бігав.

– Спасибі тобі, Ароне. А я вже якомсь віддячу, ти не сумнівайся.

Сусіда йшов, а батько витягав з великої торби шматочки шкіри і довго мудрував, щоб десь поставити латку, а десь забити гвіздками.

Він завжди говорив сусідам «ви», хоч ті навіть ображалися за це. «Та я вже звик», – виправдовувався батько.

Грошей ні в кого не було. За роботу йому приносили хто миску борошна, хто півхлібини, хто горщик сметани, хто картоплю. Хоч був і свій невеличкий город, та сім'я була велика.

Крім батька з матір'ю, було троє дітей та ще дві сестри матері, дівчата-підлітки. Четвертою дитиною якраз і була моя приятелька, яка щойно народилася.

Одного зимового дня за селом почулася стрілянина. Батько кілька разів виходив із хати, вдивлявся в далечинь і, важко зітхаючи, знову сідав на свій низенький стілець і лагодив якийсь старий чобіг.

Вечері зайшов найближчий сусіда Петро.

– Слухай, Ароне, – сказав він, привітавшись, – подекують люди, що в село можуть вступити наші, ну, петлюрівці, – пояснив він докладніше. – То, може б, твої дівчата пішли до нас та пересиділи якийсь час у коморі із моїми. Я там все прилаштував, а до дверей шафу присуну, ніхто й не здогадається, що там. Правда, кажуть люди, що в них в армії порядок. Але все ж хлопці молоді... Все може трапитись.

Дівчатами він називав двох материних сестер, молодих дівчат, що подругували з його дочками.

Оповідання матері Леоніда Кисельова
Зои Юхимівни Генкіної (1920 – 2004)
Рассказы матери Леониды Киселева –
Зои Ефимовны Генкиной (1920 – 2004)

– Ой спасибі ж вам, Петре, – відгукнувся батько. – Велике спасибі. Збирайтесь, – кинув він до дівчат.

Ті поспіхом накинули якусь одежину і швиденько вибігли з хати.

– Спасибі вам, Петре, – ще раз подякував батько.

– Та що там. Хіба ми не сусіди. Маємо одне одному помагати, – відповів Петро.

Батько ще довго сидів на лаві, пильно прислухався, але все було тихо. Врешті ліг на лаву і задрімав.

Ще не зовсім розвиднілося, коли почувась стрілянина. Батько підійшов до маленького віконця. Селом мчали червоні кіннотники. Останніми неслися дві тачанки, на яких, припавши до кулеметів, відстрілювались червоноармійці. За якусь мить на білих конях вискочили озброєні люди, що стріляли по відступаючих. Це були петлюрівці.

Вже зовсім розвиднілось, коли двері в хату розчинились від удару ноги. В хату ввійшли троє. Двері за собою вони не причинили, і морозне повітря клубами ввірвалось в хату. Першим зайшов вже немолодий чоловік із сивими вусами. За ним двоє молодих хлопців.

Старий зняв шапку, пошукав очима ікону, аби перехреститися, та не знайшов її.

– Ви євреї? – спитав він.

– Євреї, пане, – відповів батько.

– Який я тобі пан, – одказав старий. – Всі ми однакові. Ми нікого не чіпаємо, лише тих, хто проти нас воює. Зброя у тебе є?

– Яка в мене зброя, – тремтячими губами відповів батько. – Оце вся моя зброя, – показав він шило та молоток.

Старий поводив очима по хаті. Під ліжком і під лавою було порожньо. Коло вікна стояла маленька скринька.

– Одкрий скриню, – наказав старий.

Батько підняв віко скрині і витяг звідти якусь одежу, дитячі сорочки та різний мотлох.

– Ну, тут кулемета не сховаєш, – засміявся один із хлопців.

– А це хто лежить на ліжку? – спитав старий.

– Жінка моя.

– Чом же вона не вігає?

– Хворіє. Дитинка в неї мала, ще тільки сьогодні десять днів.

Старий підійшов до ліжка.

– Козак? – спитав він.

– Дівчинка, – відповіла мати.

– От і добре. Комуś із моїх хлопців наречена буде. Лежи, мати, спокійно,

нічого не бійся. Ніхто вас і панянку не зачепить. Та пий побільше чаю з цукром. Воно для дитини корисне. Я знаю, в мене самого четверо.

– Та де в нас той цукор. Його й діти не бачили.

– А от принесуть тобі, то й питимеш. А як тебе звати? – спитав він у батька.

– Арон.

– Слухай, Ароне, чи можеш ти полагодити кінську зброю?

– Не доводилось. Але коли б показали, що до чого, то, може, і зумів би.

– То бери своє начиння та ходи із нами. Допоможеш нам трохи.

Маги тихенько заплакала, а за нею голосно заревли діти.

– Чого ви, – гримнув на них старий. – Прийде ваш батько, ніде не дінеться.

Батько зібрав своє начиння у торбу, одягся і вийшов разом із хлопцями.

Діти знову полізли на піч – там було тепліше. Маги тихенько стогнала, дитина час від часу плакала. В хаті стало темніти. Короткий зимовий день кінчався, за вікном темніло. Раптом двері знову відкрилися, але на цей раз вже обережненько, тихенько. Зайшов один із тих хлопців, що був вранці. Він поклав на стіл велику хлібину і головку цукру в синьому папері.

– Оце вам прислано, – сказав він. – Хліб і цукор. Бувайте.

Діти, почувши слово «хліб», позлазили з печі і стали коло столу. Такої великої запашної хлібини вони вже давно не бачили і зараз жадібно дивились на хліб.

Маги потихеньку злізла з ліжка, поклала хлібину на чистий рушник і розрізала її навпіл. Потім половину знову розрізала навпіл і вже з тої четвертинки одрізала дітям по великому шматку хліба. Кинула якусь крихту і собі до рота та знову лягла.

Аж надвечір повернувся батько. В хаті було вже зовсім темно і холодно. Він запалив каганець, розтопив піч.

– А звідки це хліб та цукор? – здивовано запитав він.

– Та це один з тих хлопців, що тут були, приніс.

– То чого ж ти дітям і цукру не дала?

– Чи я в силі його розрубати? А ти, мабуть, голодний?

– Та ні. Мене, спасибі їм, добре нагодували пшоняною кашею та ще й хліба чималий шматок дали. То я його додому приніс.

Батько посміхнувся. Він згадав, як його спитали, чи їстиме він сало.

– Не їм, вибачайте. Віра наша не дозволяє. Що поробиш...

– І діти не їдять?

– Дітям даю потрошку, коли воно є. Щоб вони зовсім не захляли. Хай вже цей гріх на мене ляже.

Оповідання матері Леоніда Кисельова
Зои Юхимівни Генкіної (1920 – 2004)
Рассказы матери Леонида Киселева
Зои Ефимовны Генкиной (1920 – 2004)

– То на тобі й сала шматочок.

Батько витяг із торби шматок хліба і шматок сала, сховав їх у миснику.

– Зараз тобі чаю зігрію, питимеш із цукром.

Він розгорнув головку цукру, відбив кілька шматочків і покликав дітей. Старший хлопчик ще пам'ятав смак цукру і охоче вихопив шматочок, а менші дівчата дивились на нього байдуже.

Батько поклав їм до рота по шматочку, і вони з насолодою засмоктали його. Потім він налив кухлик гарячої води, настояної на шипшині, поклав великий шматок цукру в подав матері. Вона почала потихеньку пити.

– Ой, як добре. Аж наче сили прибувають.

– Спасибі їм, – сказав батько. – Нічим нас не скривдили, ще й харчів понадавали.

– Певно, добрі люди, що до нас зайшли, – зітхнувши, сказала мати.

Всі полягали спати. Батько знов всю ніч старанно прислухався до того, що було на вулиці.

Ще не зовсім розвиднілося, як знову почулася стрілянина. Селом мчали на конях петлюрівці, за вершниками їхали тачанки, на яких відстрілювались із кулеметів хлопці в синіх жупанах і смушевих шапках. Їх намагалась наздогнати червона кіннота.

На ранок у село ввійшли червоні.

Я щиро подякувала симпатичній жінці за її цікаве оповідання і вирішила, що колись обов'язково напишу про це.

[1970 – 1996]

З ОПОВІДАнь МОЄЇ БАБУСИ

Моя бабуся дуже любить українські пісні¹⁵, знає їх багато і сама колись добре співала. Зараз, на пенсії, уже не співає, але слухає з охотою.

Кілька разів я помічала, що коли після передачі «На добраніч, діти» співають «Тихесенький вечір на землю спадає, і сонце сідає в темнесенький гай», вона якось кривить обличчя і одразу робить звук в телевізорі зовсім тихим або зовсім вимикає його.

Якось я спитала її, навіщо вона це робить, і вона розповіла мені, із чим зв'язана для неї ця пісня.

– ...Це було у Харкові. Я мешкала у своєї колишньої подруги, з якою разом вчилась у школі, а працювали в госпіталі. Будинок, де я мешкала, був на вулиці Чайковського, 23, а госпіталь мій був в районі вокзалу, в протилежному кінці міста. До війни це був готель «Південь», тепер це був великий госпіталь.

Харків бомбили щоночі. В глибокому підвалі були так-сяк обладнані палати, і під час налетів поранені, хто міг ходити сам, спускалися в ці палати, тих же, хто ходити не міг, зносили разом з ліжками – ліфт був невеликий, туди можна було встановити навкоси лише одні ноші.

...Ми ж, молоді дівчата, по четверо зносили у підвал не ходячих поранених разом із їх ліжками.

Але тяжко було не це. Тяжко було дивитися на молодих покалічених хлопців, слабких та безпомічних. Вони дуже нервувались під час нальотів німецьких літаків, а ми, ще дурні та необізнані, не розуміли їх хвилювання і намагались їх заспокоїти.

Додому я приходила дуже стомлена. І падала на ліжко без сил.

Будинок, в якому я жила, був двоповерховий особняк, широкі камінні сходи вели на перший поверх. Олена, її мати і маленька сестричка жили в одній кімнаті, а я – в другій. В моїй кімнаті був скляний виступ, так званий «фонарь». Світла я не запалювала, бо в Харкові було затемнення. У моїх же сусідів були віконниці і темні штори, отже, вони могли запалювати світло. Вони завжди кликали мене до себе, аби я не сиділа одна в темряві.

В той день я повернулася з госпіталю пізно після майже добового чергування. Напередодні вже надвечір привезли 6 хлопців з-під Полтави. У всіх нещасних було ампутовано по одній руці. В Полтаві вже було небезпечно. Поранених нашвидку оперували і відправляли до Харкова. А наш госпіталь вже почали потроху евакуювати.

Ми нагодували цих хлопців, дали їм ліки і залишилися з ними на ніч. Хтось із них заснув, а другі розмовляли з нами. Ми намагались їх всіляко потішити, казали, що все буде добре, а вони слухали нас, як слухають дорослі люди базікання нерозумних дітей.

В своїй кімнаті я лягла на ліжко, що стояло в тому самому скляному виступі.

Постукавши, до кімнати зайшла мати Олени.

– Чого ти тут лягла в темряві? Ходімо до нас. Прийшла сусідка із другого поверху. Так гарно співає.

Мені зовсім не хотілося йти, але вона майже силоміць потягнула мене до себе.

Оповідання матері Леоніда Кисельова –
Зои Юхимівни Генкіної (1920 – 2004)
Рассказы матери Леонида Киселева –
Зои Ефимовны Генкиной (1920 – 2004)

Зенітки вже стріляли, як завжди в цей час, по німецьких літаках, а в кімнаті було тепло і затишно.

За піаніно сиділа сусідка і перегортала ноти. Вона щойно скінчила співати якусь пісню і заспівала другу.

– Тихесенький вечір на землю спадає, і сонце сідає в темнесенький гай...

Бах!.. Страшний вибух пролунав десь зовсім близько. Світло погасло, а віконниці почали поводити падати в кімнату.

Я багато разів пригадувала цю мить, і завжди бачила, що віконниці падали не стрімко, а поволі. Не знаю, чому.

Сестричка Олени заплакала, мати схопила її за руку, і ми всі вибігли із кімнати на вулицю. Бомба влучила в сусідній будинок. Він нагадував літеру П, і бомба влучила в саму середину. Вмить дим підійнявся у височінь.

Ми підбігли ближче.

– Куди ви? – зупинив нас літній чоловік.

– Допомогти...

– Що ви можете... Он там вже біжать хлопці з гуртожитку. А ви відійдіть краще, та ще й з дитиною.

Ми трохи відійшли, поглянули на протилежний бік вулиці. Там у чотириповерховому будинку була колись школа, потім госпіталь, але його вже евакуювали. В цей будинок теж попала бомба, частина його була відрізана, ніби ножем, внизу були уламки, а на третьому і четвертому поверхах було видно ліжка із [здибленими] на них матрацами, стільці і тумбочки.

Дві пожежні машини стояли впритул до палаючого будинку, почали заливати вогонь. Стояли вже і карети швидкої допомоги. З дому на ношах вносили людей. Живих? Мертвих? Поранених?

Сестричка Олени голосно плакала, але мати її наче не помічала цього і лише міцніше тримала її за руку.

Літній чоловік стояв на тому ж самому місці.

– Ідіть додому, – сказав він. – Нічого ви вже тут не вдієте.

Ми повернулися додому. Вхідні двері були відчинені, бо, вибігаючи, ми забули їх зачинити. В вузькому коридорі, що вів до кухні, сиділа на дерев'яному ослоні молода жінка з немовлям на руках. Ця сусідка з другого поверху завжди приходила до нас, коли починали бомбити. Їй здавалося, що тут, в коридорі, де не було вікон, було безпечніше для її дитини. Дівчинці було лише десять днів.

Цього разу біля неї стояв молодий хлопець, її чоловік. Він казав із страхом в голосі:

– Завтра мені йти до військкомату. Як я вас залишу? Що з вами буде?
Жінка на дивовиж спокійно якимось неприродним голосом відповідала йому:

– Ну що ж, як усі, так і ми. Що з усіма буде, те і з нами.

Вона не плакала, тільки міцніше тулила до себе дитину.

Бомбити перестали. За якийсь час замовкли і зенітки. Сусіди пішли до себе на другий поверх, а я зайшла до своєї кімнати.

Всі меблі, вся підлога були встелені дрібненькими уламками скла. Так само і ліжко. На ньому лежало маленьке зелене надувне гумове жабеня. Воно було зі мною серед тих небагатьох речей, що я взяла з дому. Його подарував мені дуже дорогий мені чоловік. Воно було теж посічене склом.

Отак, певно, було б і зі мною, якби мати Олени ледве не силоміць не витягла мене до своєї кімнати.

Я сіла на стільця в найвіддаленішому куточку кімнати і так просиділа до ранку.

Вранці, подякувавши багато разів своїм гостинним господарям, я пішла на роботу.

Через багато років, десь у 1962 чи 1963 році, мені трапилась нагода побувати у Харкові. Мій знайомий їхав туди у справах, а я поїхала з ним, щоб знайти старих друзів. Щоб побувати у місті мого щасливого, нічим не затьмареного дитинства.

В адресному бюро мені не пощастило розшукати будь-кого. Хто з дівчат вийшов заміж, хтось десь поїхав, когось, може, вже не було на світі.

Я пішла на вулицю Чайковського, де жила під час війни. Мені не вдалося розшукати когось із моїх знайомих. Хто вийшов заміж і змінив прізвище, хто десь поїхав, кого вже, може, і на світі не було.

Я зайшла в будинок, де жила до 1934 року. На першому поверсі висіла дошка із прізвищами похилих. Жодного знайомого я не знайшла. Отже, заходити ні до кого було. Зайшла у двір, де була моя школа. Там і тепер була школа, але вже під іншим номером. Потім пішла на вулицю Чайковського. Двоповерховий будинок стояв на тому ж місці і під тим же номером – 23. На першому поверсі, де я колись жила у війну, через скляні вікна було видно маленькі ліжечка, застелені білими простиррадлами. Я підійшла до вхідних дверей – вони були ті ж самі, високі, з світлого дерева, і прочитала «Ясла номер...»

Оповідання матері Леоніда Кисельова
 Зои Юхимівни Генкіної (1920 – 2004)
 Рассказы матери Леонида Киселева –
 Зои Ефимовны Генкиной (1920 – 2004)

Тепер тут були ясла. Вийшла молода дівчина в білому халаті і спитала, кого я шукаю. Я відповіла, що колишніх пожилців.

– Тут ніхто не живе, – одказала вона. – Тут уже багато років оці ясла.

Я підійшла до сусіднього будинку, в який колись влучила бомба. Він стояв цілісінккий, наче ніколи не було тої страшної ночі. Перед ним росли дерева, стояли дерев'яні лави, на них сиділи матусі та бабусі, що стежили за дітьми.

Я присіла на лаву коло молодої жінки, що тримала на руках дівчинку років трьох.

– Ви з цього будинку? – спитала я.

– Так, – відповіла вона. – А ви до когось прийшли?

– Ні. Під час війни я жила в сусідньому будинку. Ось і прийшла подивитись на нього.

– Мої батьки теж жили під час війни у сусідньому будинку. А в цей, наш, ви, певно, знаєте, влучила бомба.

Я аж здригнулася – невже це була та сама крихітка дівчинка, яку мати міцно притуляла до себе, сидячи у нашому коридорі.

– А ваш батько повернувся із війни? – якось несподівано для себе самої спитала я.

Вона трохи здивувалась, але відповіла:

– Так, повернувся. Він був важко поранений, але повернувся.

Мені було вже час іти. Я попрощалася із молодою жінкою, побажала їй і її донечці всього найкращого і пішла. Я відчувала, що вона дивиться мені услід і, може, трохи дивується. Але я не озирнулася.

[1970 – 1996]

О НАШЕЙ СЕМЬЕ¹⁶

Мой папа служил в том же полку, в котором служил поручик Лермонтов, – 77-й пехотный Тенгинский полк¹⁷. Его звали Генкин Ефим Викторович. У него даже медаль была от Тенгинского полка.

До войны он был ответственным секретарем в газете «Радянська Україна», а потом – [ответственным секретарем] в «Вістях».

А моя бабушка была машинистка, она работала в Харькове в РАТАУ, а в Киеве брала печатать на дом в «Медиздате». Она очень хорошо разбирала почерки. Бывало, приходил какой-нибудь профессор и говорил: «Боже мой, я уже сам не знаю, что я здесь написал, как вы разобрали». Она

разбирала очень хорошо. Ее звали Галина Семеновна, она была родной сестрой нашей тети – Елены Семеновны¹⁸.

Мой дедушка похоронен в Киеве, а бабушка – где-то в Средней Азии. Дедушка умер очень давно, я была еще в школе, мама получила в Харькове телеграмму. Она собралась и поехала в Киев. У нас были очень хорошие соседи, они сказали: «Не беспокойтесь, мы посмотрим за Зоей». Они кормили меня, варили мне и смотрели за мной. Это еще когда столица была в Харькове – до 1934 года.

А моя мама похоронена в Средней Азии, в Курган-Тюбе. Папа похоронен в Намангане. Это – тоже Средняя Азия. Они умерли своей смертью во время войны, там, куда они были эвакуированы. «Вісті» сначала эвакуировали в Харьков, потом в Ворошиловград, а оттуда их уже распустили, сказали, что, мол, езжайте, кто куда хочет.

Тетя Елена Семеновна много лет жила в Польше, и там остался ее старший брат и младшая сестра. Ну, наверное, были расстреляны при немцах, оставались они в самой Варшаве – их фамилия была Зусман. Младшую сестру звали Маня (она осталась в Польше), брат – Григорий, тоже в Польше. У Григория было двое детей – когда моя бабушка приехала из Польши, она всегда рассказывала, какие они хорошие девочки – Реня и Наця – мне в поучение (Реня – Рената, она была на год старше меня, другая – на год младше). Бабушка говорила, что они, мол, послушные, хорошие девочки¹⁹.

Когда бабушка приехала – она приехала в такой соломенной шляпке черной с цветами, а мама и тетя Елена Семеновна пришли и стали плакать, что приехала их мать. А я была маленькая и стала кричать: «Не надо бабушки, потому что они плачут». Мне тогда было приблизительно 8 – 9 лет, я уже ходила в школу.

Где похоронены родители в Средней Азии, я не знаю. Помню лишь то, что мама в Курган-Тюбе похоронена на большом кладбище. Ее фамилия была Генкина, девичья фамилия – Зусман. Сколько было отцу лет, я тоже не помню. Моя мама на три года была моложе тети Елены Семеновны – которая родилась в 1889 году.

Тетя Елена Семеновна не была замужем, у нее был жених Леня Жириновский, он погиб в гражданскую войну – не известно сейчас, был ли он в Красной армии или в Белой. У тети висел его портрет. Потом у нее был зубной врач, который за ней очень ухаживал, но она не захотела за него замуж выходить. Его звали Григорий Аронович.

О Володиной²⁰ бабушке я ничего не знаю. Помню лишь, что они жили в районе, который потом перешел к Польше, она умерла еще до моего рождения.

Оповідання матері Леоніда Кисельова
Зої Юхимівни Генкіної (1920 – 2004)
Рассказы матери Леонида Киселева –
Зои Ефимовны Генкиной (1920 – 2004)

Володин дедушка – отец его матери Марии Яковлевны – действительно был кузнец. Я была в его кузнице, видела, как он там работает, лошадей подковывает. Он был еврей. Кузница была на Подоле – я даже помню двор на Нижнем Валу. Была кузница, мастерская частная – это было до войны. Когда началась война, он погрузил Марию Яковлевну с Владиком²¹ и вторую дочь с двумя детьми и отвез их телегой до Харькова. А там вторая дочь поехала дальше на Север, а Мария Яковлевна – в Уфу. Дедушка спас их от Бабьего Яра. Где он сам умер, неизвестно.

Кстати, никто из наших родственников и наших близких в Бабьем Яру не погиб.

Володина мама Мария Яковлевна вышла замуж за Володиного отчима Иосифа Вольфовича до войны. Он воевал, кажется, в артиллерии.

С Володей я познакомилась в театральной студии в 1935 году примерно. В войну он был в Харькове, работал в газете «Сталинское племя». И там машина попала под бомбежку, Володю контузило, и он получил отсрочку на год от армии. В госпитале встретил своего товарища по театральному институту – такой был Сережа Куситель – он жил некоторое время в нашем доме, потом вернулся в Киев. Говорили, что он погиб.

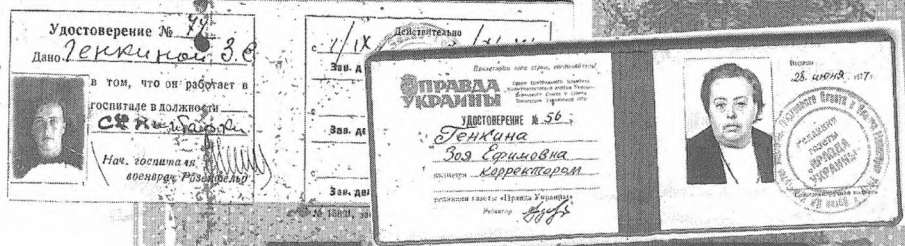
Получив на год отсрочку от армии, Володя поехал с нашей семьей в Среднюю Азию. Он работал учителем в школе. В школе учителя получали по карточкам хлеб, а иногда привозили по 50 граммов лишнего и давали сначала детям, а если оставалось, давали еще учителям по 50 граммов.

Володе предлагали подписать на семь лет контракт – что он семь лет будет работать в школе. Тогда у него была бы броня от армии. Но он сказал: «Если я пропущу эту войну, я себе никогда не прощу». Его призвали в 1942 году в армию. Он был в Грозненском пехотном, потом пехотно-десантном училище. Когда выбрасывали курсантский десант на Грозный, все страшно испугались – думали, что это немцы. А это были наши, просто были учения. Оттуда Володя попал под Сталинград и был ранен.

Мелочи запоминаются. Перед тем, как Володю призвали в армию, мы расписались с ним. Там была такая комнатка, маленькая, как наша передняя. Стоял стол и стояла чугунная печка-буржуйка, но она не топилась. И предлагали сесть на эту печку и там расписывали.

Почему не перешла на фамилию Киселева – как-то связано это было с аттестатом, с университетским, наверное, так уже и осталась.

01

02

Фото з архіву
СІМТ Кисельових.

- 01 - Зоя Юхимівна Генкіна, 1995 р.
02 - Зоя Юхимівна і Володимир
Леонтійович

Фото з архіву
сім'ї Кисельових.

- 01 Зоя Юхимівна
в редакції газети
«Правда України»
- 02 Зоя Юхимівна і Володимир
Леонтіювич. 1942 р.
- 03 Леонід Кисельов з бабусяю
Марією Яківною
- 04 Зоя Юхимівна і Володимир
Леонтіювич. 1945 р.
- 05 Сім'я Кисельових
у Бучанці. 1950 р.

02

03

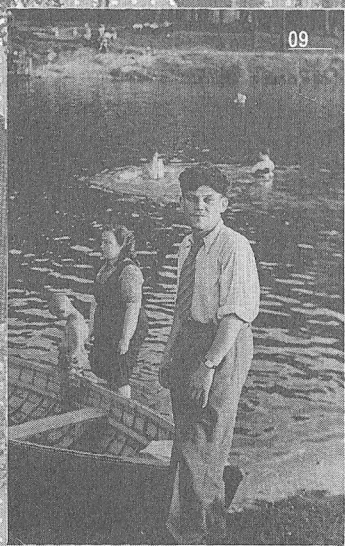

04

05

- 06 Тітка Зої Юхимівни – Олена Семенівна з Леонідом
07 Зоя Юхимівна з Леонідом. 1949 р.
08 Зоя Юхимівна на руках у матері
09 Володимир Леонтіївич з дружиною
і сином Леонідом. 1951 р.

Додаток / Приложение

1942

ПОЕМА РЮРИКА НЕМИРОВСЬКОГО
(1923 - 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»

ПОЕМА РЮРИКА НЕМИРОВСКОГО
(1923 - 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»

1942

Рюрик НЕМИРОВСКИЙ**ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ¹**

(Неправильная поэма)

Предисловие автора

Поэма возникла в 1942 году. Ее автор – девятнадцатилетний ташкентский студент-киевлянин к тому времени уже успел «отвоеваться», но еще не успел выздороветь для второго призыва. Поэма существовала в устном авторском чтении под названием «Апрель и юнь», а в 1944 году после добавления во второй части десятка строк, в которых появился «третий апрель», стала называться «Песней трех апрелей».

Записал ее автор чернилами в тетрадку лет через пять после возникновения, а на магнитную ленту впервые – лет через десять-двенадцать. Последние магнитофонные записи сделаны в 1989 году, а настоящая машинопись – в 1990-ом.

*«Не для них мы гибнем и поем
в светлом одиночестве своем»
(Из стихов умершего поэта)*

I

– Опомнись! – Я опасно
 расходился в играх,
но, плюхнувшись в испуге поперек,
весна
 в последний раз дает мне выбрать
быть или не быть – одно из трех.
Подумать – пустота
 так тяжела!
(Не пустота – развалины и камни это).
Но если я упрямо пожелал
 теряться
 между Фаустом и Гамлетом,
осталось ошалеть вконец, играя,

ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»
ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»

и гордо,
отстранив лазейки-kozyри,
покончить жизнь – дойти до края и утопиться
в лебедином озере.
Эйнштейн,
помяв время в пальцах,
решил, что оно ничего не стоит,
простое,
дешевое время-хаки.
Кто-то рискует слезами плакать,
Кто-то скупится
на зеницы,
боится
темноты, как дети.
Где это?
Кто это
прячет в очки
зрачки,
свои точки зрения?
Время помяло Эйнштейна ногами.
На камень,
на памятник выменять гений бы!
Где-нибудь
роже гранитной гордиться бы!
...Памятник плачет зеницами.
Снится мне?
Оттого,
что кто-то заснул??
Бессонница ведь!...у портретов. По стенам
шарахались тени
рассвет! Я весну
спутал с какой-то мазуркой Шопена.
Апрель обнаглевший ломился в окна
доказывать разницу,
в раме решетчатой
пугаясь ветками-розгами: «Вот она –
птички, фиалки, мечты и... еще что-то», –
путался в доводах клен
разозленный.

Сердце запуталось в собственных венах.
Хохот! –

апрель нарядился в зеленое –
он, видите ль,
тоже военный!

И я, обхохотанный, путал не то,
от самолюбьица немощь тая:

«Слушайте, я –
это тот, кто... никто!

Я – это тот, кто я!!»

.....
Шум и не больше,
зеленый шум.

Зря обвесененный прячется в дерево мир,
выслежу,

выволоку, распишу
розовыми поцелуями, голубыми нервами.
Весну черт взевал –

не допахнет до нас она.

Остатки (до запаха все) акварель съест.

Останется мне напомажено-красный
окурок

на трамвайных рельсах.

Воспоминания... Делить бы было с кем
(не мне топтать их, как вдовцу, шатаньем).

Июнь – любовь моя

висит на волоске,

сентябрь – и ее

повесят на каштане.

Но март весну опять

подсунет. Неужели нет?!

Весна в календаре.

Ее мне в жилы надо!

Ведь в голове надежды-головокружения
и...

.....
.....
Головокружение от снегопада.
Бог или кто-нибудь с неба, держи нас!

ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСЬКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»
ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»

Не разобраться мне в этой возне –
ведь голова у меня закружилась,
а

падает снег.

Дождь.

И родина

за дождем – по ту сторону.
Географию бы распороть и – на,
каждому чтобы по точке, по городу.

Нате

понятия,

родины – в книгах.

Карты целы, а миры распороты.
«Город Полтава», «город Чернигов»,
«город Смоленск»

и другие «города».

Красный лоскут (еще песня не спета),
трогайся с карты! И рваная рана
ринулась

красно-кровавой победой
в сине-сиренево-пестрые страны!
Грозный парад! (Кто там врет, что в горячке мир?!)
Рыцари! (Только и пялить глаза бы)...

Люди... одинаковыми пачками
идут на

запад.

Надежда возьмет разве это?
Добудьте ей вместо шумихи парадной
мир! – вереницей на фоне рассвета

силуэты

хромают обратно,
мимо проходят, как страшные сны
(это калеки толпятся под знамя),
детища славы! Отчизны сыны!!
с татуировками и с орденами.

Сталь в жидкие мозги макнув
и росчерками бавясь,

поэт

звериную войну
разделяет под пафос.
Как просто искренность кончается!
Хоть сам возьми и взвизгни бестией:
«За мной!» (любители отчаиваться).
«Вперед!» – рывок и... все на месте.
Так стоит вырваться однажды –
и уж обратно не ступить
в битком набитый мир, где каждый –
вполне законченный... тупик.
Предательски крадясь назад,
вернусь,
я обернусь лисой весь.
Как плохо смотрится в глаза,
как слабо верится на совесть!
И видя, как я мелко трушу,
как жалко гибну, силясь выстоять,
кто-то сует чистоплотную душу,
чтобы всучить
за чистую.

.....
.....

Киев

прикидывает
возомниться б кем –
в нем ведь нетронуто-гордо, красиво все!
Разве что конь под Богданом Хмельницким
взбесился
(он, кажется, бешеным не был?),
взбесился, наткнувшись ноздрями на дым.
Уснул-утонул,
окунулся я в Днепр,
проснулся – и вышел сухим из воды.
Пусть червяки извилин в голове гниют.
Из фьордов
потекла в стихи вода.

ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСЬКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»
ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСЬКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»

И мне понравилось любить...Норвегию
за то, что... я там не был никогда?

.....

.....

А соль в стихах – от слез,
от сумерек, от скук
и от апрелишка, который сладко лип
к столбцам,
весной разделанным в тоску,
такую,
что...

Девицы плакали...

Там где-то становились в тыщу раз моложе,
и кто-то вдрызг пьянел от запахов лесных,
а я шатался, я тянул калоши
из липкой, вязкой и густой весны.
Завидуете. Кто? Кому всучить бы это?
Где тот пророк, что с неба
грохнулся в грамматику?
Ведь он, какой-то кто-то,
хочет быть поэтом
и делать из дождей романтику!
(Писаки-воспеватели станков и служб).
Слушайте,

коллега, сопоэт, собрат,
знаете ли вы, как тяжело из луж
лунные осколки собирать?!

Не из голов,
подтеками с причесок потекла
соленая романтика. А в пузыри одень ее,
подсахари-приправь, поплюй-пригладь –
и будут не стихи,
а объедения!

Меня Восток
и так сладями обступил.
Пятясь от смертей, от воен и от ран,
я доотступался в яблочный тупик!²
Здесь в январе – весна!!
(И в декабре – хандра).

Духу!

Вместо духа –

воздух. Зной Востока
 распирает ребра – никуда не денешь.
 А от междометий пользы ровно столько,
 как от «до свиданья», сказанного тени.
 Дух вдохните в юность!

В юности не дух, а вонь,
 тухлые душонки черви сплошь излазили.
 Дайте в грудь контраalto,
 то, что у Обуховой,
 проходимка-Тоска
 истаскалась в Азии, сбилась в перепутьях,
 переулках
 узких

песня,
 как назло,
 ей на пути легла мешать.
 Там чужак какой-то
 в поднебесье музыки
 хочет докарабкаться
 по скользким клавишам.
 Чья-то душа забарахталась в звуках,
 затанцевала на клавишной ряби.
 В столах и в бешенствах,
 в страшных потугах
 к небу скребется
 Скрябин.
 Музыка там – у богов,
 высоко,
 в тысячах звезд,
 а не в стаях нот.
 Здесь, на Востоке, –
 жидкий восход
 и очень густая ночь.
 Здесь
 в темноте только страхи вынашивать –
 бархатно-плотная полночь темна так,
 что
 хоть влюбляйся вот в эту фонаршу,
 если тебе это надо.

ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСЬКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»
ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»

Не надо.

Хоть не стар, я ветх, как мир,
рябею от трехзвездочных заглавий.
(А осень, перечеркнутая ветками,
как чья-то смерть, зачеркнутая славой).
От сырости осенней том стихов набряк.
Под жирный шрифт названий
 чтоб не жалось слово,
кленовый лист,
 сорвавшись с ноября,
накрыл собой трехзвездный заголовок.
Теперь пускай шаблоны: «Все мы люди,
 все мы любим»,
я не все или не всё,
 то знать уж мне – не им:
из-под меня
 сапог солдатский выфутболил Землю,
и я повис на честном слове,
 на девичьем мнении.
Ха-ха, я неземной!
Поэту дали в зубы – и он молчал, как вор
(не молодые песни петь ему беззубо).
Он только застрадал:
 «Мне грустно оттого,
что я себя люблю,
 а ты меня не любишь».
И больше ни полвздоха –
не хватило сил,
тупостью своею кто-то нерв колол,
так, что я не выдержал: «Я красив, красив,
если
 не лицемерит зеркало».
Май
 озмеел от зеленой крови
и расшипелся по всей весне.
(Чехов хмурит лохматые брови,
Лев Толстой расходился в пенсне
зайчиком стекол трагедии баловать:
чтоб самолюбьем развлечься – уж стар он).

От солнечного удара
дерево тенью упало.

Жужжала муха в спальне.

Лето?

Прошлым и позапрошлым

полезли

в голову

змейки-дороги-пути,

воспоминания –

тоже болезнь,

это – степной тиф.

Жар его

не потушила гроза бы,

не потушили б и десять, и сто.

Вдох – воспоминанье-запах,

выдох – вздох-стон.

Какие руки

(роки!)

сводят нас с судьбой везде?

Строки

ведь не люди, обойдутся без нее!

Была

война.

В неосвященном поезде

какой-то вор

пел жалобную песню.

Вот воспоминания. А выводы и доводы

потеют и доказывают, убеждают-душат:

«Женщина!

даст оплеуху Оводу,

выгнав из книжки

шататься по душам».

Заворот... мыслей –

и стихоблевота,

рифмованная икота.

Вместо стихов – кусок одиночества,

искритикованный дочиста.

Не критикуйте! Это – не вам,

это – себе на память

ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСЬКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»
ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСЬКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»

о крае,
 где я целовал
 слова
 резиновыми губами.
 Рези в... душе или...
 Нет, что за боль еще!
 С разных сторон обойдя судьбу
 буду
 жить,
 если жизнь больше
 четырех с половиной букв!
 Широкой
 дорогой,
 минуя ухабы,
 мчась мимо грез, мимо дамских измен,
 поэт убегал от луны, ха-ха!
 и спотыкался о смех.
 Спотыкаться (!?)
 в погоне за биографией бурной?
 Я трезв,
 я не обнюхался акации,
 и мне не дурно.
 Весна пристает (только что до нее мне,
 льстиво-угодливо сеющей блага):
 «Что, мол, еще тебе дать, неумный?»
 Плакать (!)
 Чтоб снова раскиснуть от слез,
 снова чтоб размякнуть
 от лиризма слизкого.
 Апрель-пришелец запахи принес,
 апрель подул,
 романы перелистывая.
 Я лбом уперся в гений –
 то был камень.
 И я расшибся,
 не успев изведать.
 То Цицерон
 успавился белками
 на белый свет.

Опять мне монументы шлют укоры?!

Свидетели опять

в любом углу есть??!!

Зачем сюда пустили командора???!!!

Здесь

Я!

целуюсь.

II

«Отпиа теа тесум porto».

Спорьте!

Пусть я –

скупейший рыцарь на земле.

Я знаю мощь мою –

с меня довольно

сего сознания.

Пушкин!

Только шинель (пустота в шинели)

призраком бродит по чахлой весне.

Есть ли чудовище

страшнее,

чем завтрашний день?

Где?

Сердце ударило в спинку стула –

и я отлетел, как бумажный солдатик.

Нате!

(возьмите последнее «нате»)

Родину –

бабу в красном платье!

Движенья суета развозит –

хлестать бы мир по морде!

Уймись! –

и в грудь забили гвозди,

и нацепили орден.

Читайте,

не шарахайтесь, не бойтесь,

ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСЬКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»
ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСЬКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»

душевная болезнь не заразна –
не сразу она

проберется в душу
сквозь тушу,
через жир и скепсис.
Поэт-бедняга эру!

упустил, как миг.

Беспутный
и запутанный, богема
в моторный век, обставившись коптилками,
сводил концы

в безвыходных поэмах.

Он сыт по...

(Помогите Хоть Душе Его
состряпать Отговорки-оправдания,
уже Защекотала Бритва Шею –
намек Мол Вот Он Уровень Страдания).
Петля?

Переплетенья тем –
не те.

Тупик!

И быль хлестать
в миллионный раз берусь снова.

Я пессимист, ха-ха!
Я недоволен тем,

что мне...
не грустно.

Это – юность.
Вот вам каждый день ее.

Едва последний довлачу, сопя,
я застрелюсь,
я стану
на минутку тенью,

чтоб хоть полюбоваться на себя!

Осталось
дотянуться только
до нагана,

который
где-то здесь
в узле судеб
лежит.

Какую-то дешевую надежду
моргнула мне сквозь арфу Донна Анна –
и я поплелся-сдался,

согласился жить.

Вот так моргнет –

и, округлив глаза

и руки выбросив,

на пустоту пойдешь,

в окно упруешься

и в окне увидишь,

что Анна – шлюха

и

что арфа – дождь.

Что арфа – меж столбцов

напутанные нервы,

от пошлостей,

чтоб не пустить их

в стих.

Я ведь не столп!

И я не «стану, словно дерево»

тупой дубиной в небеса расти.

Да...

Жидковато повиснув, затрясся

голос поэта,

который не прав –

и

оптимизм задирается

драться,

доводы-камни в карманы набрав:

«Мещане задышут заветами

ветхими

(а может ли быть доказательство лучшее!),

мещане застелят рояли салфетками

и комнаты выстелят

благополучием».

Мещане заставят рояли цветами!

ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»
ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»

Заставят меня

из карманных глубин
добыть карандаш
и,
равняясь на моду,
бесчувственным деревом
вычеркнуть нервы,
стихи успокоить,
подать им воду,
подакивать,
что нету зря
глашатаев «большой дороги».

Героя вам?

Но что за дрянь
втирается
меж строк
в пророки?
Кто-то в бессмертье укрылся от ада,
наизощрявшись
в века насовать рифм.

Мне же от вечности
только и надо
что пять минут
на открытку матери.

Дайте
хоть на копейку святого!

Я верю
в любого
бога...

Кому – большая доля – доля,
а мне хотя бы часть ее,
чтобы хватило только
допыхтеть до берега –
Америка (!!)

тошнит

от джазового счастья,

и март стекает в бочку,
пустую,
как Америка.

Паденье!

Падения листьев пугаться?

Это ведь

от листопада

сентябрь считает листочки акации:

«Любит – не любит».

(Не любит – не надо!)

Бродят герои.

Бродят темы.

(Бродят большие темы!)

И кто-то, озябший,

стучит кулаками

в обложку

и просится в книжку.

Темы?

Рыбой зря не бейся

где-то

в вышине:

четкий шаг,

тупая песня,

серая шинель.

День – это доля тупого солдатства

и порция

барабанных ударов.

Пробуйте,

может, и вправду удастся вам

солнечных благ

нахвататься даром?

Хватать, хватать! –

и мир сплошным стервьем встал,

жить не торопятся –

существовать спешат!

...Грубеет на мозгах кора,

и рвется

тонкая душа.

А будни,

как причудливые тени,

ехидничая и коля,

снуют –

мол, велико ли горе,

ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСЬКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»
ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»

если гений
какой-нибудь тринадцатый
в строю?
На пушечные кости пригожусь.
В солдатском марше
пусть плетутся ноги,
а я,
вспарив-растаяв,
прохожу
большим поэтом
по большой дороге!
И только...
Пыль! пыль!! пыль!!! пыль!!!!
от шагающих сапог.

Киплинг.
Гибли строчки,
корчась от жары,
в Африке
и в Азии...
Хотя б мираж
сухой пустыни зыбь
апрелями-оазисами выстелил!
Одни пески,
как высохший язык,
и только горы
дразнят снегом издали.
Жажда – и горы,
как мощные темы,
как
неподступные темы.
Не из чего оптимизм ковать.
В самом ли деле
все шансы упущены?
Дайте хоть мне
засучить рукава
и
раскроить на эпитафьи
Пушкина!

(Я ведь счастливее,
я ведь родился в...
смирительной сорочке).
Досада – хоть найти б
пронять судьбу кому,
ведь душу где-то там,
под ребрами,
не я ль носил?

Не мне ли тесно в возрасте?
...Тошнит от букв-мух,
и голова болит
от гениальности...

Болезнь – и счастье далеко
(Мессия не пришел).
Болезнь – и стонет геликон
от заворота

кишок.

Болезнь – и смерть недалеко,
не обойдет судьба вас.

Хотите,
будем извлекать
из контрабаса
пафос?

Вот и Чайковский явился,
освищенный
трелью, весной,
соловьиной спесью,

чтобы
на контрабасах выстонать
лебединую песню.

Бродят герои.
Бродят поэмы.
(Бродят большие темы!)
И кто-то в истерике
бьет кулаками
в обложку
и просится в книжку...

.....

ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»
ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»

«Поезд» и «госпиталь» –
 вот что
 прочно
 в мелкую грязь полумозгов
 вгрузло.
 А я
 пустил свои черные строчки
 по узко-больному-зеленому
 руслу.
 Жар
 в полушариях бреды пророчил,
 мысли-извилилки
 вымирали.
 А я
 протянул свои черные строчки
 между
 зеленым и белым мирами.
 Мутная радуга.
 Кончены поиски –
 ангелов
 мне все равно не встретить:
 все – бездельники,
 как в поезде,
 все – бесстыдники,
 как в лазарете.

.....

 Жар.
 Одурев от комарьих истерик,
 кроткая, хоть руками бери ее,
 в голой палате
 на белой постели
 лежала зеленая
 малярия.
 Жар.
 (Зеленая жара).
 В строчках утопить это?

Вздор.

Болезнь приходит жрать
аппетитные эпитеты,
формы, строфы...

Пустяки,

тропы надоели.

Я поставлю под стихи

рельсы-параллели.

И без всяких муз и чувств,

паровозом взвизгнув,

виртуозно прокачусь

парой пессимизмов!

Эх!!!... и грустно же

по узости по этой

толкать

слова,

приделывая души к ним,

всю юность

корчить из себя поэта

и разницу искать

между собой и Пушкиным.

...Теплые взоры – зрачков холода.

Вместо друзей – деликатные гости.

Курс – на бессмертие!

(Петь, голодать,

тощать

и показывать скульпторам кости).

Будни обгрызли меня полустанками,

снова свисток –

и опять разъезд,

но я спокоен,

как червяк

в яблоке,

которого

никто никогда не съест.

Сад госпитальный

от скуки обрюзг,

ежится

от листопадной прохлады,

ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСЬКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»
ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»

по воскресенью,
по сентябрю
бродят болезни в потертых халатах.
Выцветший вечер свалился, как чушь,
с неба на землю
и все вокруг сгреб сразу
наспех,
небрежно
и кое-как.

Выболевший халат
упал без чувств,
обняв рукавами за ребра
железную койку.

Сердце кончает пустую работу
(только не кончится ночь никак (!))
Смерть (!!!!) –
и запрыгала капелька пота по –
позвоночнику...

Кончаюсь –
приготовьте рай скорей мне,
уж тело лишне,
тяжело и слабо.

Оцепенели вещи,
только время
проходит мимо
на кошачьих лапах.

Часы чеканя,
маятник стучит –
то
по замерзшей,
скованной погоде,
по лунно-ледяным путям в ночи
подбитый век
на костылях проходит.

У века
вместо сердца – барабан.
Он побледнел,
скорее нашатырь!

Его обескровленная судьба
упала в обмороке
на штык
и,
еле очнувшись,
вдохнув глубоко,
дух собрала,
чтоб отхаркнуть с кр...иком:
«Ты
положишь скрипку
на погон!»
(А потом положишь голову
на скрипку).
Стрелкой часов торчит на меня
протянутая рука.
Я зажму в нее яда бокал
(или лекарства бокал?).
Пей,
ведь по-твоему год этот нов?
Ага!
Хочешь пить вино
за жизненный путь,
крутой, как паденье
от отчаяния
до смирения.
.....
.....
Месяцы сбились,
толкая друг друга:
«Куда
после мая пойти нам?»
Запусти
в запустелую душу
руку
и
поснимай паутину.
«Еще чего?», –

ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСЬКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»
ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСЬКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»

из-за угла ошетинился май.

Дождь

отпустил мне косую пощечину,

гром изругал меня

в три-креста-мать,

балуясь,

дьявол огни высекал –

и молнии

высь раскололи,

змеясь!

Вру!

То фонарь

посмотрел свысока,

закачал головой,

желтозубо смеясь:

«Ты, мол, надеешься.

А на заре

пушки поднимут солдатскую ругань

и перепуганная

сирень

снова отпахнет на скорую руку».

С визгом и воем,

как вьюга в избу

(в сказочно-курью избушку),

третий апрель

вылетает в трубу!

(в жерло

прожорливой пушки).

Он в небеса норовит улизнуть

(древней старухе-земле не понять его).

Пусть безапрельно-земную весну,

как девку,

облапят солдатские

объятья!

Вот и любовь –

целовались, любили, мол.

Корм голубиный,

вода. Я, ей-богу, не сыт.

Улица пахнет

автомобилями,

руки –
 духами последней любовницы.
 Как отвратительно-пусто
 и больно как!
 ...Звезды и вздохи
 сходили на-нет,
 месяц считал запоздавших любовников
 и... просчитался на мне.
 Я
 возвращался
 с успеха...

.....

Радио.
 Радуют по часам,
 секут
 секундой муки
 и хладнокровно каркают:
 «Кончать игру пора».
 Не правда!
 сейчас я повисну сам
 на жилистой от науги,
 на граненой шее
 уличного рупора!
 ...Я
 и ночь, и столб –
 о-ди-но-чество...
 Год одряхлевший
 уходит, шатаясь, –
 ...столб, и ночь, и я –
 мимо.
 Стихи...
 Тишина читает
 каждую точку
 многоточия
 с чувством –
 не то, что словечки обыгрывать,
 ткать чепуху
 из уродств-ехидств!

ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСЬКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»
ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»

Полночь
настойчиво стала эпиграфом,
часовым
у ворот в стихи.

Это – не цифра над стрелками.
Полноте!

(скатерти, тосты, стаканы).

Это –
победа!

Поскольку полночь,
Последняя полночь
поднята

на два штыка!

Время скончалось
(не тело, не вынести), –

год,
чтоб в расчете от нас уйти,
кое-как
отканителлил повинность
и стрелки сложил
на двенадцати....

Стихи

готовы.

Ждать утра?
(Успех и страх
в груди).

Подушка, простыня, матрац
и...

некого будить.

Часы, коптилка, полночь.

Зря

стремлюсь бежать из этих стен,
по стенке

трется страж к дверям –
моя остриженная тень.

А круглорожий циферблат
злорадствует,

как месть и суд,

и постепенно,

по месяцу
 бой
 убивает январь
 февраль
 март
 май
 июнь
 июль
 август
 сентябрь
 октябрь
 ноябрь
 декабрь.
 Оставить!!
 Хотя бы
 на ямбы
 да
 как бы
 оставить?
 ...Года идут.
 Подстреленный прогресс
 (нелепое хромание вперед)
 поэт перечеркнет!
 поставит крест
 (не крест,
 а nihil
 вдоль и поперек).
 Наверно,
 нервы
 из сплошных узлов у нас
 («завоевания», «вершины!» – высота пустая,
 само ведь небо,
 говорят, условность –
 в нем негде
 знамя красное
 поставить).
 Года,
 сквозь строй свой пропустив,
 избили мир

ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»
ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»

и вывели

до правды обнаженной, –
на тебе!

Года штгыком прочистили извилины
от розово-лазурной
накипи,

не помешала чтоб одурь лесная
вылепить мир обнаженный
с природы.

Я знаю грамматику!
И я знаю,

что

тополя – дуры.

Разубеждая,

надежды калечит

кто-то невидимый из пустоты.

Я беру этот век за костлявые плечи
и смотрю ему прямо в очки:

«Это ты?!»

Тогда я от вер откажусь наотрез,
вот с этой секунды дышать перестав...

...Двадцатый век – это крест
(это – два креста),

это гнилого столетья кусок,
десятилетний остаток скудный,
виснув

на волоске... часов,

выдержавшем

до последней секунды.

Век в абажуры и в шторы был втиснут.

В ворохе доводов зла и добра
тонул

и тянулся

резиновый диспут.

Там кто-то был прав,

и кто-то – неправ.

Рушились

вековые столбы

(вера, надежда, любовь).

Может быть
 и может не быть,
 что был
 или не был
 бог.

А мне до тоски безразличны, ей-богу,
 и боги,
 и черти, и зло, и добро,
 но правда
 пинком загоняет эпоху
 в тупик мой,
 чтоб я
 учинял ей допрос...

.....

 Это, наверно,
 от вздохов влюбленных,
 от клятв-заклинаний,
 от хруста костей в руках
 только что где-то родился ребенок –
 еще одна крошечная истерика.
 Жизнь начата –
 в ней начат путь и след:
 очеловечивается
 комок согретый,
 каких-то два десятка с лишним
 лет –
 и щеголь входит в жизнь,
 как в оперетту!
 Он сам себе любимый и бесценный,
 он страсти разжигает папироской!
 Пусть душераздирается со сцены
 какой-нибудь негений,
 как Островский.
 Пусть...
 я – разотрицательный герой,
 и взлет мой –
 только до петли, не выше,
 мне жалко вас,
 заеженных игрой:

ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСЬКОГО
(1923 - 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»
ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСЬКОГО
(1923 - 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»

вы проданы! –
уже висят афиши.
Артисты!
Помню...
от чьих-то любвей мне достались
одни только песни,
осипшие, старые.
...Ватный
январь. – Вот и Ленский-страдалец
поплыл,
заливаясь,
в просторной арии.
А Вагнер,
зажав в дирижерской руке страх,
облапил Изольду
ладонями грубыми.
Я помню
концерт для рояля с оркестром
и девушку
в единоборстве с трубами.
Кого-то жалели смычки по привычке,
и гладил кого-то
фаготовый бархат.
Меня пожалейте!
Судьбой-истеричкой
я, кажется,
больше издерган,
чем арфа?!
Я помню, но...
(скрипка мычала до жути
без слов) – «я тебе ничего не скажу».
Бетховен кончил жизнь
со всех сторон –
и где-то радость шла на убыль,
а в самом тупике оркестра
что-то «утверждали»!
трубы.
Чайковский смолк –
финал обломан

(аккорды
 к черту! рок, судьба везде).
 Он,
 чтоб не кончиться шаблоном,
 вспарил
 и растворился
 в паузе.
 Запас надежды весь растаял.
 Летят оравой,
 чернокрылой, бесей
 симфонии!
 (девятая, шестая –
 вся стая
 лебединых песен).
 Завидно –
 кто-то смысл учуял
 тосьше нас.
 Помилуйте,
 но смысл разве это?
 Только что
 что-то кончилось –
 рассвет...

 Меня ль взорвет восторгов пустота,
 обыденностей простота
 святая?
 И мне ль вздыхать о том,
 что где-то там
 какой-нибудь стомиллионный раз
 светает?
 Piano-tremolo –
 видений полусонных цепь,
 за счастьем
 розовая охота...
 В моих стихах
 впервые всходит солнце (!)

ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСЬКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»
ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСЬКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»

(В моих стихах –
 хорошая погода.)
Я улыбнулся –
 ! В пустоте напротив
зажглись
 заулыбавшиеся рожи
мои! Я суплюсь,
 но не побороть их
(как
 капли пустоты,
 они похожи)
орут: «Уйди!
не по пути
 с тобой нам!
Ого-о! –
гогочут в пику, –
 трагик пойман!»
...Пойман и,
 значит,
 теперь защищаться?
и, значит,
 божиться: «Не я виноват»?
и спасовать,
 принимая за счастье
то,
 что хрустит под ногами январь?
А голову,
 налитую свинцом,
поднять?,
 поддав
 чего-то там горячего ей.
Я, черт возьми,
 обижен! – и лицо
 от солнца
 отворачиваю.
Слышали ль вы! –
 И други
 рьяно,
 прямо руками

ухватятся
 за посиневшие губы,
 чтоб силой меня улыбнуть.
Кто-то запустит руку.
Кто-то отпустит камень.
А кто-нибудь
 веско плюнет,
 чтоб смерить мою глубину.
Над январями луна жглась...
Прет сероглазая наглость
в радостях убеждать.
Прут,
 заголовки насупив,
драмки, поэмки, стишки,
 книжки!
 книжки!
оскалили зубы
золотые
 корешки.
Кто-то гремит,
 потрясая томами,
кто-то (не я) –
 буквоядный кентавр
грядет
 обласкать свою старую маму
глыбой
 тяжеловесных метафор.
Он,
 муравьясь
 в каком-то общем благе,
готов что ни угодно сочинить.
Он автором
 синее на бумаге
от холода листаний,
 от чернил.
А я, чтобы не дать стихи калечить,
за них волчицей-матерью
 беситься готов.
Вдохнуть бы в строфы голос человеческий!

ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСЬКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»
ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»

Без скобок
и без синтаксисов.
Рискну,
открыв недобрый счет!
Пусть мир себе идет
по тем путям,
к тем поприщам
на тротуар ведет.
А мне
осточертели все пути –
от нудно-длинных
до лазеек ближних.
Я лучше буду
в небесах плестись!
чтоб
хоть не выворачивать булыжник.

.....

.....

Шатания – дорога не нова.
Сомнения
куда бы ни девал их,
снуют в мозгу.
Но я ли виноват
в том, что меня
подводят идеалы?
Вот
виновато ежатся кумиры,
а за спиною
жмутся в страхе боги
и,
в грудь толкая,
спихивает с мира
железная рука
эпохи.
Я падаю навзничь!!
...Спускается небо
на
глаза
голубым заблуждением...

III

*Кто-то старался поднять
дух барабанами бодрыми.
Будни – сплошные конвульсии,
судороги и вздрогои –
мне перешли дорогу
с пустыми, помойными ведрами.
Кошки всего земного шара!
перебежали дорогу.*

Рояль!

заехал в ухо –

и я шатаюсь. Мир ликуй!

Я растерялся в совестях,

любвях, самоубийствах,

апрели мне напутали безвыходную лирику –

и я докончился,

я спился,

сбился.

Дело дошло до ресниц – и точка:

и это уже не я.

Паника?

На руках

в ремарки снеси и отметь:

«просто было темно,

и просто кто-то во тьме

нащупывал выход из положения».

Какая-то дрянь закатила любовь –

хоть проклинай ее в бога и дьявола!

Незачем:

ссохся кумир или бог

в рожки да ножки

от идеала.

Кто-то опять заикнулся «про это»,

снова в объятья закован стих.

Выход! –

и пальцы уперлись в поэта,

большого,

как Маяковский!

ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»
ПОЭМА РЮРИКА НЕМИРОВСКОГО
(1923 – 1991) «ПЕСНЯ ТРЕХ АПРЕЛЕЙ»

Чем выставять свою душу на прения,
кланяться

пользам-политикам в пояс,
пусть моя лирика

Анной Карениной
ляжет под скорый поезд!

Хватит шуршать бумагами! –
мне бы молчать полезней,
чем двадцатидюлетней
истерикой
истекать.

Высохла в жилах кровь –
и стихоточит болезнь.

Какая-то дрожь в голове –
и какая-то ямбь
в стихах.

Кругом напирает ночь.
Тысячезвездная давность
метеоритами брызжется,
бешеная и злая.

Зачем ты, дура,
на меня уставилась?!

Я ничего,
я ни черта не знаю!

Воспоминания, ха-ха!
Пусть ночи стонут,
кусок луны беременной
надут-обманут мной,

я – не большой поэт,
я маленький ребенок
и я хочу домой!!

(Боже мой...)

Рупор в истерике
столб отощал,
кутал прохожий
озноб в макинтош,

1957
2006

примітки / примечания

**Зошит перший. Поезії російською мовою
Тетрадь первая. Стихи на русском языке
1957 – 1968**

1957

¹К сожалению, небольшая часть записей не сохранилась. **Примечание составителя.**

²**Примечание Леонида Киселева.**

1958

¹**Исправление Леонида Киселева.**

²В некоторых стихотворениях даты к каждой строфе ставил сам Леонид Киселев. Дело в том, что его отец, известный писатель Владимир Киселев требовал, дабы он писал в день одну-две строфы. **Примечание составителя.**

³**Исправление Леонида Киселева.**

⁴**Вариант Леонида Киселева.**

⁵**Примечание Леонида Киселева.**

⁶**Исправление Леонида Киселева.**

⁷**Исправление Леонида Киселева.**

⁸В блокноте эта строфа Леонидом Киселевым взята в круглые скобки. **Примечание составителя.**

⁹В блокноте первая строчка зачеркнута Леонидом Киселевым, а вся строфа взята в скобки. **Примечание составителя.**

¹⁰**Вариант, взятый в скобки Леонидом Киселевым. Примечание составителя.**

¹¹**Вариант, взятый в скобки Леонидом Киселевым. Примечание составителя.**

¹²**Вариант, взятый в скобки Леонидом Киселевым. Примечание составителя.**

¹³В доме Киселевых действительно жила черная кошка с белой манишкой по имени Мимус. **Примечание составителя.**

¹⁴Такая история действительно дома у Киселевых была. Если не ошибаюсь, Лёня принес домой ужика. Мама была категорически против. Потом ужик умудрился как-то вылезть из коробки и исчез. Наша мама сказала, что уйдет из квартиры, но с ужом в ней жить не будет. И тогда кот Мимус мужественно вытянул из-под батареи ужика. Насколько я помню, родители заставили Леню отнести ужика туда, где он его поймал – неподалеку от своей школы № 37, возле Байковой горы.

¹⁵Напротив дома в конце Красноармейской, где жила семья Киселевых, была – слева от троллейбусного парка – небольшая авторемонтная мастерская. А рядом с ней – мастерская по ремонту сломанных игрушек. **Примечание составителя.**

¹⁶Неподалеку от 37-й киевской школы, где учился Леонид Киселев (и на которой на сей счет до сих пор нет мемориальной доски), находится Байковое кладбище, где поэт любил гулять, когда сбегал с уроков.

¹⁷См. примечание 13.

¹⁸См. примечание 13.

1959

¹Именно такую рукописную газету «Враки» и выпустил в то время 13-летний Леонид Киселев. **Примечание составителя.**

²Подчеркнуто Леонидом Киселевым.

³В блокноте Леонида Киселева эта строфа зачеркнута. **Примечание составителя.**

⁴Название зачеркнуто Леонидом Киселевым. См. второй вариант этого стихотворения, написанный 5 июля 1959 г. **Примечание составителя.**

⁵Запись, сделанная Леонидом Киселевым. **Примечание составителя.**

⁶**Примечание Леонида Киселева.**

⁷**Вариант Леонида Киселева.**

⁸«Звездочки» поставлены Леонидом Киселевым. **Примечание составителя.**

⁹Дачный поселок неподалеку от Киева, где семья Киселевых в пятидесятые годы несколько раз летом снимала дачу. **Примечание составителя.**

¹⁰Последняя строфа зачеркнута Леонидом Киселевым. **Примечание составителя.**

¹¹В блокноте Леонида Киселева эта строфа зачеркнута. **Примечание составителя.**

¹²«Звездочка» поставлена Леонидом Киселевым. **Примечание составителя.**

¹³Ручка, в которую вставлялось металлическое перо – чтобы писать, его следовало макать в чернильницу. **Примечание составителя.**

¹⁴**Примечание Леонида Киселева** (это стихотворение было дописано в 1960 году. – Составитель).

¹⁵В блокноте Леонида Киселева эта строфа зачеркнута. **Примечание составителя.**

¹⁶Вариант Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

¹⁷Исправлено Леонидом Киселевым 9 августа 1962 г. Было: «Больше сотни княжеств покорил он». **Примечание составителя.**

¹⁸В блокноте эта строфа Леонидом Киселевым зачеркнута. **Примечание составителя.**

¹⁹Первоначальный вариант Леонида Киселева: «Караваны ходят, не как встарь». **Примечание составителя.**

²⁰В блокноте Леонида Киселева это стихотворение зачеркнута. **Примечание составителя.**

²¹Вариант строки. **Примечание составителя.**

²²Вариант строки. **Примечание составителя.**

1960

¹Леонид Киселев вновь возвратился к этой теме – см. стихотворение «Орел» 17 – 19 апреля 1958 г. **Примечание составителя.**

²Первоначальный вариант. **Примечание составителя.**

³Пьеса не закончена. **Примечание составителя.**

⁴Леонид Киселев вновь возвратился к этой теме – см. стихотворение «Стеклышко Кая» 4 октября 1959 г. **Примечание составителя.**

⁵Исправления сделаны Леонидом Киселевым 6 января 1964 года. **Примечание составителя.**

⁶Исправления сделаны Леонидом Киселевым 6 января 1964 года. **Примечание составителя.**

⁷См. примечание 9 (1959). **Примечание составителя.**

⁸Вариант строки. **Примечание составителя.**

⁹Исправлено Леонидом Киселевым 6 января 1964 г. **Примечание составителя.**

¹⁰История о четырех советских военнослужащих, которых унесло в океан на ото-

рвавшейся от берега барже – без воды, без еды, без связи. Они пробыли в дрейфе около 40 дней и были спасены американцами.

¹¹Прятки (франц.).

¹²Званный вечер (франц.).

¹³Возможно, невольный перепев Семена Гудзенко, стихи которого Леонид Киселев очень любил:

*Но если снова воевать –
Таков уже закон –
Пускай меня пошлют опять
В стрелковый батальон.*

*Быть под началом у старшин
Хотя бы треть пути –
Тогда смогу я с тех вершин
В поэзию сойти.*

Примечание составителя.

¹⁴Леонид Киселев вновь возвращается к этой же теме. См. стихотворение «Аршакован», 11 мая 1960 г. Примечание составителя.

¹⁵Эти строчки в рукописи зачеркнуты. Примечание составителя.

¹⁶Вариант строки. Примечание составителя.

¹⁷Вариант строфы. Примечание составителя.

¹⁸Очевидно, имеется в виду лондонский Биг-Бен. Примечание составителя.

¹⁹Вариант строки. Примечание составителя.

²⁰Вариант строки. Примечание составителя.

²¹Вариант строки. Примечание составителя.

²²Вариант строфы. Примечание составителя.

²³Очевидно, имеется в виду стихотворение Николая Гумилева «Заблудившийся трамвай». Примечание составителя.

²⁴Вариант строки. Примечание составителя.

²⁵Трамвайно-троллейбусное управление. **Примечание составителя.**

²⁶Так записано в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

²⁷В блокноте Леонида Киселева это четверостишие зачеркнуто. **Примечание составителя.**

²⁸Вариант в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

1961

¹В блокноте Леонида Киселева значится именно такое название этого стихотворения (а не «В самолете», как выходило во всех предыдущих изданиях). **Примечание составителя.**

²В блокноте Леонида Киселева эта строфа зачеркнута. **Примечание составителя.**

³В блокноте Леонида Киселева эта строфа написана отдельно от всего стихотворения. **Примечание составителя.**

⁴Правка, сделанная Леонидом Киселевым 20 февраля 1964 г. **Примечание составителя.**

⁵Вариант стихотворения. **Примечание составителя.**

⁶В блокноте Леонида Киселева название этого стихотворения зачеркнуто. **Примечание составителя.**

⁷Леонид Киселев, читая свои стихи (CD), включил в «Одесский цикл» стихотворения «Все изменчиво», «Сегодня волны бьют о камни пляжа...», «Из сада в дом попадают кузнечики...», «Ах, на площади Мартыновского». Часть этих стихотворений были написаны Леонидом Киселевым в Одессе, в Доме творчества писателей, где семья Киселевых отдыхала в 60-е годы практически каждое лето. **Примечание составителя.**

⁸В Одессе от Дома творчества писателей, мимо детского туберкулезного санатория и до 16-й станции Большого Фонтана ходили по одной колее два маленьких и стареньких трамвайчика, которые разъезжались посредине, в районе православного мужского монастыря. В народе эти трамвайчики назывались «жди меня!». **Примечание составителя.**

⁹В рукописи эта строфа зачеркнута. **Примечание составителя.**

¹⁰«Заготовка» к стихотворению из блокнота Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

¹¹Вариант Леонида Киселева. Примечание составителя.

¹²Первая строфа этого стихотворения была написана в 1960 году. Примечание составителя.

¹³В рукописи эта строфа зачеркнута. Примечание составителя.

¹⁴Строчка исправлена Леонидом Киселевым 6 января 1964 года. Примечание составителя.

1962

¹Вариант строки. Примечание составителя.

²Так строка звучит в аудиозаписи, где Леонид Киселев сам читает это стихотворение. Это популярная песенка начала 60-х – целинная романтика. Примечание составителя.

³В блокноте Леонида Киселева эти строфы зачеркнуты. Примечание составителя.

⁴Из первого (1970 год) и из второго (1979 год) изданий стихов Леонида Киселева цензура выбросила третью строфу стихотворения «Монолог соседа по койке». Примечание составителя.

⁵В рукописи эта строфа зачеркнута. Примечание составителя.

⁶В рукописи эта строфа зачеркнута. Примечание составителя.

⁷Из первого (1970 год) и из второго (1979 год) изданий стихов Леонида Киселева цензура выбросила пятую строфу стихотворения «Монолог соседа по койке». Примечание составителя.

⁸В рукописи эти строфы зачеркнуты. Примечание составителя.

⁹Этот цикл стихов вместе с запиской Леонид Киселев передал своему отцу Владимиру Киселеву из инфекционного отделения киевской Октябрьской больницы (так она до развала СССР называлась), куда попал с брюшным тифом. «Полюбить бы по-настоящему или тифом заболеть», – говорил поэт Сергей Есенин в начале 20-х годов прошлого века. Врачи в те времена утверждали, что брюшной тиф обновляет не только тело, но и душу – если человеку удастся выжить. Знал ли об этом переболевший тифом Леонид Киселев – и о словах Сергея Есенина, и о медицинской теории?.. Примечание составителя.

¹⁰Вариант строки. Примечание составителя.

¹¹Вариант строки. Примечание составителя.

¹²В первом (1970 год) и во втором (1979 год) изданиях стихов Леонида Киселева по требованию цензуры к стихотворению было добавлено название «Памяти Лермонтова» – чтобы у читателей не возникало ассоциаций с судьбами советских поэтов. В третьем издании стихов (1991 год) эта ошибка по недосмотру также не была устранена. Ныне стихотворение дается так, как оно написано в оригинале и с тем же посвящением... **Примечание составителя.**

¹³Это стихотворение Леонидом Киселевым в блокноте зачеркнуто карандашом. **Примечание составителя.**

¹⁴Первая строфа этого стихотворения была написана в 1960 году. **Примечание составителя.**

¹⁵Леонид Киселев возвращается к прежней теме – см. 1961 г. **Примечание составителя.**

¹⁶В начале 60-х годов прошлого века в Киеве прорвало дамбу ниже Бабьего Яра, и десятиметровый поток селя рухнул вниз на Куреневку. Погибло множество людей... **Примечание составителя.**

¹⁷Эта строфа Леонидом Киселевым в блокноте зачеркнута карандашом. **Примечание составителя.**

¹⁸Площадь в центре Одессы. Называлась в честь одесского революционера. Сейчас переименована в Греческую. В 60-е годы прошлого века именно здесь была конечная остановка многих одесских автобусных маршрутов. В том числе и того, что шел с 16-й станции Большого Фонтана. **Примечание составителя.**

¹⁹Вариант в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

1963

Григорий Кипнис (1923 – 1995) был близким другом семьи Киселевых. Участник Великой Отечественной войны, известный журналист, переводчик и писатель, в свое время он работал корреспондентом «Литературной газеты» по Украине (публиковал свои материалы под псевдонимом Григорьев). А заведовал тогда корпунктом «Литературной газеты» отец Леонида Киселева – известный писатель Владимир Киселев (родился в 1922 году, умер в 1995-м на 73-м году жизни, похоронен в Киеве на Байковом кладбище, рядом с Леонидом Киселевым). После, в середине 80-х, собственным корреспондентом «Литературной газеты» по Украине стал младший брат Леонида Киселева – Сергей Киселев. А заведующим корпунктом «Литературной газеты» по Украине в это время являлся Григорий Кипнис. **Примечание составителя.**

²Отец Леонида Киселева – Владимир Киселев – включил это стихотворение в свою книгу «Веселый роман», которая вышла в 1969 году. Цензура потребовала заменить первую строчку в стихотворении («Я позабуду все обиды...»), сочтя ее идеологически опасной. Владимир Киселев подал ее в собственной редакции: «Нам не сойти уже с орбиты». **Примечание составителя.**

³Вариант первой строчки этой строфы в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

⁴Вариант первой строчки этой строфы в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

⁵Вариант первой строчки этой строфы в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

⁶В предыдущих редакциях было слово «обвели». **Примечание составителя.**

⁷Борис Гопник (умер в 1998 году) – близкий друг семьи Киселевых. Участник Великой Отечественной войны, германист по образованию и блистательный знаток немецкого языка, он был спортивным журналистом. Многие годы работал собственным корреспондентом газеты «Советский спорт» по Украине (подписывал свои материалы псевдонимом Борисов). **Примечание составителя.**

⁸Вариант этой строфы в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

⁹Эта строфа в блокноте Леонида Киселева зачеркнута. **Примечание составителя.**

¹⁰В предыдущих изданиях это стихотворение выходило без названия, которое в блокноте Леонида Киселева написано в конце последней строфы в скобках. **Примечание составителя.**

¹¹Перечеркнутый вариант этой строфы в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

¹²Леонид Киселев был яростным футбольным болельщиком, хорошо разбирался в футболе, собирал вырезки из газет со статьями о лучших футбольных матчах и наклеивал их в «Общую тетрадь». Кроме того, он очень любил играть в футбол, когда учился в школе, и неизменно стоял на воротах. И, по словам его друга и одноклассника Олега Быстрозорова (которому, кстати, вскоре после смерти Леонида Киселева составитель подарил ту самую вышеупомянутую «Общую тетрадь»), делал это весьма неплохо. Футболиста Валерия Лобановского Леонид Киселев любил как-то особо и говорил, что того ждет большое футбольное будущее. **Примечание составителя.**

¹³На каменистом пляже одесского Дома творчества писателей каждую весну покойный уже умелец дядя Тима строил на металлических сваях длинные, с дву-

мя лесенками, деревянные мостки, уходящие в море – чтобы заходить в воду, не спотыкаясь о камни на дне. **Примечание составителя.**

¹⁴Вариант этой строфы в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

¹⁵Зачеркнутый вариант этой строчки в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

¹⁶Вариант этой строфы в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

¹⁷Вариант этой строки в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

¹⁸Известный писатель Виктор Некрасов был близким другом отца Леонида Киселева и почитателем его стихов. Именно он передал подборку стихов киевского десятиклассника Леонида Киселева в журнал «Новый мир», где ее опубликовал в 1963 году Александр Твардовский – главный редактор главного в СССР и наиболее престижного литературного журнала «Новый мир». **Примечание составителя.**

¹⁹После первой в жизни публикации подборки стихов в «Новом мире» (№ 3, 1963 г.) против стихотворения «Цари» публично выступил маститый литературовед, член-корреспондент АН СССР Дмитрий Благой. Он утверждал, что и сам Петр, и памятник ему – святыни, и выступать против них юному киевскому поэту негоже. В ответ на это выступление Дмитрия Благого Леонид Киселев и написал эту самопародию. **Примечание составителя.**

1964

¹Вариант этой строки в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

²Вариант этой строфы в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

³В блокноте Леонида Киселева эта строфа зачеркнута. **Примечание составителя.**

⁴Близкий друг семьи Киселевых, кинорежиссер-документалист и писатель Гелий Снегирев (в конце 70-х он стал диссидентом и погиб после ареста и пребывания во внутренней тюрьме КГБ УССР, где его во время объявленной им голодовки насильно кормили через зонд) снимал фильм о харьковском спортивном бассейне для детей «Дельфин». Бассейн этот построили педагоги-энтузиасты чуть ли не в каком-то подвале жилого дома. Гелий Снегирев, или, как называли его друзья, Гаврила, который работал на киевской киностудии хроникально-документальных кинофильмов, снимал (и снял) документальный кинофильм об этом бассейне. Он и предложил Леониду Киселеву написать для фильма песню. Что и было сделано. Хочется верить, что этот кинофильм сохранился – если не в архивах украинского фильмофонда, то, по крайней мере, – в бывших архивах украинского КГБ, а ныне СБУ. **Примечание составителя.**

⁵Первый вариант песни. **Примечание составителя.**

⁶Еще один вариант песни, записанный в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

⁷Еще один «вариант» последней строфы-самопародии песни, записанный в блокноте Леонида Киселева. «Композитор Боря» – это Борис Алексеенко, работавший на студии хроникально-документальных кинофильмов музыкальным редактором. **Примечание составителя.**

⁸Имеется в виду Иракий Андронников. **Примечание составителя.**

⁹В 1968 году Леонид Киселев перевел это стихотворение на украинский язык. **Примечание составителя.**

¹⁰В блокноте Леонида Киселева этот вариант стихотворения зачеркнут. **Примечание составителя.**

¹¹Речь, по всей вероятности, идет об ирпенском Доме творчества писателей, где Леонид Киселев любил бывать и работать, когда об этом договаривался с Литфондом его отец. **Примечание составителя.**

1965

¹Во втором издании стихов Леонида Киселева (1979) цензура потребовала дать стихотворению название, которое бы связало его с прошлым веком. Составитель сборника – отец Леонида Киселева Владимир Киселев – поставил заголовок «Рылеев». **Примечание составителя.**

²Очевидно, речь идет о приятельнице Леонида Киселева – Катерине Квитницкой-Рыжовой. **Примечание составителя.**

³В блокноте Леонида Киселева эта строфа зачеркнута. **Примечание составителя.**

⁴Дмитрий Владимирович Затонский, академик Академии наук Украины, блистательный литературовед-германист и писатель, был близким другом семьи Киселевых. **Примечание составителя.**

⁵Вариант этой строки в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

⁶Вариант этой строки в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

⁷Вариант этой строки в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

⁸Вариант этой строки в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

1966

¹Вариант этой строфы в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

²Вариант этой строки в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

³Вариант этой строфы в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

⁴Владимир Фирсов (родился в 1937 году) – обласканный властью советский поэт. **Примечание составителя.**

⁵Всеволод Кочетов (1912 – 1973) – признанный и обласканный властью советский прозаик. **Примечание составителя.**

⁶Николай Грибачев (1910 – 1992) – признанный и обласканный властью советский поэт. **Примечание составителя.**

⁷В блокноте Леонида Киселева эта строфа зачеркнута. **Примечание составителя.**

⁸В блокноте Леонида Киселева это слово зачеркнуто. **Примечание составителя.**

⁹Импровизация моего отца (фр.). **Примечание составителя.**

¹⁰В блокноте Леонида Киселева эта строфа зачеркнута. **Примечание составителя.**

¹¹В прежних изданиях это стихотворение выходило под названием «Старая площадь», хотя в блокноте Леонида Киселева оно называется именно так, как дается в этом двухтомнике. **Примечание составителя.**

¹²В блокноте Леонида Киселева эта строфа зачеркнута. **Примечание составителя.**

¹³В блокноте Леонида Киселева эта строфа зачеркнута. **Примечание составителя.**

¹⁴Вариант строфы в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

¹⁵В блокноте Леонида Киселева эта строфа зачеркнута. **Примечание составителя.**

¹⁶В блокноте Леонида Киселева эти строчки зачеркнуты. **Примечание составителя.**

1967

¹В блокноте Леонида Киселева эта строфа зачеркнута. **Примечание составителя.**

²Во втором издании стихов Леонида Киселева (1979) цензура выбросила первую строфу стихотворения «Что нам наворкует Воркута?» и потребовала названием

стихотворения и вовсе увести читателя от мысли, что речь идет о сталинских репрессиях. Составитель сборника – отец Леонида Киселева Владимир Киселев – поставил такое название: «Пушкин и декабристы». **Примечание составителя.**

³В блокноте Леонида Киселева эта строчка зачеркнута. **Примечание составителя.**

⁴Выделено Леонидом Киселевым. **Примечание составителя.**

⁵**Примечание Леонида Киселева.**

⁶В блокноте Леонида Киселева эта строфа зачеркнута. **Примечание составителя.**

⁷Выделено Леонидом Киселевым. **Примечание составителя.**

⁸Вариант строфы в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

⁹Мая Брусиловская (Каганская) – литературный критик, близкая приятельница Леонида Киселева, как теперь говорят в таких случаях американцы, его «girl friend». Сейчас проживает в Израиле. Единственный человек из друзей и знакомых Леонида Киселева, которая принципиально отказалась писать воспоминания о нем. **Примечание составителя.**

¹⁰Это стихотворение Леонид Киселев написал на английском языке, судя по всему, как говорится, «на коленке», чтобы убить время ожидания своей девушки. **Примечание составителя.**

¹¹Подстрочный перевод сделан между английских строк самим Леонидом Киселевым. **Примечание составителя.**

¹²**Послесловие Леонида Киселева.**

1968

¹Феофанией называют больницу, которая находится в этом поселке, неподалеку от киевского музея под открытым небом. Именно в этой больнице лежал Леонид Киселев, здесь он и умер в ночь с 18 на 19 октября 1968 года.

²Эпиграф к этому стихотворению в прежних изданиях стихов Леонида Киселева не печатался. **Примечание составителя.**

³**Примечание Леонида Киселева.**

Зошит другий. Поезії українською мовою Тетрадь вторая. Стихи на украинском языке

1957 – 1968

¹Игорь Бречак (умер в 1994 году) был близким другом семьи Киселевых. В то время он работал главным редактором журнала «Наука і суспільство». И в один прекрасный день (а ему случалось принимать неожиданные решения!) вдруг распорядился врезать замок в дверь редакционного туалета (сотрудникам были розданы ключи) – чтобы посетители туда не ходили и уборщице было меньше работы. В этой связи все друзья измывались над Игорем Бречаком, посылая ему смешные письма. Леонид Киселев купил в киоске «Союзпечати» серию из трех открыток, на которых был изображен Буратино – протягивающий золотой ключик, а также лезущий на крутую гору. На обратной стороне Леонид Киселев написал по двустижью и отправил эти открытки Игорю Бречаку по почте. **Примечание составителя.**

²Вариант этой строки в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

³В блокноте Леонида Киселева у этого стихотворения не было названия. **Примечание составителя.**

⁴В блокноте Леонида Киселева эти строфы зачеркнуты. **Примечание составителя.**

⁵Название этого стихотворения в прежних изданиях стихов Леонида Киселева не печаталось. **Примечание составителя.**

⁶Эпиграф к этому стихотворению в прежних изданиях стихов Леонида Киселева не печатался. **Примечание составителя.**

⁷В блокноте Леонида Киселева напротив этой строфы стоит вопросительный знак. **Примечание составителя.**

⁸В блокноте Леонида Киселева эта строфа зачеркнута. **Примечание составителя.**

⁹Отец Леонида Киселева – Владимир Киселев – когда-то сказал составителю двухтомника, что это стихотворение – о великой трагедии бандеровского движения в Западной Украине. **Примечание составителя.**

¹⁰Вариант строчки в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

¹¹Вариант строчки в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

¹²В блокноте Леонида Киселева эта строфа зачеркнута. **Примечание составителя.**

¹³Леонид Киселев спросил составителя двухтомника: кто эта «баба-бранка». Составитель не знал. «Это – смерть», – пояснил его старший брат. **Примечание составителя.**

¹⁴В блокноте Леонида Киселева эта строфа зачеркнута. **Примечание составителя.**

¹⁵В блокноте Леонида Киселева эта строфа зачеркнута. **Примечание составителя.**

¹⁶Уехавшая во Францию приятельница Леонида Киселева, врач по имени Жанна (к сожалению, ее фамилию составитель не помнит) рассказывала, что это стихотворение поэт посвятил ей. **Примечание составителя.**

¹⁷Вариант строфы в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

¹⁸Первоначально стихотворение это было без названия. Название к «Тато оповідають» Леониду Киселеву предложил его отец – писатель Владимир Киселев, чтобы легче было его напечатать, переведа в прошлое ужасы бытия украинского села. Это стихотворение было опубликовано при жизни Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

¹⁹Название поэмы Райнера Марии Рильке. **Примечание Леонида Киселева.**

²⁰Можно проследить логическую связь с последними двумя строчками стихотворения Николая Гумилева «Рабочий» – о человеке, отливающим для поэта пулю (Леонид Киселев напоминает об этом стихотворении в своей поэме «Осип Мандельштам»: «Дайте пулю Гумилеву, / Сам предвидел, сам просил»): «Это сделал в блузе светло-серой / Невысокий старый человек». **Примечание составителя.**

²¹Из первого (1970 год) и из второго (1979 год) изданий стихов Леонида Киселева цензура выбросила третью строфу этого стихотворения – ради которого оно, по всей вероятности, и писалось Леонидом Киселевым. **Примечание составителя.**

²²Леонид Киселев поставил эпиграфом к этому четверостишью строфу из собственного стихотворения. **Примечание составителя.**

Зошит третій. Переклади поезій Тетрадь третья. Переводы стихов

1958 – 1968

¹Леонид Киселев сам перепечатывал свои стихи – адрес напечатан на страничке с переводом. **Примечание составителя.**

Зошит четвертий. Вірші в прозі Тетрадь четвертая. Стихи в прозе

[1966 – 1968]

¹Стихи в прозе были записаны составителем по рассказу отца Леонида Киселева – Владимира Киселева. По его словам, это был устный экспромт Леонида Киселева, который поэт, к сожалению, не записал. **Примечание составителя.**

Зошит п'ятий. Проза Тетрадь пятая. Проза

1959 – 1968

¹В конце 50-х – начале 60-х годов прошлого века очень популярным школьным развлечением было делать самопалы. Был такой самопал и у Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

²Пропуск сделан Леонидом Киселевым. **Примечание составителя.**

³Леонид Киселев очень хорошо знал Библию, часто перечитывал ее, и даже в больницу, из которой он уже не вернулся домой, взял с собою Библию. Здесь же, очевидно, Леонид Киселев случайно сослался на 7-й Псалом Давида, подразумевая 6-й Псалом, 7-й его стих, где сказано: «ибо в смерти нет памятования о Тебе: во гробе кто будет славить Тебя?» (В 5-м стихе говорится: «Обратись, Господи, избавь душу мою, спаси меня ради милости Твоей»). **Примечание составителя.**

⁴Все, что выделено в этом рассказе полужирным шрифтом, сделано Леонидом Киселевым. **Примечание составителя.**

⁵Вариант в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

⁶Примечание, отмеченное «звездочкой» (*), сделано Леонидом Киселевым.

⁷Примечание, отмеченное «звездочкой» (*), сделано Леонидом Киселевым.

Зошит шостий. Статті Тетрадь шестая. Статьи

1958 – 1968

¹В блокноте Леонида Киселева эти строчки зачеркнуты. **Примечание составителя.**

²Пропуск в скобках – в блокноте Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

³Это – сохранившееся школьное сочинение 9-классника Леонида Киселева, за которое учительница русской литературы поставила оценку 2/4 (двойка – за содержание и четверка – за грамотность) и написала: «Сочинение не соответствует теме». **Примечание составителя.**

⁴Выделено Леонидом Киселевым. **Примечание составителя.**

⁵Рюрик Немировский – близкий друг семьи Киселевых, блистательный русский поэт. **Примечание составителя.**

⁶Очевидно – Лесь Герасимчук, переводчик, культуролог, писатель, учился на одном факультете с Леонидом Киселевым, был его приятелем. **Примечание составителя.**

⁷Юрий Щербак – писатель, ученый, дипломат, политик. Литературный ученик Владимира Киселева, дружил с Леонидом Киселевым. **Примечание составителя.**

⁸Это письмо Леонид Киселев действительно отправил в «Литературную газету». Увы, опубликовано оно не было... **Примечание составителя.**

⁹Отец Леонида Киселева писатель Владимир Киселев с 1965 по 1969 год был главным редактором созданного им в рамках общества «Знание» ежегодника «Наука і культура», в котором работали некоторые известные писатели-шестидесятники (Анатолий Шевченко, Вилиам Лигостов и др.). Под редакцией Владимира Киселева вышло три номера ежегодника (1966, 1967, 1968). После смерти Леонида Киселева Владимир Киселев оставил журнал (тем более, что в отделе пропаганды и агитации ЦК КПУ были крайне недовольны третьим номером ежегодника). Вскоре после этого сотрудники КГБ провели в редакции обыск, в письменном столе Анатолия Шевченко был обнаружен самиздат – машинописная копия книги Александра Солженицына. Большинству из тех, кто работал в ежегоднике под началом Владимира Киселева, пришлось уволиться. **Примечание составителя.**

¹⁰Самому Леониду Киселеву, увы, не суждено было увидеть третий том ежегодника «Наука і культура»... **Примечание составителя.**

¹¹Вильям Лигостов – украинский писатель (умер в 2002 г.), близкий друг семьи Киселевых. **Примечание составителя.**

Зошит сьомий. Переклади прози Тетрадь седьмая. Переводы прозы

[1966]

¹Предисловие написано Леонидом Киселевым. **Примечание составителя.**

²Примечание Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

- ²⁶Варіант Леонида Киселева. Примечание составителя.
- ²⁷Варіант Леонида Киселева. Примечание составителя.
- ²⁸Варіант Леонида Киселева. Примечание составителя.
- ²⁹Варіант Леонида Киселева. Примечание составителя.
- ³⁰Варіант Леонида Киселева. Примечание составителя.
- ³¹Варіант Леонида Киселева. Примечание составителя.
- ³²Варіант Леонида Киселева. Примечание составителя.
- ³³Варіант Леонида Киселева. Примечание составителя.
- ³⁴Варіант Леонида Киселева. Примечание составителя.
- ³⁵Варіант Леонида Киселева. Примечание составителя.
- ³⁶Варіант Леонида Киселева. Примечание составителя.
- ³⁷Варіант Леонида Киселева. Примечание составителя.
- ³⁸Варіант Леонида Киселева. Примечание составителя.
- ³⁹Варіант Леонида Киселева. Примечание составителя.
- ⁴⁰Варіант Леонида Киселева. Примечание составителя.
- ⁴¹Відповідно до обставин. Примечание Леонида Киселева.
- ⁴²Варіант Леонида Киселева. Примечание составителя.
- ⁴³Варіант Леонида Киселева. Примечание составителя.
- ⁴⁴Варіант Леонида Киселева. Примечание составителя.
- ⁴⁵Варіант Леонида Киселева. Примечание составителя.
- ⁴⁶Варіант Леонида Киселева. Примечание составителя.
- ⁴⁷Варіант Леонида Киселева. Примечание составителя.
- ⁴⁸Варіант Леонида Киселева. Примечание составителя.

⁴⁹Вариант Леонида Киселева. Примечание составителя.

⁵⁰Друже мій (фр.). Примечание составителя.

⁵¹Очевидно, перевод не окончен. Примечание составителя.

Зошит восьмий. Переклади статей Тетрадь восьмая. Переводы статей

[1967] – 1968

¹Очевидно, это – отрывок из перевода научно-популярной статьи, сделанной Леонидом Киселевым для журнала «Наука і суспільство», который редактировал в то время друг семьи Киселевых Игорь Бречак. Примечание составителя.

²Вариант Леонида Киселева. Примечание составителя.

³Вариант Леонида Киселева. Примечание составителя.

Зошит дев'ятий. Записники Тетрадь девятая. Блокноты

1957 – 1968

¹Леонид Киселев всю жизнь бережно относился к изучению истории Византии и трехтомник истории этой страны читал и в последний год своей жизни. Примечание составителя.

²Аббревиатура названия бывшего 4-го медицинского управления, к которому как заведующий корреспондентским пунктом «Литературной газеты» по Украине был прикреплен отец Леонида Киселева – известный писатель Владимир Киселев. Примечание составителя.

³Тренер по легкой атлетике, к которому некоторое время на тренировки ходил Леонид Киселев – чтобы похудеть. Примечание составителя.

⁴Очевидно, в Октябрьскую больницу, куда Леонид Киселев в 1962 году попал с брюшным тифом. Примечание составителя.

⁵Выделено Леонидом Киселевым. Примечание составителя.

⁶Выделено Леонидом Киселевым. Примечание составителя.

- ⁷Выделено Леонидом Киселевым. Примечание составителя.
- ⁸Выделено Леонидом Киселевым. Примечание составителя.
- ⁹Речь идет о младшем брате Леонида Киселева – Сергее Киселеве. Примечание составителя.
- ¹⁰Позвонить М. и Г.М. к 8 (англ.). Примечание составителя.
- ¹¹Напечатать рассказ и стихи и поговорить с Л. по поводу какого-нибудь журнала (англ.). Примечание составителя.
- ¹²Постричься, принять ванну и побриться (англ.). Примечание составителя.
- ¹³Переписать в мой большой блокнот эти дни (англ.). Примечание составителя.
- ¹⁴Поинтересоваться по поводу билета (англ.). Примечание составителя.
- ¹⁵В 12 пойти к Об. (англ.). Примечание составителя.
- ¹⁶Посмотреть материалы по поводу крысиного дома (англ.). Примечание составителя.
- ¹⁷Забрать свое заявление (англ.). Примечание составителя.
- ¹⁸Поинтересоваться по поводу блюда в баре (англ.). Примечание составителя.
- ¹⁹Сходить к Бор. (англ.). Примечание составителя.
- ²⁰Послушать магнитофонную запись (англ.). Примечание составителя.
- ²¹Зашить карманы (англ.). Примечание составителя.
- ²²Спросить Л. о том, не забрать ли стихотворение (англ.). Примечание составителя.
- ²³Написать письмо М. (англ.). Примечание составителя.
- ²⁴Взять бумаги у Ю. и передать их М. (англ.). Примечание составителя.
- ²⁵К этой строфе из стихотворения Осипа Мандельштама «На розвальнях, уложенных соломой...» Леонид Киселев в своих записных книжках возвращался несколько раз, записывая ее, очевидно, по памяти. «Канонический» же текст выглядит так:

*На розвальнях, уложенных соломой,
Едва прикрытые рогожей роковой,
От Воробьевых гор до церковки знакомой
Мы ехали огромною Москвой.*

*А в Угличе играют дети в бабки
И пахнет хлеб, оставленный в печи.
По улицам меня везут без шапки,
И теплятся в часовне три свечи.*

*Не три свечи горели, а три встречи –
Одну из них сам Бог благословил,
Четвертой не бывать, а Рим далече –
И никогда он Рима не любил.*

*Ныряли сани в черные ухабы,
И возвращался с гульбища народ.
Худые мужики и злые бабы
Переминались у ворот.*

*Сырая даль от птичьих стай чернела,
И связанные руки затекли;
Царевича везут, немеет страшно тело –
И рыжую солому подожгли.*

Примечание составителя.

²⁶Скорее всего – код военно-учетной специальности Леонида Киселева, которую он получал, учась на переводческом отделении романо-германского факультета Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко: военный переводчик. **Примечание составителя.**

²⁷Зима уйдет
И весна уйдет
И зима вернется вновь,
И ваш...

(англ.). Примечание составителя.

²⁸Полностью в Евангелии от Матфея это звучит так:
«22 Светильник для тела есть глаз. Итак, если глаз твой будет чист, то всё тело твоё будет светло;
23 если же глаз твой будет худой, то всё тело твоё будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?»

Примечание составителя.

²⁹Полностью Шестой Псалом Давида звучит так:
1 Начальнику хора. На восьмиструнном. Псалом Давида. (1–11)
2 Господи! не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоем наказывай меня.
3 Помилуй меня, Господи, ибо я немощен; исцели меня, Господи, ибо кости мои потрясены;

4 и душа моя сильно потрясена; Ты же, Господи, как долго?
 5 Обратись, Господи, избавь душу мою, спаси меня ради милости Твоей,
 6 ибо в смерти нет памятования о Тебе: во гробе кто будет славить Тебя?
 7 Утомлен я вздыханиями моими: каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою.
 8 Иссох от печали глаз мой, обветшало тело от всех врагов моих.
 9 Удалитесь от меня все, делающие беззаконие, ибо услышал Господь голос плача моего,
 10 услышал Господь моление мое; Господь примет молитву мою.
 11 Да будут постыжены и жестоко поражены все враги мои; да возвратятся и постыдятся мгновенно.

Когда Леонид Киселев выписал шестой стих этого псалма, он был еще совершенно здоров... **Примечание составителя.**

³⁰О, Господи, почему твой зверинец такой большой? (нем.). **Примечание составителя.**

³¹Это стихотворение Леонид Киселев написал в Одессе, в Доме творчества писателей, где семья Киселевых бывала каждое лето. **Примечание составителя.**

³²«Далеко от моря» (фр.). **Примечание составителя.**

³³Иван Шагульсков, волгоградский рабочий, писавший стихи. Написал как-то Леониду Киселеву письмо, прочитав его стихи в каком-то журнале. Некоторое время они переписывались. После смерти Леонида Киселева Иван Шагульсков долгое время переписывался с его матерью Зоей Ефимовной Генкиной и с младшим братом Сергеем Киселевым. **Примечание составителя.**

³⁴Некоторые люди говорят, что человек
 Создан из кучки грязи
 Бедный человек создан из мускулов и крови
 Он выточен из мускулов, и крови, и кожи.
 Мнение это является весьма слабым и противоречивым [...]
 (англ.). **Примечание составителя.**

³⁵«Ловец во ржи» (англ.) – известная повесть Селенжера, название которой известная переводчица Райт-Ковалева перевела на русский как «Над пропастью во ржи». **Примечание составителя.**

³⁶Валентин Селибер – известный киевский скульптор и художник, близкий друг семьи Киселевых. **Примечание составителя.**

³⁷Военная автоинспекция. **Примечание составителя.**

³⁸Очевидно, в таблице отражены результаты чемпионата СССР по футболу – подобные таблицы есть и в некоторых других блокнотах Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

³⁹Очевидно, это – хронологический список написания Леонидом Киселевым украинских стихотворений – в двухтомнике они поставлены именно в такой последовательности. **Примечание составителя.**

⁴⁰Сквозь терны к звездам, Где мне хорошо, там для меня и родина и пр. (латинск.). **Примечание составителя.**

⁴¹Я помню – мое высказывание, что когда люди играют с животным – домашние животные сами учат людей, открывают наиболее скрытые углы их душ. И я остановился удивленный, поскольку полагал, что если выясню, как я глазу мою киску, все было бы понятно. Она с удовольствием играет, но кажется, что она не хочет при этом меня умышленно царапнуть, и чтобы не сделать этого, старается удержать под мехом свои коготки. Возможно, желание заставить ее любить меня, когда она находится далеко от меня, – одно из моих основных чувств к ней. И тем не менее она помнит все – день, когда я привязался к ней (она, в отличие от большинства, не забывает стихов, пообещав их помнить), и все остальное. Похоже, она уверена, что действительно запомнит навечно то, как я вырабатываю слова. Хотя она – всего лишь животное, правда, очень умное. Я чувствую это, и Маска чувствует то же самое. Ее дыхание ароматно – действительно редкая штука. Я не могу делать ее снаружи, я не знаю ничто относительно нее, и я счастлив относительно этого. Я не умею познать ее до конца, я ничего о ней, по сути дела, не знаю и я счастлив ею (англ.). **Примечание составителя.**

⁴²разговором о походе к Р. Я не понимал, что она действительно могла бы идти до конца сразу же после моих слов. Е.Г. (англ.). **Примечание составителя.**

⁴³Список вещей, которые Леонид Киселев составил в своем блокноте, чтобы взять их в больницу (меньше, чем за месяц до смерти), из которой домой уже не вернулся... **Примечание составителя.**

⁴⁴Очевидно, результаты анализа крови, сделанного в эти дни – конец сентября – октябрь 1968 года... **Примечание составителя.**

⁴⁵Нарушение водно-солевого баланса (фр.). Очевидно, эта запись, сделанная в больнице, связана с болезнью Леонида Киселева. Возможно, это написали французские врачи, которые консультировали Леонида Киселева. Заметим лишь, что со второго курса учебы на переводческом отделении романо-германского факультета Киевского государственного университета имени Т.Г. Шевченко Леонид Киселев начал изучать французский язык. **Примечание составителя.**

Зошит десятих. Листи Тетрадь десятая. Письма

1965 – 1968

¹Елена Скульская – известная эстонская поэтесса, прозаик и драматург. Познакомилась с семьей Киселевых в одесском Доме творчества писателей в 1965 году. Дружила с Леонидом Киселевым и с его младшим братом Сергеем Киселевым. **Примечание составителя.**

²Выделено Леонидом Киселевым. **Примечание составителя.**

³Да, иногда я вспоминаю наши встречи в Одессе и в Киеве, места, которые мы видели в моем родном городе. Между прочим, помнишь ли ты вечер в Одессе? Сожалеешь ли ты о нем? Впрочем, в конечном итоге это не имеет значения. Надеюсь, ты не станешь возражать против того, что я наставляю тебя по части английского языка. Полагаю, это не будет бесполезно ни для тебя, ни для меня (англ.). **Примечание составителя.**

⁴Твой до самой смерти Л. (англ.). **Примечание составителя.**

⁵Скорее всего, Леонид Киселев говорит о своей однокласснице Виктории Болотиной. **Примечание составителя.**

⁶Хотя ты и попросила меня не писать письма по-английски, тем не менее, хочу, чтобы ты знала, что твое прозвище на английском – «Рыжая» (англ.). **Примечание составителя.**

⁷Твой (англ.). **Примечание составителя.**

⁸Екатерина Дмитриевская – известный российский театральный критик, близкий друг Леонида Киселева. В 60-е годы жила в Ленинграде, где училась в театральном институте и работала экскурсоводом. Сейчас живет в Москве. Долгое время переписывалась с Леонидом Киселевым и сохранила его письма, которые Екатерина Дмитриевская сама же и подготовила к печати. Ее письма к Леониду Киселеву, к сожалению, не сохранились. **Примечание составителя.**

⁹Виктория Болотина – одноклассница и близкая приятельница Леонида Киселева (именно ей он помогал сочинять статьи для газеты «Комсомольская правда», о чем и упоминал в своем письме Екатерине Дмитриевской между серединой и концом октября 1967 года). Вышла замуж за украинского дипломата, однокурсника Леонида Киселева Виктора Нагайчука. **Примечание составителя.**

¹⁰Речь идет о поэтессе Ольге Кильчевской, приятельнице Леонида Киселева, которая свела счеты с жизнью буквально за неделю до его смерти. Лёне об этом не сказали... **Примечание составителя.**

¹¹Маша Немировская – пианистка и театральный режиссер, приятельница Леонида Киселева, дочь Рюрика Немировского. Сейчас живет в Израиле. **Примечание составителя.**

¹²Рюрик Немировский (1923 –1991) – большой русский поэт, известный музыковед, близкий друг семьи Киселевых. Есть запись (приложенная к этому двухтомнику), на которой Леонид Киселев читает поэму Рюрика Немировского «Песня трех апрелей» (Рюрик Немировский «Песня трех апрелей. Неправильная поэма». К., журнал «Радуга», 2002. Предисловия Риталия Заславского и Рюрика Немировского). **Примечание составителя.**

¹³Люся Лемешева, работала корреспондентом в газете «Комсомольское знамя» («Коза»), приятельница Леонида Киселева. Сейчас – киевский кинокритик. **Примечание составителя.**

¹⁴Газету «Комсомольское знамя» в народе называли «Козой». **Примечание составителя.**

¹⁵Майя Коганская (Брусиловская) – возлюбленная Леонида Киселева, была старше его на семь лет, литературовед, поэт, ныне проживает в Израиле. Единственный человек, знавший Леонида Киселева, который отказался написать воспоминания о нем для этой книги, аргументировав свое нежелание смехотворными аргументами. **Примечание составителя.**

¹⁶«Девочка и птицелет» – известная книга, написанная отцом Леонида Киселева – Владимиром Киселевым, в которой были опубликованы полтора десятка стихотворений Леонида Киселева.

Письма, которые получал Леонид Киселев, в том числе и от Кати Дмитриевской, он хранил в папке. Однако позже, возможно, перед тем, как в последний в своей жизни раз лечь в больницу, он их уничтожил. **Примечание составителя.**

¹⁷Майя Каганская (Брусиловская). **Примечание составителя.**

¹⁸Очевидно, Оля Кильчевская. **Примечание составителя.**

¹⁹Виктория Болотина. **Примечание составителя.**

²⁰Очевидно, речь идет о тогдашней жене Бориса Гопника – испанке Аните. **Примечание составителя.**

²¹Майя Каганская (Брусиловская). **Примечание составителя.**

²²Юрий Щербак. **Примечание составителя.**

²³Мирон Петровский – известный украинский литературный критик, приятель Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

²⁴С семьей (фр.). Примечание составителя.

²⁵Примечание Екатерины Дмитриевской.

²⁶Поэма Леонида Киселева «Предисловие к «Трагедии Гамлета». Примечание составителя.

²⁷Майя Каганская (Брусиловская). Примечание составителя.

²⁸Майя Каганская (Брусиловская). Примечание составителя.

²⁹Майя Каганская (Брусиловская). Примечание составителя.

³⁰Начальственная больница под Киевом, в которой лежал и умер Леонид Киселев. Примечание составителя.

³¹Великая Октябрьская социалистическая революция. Примечание составителя.

³²Заболев лейкемией, Леонид Киселев был вынужден взять академический отпуск в университете, где учился. Примечание составителя.

³³Поселок под Киевом, где находится Дом творчества украинских писателей – Леонид Киселев любил там бывать. Примечание составителя.

³⁴И так далее (латинск.). Примечание составителя.

³⁵Младший брат Леонида Киселева – Сергей Киселев активно занимался тогда гандболом, был вратарем. Примечание составителя.

³⁶В 1967 году праздновалось 50-летие Великого Октября, и, поскольку Ленинград считался «колыбелью» трех революций, ожидался большой поток туристов. Экскурсоводы надеялись, что будет много работы, которая к тому же в праздники оплачивалась по двойному тарифу. Примечание Екатерины Дмитриевской.

³⁷В последнем письме я цитировала девиз Баркляя де Толли «Верность и терпение». Примечание Екатерины Дмитриевской.

³⁸Ресторан, который находился в Киеве на углу Прорезной (тогда Свердлова) и Владимирской, где кормили очень недорого и достаточно вкусно. Примечание составителя.

³⁹Не так ли? (фр.). Примечание составителя.

⁴⁰Жена тогдашнего польского консула в Киеве пани Тереза много сделала для добывания зарубежных лекарств для Леонида Киселева – в семье Киселевых о ней всегда вспоминают с чувством огромной благодарности, как говорится, Бога за нее молят. А в одном из блокнотов Леонида Киселева записан ее тогдашний теле-

фон: Б-9-04-03... На похороны Леонида Киселева она принесла венок, где на ленте было написано: «Прости, что не смогла стать твоим ангелом-хранителем». Покойная мама Леонида Киселева Зоя Ефимовна Генкина рассказывала составителю, что лекарство привозили из Парижа в Киев польские летчики, у которых был рейс. И однажды командир корабля, заметив, что один из летчиков везет незадекларированное лекарство (передача лекарства официально в те времена заняла бы несколько месяцев), устроил скандал. И лишь узнав, что это – лекарство для больного лейкемией киевского молодого поэта, успокоился и не выдал властям цепочку. **Примечание составителя.**

⁴¹В «Литературной газете» на 16-й полосе в «Клубе 12 стульев» в те годы была постоянная рубрика «Бумеранг», в которой публиковались нелепые отрывки из писем читателей и очень смешные ответы на них редакции. **Примечание составителя.**

⁴²Серебряный перстень с кусочком смальты XI века из Софии Киевской сделал киевский архитектор Николай Рапай. Он подарил его другу семьи Киселевых Рюрику Немировскому, а тот подарил его Леониду Киселеву. Затем этот перстень носил младший брат Леонида Киселева – Сергей Киселев. **Примечание составителя.**

⁴³Когда семья Киселевых переехала в новую квартиру, ей дали и новый номер телефона. Запомнить его было почему-то трудно, и Леонид Киселев предложил запомнить этот номер телефона как стихи – подставляя под имена соответствующие цифры: Елена, Анна, два Ивана, затем Елена и Иван. Но спустя пару месяцев Киселевым все-таки возвратили прежний номер телефона. **Примечание составителя.**

⁴⁴Московский журнал «Вопросы литературы» в народе называли «Вопли». Его возглавлял в то время известный критик и литературовед Виталий Озеров, а его заместителем был нынешний главреж издания, бывший «литгазетовец», фронтовик Лазарь Лазарев. Это издание охотно печатало Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

⁴⁵Эта Библия после фантастического круга возвратилась в семью Киселевых. Отец Леонида Киселева Владимир подарил ее в конце 70-х годов блистательной киевской поэтессе (<http://www.geocities.com/terahil/cher/>) Лине Ошеровой (1942 – 1984). Единственный ее сборник стихов «Миг и вечность» вышел в июне 1994 года в Киеве, как приложение к журналу «Ренессанс». Есть там и такое стихотворение:

*А когда я умру – не горюй.
На земле еще нету бессмертных.
Под галдение птиц предрассветных
Просыпайся, встречая зарю.*

*Как известно, я стану травой.
Может быть, я репейником стану.
Будут пчелы гудеть неустанно
Над колючей моей головой.*

*Если стану я просто водой,
Ты прости моим ливням капризным.
Слезы в праздник и шутку на тризне
Я, как звезды, ловила в ладонь.*

*Потому-то тебе говорю:
Прежде нас умирают печали.
Удивляйся всему, как вначале.
И когда я умру – не горюй.*

1980

После трагической гибели Лины Ошеровой Библия попала к ее бывшему мужу Алику. Уезжая жить в Израиль, он передал ее Кате Квитницкой. А та вернула эту Библию в семью Киселевых. **Примечание составителя.**

⁴⁶Речь идет о журнале «Наука і суспільство», который возглавлял в то время Игорь Бречак и в котором печатались переводы научных статей, сделанные Леонидом Киселевым. **Примечание составителя.**

⁴⁷Речь идет о киевской студии хроникально-документальных кинофильмов, где Гелий Снегирев время от времени выпускал киножурнал «Пионерия», к сюжетам которого нужен был дикторский текст. **Примечание составителя.**

⁴⁸Влад Заманский – известный московский киноактер, друг семьи Киселевых. **Примечание составителя.**

⁴⁹Отец Леонида Киселева – Владимир Киселев привез из Праги, где он побывал весной 1968 года в составе писательской делегации, воздушный пистолет, и Леонид Киселев с удовольствием стрелял из него дома по самодельным мишеням. **Примечание составителя.**

⁵⁰Найди минутку и черкни мне несколько строк (англ.). **Примечание составителя.**

⁵¹Лёне были прописаны витамины. Я послала из Ленинграда ящик с апельсинами и вложила в посылку старое издание Андре Жида. Когда я гостила в Киеве, в разговоре я пожаловалась на временные трудности с мукой, и младший Лёнин брат Сережа благородно купил несколько килограммов, которые, впрочем, я поленилась взять с собой. **Примечание Екатерины Дмитриевской.**

⁵²Рафаил Нахманович – известный украинский режиссер-кинодокументалист, близкий друг семьи Киселевых. **Примечание составителя.**

⁵³Твой – до – смерти (англ.). **Примечание составителя.**

⁵⁴Влад Заманский – известный московский киноактер, друг семьи Киселевых. **Примечание составителя.**

⁵⁵Люся Лемешева – киевский кинокритик, приятельница Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

⁵⁶Сергей Киселев – младший брат Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

⁵⁷Франц Кафка, роман «Процесс». **Примечание составителя.**

⁵⁸Речь идет о воздушном пистолете, который отец Леонида Киселева Владимир Киселев привез из Чехословакии в 1968 году, где был в поездке в составе делегации украинских писателей. Что касается фотографии, то Леонид Киселев охотно раздаривал друзьям это фото для паспорта, на котором, как он говорил, получился, словно киноуголовник. И рассказывал, что когда забирал фотографию, то снимавший его фотограф посоветовал бесплатно пересняться... **Примечание составителя.**

⁵⁹Очевидно, Маша Немировская, театральная режиссер, дочь Рюрика Немировского, приятельница Леонида Киселева. Ныне проживает в Израиле. **Примечание составителя.**

⁶⁰Виктория Болотина – одноклассница и приятельница Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

⁶¹И твой отличный английский просто замечателен. Я не могу поверить, что такой успех связан с моим влиянием на тебя и с теми уроками английского языка, которые я тебе дал (англ.). **Примечание составителя.**

⁶²По просьбе Лениного отца Владимира Леонтьевича Киселева я связалась с врачом Онкологического центра в Песочной под Ленинградом. Она сказала мне, что ремиссия вот-вот закончится и Ленины дни сочтены... **Примечание Екатерины Дмитриевской.**

⁶³Я тебе очень обязан (англ.). **Примечание составителя.**

⁶⁴Уроки украинского языка (англ.). **Примечание составителя.**

⁶⁵Имеется в виду украинское стихотворение Леонида Киселева «Шкода Москви». **Примечание составителя.**

⁶⁶Катя Дмитриевская прислала Лёне детскую железную дорогу. Она работала от электросети, полотно было секционным, вагоны, тепловоз – она была установлена вокруг торшера, и с нею все члены семьи Киселевых долго играли. Не нравилась она лишь кошке Маске... **Примечание составителя.**

⁶⁷Речь идет о стихотворении «Закурю ото цигарочку...». **Примечание составителя.**

⁶⁸Отец Леонида Киселева Владимир Киселев покупал ежеутренне на Владимирском рынке вырезку, договорившись с тамошним мясником, – вырезка была

дефицитом. Когда мясо готовили, в него выжимали лимонный сок. **Примечание составителя.**

⁶⁹Сиамского котенка Леонид Киселев назвал Маска. Его маму привез из-за рубежа известный ученый Владимир Шнейдеров, который создал и в то время вел телевизионный «Клуб кинопутешествий». Из котенка выросла замечательная кошка, которая прожила в семье Киселевых до девятнадцати с половиной лет, родив при этом около полутора сотен чистокровных сиамских котят (все до единого они были раздарены). Последний Маскин сын Бармалей прожил в доме Киселевых восемнадцать с половиной лет, а нынешняя восьмилетняя киселевская сиамская кошка Маска как две капли воды похожа на свою предшественницу Маску – и добрым, нежным характером, и проницательным умом, и тем, что, когда смотришь в ее глаза, то, как говаривал Леонид Киселев о самой первой Маске, кажется, что сейчас она заговорит человеческим языком. **Примечание составителя.**

⁷⁰Очевидно, речь идет о публикации перевода научной статьи о пестицидах «Комахи і ми» в журнале «Наука і суспільство». **Примечание составителя.**

⁷¹Александр Галич пел в доме близкого друга семьи Киселевых, писателя и кинорежиссера-документалиста, будущего советского диссидента Гелия Снегирева, который в то время был женат на приятельнице Леонида Киселева Кате Квитницкой. После Гелий Снегирев подарил свою гитару, на которой играл Александр Галич, младшему брату Леонида Киселева – Сергею Киселеву. Эта гитара до сих пор хранится в семье Киселевых. **Примечание составителя.**

⁷²По всей вероятности, речь идет о песне «Желание славы», где есть такие слова:

*Справа койка у стены, слева койка,
Ходим вместе через день облучаться,
Вертухай и бывший «номер такой-то»,
Вот где снова довелось повстречаться!
Мы гуляем по больничному садику,
Я курю, а он стоит «на атасе»,
Заливаем врачу-волосатику,
Что здоровье – хоть с горки катайся!
Погуляем полчаса с вертухаем,
Притомимся и стоим отдыхаем.
Точно так же мы «гуляли» с ним в Вятке,
И здоровье было тоже в порядке!*

Примечание составителя.

⁷³Мы шли с Леонидом Киселевым по Красноармейской и заглянули в гарнизонный магазин, который находился тогда на углу Красноармейской и Саксаганского. Военная одежда продавалась только военным, а тут оказалось, что военную офицерскую рубашку может купить, кто угодно. Лёня купил – она стоила рублей шестнадцать. И долгое время носил ее, как «парадно-выходную», надевая к ней

синие шерстяные спортивные штаны. В этой рубаше Леонид Киселев и был сфотографирован во второй половине июля 1968 года, наверное, последний раз в жизни. Эта цветная фотография стала, так сказать, классической. **Примечание составителя.**

⁷⁴Сергей Киселев, младший брат Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

⁷⁵Надо возделывать наш сад (фр.). Этими словами заканчивается философская повесть Вольтера «Кандид, или оптимизм». Перевод Ф.Сологуба. **Примечание составителя.**

⁷⁶И так далее (англ.). **Примечание составителя.**

⁷⁷Сергей Киселев, младший брат Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

⁷⁸Елена Семеновна Зусман (умерла в 1973 году на 82 году жизни, похоронена в Киеве на Байковом кладбище в семейной могиле Киселевых) на самом деле была родной тетушкой матери Леонида Киселева – Зои Ефимовны Генкиной. Но и Леонид Киселев, и его младший брат Сергей Киселев называли Елену Семеновну, которая их вырастила, выходила и воспитала, тетушкой, обращаясь к ней на «вы». Была же она им двоюродной бабушкой. **Примечание составителя.**

⁷⁹Имеется в виду стихотворение «Рано ще, рано». **Примечание Екатерины Дмитриевской.**

⁸⁰Имеется в виду стихотворение «Дударик». **Примечание составителя.**

⁸¹Имеется в виду журнал «Наука і суспільство». **Примечание составителя.**

⁸²Имеется в виду стихотворение «Дударик», которое было напечатано в газете «Літературна Україна» 26 июля 1968 года. **Примечание составителя.**

⁸³Сергей Киселев, младший брат Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

⁸⁴Очевидно, речь идет о приятеле Леонида Киселева, московском киноактере Владе Заманском. **Примечание составителя.**

⁸⁵Очевидно, речь идет о песне Булата Окуджавы. **Примечание составителя.**

⁸⁶Очевидно, Люся Лемешева, приятельница Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

⁸⁷Сергей Киселев, младший брат Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

⁸⁸Письмо написано через два дня после вторжения советских войск в Прагу. Боб (Борис Ротенштейн) – режиссер, ныне живущий в Барселоне. **Примечание Екатерины Дмитриевской.**

⁸⁹Скорее всего, имеется в виду радио «Свобода», «Голос Америки» и «Би-би-си», которые всегда слушались в доме Киселевых (в начале 90-х младший брат Леонида Киселева Сергей Киселев стал фриленсом русской, а после и украинской служб радио «Свобода», и его отец Владимир Киселев этим на удивление гордился). А незадолго до смерти, рассуждая о введении советских войск в Чехословакию в августе 1968 года, Леонид Киселев сказал, что хотел бы стать чешским партизаном... **Примечание составителя.**

⁹⁰Речь идет об эстонской поэтессе Елене Скульской. **Примечание составителя.**

⁹¹Подчеркнуто Леонидом Киселевым. **Примечание составителя.**

⁹²Рвать этот зуб прямо домой к Киселевым приехал приятель семьи, замечательный стоматолог, ныне покойный Мирон Львович Заксон. **Примечание составителя.**

⁹³Я подарила Лене томик Шекспира в подлиннике, издание 1868 года. **Примечание Екатерины Дмитриевской.**

⁹⁴В письме было стихотворение Лёни «Целые сутки верти баранку...». **Примечание Екатерины Дмитриевской.**

⁹⁵Нет ничего схожего со здоровьем (англ.). **Примечание составителя.**

⁹⁶В этот день Леониду Киселеву исполнилось 22 года. Меньше чем через месяц он умер... **Примечание составителя.**

⁹⁷Я послала Лене «Письмо Ф. Кафки отцу», оно было напечатано в каком-то из журналов. **Примечание Екатерины Дмитриевской.**

⁹⁸Сам Леонид Киселев (как, кстати, и его младший брат) также был подавлен личностью своего отца... **Примечание составителя.**

⁹⁹Речь идет о стихотворении Роберта Бернса в переводе Якова Маршак «Королева Британии тяжело больна...». **Примечание составителя.**

¹⁰⁰Наше будущее (англ.). **Примечание составителя.**

¹⁰¹Твой до смерти (англ.). **Примечание составителя.**

¹⁰²Готовя этот двухтомник, составитель перезвонил Кате Дмитриевской в Москву и спросил: а помнит ли она анекдот о пьяном на кладбище. Катя ответила, что, разумеется, помнит, и рассказала этот анекдот. Человек идет по кладбищу и вдруг слышит голос: «Ой, как мне холодно! Ой, как мне холодно!» Подходит ближе и видит, что в канаве лежит пьяный мужик и весь дрожит. «Ой, как мне холодно!» – в очередной раз повторяет он. «А фули ж ты раскопался?» – спрашивает сердобольный прохожий. **Примечание составителя.**

¹⁰³Николай Иванович Дубов (1910 – 1983) – известный киевский писатель, был близким другом семьи Киселевых. **Примечание составителя.**

¹⁰⁴Вера Мироновна Дубова, жена Николая Дубова. **Примечание составителя.**

¹⁰⁵Сахновский Владимир Александрович – театровед, педагог, в Ленинградском театральном институте (ЛГИТМИКе) он преподавал «Театр народов СССР» и вел семинары. **Примечание Екатерины Дмитриевской.**

¹⁰⁶Очевидно, речь идет о Люсе Лемешевой, приятельнице Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

¹⁰⁷Речь, скорее всего, идет о публикации в газете «Літературна Україна» за 4 октября 1968 года подборки стихотворений Леонида Киселева «Катерина»; «Згадаєш їжака, що я приніс...»; «Ти полинеш сиза, наче птах...». **Примечание составителя.**

¹⁰⁸Эта подборка стихов в журнале «Вітчизна» вышла уже после смерти Леонида Киселева. **Примечание составителя.**

¹⁰⁹Имеется в виду перевод Н. Демуровой. **Примечание Екатерины Дмитриевской.**

¹¹⁰Странный и одаренный талантом «рабочий-поэт» Иван Шагульсков из Волгограда переписывался с Леонидом Киселевым, а после его смерти – с матерью поэта Зоей Ефимовной Генкиной и с младшим братом Сергеем Киселевым. **Примечание составителя.**

¹¹¹Скорее всего, речь идет о том, что отец Леонида Киселева Владимир Киселев во время Второй мировой войны сражался под Сталинградом, командовал там артиллерийско-минометной батареей, был тяжело ранен, едва выжил. **Примечание составителя.**

¹¹²Генриетта Павловичева, как удалось выяснить, жила с Леонидом Киселевым в одном доме на Красноармейской, в соседнем парадном и училась, кажется, в Институте иностранных языков. На авиаконверте этого письма рукой Леонида Киселева был написан адрес: «Крым, Планерское, «До востребования», Павловичевой Генриетте Яковлевне». К конверту, очевидно, почтовыми работниками, приклеена бумажка, на которой шариковой ручкой с зеленой пастой написано: «Киев б. Истечение срока хранения». То есть, очевидно, адресат не успел получить письмо в Планерском, и оно по истечении срока хранения – кажется, через три месяца – было возвращено по обратному – домашнему – адресу Леонида Киселева, который был написан на конверте. То есть, по всей вероятности, оно возвратилось тогда, когда Леонида Киселева уже не было в живых. Иных сведений о Генриетте Павловичевой даже через адресный стол найти не удалось. Возможно, фамилия этой девушки была все-таки Павлович, но Леонид Киселев написал ее фамилию на западноукраинский лад. **Примечание составителя.**

¹¹³Моя дорогая, моя хорошая и дорогая!

Я так ужасно благодарен тебе за твое письмо. Я тоскую без тебя. Здесь тоже холодно – весьма холодная осень с днями, полными солнечным светом и ясностью – довольно грустная картина. Я – в порядке, я жду тебя и я надеюсь, что ты найдешь меня в хорошем состоянии, как я и обещал. Когда ты возвратишься, тебя будут ждать два стихотворения под названием «20 линий вместо большой куклки».

Береги себя, не плавай слишком много, чтобы не простудиться. Возвращайся домой! Я терпеливо жду, чтобы увидеть тебя и целовать твои руки и волосы, если ты мне это любезно позволишь.

Я люблю тебя.

Твой Л.

12 сентября, Киев, 1968

Примечание составителя.

Зошит одинадцятий. Переклади поезій Леоніда Кисельова Тетрадь одинадцатая. Переводы стихов Леонида Киселева

1972 – 2005

¹Леонид Киселев (1946 – 1968) родился и жил всю свою короткую жизнь в Киеве, в Украине. Умер от лейкемии. Начал писать стихи в 12 – 13 лет, в основном на русском языке, примером чему служит и оригинал данного переведенного стихотворения, но в последний год жизни написал более 30 стихотворений на украинском языке (англ.). **Примечание переводчика.**

²Виктор Висенте Ривас, сын близкого друга семьи Киселевых, спортивного журналиста, собственного корреспондента всесоюзной газеты «Советский спорт» по Украине Бориса Гопника (Борисова), 1922 – 1998, – замечательный программист, ныне проживает в Испании, а работает в Голландии. **Примечание составителя.**

³Игорь Качуровский – известный писатель, литературовед, переводчик, лауреат Шевченковской премии. Родился в Украине. Проживает в Мюнхене. **Примечание составителя.**

⁴Ирина Бабич – близкий друг семьи Киселевых, собственный корреспондент «Медицинской газеты» по Украине. Ныне проживает в Израиле. **Примечание составителя.**

**Зошит дванадцятий. Оповідання матері Леоніда Кисельова –
Зої Юхимівни Генкіної (1920-2004)
Тетрадь двенадцатая. Рассказы матери Леонида Киселева –
Зои Ефимовны Генкиной (1920-2004)**

[1970 – 1996]

¹Наша мама за пару лет до смерти раз-другой сказала: я написала несколько рассказов, вот умру – вы их прочитаете. После маминой смерти я действительно нашел эти записи, сделанные на сложенных вдвое желтоватых листках формата А-4, а также на листах, вырванных из «общей тетради». В основном это были истории, которые мама нам рассказывала. Но, очевидно, ей казалось, что в нашем «глубоко литературном доме» ей как-то не с руки писать рассказы. Хотя мама, которая всю послевоенную жизнь проработала газетным корректором (из них чуть ли не 50 лет – в газете «Правда Украины»), была человеком чрезвычайно образованным, прочитавшим уйму книг и помнящим прочитанное. **Примечание составителя.**

²Чуть больше, чем за месяц до смерти уже тяжело больная мама принимала участие в застолье, в котором праздновалось 50-летие ее младшего сына Сергея Киселева. Она произнесла тост, второй частью которого и был этот рассказ... **Примечание составителя.**

³Очевидно, речь идет о близкой маминой подруге, с которой она дружила и после войны, Зине Чаплыгиной. **Примечание составителя.**

⁴В школьные и в студенческие годы мама играла в театральной студии. Там же играли и многие ее друзья, если не ошибаюсь, то там она и познакомилась со своим будущим мужем Владимиром Киселевым. **Примечание составителя.**

⁵«Ушли по приказу» – этот советский эвфемизм появился сразу же после освобождения Киева. Он означал: были расстреляны в Бабьем Яре. Имелось в виду объявление, расклеенное в Киеве 28 сентября 1941 года, которое начиналось словами: «Приказывается всем жидам города Киева и окрестностей собраться в понедельник дня 29 сентября 1941 года до 8 часов утра при ул. Мельникова – Доктериевской (возле кладбища)...». **Примечание составителя.**

⁶Очевидно, речь идет о смерти старшего сына Зои Генкиной – Леонида Киселева, который умер в ночь с 18 на 19 октября 1968 года, когда ей было 48 лет... **Примечание составителя.**

⁷Скорее всего, этот цикл рассказов был написан как бы от имени внучки Зои Генкиной – дочери Сергея Киселева Маши. Зоя Генкина часто рассказывала маленькой Маше истории из своей жизни, а все, что вошло в этот цикл, действительно случилось с нашей мамой. **Примечание составителя.**

⁸Отец Зои Генкиной – наш дед (к сожалению его фото не сохранились) – был журналистом. **Примечание составителя.**

⁹Владимир Киселев был тяжело ранен под Сталинградом, где командовал артиллерийско-минометной батареей. **Примечание составителя.**

¹⁰На моей памяти мама никогда не общалась – даже по телефону – с матерью отца Марьей Яковлевной (она умерла в 1973 году) и отзывалась о ней весьма скверно. Равно как и наша тетя Елена Семеновна, которая воспитала нас с братом и на самом деле была нам двоюродной бабушкой. Сводный брат Владимира Киселева Владик проживает в Германии. К сожалению, несмотря на все просьбы составителя, он так и не написал воспоминания о семье Киселевых вообще и о Леониде Киселеве в частности. **Примечание составителя.**

¹¹С ее дочерью – членом Союза писателей Украины, известным переводчиком с испанского Маргаритой Жердиновской семья Киселевых дружила всю жизнь. Сейчас она проживает в Германии. **Примечание составителя.**

¹²Речь идет о близкой приятельнице Сергея Киселева, замечательном московском журналисте и телевизионщике Алле Мелик-Пашаевой. **Примечание составителя.**

¹³Речь идет о самой близкой подруге Зои Генкиной – Оксане Стригуновой. Она всю жизнь прожила в Новгород-Северском Черниговской области. Преподавала в школе русский язык и литературу. А ее муж Михаил заведовал местным клубом. Оксана Стригунова умерла в 2002 году. Ее дочка Лена живет в Донецке, сын Толя – в Москве. **Примечание составителя.**

¹⁴Речь идет о двоюродной сестре Зои Генкиной – Ольге Бразуль. Это она со слов своей матери рассказала историю, которая действительно произошла в их семье. А тем самым грудным новорожденным была именно она. Сейчас она проживает в США, тяжело больна. **Примечание составителя.**

¹⁵Наша мама действительно знала множество украинских народных песен, и пока не умер ее старший сын, всегда их пела, когда стирала или гладила белье. Она знала также огромное количество украинских и русских поговорок, собирала их, записывала в отдельную тетрадь... История с бомбежкой в Харькове произошла с мамой. И она действительно никогда не любила песню «Тихесенький вечір на землю спадає, і сонце сідає в темнесенький гай»... **Примечание составителя.**

¹⁶За две недели до смерти своей матери этот рассказ о семье Киселевых Сергей Киселев записал на диктофон. Через несколько дней после этой записи Зоя Генкина уже не могла разговаривать... **Примечание составителя.**

¹⁷Русским царем Николаем I для разбора дела поручика лейб-гвардии гусарского полка Михаила Лермонтова, стрелявшего 18 февраля 1840 года на дуэли с сыном французского посла в Петербурге Эрнестом де Барантом, был назначен военный суд. И хотя по воинскому уставу за участие в дуэли полагалось разжалование в рядовые, Лермонтов был переведен 13 апреля 1840 года в Кавказскую армию в Тенгинский пехотный полк в офицерском чине. **Примечание составителя.**

¹⁸Елена Семеновна Зусман, которая жила в семье Киселевых и воспитала и Леонида Киселева, и его младшего брата Сергея Киселева. Мы называли ее тетей, хотя тетей она была лишь для Зои Генкиной, для ее же сыновей являлась двоюродной бабушкой. **Примечание составителя.**

¹⁹О судьбе польской ветви семьи Киселевых никогда ничего слышно не было, и если кто-нибудь обладает какими-либо сведениями на сей счет, составитель будет крайне признателен. **Примечание составителя.**

²⁰Владимир Киселев (1922 – 1995), муж Зои Генкиной, отец Леонида и Сергея Киселевых. **Примечание составителя.**

²¹Сводный брат Владимира Киселева – Владик Гольденштейн. Эмигрировал в Германию. **Примечание составителя.**

Додаток. Поэма Рюрика Немировського (1923-1991)

«Песня трех апрелей»

Приложение. Поэма Рюрика Немировського (1923-1991)

«Песня трех апрелей»

1942

¹Поэму близкого друга семьи Киселевых Рюрика Марьяновича Немировского Леонид Киселев начитал на магнитофон – эта аудиозапись есть на CD-диске, приложенном к первому (приложен ко второму тому – Изд.) тому этого двухтомника. **Примечание составителя.**

²Автор поэмы во время войны проживал в Ташкенте по адресу: Яблонный тупик, 14. **Примечание Рюрика Немировского.**

4	Передмова упорядника. С. Кисельов
8	Зошит перший. Поезії російською мовою (1957 – 1968)
326	Зошит другий. Поезії українською мовою (1957 – 1968)
360	Зошит третій. Переклади поезій (1958 – 1968)
382	Зошит четвертий. Поезія в прозі (1966 – 1968)
386	Зошит п'ятий. Проза (1959 – 1968)
420	Зошит шостий. Статті (1958 – 1968)
450	Зошит сьомий. Переклади прози (1966)
474	Зошит восьмий. Переклади статей (1967 – 1968)
482	Зошит дев'ятий. Записники (1957 – 1968)
556	Зошит десятий. Листи (1965 – 1968)
604	Зошит одинадцятий. Переклади поезій Леоніда Кисельова (1972 – 2005)
620	Зошит дванадцятий. Оповідання матері Леоніда Кисельова – Зої Юхимівни Генкіної (1970 – 1996)
644	Додаток. Поема Рюрика Немировського «Песня трёх апрелей» (1942)
680	Примітки

КИСЕЛЬОВ

Леонід Володимирович

НАД КИЇВСЬКИМИ ЗОШИТАМИ

Вірші / проза / переклади / нотатки / листи / фото

Передмова,
післямова, редагування,
упорядкування, примітки

**Сергій
Кисельов**

Допомога
в підготовці
видання

**Леонід Кисельов-
молодший,
Марія Кисельова**

Відповідальний
за випуск

**Павло
Щириця**

Літредактори

**Олена Шудра,
Неоніла Парийська**

Бібліографія
(окрім позицій,
позначених **)

Софія Когут

Коректор

Наталія Лизогуб

Дизайн
і верстка

**Сергій
Тарасенко**

малюнок
на форзаці

**Марина
Туровська**

Підписано до друку 01.02.2013
Формат 60х90 1/16.
Ум. друк. арк. 45
Папір офсетний. Гарнітура Minion Pro.
Зам.№ 0213046.

Свідоцтво про внесення
до державного реєстру
суб'єкта видавничої справи:
ДК № 2971 від 12.09.2007р.

ТОВ «Видавниче підприємство»
«Ярославів Вал»
Адреса: 01034, Україна, м. Київ,
вул. Ярославів Вал, 21-Є
тел. (044) 234-15-24
e-mail: yar_val@ukr.net

Віддруковано:
ДП «Преса України»
м. Київ, просп. Перемоги, 50
Свідоцтво суб'єкта
видавничої справи
ДК № 310 від 11.01.2001р.
Тел.: (044) 454-82-54

Леонід Кисельов – не тільки видатний поет,
що назавжди залишився молодим
і поет передовсім для молодих.
Він – одна з київських легенд,
у якій живе час і повчальний зміст.
А ще – Кисельов, безперечно,
«найкиївськіший» поет із усіх,
кого ми знаємо.

Михайло Слабошпицький

UKMA Library * Book

17 54050193 0729607

Колихайтеся, тераси дерев...
П. Тичина.

На терасах дерев тільки вітер, вітер, вітер,
У прозорих пазурях листя дере.
Чорнолір'ї круки, як химерні квіти
На терасах дерев,
На терезах дерев.

На терезах дерев всі чесноти космічного віку.
Всі принади невгавного руху вперед.
А поети — як вихор, поети — як вітер, як вітер
На терасах дерев,
На терезах дерев.

Леонид Киселев
Леонід Кисельов

*вірші
проза
переклади
нотатки
листи
фото*

Над київськими дами
именными тетрадами

821.161.2
К443

Анон